

Геннадий
Шевченко

ПОБЕД
ИЗ КОРИДОРОВ
МИДА

судьба
перебежчика
века

Donald Rapp

Annotation

Г.А. Шевченко — кандидат юридических наук, автор более 70 научных работ, в прошлом работник МИДа, имеет дипломатический ранг атташе. Геннадий Шевченко пишет о судьбе своего отца, Аркадия Шевченко, и связанном с ним международном скандале. На страницах книги с предельной откровенностью раскрыта закулисная жизнь дипломатов и чиновников высокого ранга, впервые подробно рассказано о том, что стало с семьей Шевченко, оставшейся в Москве.

- [Шевченко Геннадий Аркадьевич](#)
 - [Введение](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Заключение](#)
 - [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

**Шевченко Геннадий
Аркадьевич
Побег из коридоров МИДа.
Судьба перебежчика века**

*Верной спутнице жизни Шевченко
Нине Егоровне, жене, с которой я
счастливо живу почти четверть века, и
сыну Аркадию посвящается*

Введение ГЕРОЙ САМОГО ГРОМКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СКАНДАЛА XX ВЕКА

В ночь с 6 на 7 апреля 1978 года произошло событие, сообщение о котором в течение года не сходило со страниц западных газет и передавалось по всем основным радиостанциям, — из четырехкомнатной квартиры в центре Нью-Йорка исчез мой отец, Чрезвычайный и Полномочный посол СССР, заместитель Генерального секретаря ООН по политическим вопросам и делам Совета Безопасности Шевченко Аркадий Николаевич — фактически главный человек в ООН после Генерального секретаря этой организации.

Перед побегом отец испытывал следующие чувства: «Я в последний раз взглянул на спящую жену, оставил ей конверт и вышел. И тут страшная мысль пронзила меня: служебный лифт не работает после двенадцати ночи (отец жил на двадцать шестом этаже. — *Г.Ш.*). А обычным лифтом я тоже не могу воспользоваться без риска столкнуться с кем-нибудь из советских граждан, живущих в этом доме... Взяв сумку и портфель в одну руку, я открыл дверь на лестницу. Она была плохо освещена, бетонные ступени чернели в темноте, металлические поручни скользили под потной ладонью. Я вынужден был остановиться. Сжатые пальцы ломило. Портфель бил меня по коленям, я спотыкался. После пятого пролета надо было передохнуть. Сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди... Наконец я осторожно открыл тяжелую дверь... и вышел в узкий проход, ведущий на улицу... Меня била дрожь... на

другой стороне улицы стоял белый автомобиль с потушенными сигнальными огнями.

Все в порядке. До машины было всего метров пятьдесят, но это расстояние показалось мне огромным и опасным. В темном подъезде мог стоять агент КГБ... он наверняка мог иметь при себе нож или пистолет... Весь план показался мне вдруг совершенно нереальным, и я побежал»^[1]. Добежав до машины ЦРУ, отец сказал: «Поехали».

Сотрудники ЦРУ специально снимали квартиру на два этажа ниже апартаментов моего отца, однако во время побега они ждали его в машине внизу.

Моя мама по совету самого близкого и преданного друга отца Г.С. Сташевского сообщила о случившемся в Постоянное представительство СССР при ООН, и ей сразу же предложили переехать туда. За ней тотчас же пришел офицер госбезопасности. Возможно, это была ее ошибка. Бывший начальник управления «К» (внешняя контрразведка) Первого главного управления КГБ генерал О.Д. Калугин отмечает, что жену Шевченко сразу же изолировали после побега ее мужа. Интересно, что маму поселили в представительстве в квартире номер 13, которую занимал во время своих ежегодных приездов в Нью-Йорк А.А. Громыко с женой. Большую часть времени мама, и, видимо, не случайно, проводила в квартире резидента КГБ в Нью-Йорке генерала Ю.И. Дроздова, жену которого, по словам генерала, хорошо знала. Мама раскрывалась перед генеральшей в долгих беседах, твердила, что не верит в «предательство» мужа, перебирала в памяти всю жизнь. «Она по-настоящему была жертвой, которую принес Шевченко своим новым хозяевам, предав ее и своих детей», — утверждает далее Дроздов в своей книге «Записки начальника нелегальной разведки». Когда моя мама встретилась после побега мужа с Дроздовым, то,

обратившись к нему на «ты», первое, что она у него спросила, было: «Скажи мне — это правда?»

Любопытно, что моя мама дружила с женой резидента КГБ. Он признал данный факт в интервью автору книги «Гении внешней разведки» Н.М. Долгополову. Дроздов говорил, что жена Шевченко была красивой женщиной и олицетворяла здоровую часть этой семьи. После побега Шевченко она вела себя весьма сдержанно. Такая женщина, по мнению генерала, играла существенную роль в привлечении внимания к своему супругу.

Самым трудным для моего отца оказалось сообщить жене о своем решении. С первых дней их брака ее сокровенной мечтой было видеть мужа в верхнем эшелоне власти в СССР. Если бы отец открыто предложил ей начать жизнь в стране, которую она не любила и не понимала (маме нравились лишь вещи, которые можно было купить в США и выгодно продать в Москве), она пришла бы в ужас. Поэтому отец не мог обсуждать с ней свои планы, до того как он получит одобрение американцев остаться в США. Мама могла случайно выдать отца в разговоре. К тому же она могла не согласиться с ним и попытаться ему помешать. Она была женщиной решительной и вполне способной пойти к Громыко, который ей симпатизировал, или к резиденту КГБ и сказать, что ее муж плохо себя чувствует или слишком устал и ему хорошо бы ненадолго отправиться в Москву.

Следует подчеркнуть, что еще в конце 1975 года отец намекал маме о возможности остаться в США. В ответ она сказала ему следующее: «Что все это значит? Пусть так думают другие. Ты хочешь сказать, что не собираешься возвращаться домой? Ты что, хочешь остаться тут навсегда? Тогда оставайся один. Я не собираюсь вечно жить в этой стране. И вообще, подумай о своем будущем — оно не здесь, а на Родине».

В своем весьма странном письме, которое мой отец оставил маме вместе с 6 тысячами долларов, перед тем как навсегда перейти к американцам, он писал: «Лина! Не устраивай паники по поводу того, что ты не знаешь, где я сейчас нахожусь. Не звони в миссию или в ООН. Я с тобой свяжусь и все объясню подробно через некоторое время». Письмо было подписано весьма необычно: «А. Шевченко» (не Аркадий) и датировано «4-5 апреля» (слово апрель было написано по-английски). На обороте листа содержалась жутким почерком нацарапанная записка отца для Сташевского: «Геннадии! Господи, что же с тобой, все представительство знает, что тебя нет ни дома, ни на работе. Как будто все в заговоре, только я ничего не знаю». По тексту письма видно, что отец был «не в себе», и данное его решение было вынужденным шагом. Интересно, что следователи КГБ считали, будто эта приписка к письму «была адресована Геннадию — сыну Аркадия Шевченко». Да, опыта у них не занимать! Как известно, в то время я находился в Женеве. Видимо, данное письмо мама показала лишь Сташевскому. Он сразу же сказал ей, чтобы она его уничтожила. Однако мама передала письмо генералу КГБ Дроздову. Когда отец позвонил жене утром, на его звонок ответил незнакомый мужской голос. Как Шевченко отмечал в своей книге, он пожалел, что не сообщил жене о своем решении накануне побега. А может быть, он и не хотел этого... Но существовало еще одно письмо, о котором мне рассказывала мама. Там отец пишет, что в Советском Союзе его могут даже расстрелять, если он вернется в Москву. Где хранится это письмо — неизвестно. Может быть, мама разорвала именно его.

Видимо, мама не поверила, что ее муж и единственный мужчина в ее жизни решил остаться по доброй воле в США. Она считала исчезновение супруга какой-то провокацией со стороны спецслужб США. Приехав в Москву, мама мне рассказывала, что отец в

своим последним письмом употреблял не свойственные ему слова, в частности; называл советское представительство «миссией». Ей казалось это странным, ибо при ней мой отец никогда не употреблял данного американского названия.

Официальная советская пресса посвятила беспрецедентному за всю историю советской власти случаю несколько смешных строк. В частности, в газете «Известия» от 13 апреля 1978 года была опубликована следующая заметка под заголовком «Обстоятельства исчезновения»: «Как сообщило Постоянное представительство СССР при ООН, обстоятельства исчезновения на днях советского гражданина Шевченко А.Н., работавшего в секретариате ООН (а это фактически второй человек в ООН, особо доверенное лицо Громыко! — Г.Ш.), свидетельствуют о том, что речь идет о преднамеренной провокации, организованной американскими спецслужбами. Ведущаяся в американской прессе пропагандистская кампания вокруг случая с Шевченко явно преследует цель прикрыть неблагоприятные действия указанных служб». Между тем в то время уже было известно, что Шевченко остался в США по своей воле.

МИД СССР заявил правительству США официальный протест. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев лично написал несколько писем президенту США Дж. Картеру с требованием выдать Шевченко, угрожая, что инцидент может отрицательно повлиять на советскоамериканские отношения. Раньше лишь один посол остался в 1938 году на Западе — полпред России Ф.Ф. Раскольников, выступивший с обвинениями И.В. Сталина в массовых репрессиях. Хотя до сих пор в официальных материалах указывается, что Раскольников погиб при невыясненных обстоятельствах, в действительности он был уничтожен органами НКВД. Но Раскольников не работал на ЦРУ и не был шпионом.

Кроме того, времена изменились, и как бы КГБ ни хотелось наказать Шевченко, для принятия такого решения теперь требовалась санкция Политбюро ЦК КПСС или по крайней мере тройки, которая фактически решала все важнейшие вопросы страны, — Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, А.А. Громыко. Об этом мне с некоторой обидой в голосе рассказывал начальник службы безопасности МИДа СССР, полковник Второго главного управления КГБ СССР (внутренняя контрразведка) М.И. Курышев (через несколько лет он станет генерал-майором. — *Г.Ш.*), питавший ко мне особые симпатии за мой патриотизм; правда, эти симпатии проявились после того, как Громыко лично разрешил мне временно работать в МИДе. Курышев также добавил, что, несмотря на постоянную охрану, состоящую из четырех агентов ФБР (у КГБ были хорошие информаторы в США!), чекисты могли бы легко убрать Шевченко. Следует отметить, что в брежневские времена советское руководство очень заботилось о своем политическом имидже в мире, особенно в период так называемой разрядки. Мстить мстят, а политика все же выше. Но кто знает, что произошло бы, если бы КГБ знал о местонахождении моего отца в США. Осенью 2003 года О.Д. Калугин утверждал, что Шевченко был в списке КГБ на уничтожение вплоть до прихода к власти в 1985 году М.С. Горбачева. Калугин подчеркнул, что КГБ имел постоянную миссию — этим занималось управление, которое возглавлял генерал, — определить местонахождение предателей и подготовить условия для их ликвидации. Однако местонахождение Шевченко установить не удалось, так как ЦРУ приняло специальные меры. Например, отца регистрировали в каком-нибудь отеле, но на самом деле он там никогда не останавливался. Кроме того, постоянно менялись дома, где жил мой отец. Таким образом американские спецслужбы запутывали следы.

В американской прессе, на телевидении и радио побег Шевченко стал новостью номер один. 11 апреля 1978 года заголовок на первой странице газеты «Нью-Йорк таймс» гласил: «Советский гражданин, заместитель Вальдхайма, бежит из ООН». Журналисты утверждали, что это была одна из самых крупных побед разведки США, и строили догадки относительно мотивов побега.

Советское руководство пребывало в шоке и недоумении. Поступок отца обсуждался на заседании Политбюро ЦК КПСС, где, по слухам, лишь первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС В.В. Кузнецов (который много лет являлся первым заместителем Громыко, хорошо знал и высоко оценивал Шевченко как дипломата, был его наставником) попытался как-то оправдать моего отца. Рассматривался, как мне стало известно от людей из близкого окружения Громыко, вопрос о разрыве дипломатических отношений с США и о прекращении переговоров об ограничении стратегических вооружений.

В то время у КГБ еще не было прямых доказательств о сотрудничестве отца с ЦРУ. Поэтому подозрения генерала КГБ Ю.И. Дроздова не были приняты во внимание. По его же мнению, уже в 1975–1976 годах «мы чувствовали, что в составе советской колонии в Нью-Йорке есть предатель... Круг осведомленных сузился до нескольких человек. Среди них был и Шевченко». Дроздов не называет других фамилий, однако подозревали трех высокопоставленных дипломатов — Постоянного представителя СССР при ООН О.Л. Трояновского, посла СССР в США А.Ф. Добрынина и заместителя Генерального секретаря ООН А.Н. Шевченко. Дроздов пишет, что «кто-то из друзей Шевченко в нашей службе даже официально потребовал

от нас прекратить за ним наблюдение... Я не выполнил это требование Центра... Каждый раз, когда поступали данные о Шевченко, в том числе и из американских кругов, мы хладнокровно и методично направляли их в Центр». В то же время, как отметил Дроздов в документальном фильме «Роковое решение», показанном 6 марта 2004 года по Государственному телеканалу «Россия», «наружку» (внешнее постоянное наблюдение. — *Г.Ш.*) за Шевченко было невозможно поставить, так как за каждым сотрудником КГБ в Нью-Йорке, в том числе и за резидентом, шла американская «наружка».

В управлении внешней контрразведки, в подразделении О.Д. Калугина, эти сигналы принимали весьма неохотно. Кстати, в 2002 году Мосгорсуд приговорил заочно бывшего генерала КГБ О.Д. Калугина, почетного чекиста СССР, кавалера 22 государственных наград, к пятнадцати годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима — по статье 275 УК РФ «Государственная измена». В 2003 году Калугин, уже проживавший в США несколько лет, стал американским гражданином и фактически недосыгаемым для российского правосудия (любопытно, что американское гражданство он получил быстрее, чем мой отец). Как рассказывал Калугин, к нему в КГБ в 1978 году поступило личное письмо Ю. Дроздова о том, что, по всей вероятности, отец завербован ЦРУ. Прямых доказательств не было, имелись лишь наблюдения и домыслы. Тем не менее доложили тогдашнему начальнику Первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка) В.А. Крючкову. Однако шеф разведки, будущий председатель КГБ СССР и узник «Матросской Тишины» после провала ГКЧП (1991), не захотел тогда связываться с данным делом, по словам Калугина, — слишком высоким было положение этого дипломата. В ноябре 2003 года Калугин признался, что

также считал подозрительным, что Шевченко перестал выполнять задания КГБ по сбору информации в Нью-Йорке. Кроме того, он ездил во Флориду без разрешения советского руководства за счет ЦРУ, как выяснилось позже, и там встречался с сотрудниками американских спецслужб. А вызов его в Москву (об этом рассказывается далее. — *Г.Ш.*) произошел не сразу из-за противодействия МИДа и высших партийных органов. Им нужны были мотивированные основания для отзыва посла в Москву, а таких причин тогда не было.

Незадолго до побега отца, зимой 1978 года, один из подчиненных Калугина, полковник внешней контрразведки Первого главного управления КГБ И.А. Дамаскин получил информацию от агента КГБ в Нью-Йорке о том, что некий Шевченко, занимавший высокий пост в ООН, хочет изменить родине и не собирается возвращаться в СССР. Дамаскин доложил об этом Калугину, думая, что поднимется большой скандал, но генерал сообщил, что Шевченко является «креатурой Громыко» и никаких действий предпринимать не нужно, ибо в дела Громыко лезть не стоит. Именно министр, по словам Калугина, послал Шевченко в ООН, и только Громыко может отозвать своего посла. По мнению Дамаскина, пассивное поведение Калугина в деле Шевченко было одной из причин перевода генерала с понижением в Ленинград. Дамаскин не исключил того, что Калугин уже тогда испытывал сочувствие к Шевченко. Интересно, что Калугин присвоил картину Айвазовского, которую подарил престарелый агент КГБ за рубежом Дамаскину. Тот хотел передать ее в Третьяковскую галерею, где, кстати, признали ее подлинность. Однако было необходимо указать дарителя или иметь официальное письмо от КГБ. Картина долгое время пролежала в сейфе Дамаскина, а в дальнейшем перекочевала к Калугину. Затем следы картины затерялись. Уже в конце 1978 года Калугина

начали подозревать в шпионаже в пользу США. В 2003 году Калугин признал, что Дроздов был более настойчивым в деле Шевченко, ибо настаивал на срочном вызове подозреваемого в шпионаже в Москву. Если бы резидентом не назначили этого упорного генерала вместо Б.А. Соломатина, то, видимо, процесс сотрудничества моего отца с ЦРУ затянулся бы на более длительное время.

Примечательна реакция О.А. Трояновского на подозрения Дроздова. Как вспоминает генерал в своей книге, Трояновский указал ему на 1937 год и предупредил, что резиденту КГБ придется отвечать на клевету. Когда же мой отец остался в США, Трояновский позвонил Дроздову во второй половине ночи и сказал: «Юрий Иванович, случилось самое страшное...» — «Что, ушел?» — догадался резидент. Позднее Трояновский в беседе с Дроздовым говорил: «Ведь может же советский человек выбрать себе новую родину...»

Однако, когда А.А. Громыко спросили, кого министр иностранных дел прежде всего подозревает в измене, он ответил: «Шевченко вне всяких подозрений». Бывший заместитель начальника службы безопасности МИДа СССР полковник КГБ в отставке И.К. Перетрухин подтвердил данный факт в 2003 году. И полковник КГБ в отставке А.Я. Скотников, работавший в советском представительстве в Нью-Йорке вплоть до 1974 года, вспоминает, что Громыко следующим образом отреагировал на сигнал SOS Дроздова: «Не мешайте работать молодому способному дипломату». Из этого можно сделать вывод о том, что министр был склонен подозревать в шпионаже скорее Добрынина и Трояновского, чем Шевченко. В чем же заключалась «неприкосновенность» моего отца? На данный вопрос ответил в 2003 году Дроздов: «Высокие связи в разведке СССР и руководстве МИДа. Это затрудняло его разоблачение». Перед вызовом отца в Москву в апреле

1978 года Громыко «пробил» у Л.И. Брежнева специальную должность — заместитель министра по вопросам разоружения. Эту информацию, полученную мной от людей, близких к Громыко, подтвердил, в частности, упомянутый М.И. Курышев. После исчезновения отца эта должность замминистра была ликвидирована. Любопытно, что после бегства отца Громыко не смог вспомнить, был ли у него помощник по имени Шевченко в ответ на вопрос Андропова. «Помощников у меня много, а Шевченко я и не помню толком», — проговорил Громыко. Таким образом, министр показал, как надо выживать в условиях советской действительности. Тогда заместитель Андропова, начальник Второго главного управления КГБ (внутренняя контрразведка) генерал-полковник Г.Ф. Григоренко (его, заместителя Второго главка Ф.А. Щербака и О.Д. Калугина вызвал к себе председатель КГБ) положил на стол своего шефа семейные фотографии, изъятые при обыске в квартире Шевченко, на одной из которых министр с женой в свободной одежде вместе с четой Шевченко поедает шашлыки на даче у Громыко во Внукове. Андропов только пробормотал: «Ах, Андрей Андреевич!» Это подтвердил в ноябре 2003 года Калугин, по словам которого Андропов также добавил: «Нехорошо врать». Калугин тогда сказал Андропову, что КГБ принял все меры, отзывал Шевченко, но МИД посчитал необоснованными причины вызова и тем самым подтолкнул его к побегу. Между прочим, эта фотография, как и многие другие, была изъята из дела отца в КГБ по личному указанию Андропова. Он не хотел компрометировать своего друга Громыко и других советских руководителей. Еще раньше, как пишет ветеран внешней разведки А.А. Жемчугов в своей книге «Шпион в окружении Андропова», указанные фотографии исчезли из

семейных фотоальбомов министра иностранных дел СССР.

Но отец был не помощником Громыко, а его доверенным личным советником по всем вопросам, включая связи с КГБ. Через Шевченко на стол Громыко попадали документы особой важности, в частности и из этого ведомства. Такими советниками всегда были люди, близкие к Громыко, сделавшие потом блестящую карьеру. Например, А.М. Александров-Агентов, ставший помощником четырех генеральных секретарей ЦК КПСС, В.М. Фалин — посол СССР в ФРГ, а потом секретарь ЦК КПСС, заведующий Международным отделом ЦК КПСС и один из распорядителей «золота партии». В своей книге «Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания» Фалин отмечает, что на посту руководителя группы советников («тайной канцелярии» министра) он был обязан пропускать через себя всю информацию, поступающую в МИД, и дважды в день делать доклад лично и только Громыко. Министр мог дать указание ознакомить (устно) с тем или иным документом своих заместителей, но это случалось нечасто. И совсем редко в особо секретные данные посвящались заведующие отделами.

После побега отца мания секретности порой доходила до абсурда — МИД перестал рассылать советским послам информацию о деятельности их коллег в других странах. Например, посол СССР в ФРГ не знал, о чем Москва договаривается с ГДР.

Не могу согласиться с известным журналистом Леонидом Млечиным, указавшим в книге «МИД. Министры иностранных дел. Романтики и циники», что А.Н. Шевченко не был близок к Громыко и «к главным секретам допущен не был». В своей новой книге «Особая папка. Служба внешней разведки» Млечин изменил свою точку зрения, но по-прежнему утверждает, что Шевченко был близок не к самому министру, а к его

сыну Анатолию. Однако мне достоверно известно, что отец, пребывая на своем посту в ООН и приезжая в Москву, гораздо чаще встречался с Громыко и его женой, чем с сыном министра. Сын Громыко Анатолий в предисловии к отрывку книги Шевченко, опубликованном в еженедельнике «Совершенно секретно» (№ 9, 1990), ответил следующее на вопрос о том, как реагировал министр на побег Шевченко: «По правде говоря, долгое время я не решался задать ему вопрос на столь неприятную тему. Предал человек, которому он не только доверял, но и любил, гордился — как гордился профессиональным мастерством сотрудников дипломатической службы, с которыми имел дело. Измена Шевченко была для него ударом — и по его личному достоинству и престижу, и по престижу МИДа как такового. Переживал он, конечно, тяжело, очень тяжело. «Какая-то фантазмагория, абракадабра», — говорил он». Упомянутый Перетрухин, знавший по роду своей работы о делах МИДа больше, чем сотрудники КГБ на площади Дзержинского, подчеркивал, что Громыко и Шевченко были в весьма близких отношениях, и министр даже испытывал симпатии к жене своего личного советника, а Лидия Дмитриевна Громыко и Леонгина Иосифовна Шевченко были связаны узами спекуляции. Мой отец отмечал, что министр включил его в самый тесный круг — четырех-пяти человек — наиболее близких к Громыко. В некоторых вопросах Шевченко был осведомлен больше, чем заместители министра.

Весьма оригинален известный историк и писатель Р.А. Медведев (в 1989-1991 гг. — народный депутат СССР, член ЦК КПСС), который ухитрился издавать на Западе при советской власти довольно откровенные по тому времени книги, несмотря на то что его родной брат проживал в Англии. В своей очередной книге «Неизвестный Андропов» Медведев пишет о Шевченко, что американские спецслужбы «отказались принять на

себя заботу о его дальнейшей жизни и пропитании в Америке... он жил в Штатах в полном одиночестве... меняя гостиницы; гонорара от книги хватало ему на оплату не слишком дорогих номеров. В одной из нью-йоркских гостиниц он и умер в 1997 году». Каждое слово в процитированных фразах откровенная ложь! Если подобного рода информацию Рой Медведев использовал и в своих остальных многочисленных книгах, то неудивительно, что советские власти, и, частности, сам Ю.В. Андропов, не только не наказали «диссидентского» писателя, как других подлинных правозащитников, а, наоборот, не препятствовали изданию его книг за рубежом.

Дроздов вспоминает, что доверительно поведал ему председатель КГБ летом 1978 года: «Ю.В. Андропов сказал: «В деле с Шевченко ты был прав, я прочитал все материалы. Это наша вина. Наказывать тебя за него никто не будет, но... и Громыко тоже снимать не будем». Следует отметить, что, по моему мнению, дальнейшего повышения по службе генерал-майор КГБ также не получил (в звании он не был повышен). То, что он был прав, еще не значит, что Андропов был им полностью доволен. Дроздов далее фактически сам признает свой промах, отмечая, что А.А. Громыко спросил его, почему генерал, которого министр знал многие годы, не сообщил лично ему о Шевченко, а передавал тревожную информацию только заместителям министра (в действительности и первый заместитель министра В.В. Кузнецов был в курсе телеграмм Дроздова. — *Г.Ш.*) и О.А. Трояновскому. Безусловно, здесь министр слукавил, ибо его замы не имели права не сообщить ему о подобных сигналах резидента КГБ. Значит, все-таки весомых фактов измены отца не было, а были лишь подозрения. Любопытны признания Дроздова в 2003 году. Он сказал следующее: «Если бы Шевченко вернулся в Москву по вызову, то против него не было бы

принято никаких мер, и он был бы назначен на ответственную должность в МИДе. А мне бы пришлось оправдываться, почему я оговорил посла». О.А. Гриневский пишет в своей книге «Тайны советской дипломатии»: «Громыко еще плотнее замкнулся в скорлупе осторожности и подозрительности. Его поведение в последующие годы не понять без «фактора Шевченко»: Андропов тогда не тронул Громыко, хотя мог, зато получил верного сподвижника до конца своих дней. Это и есть «фактор Шевченко». Хотя Калугин, по моему, справедливо считает, что даже если бы Андропов попытался поставить вопрос на Политбюро о снятии Громыко, то председателя КГБ там бы не поддержали. Как известно, Л.И. Брежнев не доверял Андропову и специально приставил к нему в качестве его первых заместителей двух своих друзей — генералов Г.К. Цинева и С.К. Цвигуна. Все личные инициативы Андропова сразу же становились известными генсеку ЦК КПСС. Председатель КГБ сильно зависел от руководства КПСС и его побаивался, особенно М.А. Суслова.

Отец, исчез 6 апреля 1978 года, после глупо составленной телеграммы из Москвы о вызове для консультаций по вопросам специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению и по некоторым другим проблемам. Как отметил Калугин, текст данной телеграммы не был даже согласован с КГБ и грешил явной непродуманностью. Какие консультации могли быть в этой связи, когда все было уже известно?

В то время Громыко и Андропов договорились вызвать отца в Москву и строго с ним поговорить. Но безусловно, не на тему шпионажа. Интересно, что английского шпиона О. Гордиевского также срочно вызвали в Москву после того, как его выдал О. Эймс. Первая телеграмма очень испугала резидента КГБ в Англии и могла способствовать его побегу. Однако сразу же пришла успокаивающая телеграмма, и шпион, ничего

не подозревая, приехал в Москву. Был учтен горький опыт с Шевченко — подозреваемых в шпионаже нельзя пугать внезапными и ничем не обоснованными вызовами.

Вызов в Москву отец обсуждал со своим старым другом Сташевским, который фактически предупредил моего отца об опасности, рассказав о телеграмме резидента КГБ об отце, случайно увиденной в МИДе на столе заместителя министра. За это Сташевский, назначенный ранее по протекции отца заместителем заведующего Отделом международных организаций МИДа СССР, на много лет оказался невыездным, правда, перед своей скоростижной смертью в конце 80-х годов получил ранг Чрезвычайного и Полномочного посла СССР.

После побега отца у советского руководства уже не было сомнений, что шпионом, передававшим особо ценные сведения о решениях высшего руководства СССР по внешнеполитическим вопросам и об агентуре КГБ и ГРУ в основных посольствах СССР за рубежом и в ООН, был Аркадий Шевченко. Генерал-лейтенант КГБ в отставке Н.С. Леонов вспоминал в 2002 году на страницах газеты «Правда», что он встретил Шевченко на одном из приемов во второй половине 70-х годов и был удивлен, когда последний обратился к нему со следующими словами: «Здравствуйте, товарищ генерал!» У Леонова было справедливое чувство, что Шевченко специально так говорил для того, чтобы это могли услышать агенты ФБР. Однако никаких фактических доказательств о сотрудничестве отца с ЦРУ советское руководство в то время не имело. Данный факт, в частности, подтвердил начальник следственной группы Следственного отдела КГБ майор О.А. Добровольский, которому я был вынужден летом 1978 года неоднократно давать свидетельские показания в следственном изоляторе КГБ (сами следователи

называли его Лефортовской тюрьмой, там находится этот отдел).

В апреле 1978 года Добрынин и Трояновский по указанию руководства СССР пытались на двух встречах в Нью-Йорке уговорить Шевченко вернуться на родину. Причем Добрынина, который находился тогда в Москве, советские власти специально срочно направили в Нью-Йорк. Отец, прибывший на встречи в сопровождении многочисленных агентов ФБР и полиции, категорически отказался вернуться в СССР. На пути из лимузина к двери отеля, где происходила встреча, был выставлен заслон из двадцати сотрудников ФБР, которые прикрывали отца. За встречами следили агенты КГБ, но они держались на значительном расстоянии от американских коллег. Советские послы передали Шевченко письма от жены и сына с просьбой вернуться в СССР. Письмо мамы было написано от руки, а мое письмо было почему-то напечатано на машинке и не подписано (это довольно странно, ибо я писал все письма отцу от руки). Мой отец категорически отказался объяснять причины своего поступка и заявил следующее: «Я уйду в отставку с поста заместителя Генерального секретаря ООН при определенных условиях: против Лины и моей семьи не будет принято никаких репрессивных мер». После второй встречи (уже только с Трояновским) машины ФБР, замыкавшие конвой охраны Шевченко, просто взяли и заблокировали все движение на десять — пятнадцать минут на Бруклинском мосту в Нью-Йорке, чтобы дать возможность лимузину с отцом скрыться.

По иронии судьбы отец снимался в 1949 году в эпизодической роли в фильме «Встреча на Эльбе». Любовь Орлова, которая играла в нем сотрудницу ЦРУ, приказала сержанту взять у нее пакет. Этим сержантом был мой отец. А дальний предок отца, возможно,

участвовал в Войне за независимость Америки в XVIII веке.

6 мая 1978 года моя мама покончила жизнь самоубийством и была похоронена по распоряжению А.А. Громыко на Новокунцевском кладбище (филиал Новодевичьего), рядом с В. Дворжецким, исполнителем роли белогвардейского генерала Хлудова в художественном фильме «Бег» по мотивам пьесы М.А. Булгакова. Самое удивительное, что реальный генерал полгода удерживал Крым, обороняясь против десятикратно превосходящих сил Красной армии, а в 1921 году перешел на сторону коммунистов, и эта операция была спланирована ВЧК-ОГПУ. На похоронах моей мамы был исполнен гимн Советского Союза.

Незадолго до избрания М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС в крупнейшем в США издательстве «Альфред Кнопф» вышла в свет книга А.Н. Шевченко «Разрыв с Москвой», которая сразу стала бестселлером номер один и была переведена в дальнейшем почти на все языки мира. За все издания книги отец получил более одного миллиона долларов США. В своей книге отец, имевший доступ к документам особой важности (ему даже запрещали читать публичные лекции в Москве), впервые подробно рассказал о своем сотрудничестве с ЦРУ (1975–1978) и дал нелюбезные характеристики почти всем высшим руководителям советского государства, видным дипломатам и сотрудникам КГБ. Эта книга до сих пор не издана в России. Как признал О. Эймс, шпионивший на СССР и Россию, в своем интервью американскому журналисту П. Эрли, Шевченко регулярно информировал ЦРУ о проявляющихся в Кремле разногласиях между Л.И. Брежневым и А.Н. Косыгиным по поводу отношений СССР и США, сообщал, что СССР указывал своему представителю О.А. Трояновскому делать в ООН, о директивах послу в США А.Ф. Добрынину, какова была

позиция СССР на переговорах по ограничению стратегических вооружений и о том, до каких пределов Советский Союз может уступать США на этих переговорах. Шевченко предоставлял подробную информацию об ослаблении советской готовности участвовать в событиях, связанных с боевыми действиями в Анголе, совершенно секретные сведения о советской экономике и даже доклады о быстро сокращающихся запасах нефти на месторождениях в Волжско-Уральском регионе. Шевченко, признал Эймс, имел доступ к огромной информации. Все, что нужно было делать ЦРУ, так это задавать вопросы. Кроме того, отец выдал США всех агентов КГБ за рубежом, каких он знал, — сотни советских разведчиков, которых пришлось снимать с активной работы. Упомянутый М.И. Курышев заявил мне, что мой отец нанес СССР больший ущерб, чем полковник ГРУ О. Пеньковский, работавший на ЦРУ и английскую разведку (СИС). Бывший заместитель Курышева, полковник КГБ в отставке И.К. Перетрухин отметил в своем комментарии к моей статье в газете «Аргументы и факты» от 30 апреля 2003 года: «Размеры этого ущерба действительно трудно преувеличить. Шевченко имел доступ к совершенно секретным сведениям, касавшимся тончайших деталей переговоров с США по самым разным вопросам. Когда Громыко приезжал в Нью-Йорк на сессию Генассамблеи ООН, он рассказывал другу Аркадию о расстановке сил в Политбюро, о состоянии здоровья его членов, о новых назначениях и многом другом, что даже перечислить невозможно. Шевченко имел информацию о сотрудниках КГБ и ГРУ, работавших под дипломатической «крышей», поэтому после его побега многие наши мероприятия были направлены на обеспечение их безопасности», ибо он всех их выдал. Перетрухин также подчеркнул, что после побега Шевченко КГБ провел в Нью-Йорке одиннадцать специальных мероприятий, которые

должны были свести к минимуму ущерб, нанесенный моим отцом. О.Д. Калугин в ноябре 2003 года также отметил, что незадолго до побега Шевченко американцам стал известен секретный отчет о работе Постоянного представительства СССР при ООН за год. Кроме того, на восстановление даже средней резидентуры требуется три-четыре года. В Нью-Йорке же действовало больше всего легальных и нелегальных советских разведчиков.

Ю.И. Дроздов подчеркнул, что Шевченко как Чрезвычайный и Полномочный посол СССР получал доступ ко всей оперативной и политической информации, поступавшей в МИД. Это давало ему возможность иметь обзор политической активности советского МИДа не только в советско-американских отношениях, но и по всем странам мира, которые являлись членами ООН. Причем ключевые внешнеполитические решения СССР становились известными США задолго до их принятия. Таким образом срывались директивы ЦК КПСС по ряду важнейших вопросов.

Бывший куратор моего отца от ЦРУ П. Эрнст подтверждает, что информация, которую давал Шевченко, была уникальной. Он был вхож в высшие кремлевские сферы и поэтому владел сведениями не только по отдельным проблемам, но мог объяснить и сам процесс принятия решений. Ведь американским властям было трудно понять, каким образом советские вожди размышляют, договариваются по тому или иному вопросу. Именно это было самым ценным вкладом Шевченко.

Как известно, все спецслужбы мира не прощают такого. И уж очень советскому руководству хотелось отомстить высокопоставленному перебежчику и «утереть нос» США.

Одновременно с выходом в свет книги отца в апреле 1985 года был завербован КГБ за огромные деньги (по некоторым оценкам, ему было передано моим бывшим приятелем по работе в МИДе С.Д. Чувахиным, а также другими связниками наличными в общей сложности порядка 2,5 миллиона долларов США) начальник отдела ЦРУ по советским делам О. Эймс, который, в частности, если и не первым завербовал Шевченко, то некоторое время был его куратором. Интересно, что отец получил от ЦРУ в общей сложности сопоставимую сумму денег (правда, не во время сотрудничества, а после побега), как и Эймс от КГБ, и имел пожизненную пенсию только от ЦРУ 5 тысяч долларов США в месяц. Не является ли вербовка Эймса своеобразной мстью КГБ ЦРУ за побег Шевченко?

По данному поводу Дроздов сказал следующее: «Этот вопрос не ко мне!» Дипломат С.И. Дивильковский отмечает, что Эймс не «упал с неба» на советское посольство и его работников: «Наше знакомство с ним оказалось возможным и, пожалуй, закономерным благодаря существованию некой «цепочки связей», завязывавшихся в 1980–1981 годах в Нью-Йорке».

До 1992 года отец счастливо жил в своем огромном доме и мечтал воссоединиться с детьми. Внезапно он женится в третий раз. Нельзя исключать того, что его молодая жена действовала по заданию КГБ СССР. Она, подобно коварной Далиле, согласно библейской легенде покорившей богатыря Самсона своей красотой, молодостью и обаянием, выудила у отца все его недвижимое имущество (на сумму более 2 миллионов долларов). Единственно, что она не успела отнять у отца, так это его пенсию, равную почти 7 тысячам долларов США в месяц, хотя и пыталась отсудить половину. После смерти отца у него остался долг 600 тысяч долларов США, и он был тайно похоронен, без согласия дочери, вопреки своему завещанию, на

участке, принадлежащем православной церкви, которая подставила отцу его последнюю роковую жену. Может быть, это была очередная месть со стороны КГБ?

Полковник внешней разведки в отставке М.П. Любимов пишет, как, например, «агентесса» КГБ соблазняла в 1985 году морского пехотинца, работавшего в посольстве США в Москве. Причем в доказательство Любимов приводит два совершенно секретных документа, адресованных председателю КГБ СССР В.М. Чебрикову. Так почему же картограф Наташа, приехавшая в США в 1990 году, не могла быть аналогичным агентом? Да к тому же она была почему-то удивительно похожа на Джуди Чавес — девушку по вызову, найденную для Шевченко сотрудником ФБР. Как известно, вкусы мужчин всегда учитываются компетентными органами. Несомненно также, что в то время КГБ искал дополнительные источники информации об изменнике.

Между тем в Москве, МИДе, кооперативном жилом доме на Фрунзенской набережной происходили не менее драматические события. Об этом и многом другом я попытаюсь беспристрастно и объективно рассказать в моей книге, не оправдывая и не осуждая своего отца.

Глава 1

КАК И ПОЧЕМУ МОЙ ОТЕЦ СОТРУДНИЧАЛ С ЦРУ

Сотрудничество моего отца с американскими спецслужбами, возможно, было вынужденным шагом и не зависело от его добровольного решения. Его куратор в ЦРУ Питер Эрнст признал 31 октября 2003 года, что Шевченко, согласившись работать на американское правительство, пошел на огромный риск для себя лично. В США существовала специальная программа «Кортшип» (в переводе с английского — «ухаживание»). Целью данной программы, осуществляемой ЦРУ и ФБР, была вербовка граждан СССР и проникновение в вашингтонскую резидентуру КГБ. Однако американские спецслужбы нарушали законы США, вербуя таких высокопоставленных дипломатов, как мой отец (послов было запрещено вербовать). Возможно, отец пал жертвой аналогичной программы ЦРУ и ФБР. Совершил ли он это ради денег, к чему стремилось большинство перебежчиков и шпионов во всем мире? Я лично думаю, что вряд ли. В Москве мой отец имел все: прекрасную квартиру, дачу в элитном районе ближнего Подмосковья, деньги, антиквариат, большие перспективы дальнейшего продвижения по службе. Именно поэтому Постоянный представитель СССР при ООН О.А. Трояновский и посол СССР в США А.Ф. Добрынин, которым советские власти приказали встретиться с моим отцом и уговорить его вернуться в Москву, весьма искренне удивлялись — что же было нужно Шевченко — и пытались выяснить причины его побега. Однако ничего вразумительного мой отец им не мог тогда сказать. Не говорил он об этом и в

дальнейшем ни мне, ни дочери, которая была ему наиболее близка до его рокового последнего брака.

Вряд ли главной причиной поступка отца была неудовлетворенность советской системой и всем, что она представляла, хотя такие факты, безусловно, имели место. Мой отец во время своей дипломатической карьеры, особенно после назначения в ООН, пытался оказывать хотя бы скромную поддержку идеям и мерам, которые противоречили советским интересам. И независимо от того, были ли это малозначительные или важные дела, он испытывал удовольствие от того, что мог им способствовать. Но знали ли об этом американские спецслужбы? Мой отец думал, что нет, хотя я лично сомневаюсь. Причины его побега до сего дня окончательно неясны и не поддаются банальному объяснению.

За несколько недель до принятия рокового решения мой отец встретился в коридоре ООН с главой миссии США в ООН Дэниелом Патриком Мойнихеном, своим старым знакомым, тесно связанным с американскими спецслужбами. Они знали друг друга как профессионалы и часто виделись на дипломатических приемах. Вот мой шанс, подумал отец. Затем у них состоялся следующий разговор в коридоре ООН.

Мой отец сказал:

— У меня к вам необычная просьба. Я решил порвать со своим правительством и хочу знать заранее, какова будет реакция американцев, если я попрошу политического убежища.

— Вы шутите, Аркадий! — воскликнул американский дипломат.

— Я совершенно серьезен. Такими вещами не шутят, — ответил отец.

Справившись с удивлением, Мойнихен сказал:

— Мы давно знаем друг друга, и я, конечно, постараюсь помочь вам. Но мое участие должно

оставаться в секрете. Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что я был замешан в это дело. На следующей неделе я еду в Вашингтон. Я все разузнаю, но нас больше не должны видеть вместе — нигде, даже в ресторане.

Не случайно участие будущего известного сенатора в побеге отца стало известно только после смерти Мойнихена, и то благодаря исследовательским усилиям талантливого автора документального фильма о моем отце «Роковое решение» (Государственный телеканал «Россия»), историка шпионажа Светланы Червонной. Даже бывший высокопоставленный сотрудник ФБР Д. Мейджор, в свое время куратор и охранник моего отца, не мог понять, как Червонная узнала об этом.

Через несколько дней американский дипломат, дожидавшийся отца в пустом зале справочного отдела библиотеки ООН, сказал ему следующее: «Из Вашингтона приезжает человек специально для того, чтобы встретиться с вами. У меня создалось впечатление, что вам предоставят политическое убежище, и я надеюсь, разговор с этим человеком успокоит вас».

Позднее сенатор признал: «Шевченко работал в течение тридцати двух месяцев на ЦРУ и ФБР. В США знали об этом только пять человек: президент США, директор ЦРУ, помощник президента по вопросам национальной безопасности, министр обороны и я».

Мой отец долго и тщательно готовился к предстоящей встрече. Его мучили сомнения и страхи: что, если ЦРУ подумает, будто вся затея является просто дешевым трюком? А вдруг его секрет раскрыт и КГБ уже все знает? Инстинкт самосохранения заставлял всех советских людей подозревать чуть ли не в каждом человеке стукача, и это становилось второй натурой. Американские спецслужбы могли решить, что мой отец играет с ними в какие-то игры или что вообще высокопоставленный дипломат сошел с ума. Они могли

заподозрить, что он наркоман или алкоголик, не способный принимать серьезные решения. Он не мог успокоиться. Как воспримут в США его переход на их сторону? Отец мысленно перебирал все «за» и «против», но все яснее понимал опасность своего положения. И что будет с женой, которая категорически отказалась остаться в США, малолетней дочерью и сыном Геннадием, только начавшим свою дипломатическую карьеру? Отец понимал, что у него не было никаких моральных прав навязывать мне какие бы то ни было решения, и если я не захочу приехать к нему, то он рисковал никогда больше не увидеть своего сына. Родина была для многих коммунистов в СССР важнее семьи. Так меня воспитал и мой отец. Я и сейчас считаю, что Родину, как мать, нужно беречь даже в ее нищенском состоянии.

Мой отец никогда не был диссидентом, как А.Д. Сахаров, А.И. Солженицын или В.К. Буковский. Он не выступал против своего правительства, а служил ему много лет верой и правдой. В то же время он хорошо представлял, какие несчастья его могут ожидать в случае побега.

Что же привело его к этому решению? Со всех точек зрения оно казалось нелогичным. Никаких оснований ненавидеть или даже просто не любить советскую систему у моего отца не было. Советская власть дала ему самое лучшее: прекрасное образование, высокое положение в обществе, материальную обеспеченность, привилегии и прекрасные перспективы дальнейшего продвижения по службе. Если бы он не сбежал в США, то наверняка стал бы министром иностранных дел после ухода А.А. Громыко. Ведь мой отец лично знал М.С. Горбачева еще по Кисловодску. Таким образом, вся жизнь моего отца казалась счастливой и благополучной. По советским понятиям, он достиг всего. Почему же в конце концов он пришел к сотруднику ЦРУ?

Однозначного ответа на этот вопрос нет как в книге отца, так и у меня и многих его коллег-дипломатов.

С человеком из Вашингтона — Бертом Джонсоном (как он именуется в книге «Разрыв с Москвой») мой отец встретился примерно в середине 1975 года в книжном магазине в Нью-Йорке. П. Эрнст сказал, что данного офицера ЦРУ звали Кэн. Однако я думаю, что и это не вся правда. В дальнейшем отец уже беседовал с ним на конспиративной квартире ЦРУ. Вообще нужно сказать, что методы работы, как у КГБ, так и ЦРУ, были очень похожими.

Сотрудник ЦРУ оказался высоким человеком с военной выправкой и крепким рукопожатием. Он был одет в темный, несколько старомодный, но добротный костюм. Вел себя по-деловому и одновременно был весьма гостеприимен. Цэрэушник предложил отцу выпить шотландское виски. Однако уютная атмосфера в квартире ничуть не успокаивала моего отца. Он пристально смотрел на своего собеседника, пытаюсь понять по его лицу, что это был за человек. Джонсон (Кэн) держался легко и естественно, не проявляя ни удивления, ни недоверия. Видимо, он ждал, когда мой отец приступит к делу.

Долго не решаясь начать разговор, отец в итоге все же сказал:

— Я оказался здесь не случайно и не в результате непродуманного и скороспелого решения.

Сотрудник ЦРУ молча кивнул, и это движение почему-то встревожило моего отца.

— Мысль о разрыве с советской властью зрела во мне долгие годы, и вот теперь я готов действовать и прошу вас помочь мне, — продолжил мой отец.

Джонсон опять кивнул, но ничего не сказал. Мой отец несколько вспыхнул:

— Я решил порвать со своим правительством!

Отца смутил тот факт, что его собеседник не забрасывает его вопросами и не оспаривает мотивы выбора будущего шпиона.

Затем мой отец пустился в длительные рассуждения и объяснения. Его собеседник молча сидел рядом, внимательно слушая. Тут мой отец понял, что американскому правительству не были интересны мотивы решившего остаться в США. Отцу предлагалось доказать искренность его поступка не на словах, а на деле.

— Если вы решились бежать, мы готовы помочь вам, если вы этого хотите, — сказал офицер ЦРУ. — Мы о вас много знаем и давно уже наблюдаем за вашей карьерой. Поэтому я должен спросить у вас: уверены ли вы в своем решении? — продолжил вербовщик.

Далее он подчеркнул, что в США у моего отца не будет тех особых привилегий, к которым привык посол. У него не будет машины с шофером, зарплату которому платит государство, практически бесплатной большой квартиры в элитном районе столицы и вообще той роскоши, которая окружала моего отца в Москве. Отцу показалось будто он участвует в некой брачной церемонии, и он рассмеялся.

— Вы понимаете, что, если вы будете жить открыто в США, ваша безопасность будет всегда под угрозой, — сказал Джонсон. — Подумайте, сколько вы могли бы сделать, если бы оставались на своем высоком посту, а вашу безопасность в США мы гарантируем, если вы будете нам помогать, — продолжил сотрудник ЦРУ.

— Вы хотите, чтобы я стал шпионом? — спросил отец.

— Не совсем. Мы не назвали бы это шпионажем. Время от времени вы будете на встречах со мной снабжать нас информацией.

Мой отец не знал, что сказать. Это предложение поставило его в очень трудное положение.

— Вы просите меня об исключительно опасных «подвигах». У меня нет никакой подготовки в такого рода делах, — ответил наконец мой отец.

Джонсон предложил моему отцу подумать. ЦРУ не угрожало и не настаивало. Но было совершенно ясно, чего оно хотело. К этому отец был не готов. И он сказал:

— Я подумаю.

После этой встречи мой отец ругал себя за не совсем ясное выражение своих мыслей и чувств, которые многие годы испытывал. Он был тогда не в состоянии точно сформулировать их. Но цэрэушник должен был понять, что решение моего отца не имело никакого отношения к материальной выгоде. Отец не пытался вступить с американским правительством в сделку, продавая свои большие знания за деньги. В то же время злое предложение фактически стать шпионом пугало моего отца. Единственное обоснование шпионажа, по его мнению, — моральная ценность того дела, ради которого данный шаг предпринимается. Но доказать это даже самому себе — одна из самых трудных задач.

Позже мой отец жалел, что сразу же не отверг предложение о сотрудничестве с ЦРУ. Он писал, что, как и многие славяне, в глубине души он был фаталистом и глубоко суеверным человеком. Он поражался, почему в критические минуты самые важные вещи получаются не всегда правильно. Разрыв с советским правительством был для него выходом, как он считал, из безнадежности и разочарования. Но он имел в виду открытый разрыв с тоталитарной системой, то есть честный поступок. Ему же предлагали тайную жизнь, фактически внутри данной системы. Разве это не было другой формой обмана, от которой он как раз и хотел отказаться? Отец раздумывал: «Могу ли я стать шпионом? В состоянии ли я продолжать заниматься работой в СССР, которую уже много лет ненавижу, и вдобавок взять на себя еще более

опасное занятие и обречь себя на гораздо большее одиночество во враждебном лагере?» Мой отец был в смятении, и никто не смог бы ему помочь, даже жена.

Отец писал, что его раздирали противоречивые чувства и он беспокоился в основном за свою семью. Мысль о том, что он никогда не увидит свою родину, приводила его в ужас. Он понимал, как трудно ему будет приспособиться к новой жизни и культуре. Мой отец внутренне чувствовал, что ему нужно порвать с советской системой, с правящим режимом, но он не хотел быть перебежчиком. За этим выражением возникал образ человека, у которого нет отечества. Отец же всегда любил свою страну и народ, частицей которого он себя ощущал. Он хотел порвать все отношения с режимом и системой, а не со своими соотечественниками. Ему было вполне понятно, что многие диссиденты, шпионы и перебежчики были несчастны. У одних произошли семейные трагедии или еще какие-то несчастья, после которых они начинали вести себя странно. Других поджидали материальные трудности, и им не удавалось заниматься в новой жизни своим прежним делом и работать по специальности. А хуже всего пришлось тем, кому правители нового места жительства не поверили! Отец удивлялся, почему судьба политических перебежчиков намного труднее, чем судьба композиторов, художников и писателей, объяснения которых о разрыве со своей родиной почти всегда принимались на веру. Почему только ограничение творческой свободы считается достаточным основанием для разрыва со своей страной? Мой отец пытался по возможности избежать ошибок других перебежчиков, но очень скоро он понял, что это очень нелегко. Он сначала думал, что у каждого из перебежчиков и шпионов были свои причины для такого решения. Одни уже подвергались в СССР репрессиям или преследованиям, другие чувствовали себя под

угрозой, у третьих были еще какие-то проблемы — деньги, женщины, выпивка, у четвертых не ладилось с карьерой или их мучили какие-то неосуществленные амбиции. Были и такие, которые производили впечатление психологически нестабильных и несостоявшихся людей — подобным везде плохо. Однако, по мнению моего отца, опыт жизни в СССР привел его к заключению, что у всего этого множества причин был общий знаменатель — советская система. Именно она доводила диссидентов, перебежчиков и многих шпионов до отчаяния, ограничивая их свободу или вынуждая поступать против собственных убеждений.

Мой отец был приучен думать по схеме, говорить формулами, не задумываясь и не колеблясь принимать на веру все, чему учили марксистско-ленинские вожди и руководство КПСС. Его учителя настаивали, чтобы он, как и все советские люди, был «образцово-показательным». Конечно, в семье не без уroda. Но таких следует воспитывать, направлять на путь истинный, а если необходимо — наказывать. Отцу с юных лет прививали мысль о необходимости постоянно расти, подниматься на все более высокие ступени карьеры, гарантировать себе и своей семье благополучие и надежность. Однако при советской власти об этом нельзя было говорить вслух. Партийные вожди, жившие в роскоши, внушали народу, что такие крикуны являются беспринципными карьеристами, а не настоящими марксистами-ленинцами. Истинный коммунист должен вести себя так, как будто его единственная забота — это счастье народных масс.

Большинство коллег моего отца сумели выжить в такой атмосфере. Они просто отбросили все укоры совести и жили как могли, как получалось. Советские чиновники, как, впрочем, и российские, стали закоренелыми циниками, которые перестали отличать

добро от зла, целиком посвятили себя своей карьере и вычислению материальной выгоды. Те, кто сомневался, также продолжали служить советской системе, храня свое несогласие в голове, вынужденно ведя двойную жизнь. На это было множество причин: страх повредить семье, гипертрофированная привязанность к стране и неуверенность в том, что существуют какие-либо лучшие возможности. Для того чтобы оставаться членом номенклатуры, было мало лгать и притворяться. Необходимо было бороться за выживание — а не то тебя просто вышвырнут из системы. Мой отец пишет, что, проведя долгие годы среди элиты советского общества, он получил полное представление о ее продажности и грубости. Такая жизнь толкала человека на лицемерие и предательство, а для советских вождей это становилось неотъемлемой частью жизни. Подозрительность, обман и интриги достигли уровня наивысшего искусства. Если бы великий интриган Макиавелли проживал в советское время в Москве, он был бы студентом, а не профессором. К сожалению, после так называемой демократической революции Б.Н. Ельцина все это возросло в геометрической прогрессии и в результате, как всегда, пострадал в основном простой русский народ.

После встречи моего отца с сотрудником ЦРУ его с новой силой охватило беспокойство. Он уже жалел, что для разрыва с Москвой выбрал такой путь. Отец уже было решил сказать Джонсону, что шпионом не будет, а если ему откажут, то он просто будет продолжать свою работу в качестве заместителя Генерального секретаря ООН и попытается найти другую страну, которая бы приняла его без всяких условий. Но тут моему отцу пришла в голову ужасная мысль — выбора у него ведь уже не было. Если ЦРУ захочет, оно может заставить его шпионить. КГБ не раз предупреждал советских дипломатов, что если они отклонятся от предначертанных правил, то американские спецслужбы

не упустят возможности записать все возможные нарушения на пленку или сфотографировать возможные проступки. Американцы могли шантажировать моего отца после его просьбы о политическом убежище. В безжалостном мире шпионажа всегда были свои законы, и КГБ вряд ли держал монополию на это. Мой отец понял, что попал в ловушку.

Целую неделю после встречи с сотрудником ЦРУ отец был в полном смятении. Он бросался от одного решения к другому. Однако затем, к своему собственному удивлению, он понемногу начал склоняться к предложению Джонсона. Окажись он на месте сотрудника ЦРУ, мой отец сделал бы то же самое, чтобы попытаться проникнуть в советский мир на высшем уровне. Ведь американское руководство не знало, что думают коммунистические вожди по тому или другому важному внешнеполитическому вопросу. Но если с позиций любой спецслужбы это казалось логичным и естественным, то в действительности моему отцу все же не нравилась перспектива стать шпионом.

Мой отец пишет, что все же, чем больше он размышлял над данной проблемой, тем больше положительных моментов в ней находил. Он бы выиграл время для подготовки к побегу, и это дало бы возможность хотя бы попытаться убедить жену встать на его точку зрения. Он смог бы лучше подготовиться к практической жизни в США, привезя из Москвы любимые вещи. Кроме того, как думал отец, немного поработать на американцев — наилучший способ рассеять все их возможные сомнения насчет честности и откровенности советского дипломата. Конечно, по мнению моего отца, США могли предоставить ему политическое убежище безо всяких условий, но он понимал, что при этом они не взяли бы на себя никаких дальнейших обязательств, а ведь ему на довольно долгое время понадобилась бы их защита и помощь в обустройстве. Расспросив и

выслушав его, американские спецслужбы могли бы выбросить его, как выжатый лимон.

Вскоре мой отец позвонил сотруднику ЦРУ с телефонного аппарата в ООН, из помещения, где, как правило, не бывало много народу. Свидание с офицером должно было состояться между восемью и десятью часами вечера. Поужинав около восьми часов, отец предложил моей маме пройти прогуляться, прекрасно зная, что его жена любила гулять только за городом, в Гленкове. В Нью-Йорке она выходила лишь по делу — в магазины. Поэтому мой отец не сомневался, что Леонгина не пойдет с ним, а останется дома. Так случилось и на этот раз. Выйдя на улицу, отец попытался придать себе вид обычного пешехода. Разглядывая витрины, он делал вид, что его интересует мужская одежда. А основной его мыслью было лишь ускользнуть от возможной слежки сотрудников КГБ. Через несколько кварталов от Третьей авеню он зашел в магазинчик, в котором часто бывал, и купил пакет хлебцев и минеральной воды. Теперь он уже шел не с пустыми руками. Уверенный, что за ним никто не следит, он тем не менее прошел мимо улицы, где договорился встретиться с Джонсоном. На всякий случай. Отец вышел на Легсингтон-авеню и только после этого быстро пошел к дому, где его ждал сотрудник ЦРУ. Хорошо, что вокруг много деревьев, думал он, за ними его не будет видно. Моему отцу показалось, что прошла вечность, прежде чем Джонсон открыл ему дверь. «Приятно вас видеть», — сказал офицер и закрыл дверь конспиративной квартиры ЦРУ.

Джонсон посоветовал моему отцу успокоиться и повел к старому лифту в глубине коридора, который с грохотом доставил их на второй этаж. Войдя в квартиру, отец заметил, что сотрудник ЦРУ был одет по-иному: вместо темного делового костюма на нем были только рубашка и брюки. Сейчас он уже держался

непринужденно и свободно. Видимо, получил указания от начальства, что особо важных, высокопоставленных потенциальных шпионов не следует пугать и обращаться с ними необходимо максимально вежливо и осторожно.

Цэрэушник подчеркнул, что США не собираются использовать Шевченко в опасных операциях и не хотят, чтобы он следил за кем-либо или добывал документы для фотосъемки. Они утверждали, что никогда не предложат моему отцу работу, связанную с трюками, известными по фильмам о Джеймсе Бонде. США хотели получать только ту информацию, к которой мой отец имел доступ, а именно: о важных политических решениях, принимаемых Политбюро ЦК КПСС. Джонсон в весьма вежливой форме сообщил моему отцу, что ЦРУ будет радо любому материалу, который будущий шпион сможет предоставить на основе его опыта, контактов и служебных обязанностей.

Когда мой отец спросил офицера ЦРУ, какого рода информацию американское правительство ждет от него, Джонсон прежде всего предложил начать с последних шифротелеграмм, которые отправил Постоянный представитель СССР при ООН О.А. Трояновский в Москву, и если это возможно, то их полный текст.

Отец испуганно сказал: «Как — полный текст! Скопировать в советском представительстве секретный документ — это все равно что сразу выдать себя КГБ. Никому из советских дипломатических сотрудников не разрешается делать даже краткие записи того, что мы читаем в комнате, куда приходят зашифрованные сообщения...»

Отец отмечал, что шифровальный зал в советском представительстве был самой настоящей крепостью. В нее даже войти сложно, а тем более выйти, если кто-либо нарушит правила секретности. Особенно это касается шифротелеграмм. Они должны записываться

от руки в специальные толстые тетради с пронумерованными страницами. Вынести копию из данного помещения — серьезное нарушение правил. Чтобы исключить малейшую возможность расшифровки секретного кода, например по стуку пишущей машинки, при составлении шифротелеграмм было запрещено ими пользоваться. Прослушивание было практически невозможно, помещение было звуконепроницаемым. Все материалы хранились за двойными дверями на седьмом этаже представительства.

— Будет достаточно, что вы запомните самую важную информацию и сообщите об этом нам, — успокоил Джонсон.

Когда встреча с сотрудником ЦРУ закончилась, мой отец с ужасом вспомнил, что он не поставил никаких временных пределов своего тайного сотрудничества. Он вошел в мир шпионажа без определения границ. С тех пор страх стал его постоянным спутником на все время работы на американское правительство.

Во время очередной встречи Джонсон сообщил моему отцу о том, что его коллеги хотели бы знать, что представляют собой все дипломаты в советском представительстве и в ООН и на кого они работают.

— Вы имеете в виду сотрудников КГБ или ГРУ? Да их сотни! — воскликнул мой отец.

— ФБР должно знать, что следит за нужными людьми, и вы можете им очень помочь в плане их идентификации, — ответил офицер ЦРУ.

Мой отец согласился. По поводу выявления сотрудников и агентов КГБ и ГРУ у него не было никаких угрызений совести. Он делил их на две категории: назойливые и опасные.

Отец читал секретные телеграммы и другие материалы, прибывавшие из Москвы дипломатической почтой.

Кроме того, в Нью-Йорк приезжали высокопоставленные чиновники из ЦК КПСС и МИДа, сотрудники научных институтов и других учреждений, друзья из разных советских посольств. Беседуя с ними, мой отец получал ценную для США информацию. Особенно цэрэушников интересовали комментарии посла А.Ф. Добрынина относительно политической и экономической ситуации в США, его оценки американских военных программ, прогнозы развития советско-американских отношений.

Отец встречался с Джонсоном, передавая секретную информацию, в самых различных местах: в кабинете зубного врача, в гостиницах и на конспиративных квартирах ЦРУ. Однако шпионская жизнь совсем не увлекала моего отца. Он не один раз говорил сотруднику ЦРУ: «Вы должны понять, что я не собираюсь заниматься шпионажем вечно. Меня используют Советы, а теперь еще и вы, и мне это не нравится. С меня хватит. Я хочу начать новую жизнь».

После двух лет работы на ЦРУ отец не мог не почувствовать усиление наблюдения за ним со стороны КГБ в ООН, представительстве, Москве и даже в Евпатории и Кисловодске. Отца охватывал все больший страх, превращавшийся в паранойю.

Глава 2

ПОБЕГ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

В пятницу 31 марта 1978 года сотрудничество моего отца с американскими спецслужбами внезапно прекратилось. В конце рабочего дня ему позвонил О.А. Трояновский, голос которого звучал как обычно. Правда, в беседах по телефону с моим отцом Постоянный представитель СССР при ООН часто был сдержанным из-за опасений, что разговор может прослушиваться как сотрудниками КГБ, так и ЦРУ.

Трояновский попросил моего отца зайти к нему вечером в представительство. Не подозревая ничего странного, тот пообещал прийти через пару часов. Посол сообщил, что наверху моего отца ждала шифротелеграмма из Москвы.

В связи с тем, что жена Трояновского, позвонив ему по телефону, приказала мужу срочно ехать на дачу в Гленков, представитель виновато улыбнулся и сказал отцу: «Извините, мне надо идти. Поговорим о телеграмме завтра. Вы не собираетесь в Гленков?»

Отец ответил, что приедет туда вечером, и поднялся на седьмой этаж представительства в шифровальную комнату. То, что он прочитал, сильно его потрясло. Это был срочный вызов в Москву. Причем предлог был использован весьма неубедительный — для консультаций в связи с приближающейся специальной сессией Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Дальше шла расплывчатая и зловещая фраза: «...а также для обсуждения некоторых других вопросов». Мой отец был на все сто процентов уверен, что никаких консультаций в связи с сессией быть не может. Знакомые советские дипломаты, прибывшие из Москвы для участия в работе подготовительного комитета

спецсессии, сообщили моему отцу, что основная советская позиция уже определена. Он даже успел передать все подробности ЦРУ.

Помимо всего прочего, момент был выбран крайне неудачно. Генеральный секретарь ООН К. Вальдхайм находился тогда в Европе, а в его отсутствие все его заместители получали право принятия окончательных решений во всех сферах их работы. Мой отец, как уже отмечалось, был фактически первым заместителем генсека, ибо возглавлял самый важный департамент — по политическим вопросам и делам Совета Безопасности. Логически рассуждая, его присутствие в Нью-Йорке и руководство работой подготовительного комитета было для СССР гораздо важнее, чем приезд в Москву для каких-то неопределенных консультаций.

Однако если тайное сотрудничество отца раскрыли, то эта телеграмма могла стать его смертным приговором. В ней также говорилось, что ему «рекомендуется, когда будет удобно», лететь в Советский Союз.

Мой отец сразу же решил: «Я не буду проверять, что меня ждет в Москве. Мне нужно потянуть время». Необходимо было проконсультироваться с американцами и убедиться, что серьезные опасения в связи с данным вызовом оправданны и инстинкт его не обманывает.

В воскресенье отец, сидя в своем кабинете в ООН, старался читать какие-то материалы, однако сосредоточиться не мог. Американские спецслужбы много раз заверяли его, что утечек не было, но разве они могли быть уверены на все сто процентов? Он думал: «Вашингтон кишит болтунами. Возможно, меня кто-нибудь выдал? А может быть, я сам себя чем-то скомпрометировал или слишком высокомерно держался с партийными занудами или сотрудниками КГБ? В коротком разговоре в пятницу вечером Трояновский

ничем не выказал ни тревоги, ни недоверия. Однако он просто мог ничего не знать: не в обычаях сотрудников КГБ сообщать о своих подозрениях». Как выяснилось в дальнейшем, чего мой отец не знал и не мог знать, Трояновский прекрасно был осведомлен о причинах вызова моего отца, однако проявил себя как мастер скрывать чувства.

Мой отец думал: «Если и в самом деле все кончено и игра завершилась, что я смогу сделать для сохранения семьи? Как удержать Лину и выволить из Москвы Анну? У меня на руках только один козырь — пост заместителя генсека и двухгодичный контракт, формально обязывающий ООН сохранять за мной мое место, независимо от желаний СССР. Смогу ли я обменять мою должность на дочь и тихо уйти в отставку?»

При встрече с сотрудниками ЦРУ мой отец сказал: «Все кончено. Я не могу больше ждать. Даже если Москва согласится на отсрочку, это даст нам в лучшем случае всего несколько недель. Мне нужно официальное согласие вашего правительства принять меня». Возражений не было. Американцы согласились действовать сразу же. Отцу назначили следующую встречу на вечер понедельника.

Когда моя мама, нагруженная сумками, приехала из Гленкова, отец мимоходом упомянул, что собирается в Москву на консультации. Эта новость обрадовала ее, и отец изо всех сил старался поддержать ее хорошее настроение. Вместе они обсудили, какие подарки отвезут родным и знакомым. Мама радовалась возможности купить дефицитные в Москве вещи, которые можно было использовать как для презентов нужным людям, так и для перепродажи в СССР, чем занималась моя бабушка. Отец соглашался со всеми планами жены, хотя твердо знал, что никогда больше не увидит Москву и, может быть, расстанется навсегда с женой, дочерью и сыном. Отца вновь охватили

смешанные чувства — неуверенности, любви и сомнений. Он с трудом боролся с ними, понимая, что пути назад нет. И все же где-то в глубине души еще ждал чего-то, какого-то чуда, которое вдруг воплотит в жизнь его юношеские мечты и веру в идеалы. Он не чувствовал себя предателем и считал, что советский режим обманул свой народ. Отец хорошо знал: если он подчинится распоряжению и вернется домой, с ним все будет кончено.

Утром мой отец заявил Трояновскому, что, ввиду большого количества работы в ООН, он хотел бы попросить А.А. Громыко отложить его отъезд в Москву хотя бы на несколько недель.

— Я объясню ему, что все свое время сейчас отдаю работе подготовительного комитета. Думаю, что мне нужно остаться здесь до окончания заседаний комитета. Кроме того, как я объясню Вальдхайму, почему мне вдруг пришлось уехать? — подчеркнул отец.

— Я бы вам не советовал тянуть. Это не мое дело, но, когда Центр присылает такой запрос, лучше ехать не мешкая, — ответил Трояновский. Его голос показался моему отцу странным. Был ли это совет или предостережение?

— В любом случае я не могу сорваться с места сию минуту. У меня завал работы, но я скажу помощникам Вальдхайма, что тяжело заболела моя теща, и дам в Москву телеграмму, что лечу в воскресенье, — заключил отец.

Трояновский был явно недоволен: он рассчитывал, что Шевченко полетит в Москву в четверг, но настаивать не мог — это вызвало бы вопросы, на которые представитель СССР не имел права отвечать, и сказал:

— Как хотите. Но обязательно известите Центр.

После утреннего заседания в ООН отец пригласил своего старого друга Г.С. Сташевского, который был членом советской делегации в подкомитете спецсессии,

в китайский ресторан «Золотой дракон», находившийся на Второй авеню, в центре Нью-Йорка. Они говорили на профессиональные темы — о предстоящей сессии, о бесконечных интригах в МИДе... Наконец отец коснулся темы «консультаций» в Москве.

— Ты думаешь, мне не нужно туда ехать? — спросил отец.

— Абсолютно ни к чему. Даже не высовывайся с этим. Они решат, что тебе просто хочется разведать обстановку в Москве, — ответил Сташевский.

Естественно, отец не пишет в своей книге о том, что его друг сообщил о случайно увиденной на столе заместителя министра иностранных дел телеграмме резидента КГБ с его подозрениями о шпионаже советского посла. Отец не хотел подставлять своего друга.

Итак, вызов в Москву был ловушкой. После завтрака в ресторане отец сразу же связался с сотрудниками ЦРУ. Побег был назначен на четверг. Следовательно, у отца оставалось всего три дня. Он надеялся, что за такой короткий срок у КГБ не будет времени, чтобы его остановить. Отец обсудил также план побега. Он состоял в следующем. Вечером в четверг мой отец должен был задержаться допоздна на работе в ООН. Затем он ненадолго зайдет домой и, как только моя мама уснет, сможет незаметно уйти. Сотрудники ЦРУ будут ждать его в белом седане, припаркованном на углу Шестьдесят третьей улицы и Третьей авеню. Вокруг дома, где проживал отец в Нью-Йорке, будут выставлены наблюдатели из ФБР и ЦРУ. Если они заметят что-нибудь необычное, малейшие признаки появления агентов КГБ, — сигнальные огни машины начнут мигать. Тогда отцу не следовало подходить к машине. В этом случае он должен был сделать вид, будто вышел прогуляться перед сном, дойти до Третьей авеню, зайти в бар, чтобы позвонить оттуда и

условиться о встрече с другой группой сотрудников американских спецслужб, которая должна была помочь ему скрыться.

Весь план казался моему отцу простым и вполне реальным, но он не решал тех вопросов, которые неизбежно возникли бы в связи с его переходом к американцам: проблемы с семьей, с ООН, его будущего. Американцы разработали пока лишь план побега — их профессионализм и спокойствие вселяли в отца уверенность. Однако ответов на основные вопросы он не находил.

Все дни перед побегом отец занимался на работе показушными приготовлениями к поездке в Москву. Мама с увлечением покупала подарки для родственников и друзей. Она тоже хотела поехать в Москву, но отец сказал ей, что его поездка будет очень недолгой и за ее билет ему придется платить самому. Между тем лето было не за горами и они собирались вместе в отпуск. Отец снял с банковского счета 6 тысяч долларов США, которые он намеревался оставить маме после побега, и положил их в сейф в своем кабинете в ООН. Он также разобрал все свои личные бумаги.

Наконец наступил четверг. К концу дня отец позвонил жене и сказал, чтобы она обедала без него. Он задерживался. Потом, когда все его подчиненные в секретариате ООН ушли домой, отец приступил к последним приготовлениям — собрал личные досье и сунул их в портфель, туда же положил фотографии со своего письменного стола и полки, в том числе дочери и сына, а также Лидии Громыко, сидящей вместе с моей мамой, официальный портрет — протокольный кадр фотохроники, запечатлевший встречу Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева с К. Вальдхаймом в Москве в 1977 году, другие снимки. На время отец остановился. Его портфель безудержно разбухал. В висках стучала кровь. Что, если все это напряжение

двойной жизни, которую он вел, заманило его в собственноручно подготовленную ловушку? Может быть, его вовсе никто не подозревает, и Громыко просто озабочен здоровьем своего приближенного? Эти минуты нерешительности были мучительны, но они быстро истекли. Отец вспомнил о предупреждении Сташевского. Правда, тот не видел всего текста телеграммы резидента КГБ Дроздова, однако документ непосредственно касался моего отца, и там высказывались какие-то подозрения.

Подготовить письмо жене было мучительно трудно. Первый вариант показался отцу неубедительным. Затем он написал следующее: «Я в отчаянии. Я не могу жить и работать с людьми, которых ненавижу в Нью-Йорке и в Москве». Далее речь шла о том, как развивались события в последние месяцы, как рос конфликт с секретарем парткома представительства и резидентом КГБ Дроздовым, как за отцом следили в Москве, представительстве и в ООН. Отец отмечал, что собирается просить о политическом убежище в США, но не написал, что работает на американцев, хотя и упомянул, что располагал точными сведениями о ловушке в Москве. Он выражал уверенность, что ему не разрешили бы больше поехать за границу и, скорее всего, уволили бы из МИДа. «Пожалуйста, — молил он жену, — уйдем вместе. Здесь нам будет намного лучше, я землю буду рыть, чтобы выцарапать Анечку из СССР. Мы сможем начать новую свободную жизнь в стране, где людей не преследуют и они ничего не боятся». Он заклинал мою маму верить ему, убеждал, что возвращение в СССР опасно, может быть, даже смертельно опасно для них обоих. Обещал все объяснить при встрече и умолял не торопиться, хотя понимал, что письмо очень огорчит ее. Особенно он просил мою маму не звонить в миссию и не ходить туда.

Отец обещал позвонить ей утром, чтобы узнать о ее решении.

Именно это письмо моя мама, по совету Сташевского, порвала тут же по прочтении. В деле отца в КГБ сохранилась только короткая и странная записка, о которой рассказывается во введении. Видимо, отец написал ее перед самым побегом в чрезвычайном возбуждении, а может быть, для того, чтобы дезинформировать КГБ, ибо в записке ничего не говорится о его политических взглядах, она явно была предназначена для посторонних глаз и поэтому сохранилась.

Своим основным письмом отец выбивал опору из-под ног моей мамы. Как он отмечал позже в своей книге, он знал: жена его никогда не простит и, скорее всего, не отважится на авантюру, не решится начать с ним новую жизнь в Америке. Однако, по крайней мере, он написал правду, поскольку не имел мужества сказать ей все сам. Кроме того, если жена решит его оставить, письмо будет доказательством, что она не была его сообщницей, и в Москве ее смогут оставить в покое. Порвав данное письмо, моя мама рассказывала о нем А.Ф. Добрынину, мне и М.И. Курышеву.

Около полуночи мой отец позвонил в советское представительство и попросил своего шофера Никитина заехать за ним, стараясь уловить в голосе дежурного офицера настороженность и фальшивую ноту. Но тот был, как всегда, сух и сдержан. Машина пришла через десять минут. Никитин вывел «олдсмобил» на почти пустую Первую авеню. Сначала отец сидел неподвижно, потом начал смотреть в окна, наблюдая за немногими проезжающими автомобилями. И ему вдруг показалось, что один из них увязался за ними, когда они отъехали от ООН. Пока машина отца пересекала сороковые и пятидесятые улицы, этот автомобиль все еще следовал за ними. Отец занервничал. Сумеет ли он добраться, как

было условлено, до Питера и Дэвида? Может быть, сотрудники КГБ уже поджидают его в квартире? Стоит ли ему вообще возвращаться домой?

Но когда его шофер свернул налево на шестидесятые улицы, подозрительная машина отстала. Погоня была игрой воображения моего отца. Он вздохнул с облегчением. Они остановились у его дома, и Никитин помог отцу выйти из машины.

— Завтра заberi меня, пожалуйста, в обычное время. Спокойной ночи. — Эти слова мой отец произнес подчеркнуто громко.

Как отец и надеялся, его жена уже спала. Но ему надо было спешить. Он взял в шкафу дорожную сумку, сунул туда несколько рубашек, белье и носки. Все это он делал, стараясь не шуметь: если жена проснется, то заснет она не скоро. В голове у него было пусто. Он тщетно пытался сосредоточиться. Существует единственная реальная альтернатива — или его обнаружат, или он спасется. Он жил минутой, двигаясь как в трансе. Его поддерживала не способность рационально мыслить, а нервная энергия.

В 50 метрах от дома его ждали Питер и Дэвид. Они молчали, пока шофер развернулся и начал кружной путь через центр Манхэттена к Линкольн-туннелю. Улицы были почти пусты, но напряжение, которое отец чувствовал часом раньше, уходя из ООН, возвращалось к нему всякий раз, когда сзади появлялись огни какой-либо машины. Ему мерещилось, что их преследовал белый «форд» устаревшей модели, которым пользовался резидент КГБ в Нью-Йорке Ю. Дроздов. Сотрудники американских спецслужб были также не в своей тарелке, и, только когда они въехали в Нью-Джерси, мой отец сказал:

— Куда мы едем?

— В Пенсильванию. У нас есть безопасное место в двух часах от города, — ответил Питер.

Больше они не разговаривали. Друзья отца (с ними я встретился в Вашингтоне 31 октября 2003 года) нервничали, а отец был измотан до последней степени. Пока они мчались в темноте, он впал в полную прострацию. Его голова была свинцовой, он слишком устал, чтобы расслабиться и почувствовать себя в относительной безопасности. За спиной у перебежчика остались жена, дети, любимая теща и мать в Евпатории.

Было около трех часов ночи, когда они, съехав с шоссе на боковую дорогу, наконец остановились у тяжелых ворот, которые быстро распахнулись, пропуская машину. Шины шуршали по засыпанной гравием дороге. Они приблизились к большому кирпичному дому. На первом этаже горел свет. Отца познакомили с людьми, находившимися в доме и наверняка являвшимися агентами спецслужб. Интересно, что первоначально моего отца охраняли вооруженные сотрудники ФБР (один из них был человеком огромной силы), а затем работники ЦРУ. В ту ночь один из таких сотрудников, приземистый человек восточного типа, спал на раскладушке в комнате, занимаемой отцом. Присутствие охраны не развеяло страхов перебежчика. Выходит, этот дом вовсе не такой уж безопасный? Впрочем, он слишком устал, чтобы отвечать на такие вопросы. В то же время нервы были измотаны и заснуть он не мог. После привычного нью-йоркского шума загородная ночь казалась подозрительно тихой, каждый звук был слышен отчетливо и гулко, и всякий раз у моего отца сердце сжималось от ужаса. Он принял несколько успокоительных таблеток, но ничего не помогало.

Отец думал: «Смогу ли я отныне вообще чувствовать себя где-либо в безопасности? Неужели КГБ уже прекратил погоню? Нет, если он ее начал, то его ничто не остановит». Внутренний голос возражал: не психуй, ты свободен! Однако далее отец рассуждал: «Ладно,

свободен, но что с того? Я восхищаюсь Америкой, люблю ее, но ведь я понимаю, что приспособиться к нынешней жизни будет нелегко и пройдет немало времени, прежде чем я устроюсь, обзаведусь друзьями. И вообще — где я найду друзей? В Нью-Йорк — прямо в объятия КГБ — я вернуться не могу. А ведь это единственный мой дом в США. Где я обоснуюсь, если мне придется распрощаться с ним? К кому я пойду, если Лина откажется присоединиться ко мне, а Анну не выпустят из Москвы? О приезде Геннадия, у которого своя семья и маленький сын, я и мечтать не должен».

Одновременно отец думал о Льве Троцком, который якобы был в безопасности в Мексике, о полуполюгендарном агенте НКВД Л. Маневиче, организовывавшем в довоенной Европе похищения и убийства советских перебежчиков, об уничтожении Вальтера Кривицкого, о других исчезновениях и таинственных смертях.

Отец заявил сотрудникам американских спецслужб: «Я говорил вам, что вначале мне понадобится защита, но я не хочу, чтобы меня охраняли вечно. В конечном итоге самое безопасное место для меня — быть общественной фигурой. Конечно, я боюсь. Но чем больше я буду заметен, тем вероятнее, что все поймут, если со мной случится беда, — тут дело рук Советов. Они, разумеется, могут мне отомстить, но тогда дорого за это заплатят. Будет грандиозный скандал. Я не собираюсь делать пластическую операцию или скрываться — все равно не поможет. Если они меня найдут в моем тайном убежище через десять лет и прикончат, то все будет шито-крыто. А я хочу, чтобы моя ликвидация им дорого обошлась. Кроме того, вести подпольный образ жизни — значит поменять одну тюрьму на другую. Тогда уж лучше мне вернуться в Москву и провести остаток дней, сидя в собственном садике на даче в Валентиновке и читать романы. Ведь если я добровольно приеду в Москву и повинюсь — меня не посадят в тюрьму».

В конце концов отец понял, что в первые годы его пребывания в США ему будет нужна защита профессионалов, и он принял все предлагаемые ими меры, необходимые для его безопасности, исключая изменение внешности.

В девять часов утра на следующий день отец позвонил жене, однако ему ответил незнакомый мужской голос. Ю. Дроздов рассказывал, что Лину Шевченко привезли в советское представительство уже на рассвете. Отец был зол на себя и мою маму. Надо было рискнуть и довериться ей. Почему он не придумал что-нибудь? Почему не попросил ребят из ЦРУ покараулить ее? Почему она не дождалась его звонка? Однако теперь все было напрасно. Отец получил свободу, но в тот момент она не стоила для него и ломаного гроша. Он был в состоянии полной прострации и тупо смотрел на телефон.

В дальнейшем отца скрывали в различных гостиницах и на конспиративных квартирах. Проживая в этих, по его словам, безликих клетушках, он испытывал жуткую депрессию, с ужасом думая о том, что вот так может пройти вся оставшаяся жизнь.

Один раз к нему прибежал взволнованный сотрудник ЦРУ: «Мы должны немедленно выметаться отсюда. Проклятый клерк в гостинице увидел вашу фотографию в местной газете и вспомнил о вас, рассказал, что вы здесь зарегистрировались. Пресса скоро будет. Мы пропали. Если они об этом знают, то и КГБ тоже уже в курсе».

Люди, с которыми мой отец имел дело в США, были вежливыми и терпеливыми. Единственно, что было плохо, — казалось, период неопределенности затянется навечно. Как все было не похоже на кагэбэшные рассказы о давлении на перебежчиков, о проверках, которым они подвергались в ЦРУ или ФБР! Отец писал, что его ни разу не подвергли допросу с пристрастием,

не подключали к детектору лжи или другим аппаратам. В то же время, по моему мнению, своей неоценимой помощью американскому правительству мой отец доказал свою искренность (он не был двойным агентом), и поэтому спецслужбы США к нему так хорошо относились.

20 апреля отца привезли в Вашингтон, чтобы облегчить длительные переговоры между отцом и различными правительственными чиновниками. Для отца это был еще один шаг в неизвестность. Он продолжал волноваться, как там Лина, думал о том, увидится ли когда-нибудь с дочерью и сыном, ему было неясно, сможет ли он приспособиться к жизни в незнакомом городе. По прибытии в Вашингтон сотрудники ФБР познакомили его со своими сослуживцами, которые заступили на их место. Они сказали, что отвезут его на конспиративную квартиру ЦРУ в пригороде. Мой отец удивился: «Зачем? Ведь я сказал, что хочу жить открыто».

Они ответили, что это временно, и напомнили: первые недели после побега всегда самые опасные.

Дом оказался очень симпатичным, снаружи он выглядел как обычный пригородный особняк, окруженный цветущими деревьями и азалиями, которыми по праву славится вашингтонская весна. Отцу предоставили спальню и маленький кабинет. Домоправительница, родившаяся в Восточной Европе, готовила отцу его любимые блюда, в частности борщ. Ему никто не мешал, и было время расслабиться, прийти в себя после всех переживаний.

В Вашингтон отец приехал с несколькими рубашками и парой смен белья. Он сказал сотруднику ФБР, что ему нужно купить одежду, однако тот возразил: появляться в публичном месте без изменения внешности было опасно и хотя бы первое время этим нельзя

пренебрегать. Отец запротестовал: «К чему весь маскарад? Вы ведь постоянно будете рядом».

Однако агент настаивал на своем, и отец надел темные очки и наклеил усы. Вся процедура доставила ему несколько веселых минут. Направляясь в магазины, они перебрасывались шутками, но отец прекрасно знал, о чем думали его телохранители: для агентов КГБ, которых в Вашингтоне предостаточно, перебежчик представлял собой потенциальную мишень для убийства либо похищения.

Во время его экскурсии по магазинам отец чувствовал себя не в своей тарелке и решил, что с него хватит, — больше никакой маскировки. В конце концов, не зря же он столько лет был американским шпионом — данные уловки ему не нравились. Он знал, что жить открыто — значит подвергать себя некоторому риску, но этот риск всегда был частью его цены за свободу.

Мысль о семье неотступно преследовала его, он изыскивал малейшую возможность для воссоединения. Вскоре после того, как он обосновался в доме, ему переслали материалы из ООН, среди которых было несколько семейных фотографий, и отец целыми часами рассматривал их. Он был готов на все, чтобы восстановить контакт с Линой и детьми, но понимал, что американское правительство не могло помочь ему. Отцу нужно было содействие со стороны. К тому же ему были необходимы советы и по другим практическим вопросам, так что он решил обратиться к местному адвокату. Правительственные агенты представили отцу список вашингтонских юристов. Среди них был В. Геймер, занимавший ранее высокий пост в Государственном департаменте США. Отец остановил свой выбор на этом профессионале высокого класса.

Следовательно, первый год проживания в США был для отца весьма беспокойным. А тут еще странная, по

его мнению, смерть жены. Затем — предательство молодой женщины, которую он полюбил...

Отрезав себя от родины, семьи и детей, от работы в ООН — от двух миров, составляющих его жизнь, он уже тосковал по ним. Как скучал и по друзьям, жившим в этих мирах и которых он теперь потерял навсегда. Он понимал, что ему придется начать жизнь сначала в его сорок семь лет, завести новых друзей, а может быть, и новую семью. Но как, где? Он почувствовал себя очень старым и одиноким.

Отец предпринимал большие усилия, чтобы установить контакты со своими детьми. 23 мая он написал письмо Громыко, требуя, чтобы советское правительство позволило отцу встретиться с дочерью. Ответа не было. Президент США Дж. Картер и Государственный секретарь С. Вэнс прислали отцу полные сочувствия ответы, но отмечали, что сделать ничего не могут. Отец решил действовать на свой страх и риск. Геймер вызвался поехать в СССР, чтобы попробовать найти нас с сестрой. Однако ему не дали советской визы. В дальнейшем отец предпринимал все усилия, чтобы связаться с нами, одновременно понимая, что делать это надо было очень осторожно. КГБ был в курсе практически каждого шага перебежчика, не говоря уже о жизни его детей в СССР. Все отцовские письма попадали к начальнику службы безопасности МИДа М.И. Курышеву.

Кстати, через несколько месяцев после своего побега отец прислал своей дочери Анне одно такое письмо, в котором просил ее приехать к нему на постоянное место жительства и писал, что она будет владеть всем его имуществом в США. Кроме того, он отмечал, что открыл на ее имя счет на крупную сумму в швейцарском банке. Отец также предлагал мне приехать к нему. Письмо мне показал в МИДе М.И. Курышев, запретив, однако, рассказывать о нем даже

сестре. О данном письме я сообщил сестре только тогда, когда она связалась с отцом во второй половине 80-х годов. В дальнейшем, в 1992 году, отец, попав под влияние молодой жены Наташи, по-иному распорядился своим имуществом в США.

Глава 3

РОДОСЛОВНАЯ НАШЕЙ СЕМЬИ

Начнем с родителей моего отца. Шевченко Николай Иванович 1897 года рождения всю жизнь проработал врачом. В первые годы после революции 1917 года служил земским доктором. Когда ему было немногим более двадцати лет, он оказался единственным врачом на сто километров в округе. Это был человек огромной силы и храбрости. Один раз, как рассказывала его жена, моя бабушка, ее захватили махновцы, ибо она была необыкновенной красоты женщина. Мой дед пришел к Н.И. Махно, которого он некоторое время лечил, и потребовал, чтобы его жена была немедленно освобождена. И, как ни странно, великий анархист дал указание своим браткам, и моя бабушка была отпущена в целости и сохранности. Бабушка рассказывала, что дед мог кулаком убить быка и на своей спине поднять огромный шкаф на несколько этажей. В 1935 году родители отца переехали в Евпаторию, где дед сначала стал главным врачом, а затем начальником крупнейшего военного санатория. В 2002 году, в честь 80-й годовщины со дня его создания в Евпатории, была издана книга «История санатория. Евпаторийский Центральный детский клинический санаторий Министерства обороны Украины». В книге в числе прочего рассказывается, как в сентябре 1944 года санаторий возвратился из эвакуации: «Тяжелую картину увидели сотрудники. Все спальни и лечебные корпуса были взорваны, лежали в руинах. Исключительно трудное и голодное было время, но люди, воодушевленные предстоящей победой над врагом, были охвачены каким-то фанатичным энтузиазмом. Работали от зари до зари, кормили, учили, воспитывали

тяжелобольных детей, расчищали и разбирали развалины, благоустраивали территорию. Санаторий постепенно восстанавливался, строились новые корпуса и открывались новые отделения... Значительный вклад в это дело внесли начальники санатория Н.И. Шевченко и А.П. Гущин». Книгу я купил совершенно случайно. В течение нескольких лет я ездил с женой Ниной и сыном Аркадием в Евпаторию. А в 2002 году мы поехали с ним вдвоем. Я постарался отыскать административное здание крупнейшего в Евпатории санатория. Мы зашли внутрь, и я сказал дежурившей там сотруднице, что мой дед был одним из основателей данной здравницы. Она-то и показала мне книгу, которую я немедленно купил. Мы с Аркашей сфотографировались на фоне этого санатория.

Мой отец вспоминает в своей книге «Разрыв с Москвой», что однажды вечером в начале февраля 1945 года его отец, заметно возбужденный, сказал, что он должен немедленно отправиться на аэродром, расположенный между Симферополем и Сочи. Туда приедут какие-то важные лица, и все являлось совершенно секретным. На другой день, вернувшись домой, мой дед рассказывал, что не только видел Сталина, но и даже пожимал ему руку, а также познакомился с руководителями союзников — Рузвельтом и Черчиллем, которые направлялись на конференцию в Ялту. На аэродром моего деда вызывали по следующей причине: советская сторона хотела, чтобы несколько врачей, посмотрев Ф. Рузвельта на близком расстоянии, дали оценку слухам насчет его плохого здоровья. По словам моего деда, все врачи сошлись на том, что Рузвельт и в самом деле выглядел нездоровым и очень усталым.

Мой дед был чрезвычайно добрым и душевным человеком. Дети, которых он лечил, очень его любили и буквально висли на нем во время врачебных обходов. В

санаторий часто приезжали также отдыхать высокопоставленные чиновники из Москвы, в частности будущий первый заместитель Громыко В.В. Кузнецов, ставший в дальнейшем наставником дипломата Шевченко. Многие известные киноактеры посещали элитную здравницу, в частности народная актриса СССР В.П. Марецкая, которая один раз нарядилась в официантку и прислуживала моему деду. Он часто подолгу задерживался на работе, и Аркадий ревновал его к чужим детям, с которыми врач проводил столько времени.

Мой дед скоропостижно умер в конце 1949 года от кровоизлияния в мозг. В Евпатории он пользовался большим авторитетом, ибо никому не отказывал в помощи. Некоторых людей он спас от сталинских репрессий, например Мину Моисеевну Фишгойт. Однако у всех людей были недоброжелатели. Сослуживцы, мечтавшие занять должность деда, постоянно направляли на него жалобы в Москву. Антисоветчину приписать ему было невозможно, поэтому в этих доносах отмечалось, что дед проявляет чрезмерную активность в своих симпатиях к лицам женского пола. Несмотря на то что должность начальника санатория была генеральская, дед до самой своей смерти так и остался подполковником медицинской службы, хотя его заместители были полковниками. Правда, после смерти Н.И. Шевченко мой отец получал генеральскую пенсию, обучаясь в МГИМО. Если бы не жалобы и загадочная смерть деда, то в Евпатории наверняка была бы улица, названная в его честь. Кстати, бабушка после смерти своего мужа отдала государству пятикомнатную квартиру в центре города, получив вместо нее двухкомнатную.

Многие мне говорили, что я очень похож на моего деда внешне, только он был полнее и выше меня ростом.

Николай Иванович Шевченко имел очень большую семью. Его родной брат Владимир Иванович Шевченко работал в Москве. Двоюродный брат деда был директором Большого театра, к сожалению, его фамилии я не помню. Но я помню, как мы с отцом пришли к нему в гости в 1970 году на улицу Горького. Там дядя отца проживал в большой квартире вместе со своей первой (бывшей) женой — известной актрисой Обуховой и молодой женой, от которой у него был сын, мечтавший поступить в МГИМО. Мы, собственно, с отцом и пришли в гости к его дяде, чтобы я рассказал его сыну, каким образом можно попасть в этот элитный институт и как нужно готовиться.

Когда Н.С. Хрущев спросил отца, не является ли он потомком великого украинского поэта Т.Г. Шевченко, то отец сказал, что нет. Однако отрицательный ответ отца был связан с тем, что никаких документальных доказательств по данному поводу не имелось. Но дядя отца Владимир Иванович Шевченко (мне кажется, что он даже имел некоторое сходство с Т.Г. Шевченко) был полностью уверен, что дальнейшее родство мы с великим поэтом имеем. Мой дядя проживал на улице Горького (ныне Тверская), недалеко от площади Маяковского.

Интересная родословная у моей бабушки (1901 г. рождения) — матери отца, Софьи Ивановны. Ее мама, урожденная Шишкина Мария Трофимовна, была родственницей известного русского пейзажиста Ивана Ивановича Шишкина, учредителя общества передвижников. Возможно поэтому старший брат отца Геннадий, в честь которого меня назвали, очень хорошо рисовал. Он прошел почти всю войну, был летчиком. Младший лейтенант Геннадий Николаевич Шевченко героически погиб 17 августа 1944 года в воздушном бою над Польшей. Похоронен недалеко от Варшавы. Парадокс, но немцы сбили его именно над Польшей.

А ведь отец бабушки, Ляшко Иван Лукьянович, польского происхождения. Его дальний предок — Ян Ляшек — вместе с выдающимся деятелем польского национально-освободительного движения Таудеушем Костюшко принимал участие в войне за независимость североамериканских колоний в 1776–1783 годах (Гражданская война в США). Бабушка рассказывала, что ее отец был столбовым дворянином, однако документы не сохранились.

Отец моей мамы, Концевич Йозеф Михайлович, умер в 1929 году при невыясненных обстоятельствах, возможно, был репрессирован в связи с тем, что его отец и мать были дворянами. Никаких документов, его фотографий не сохранилось, и даже свидетельство о рождении мамы было уничтожено моей бабушкой. В конце 80-х годов я специально посылал письменный запрос в Витебскую область, где мама родилась. Мне пришел официальный ответ, что документов не найдено. Дочь родной сестры моего деда сохранила до сих пор оригинал дореволюционного свидетельства о рождении своей тетки. Там указывается, что Михаил Концевич и его жена являлись дворянами. Моя тетка рассказывала, что у моего деда также был брат Иван. В январе 2003 года я случайно увидел книгу Ивана Михайловича Концевича (1893–1965) «Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси» — русского богослова, который эмигрировал из России в 20-х годах. Он окончил Сорбонну в 1930 году, Богословский институт в Париже — в 1948 году. Переехал в Америку, где преподавал богословие, русский язык и литературу. В предисловии к своей книге он пишет, что переписка с младшим братом была возможна до 1926 года, затем связь прекратилась. Вполне возможно, что это был родной брат моего деда. К сожалению, в книге нет фотографии Ивана Концевича, да и фотография моего деда не сохранилась.

Родители бабушки по матери — Концевич Анны Ксаверьевны — были также дворянского происхождения.

Ее отец, Немиро Ксаверий Селивестрович, помещик, родовитый дворянин. Бабушка рассказывала, что у него было 300 коров и 300 лошадей. В 1916 году он купил большой дом в Москве, однако незадолго до 1917 года прадедушка умер. Бабушка часто говорила, что ее отец был очень добрым и хорошим человеком, прекрасно относился к своим крестьянам. Поэтому они не разрушили его поместье во время революции. Что нельзя было сказать о советской власти — почти все старшие дети моего прадеда были сосланы в Сибирь, некоторые расстреляны во время сталинских репрессий. Один из братьев бабушки, Адам, который был выслан в Сибирь с конфискацией имущества, в середине 50-х годов вернулся, старый и больной, в Москву, заходил к нам, рассказывал моему отцу свою историю. Он с ожесточением перечислял свои счета к советской власти, говорил о том, как она грабила даже крестьян, какой террор установила в Литве. В начале 50-х годов в лесах Западной Белоруссии и Украины, а также в Литве советские войска вели «партизанскую войну» с местным населением.

Мама моей бабушки, Гаевская Текля (по-русски Фекла) Ивановна, была обедневшей дворянкой из древнего рода Гаевских; согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Эфрона — дворянского литовско-русского рода, восходящего к началу XVII века и записанного в VI родовой книге губерний: Витебской, Подольской, Волынской и Виленской. Она вышла замуж в 1905 году за моего прадедушку, который уже имел семерых взрослых детей. В 1906 году родилась моя бабушка Концевич (Немиро в девичестве) Анна Ксаверьевна. Мать бабушки после революции 1917 года

сумела сохранить котелок с золотыми монетами, которые были поделены между всеми членами ее семьи.

Как я уже отмечал, мой дед-дворянин умер в 1929 году, когда моей маме было шесть месяцев от роду. В начале 30-х годах бабушка с маленькой дочкой приехала в Москву искать работу через биржу труда. Ей удалось устроиться в систему торговли Москвы. Через несколько лет она познакомилась с инженером В. Арсентьевым, который, возможно, был чекистом. С ним бабушка ездила в продолжительные заграничные командировки в Австрию и Румынию в 1947-1948 годах, где ее гражданский муж являлся, как говорила бабушка, начальником отдела по репатриации советского имущества в этих странах. Кстати, Главное управление советского имущества за границей возглавлял соратник Л.П. Берии, министр госбезопасности В.Н. Меркулов. Муж бабушки также ездил один раз в командировку в США. Он рассказывал, что, когда возвращался из Америки на теплоходе, в его каюту пытались ворваться какие-то люди, и ему пришлось съесть секретный пакет, который он вез в Москву. Так что, я думаю, он был не простым инженером.

Мой отец родился 10 октября 1930 года в шахтерском городе Горловка на Украине. Раннее его детство было счастливым, хотя родители тогда были не богаты — Н.И. Шевченко работал главврачом в маленькой больнице для железнодорожников, где его жена была медсестрой.

Когда отцу исполнилось пять лет, родители переехали в Евпаторию, курортный город в Крыму на берегу Черного моря. Там мой дедушка получил повышение. Незадолго до этого в 1934 году мой дед во время одной инспекционной поездки (санпохода) познакомился с М.А. Сусловым — будущим «серым кардиналом» ЦК КПСС.

Сначала дед стал главным врачом, а затем, незадолго до Великой Отечественной войны, начальником туберкулезного санатория для детей высокопоставленных военных чинов и служащих. Поэтому материальное положение семьи сильно изменилось. Мой дед стал одним из первых лиц в Евпатории.

В школе мой отец не отличался особым прилежанием. Ему нравились литература и история, по этим предметам он всегда получал пятерки, но по математике и естественным наукам он имел низкие оценки, а в восьмом классе его даже оставили на второй год. В хорошую погоду он завел привычку прогуливать школу и отправлялся на море с книжкой. Целый день плавал и читал. Одним из самых страстных его увлечений стало коллекционирование марок: в семь лет он уже знал названия большинства стран и колоний. Так пробуждался его интерес к миру, лежащему за пределами СССР.

В детстве отец был отчаянным хулиганом. Когда к его брату Геннадию приходили девушки, мой отец поджидал их, спрятавшись в ветвях яблони с кувшином воды, и, когда они проходили мимо, обливал их водой.

В школе отец постепенно подпадал под влияние советской системы, рос патриотом, гордился своими пионерскими делами и был глубоко убежден в том, что все хорошее вокруг нас возникло только после революции. С самого детства ему постоянно вдалбливали эти истины. Учителя и вожатые твердили, что мы живем в обществе всеобщего благосостояния, самом лучшем и счастливом на протяжении всей истории человечества. Наше будущее было прекрасно, но надо было быть бдительными — у нас много врагов: капиталисты только того и ждут, чтобы отобрать у нас все, что мы имеем, и превратить нас в рабов. Моего отца

учили, что в любом случае он должен быть готов отдать жизнь за родину, за коммунизм.

В 1941 году счастливое детство моего отца оборвалось. Когда стали поступать сообщения об отступлении Красной армии, отец спросил у своего отца, что происходит, но тот не сумел ответить. В разговоре с одноклассником мой отец высказал свое недоумение по поводу наших поражений. Данный разговор дошел до моего деда. Он сказал своему сыну следующее: «Аркаша, правда то, что ты говоришь, или нет — это не важно. Важно, что думают люди. Нельзя каждому встречному-поперечному выкладывать все, что может взбрести в твою самоуверенную голову. Тебя назовут пораженцем. Все подумают, что ты набрался этих идей у меня или мамы. Ты хочешь, чтобы на нас донесли? Ты знаешь, что делают с предателями. Их расстреливают. Ты хочешь, чтобы нас расстреляли? Ты уже достаточно большой, чтобы соображать, что к чему. Держи язык за зубами, говори только то, чему тебя учат, делай то, что делают другие, и храни свои мысли при себе — тогда все будет в порядке».

В конце 1944 года у моего отца состоялось знакомство с чекистами. Вместе со своим приятелем он посетил церковь на Рождество. Зажженные свечи, пение, запах ладана, торжественность обряда и роскошь одеяний священника — все это удивило и очаровало его. Однако на следующий день его вызвали в НКВД к подполковнику Мигулину. Седой, изможденный человек, сидящий за заваленным бумагами столом, сказал отцу, что он совершил серьезную ошибку, побывав в церкви, но что он может ее исправить, назвав тех, кто был с ним. Там, кстати, присутствовали несколько ответственных чиновников Евпатории, членов партии. Но мой отец сказал, что в толпе никого не узнал, и вышел из отдела НКВД с напутствием перестать шляться по церквам.

Школу отец закончил в 1949 году и не очень представлял себе, какую профессию выбрать. Одно время он хотел стать летчиком, как старший брат Геннадий, затем пристрастился к кино, интересовался и режиссерской работой. В Евпатории он играл в любительских кружках и проявил своеобразный талант. А когда он приехал в Москву, как я уже отмечал, снимался в эпизодической роли в фильме «Встреча на Эльбе». Известный актер П. Кадочников подарил ему тогда открытку со своей фотографией из фильма «Повесть о настоящем человеке» с надписью: «Аркаше — другу». Однако отец не захотел профессионально сниматься в кино. В фильме «Встреча на Эльбе» его заставили десятки раз подниматься и опускаться с трапа самолета. «Нет, это не для меня», — решил он. А тут Ю.А. Жилин, двоюродный брат отца (будущий ответственный работник Международного отдела ЦК КПСС), учившийся в Москве в МГИМО, уговорил Шевченко попробовать поступить в элитный институт, готовивший дипломатические и политические кадры. В то время в институт было поступить гораздо проще, чем в брежневские времена. Сейчас же надо иметь деньги — стоимость обучения составляет от 5 до 7 тысяч долларов в год, да и это не гарантирует поступления в вуз для избранных и богатых людей.

Во времена отца имелась какая-то степень интеллектуального конкурса (по литературе, истории и географии — главные предметы для поступления — отец имел пятерки), хотя критерием для приема являлись не одни только отличные отметки. У Аркадия Шевченко в семье все было в порядке, и никто не занимался антигосударственной деятельностью. Его отец занимал генеральскую должность. Кроме того, у будущего студента МГИМО была специальная рекомендация Евпаторийского райкома партии. Помимо этого, МИД СССР после войны весьма нуждался в

дипломатических кадрах. После снятия в 1939 году М.М. Литвинова с поста наркома иностранных дел (он оставался заместителем до 1943 г.) из наркомата стали выгонять евреев, а они составляли большинство в руководстве и среди послов. В.М. Молотов, в частности, вспоминал, что Сталин приказал тогда ему убрать из наркомата всех евреев. Бывший ректор Дипломатической академии, профессор В.И. Попов отмечает, что недостаток квалифицированных дипломатических кадров стал ощущаться в конце 30-х годов, когда было репрессировано более 100 дипломатов, в том числе послы в четырнадцать странах, среди них Розенгольц (полпред в Англии), Крестинский (замнаркома, посол в Германии). Арестовали уже после войны И.М. Майского (посла в Англии), обсуждался вопрос об аресте М.М. Литвинова. Даже о таких видных наших дипломатах, как Чичерин или Литвинов, о которых весь мир говорил с уважением, руководство страны отзывалось уничижительно.

В 1946–1948 годах, как отмечает В.М. Фалин, закончивший институт в 1950 году, МГИМО тоже попал в полосу репрессий. Слухи ползли самые разные — кто-то во время учебы скрыл, что общался с «врагами народа»; других вроде бы разоблачили в связях с реальным врагом в годы войны; третьих якобы уличили в принадлежности к «тайной группе», изучавшей по ночам книги Л. Троцкого, Н. Бухарина и др.

Как подчеркивает Л. Млечин, в общей сложности в Наркоминделе было репрессировано две с половиной тысячи сотрудников, посадили полсотни полпредов, почти всех руководителей отделов.

Этим объяснялась острая нехватка дипломатов, особенно на руководящих постах, на которые назначались даже выпускники МГИМО. 1 сентября 1949 года отец стал студентом международно-правового факультета МГИМО. Он изучал французский язык, чтобы

впоследствии работать во Франции. В те времена во главе каждого курса стоял начальник, обычно офицер или бывший офицер МГБ (затем КГБ). Начальник курса обладал полномочиями контролировать абсолютно все, даже личную жизнь студентов.

Бывший начальник аналитического управления КГБ СССР, генерал-лейтенант в отставке Н.С. Леонов, который поступил в МГИМО в 1947 году, в своей книге «Лихолетье. Секретные миссии» вспоминает, что институтские годы в целом остались в его памяти как тяжелое и неприятное время. Это был не храм науки, а карьерный трамплин. Студенты были трех мастей. Одни, так называемые «зеленошляпники», принадлежали к партийногосударственной элите. В нее входили дочери Молотова, Косыгина, маршала Жукова, сыновья министров. Второй по влиятельности, но очень тонкий слой составляли бывшие фронтовики. Они поступали на льготных условиях. Их звали стариками, так как они были на несколько лет старше остальных студентов. Многочисленной, но затюканной, презираемой массой были выходцы из простолюдинов, особенно из провинции. Без влиятельных родителей, опыта жизни они были тихими зубрилами, которые вели нескончаемую борьбу за выживание. Леонову, как и моему отцу, выпала честь принадлежать к этому непочетному легиону.

Отец отмечал, что учиться в институте было трудно. Кроме основных университетских курсов по праву, истории, экономике, литературе и других, в МГИМО велись еще и специализированные курсы по ряду предметов, а также интенсивно изучались иностранные языки. В основе всех предметов лежало тщательное постижение марксизма-ленинизма, диалектического и исторического материализма, политэкономии и научного коммунизма.

Однажды в институте отец пустился в разглагольствования перед самой неподходящей аудиторией, какую только можно было представить, — перед высокопоставленным офицером НКВД. Его дочка когда-то лечилась в санатории в Евпатории, и в знак благодарности за это полковник пригласил отца с его матерью на обед. Тогда отец вдруг стал перечислять вещи, с которыми в советском обществе было что-то не в порядке. Он говорил об отсталости сельского хозяйства, о том, как плохо живут московские рабочие, как медленно идет строительство в Евпатории, как несправедливо обошлись с коллегами-врачами деда и т. д. В ответ на это полковник НКВД сказал следующее: «Аркадий, я очень любил твоего отца, поэтому выслушай меня, как друга. Ты молод, и тебе необходим серьезный совет. Ты слишком много болтаешь, что может тебе повредить. Думай что хочешь, но держи язык за зубами. Это, может, и не очень приятно, но не страшно. А если ты будешь говорить все, что придет тебе в голову, то последствия могут оказаться крайне нежелательными. Твой отец был прекрасным человеком, не марай его памяти».

В начале 1951 года на катке в парке Горького отец познакомился с моей мамой — студенткой Института внешней торговли, хорошенькой, стройной блондинкой. Это была любовь с первого взгляда. Отец фактически отбил маму у другого студента МГИМО, своего приятеля, высокого красавца И.Л. Рабковского (я его встречал в Евпатории в 2002 году. Это был подтянутый пожилой мужчина, который не потерял шарма в свои семьдесят три года). Нужно отметить, что моя мама чуть не сбежала к нему перед своей свадьбой с отцом, но бабушка сумела убедить дочь в том, что мой отец был более выгодным женихом. Отец также очень понравился своему будущему тестю Арсентьеву. Мама безумно полюбила отца в дальнейшем. Однако его любовь с

течением времени, наоборот, ослабевала. 25 мая 1952 года родился я.

В 1954 году отец закончил с отличием международно-правовой факультет МГИМО и поступил в аспирантуру, а в октябре 1956 года пришел на работу в качестве атташе в Отдел международных организаций МИДа СССР, где стал заниматься вопросами разоружения. В сентябре 1958 года, проработав в министерстве почти два года, отец впервые получил возможность поехать за границу — и не куда-нибудь, а в США. Это было мечтой его детства, образ далекой и таинственной Америки годами витал в его воображении, ничуть не уступая сказочным видениям «Тысячи и одной ночи». Бывал он и в Европе. Почти весь 1962 год отец провел в Женеве в составе советской делегации в Комитете по разоружению. Там он, в частности, познакомился с главой делегации СССР В.В. Кузнецовым.

Благодаря своим способностям, трудолюбию и таланту отец быстро продвигался по служебной лестнице. В 1963 году его уже назначили первым секретарем и он полетел в любимый Нью-Йорк. В 1965–1968 годах отец стал советником, а в 1968–1970 годах — старшим советником, заведующим политической референтуры Постоянного представительства СССР при ООН в Нью-Йорке. В 1970–1973 годах он являлся личным советником А.А. Громыко. В том же 1973 году отец стал Чрезвычайным и Полномочным послом СССР. Представление А.А. Громыко на этот высший дипломатический ранг было подписано лично Л.И. Брежневым.

Отец писал, что первые годы его брака, несмотря на относительную бедность, были по-настоящему счастливыми. Моих родителей не волновали даже стесненные жилищные условия. Они ютились в комнатухе коммунальной квартиры, недалеко от завода «Серп и Молот», где жили еще две семьи, одна

из которых состояла из девяти человек. В небольшой комнате была сооружена самодельная перегородка, за ней спали мои родители. В ванной бродили огромные черные тараканы. Как мне рассказывала мама, когда мне было один год, я схватил одного из них и проглотил. В конце 50-х — начале 60-х годов я прогуливался мимо ларьков около Рогожского рынка, где продавалось мороженое и конфеты «Мишка» по 10 копеек за штуку, но часто есть их у меня не было возможности. Когда отец возвращался с работы из МИДа, я сразу же бросался к его кожаному портфелю и спрашивал, что он принес. Особенно мне нравился длинный белый хлеб по 22 копейки, похожий по форме на крокодила. Теперь такой уже давно не выпекают. Мне он казался необыкновенно вкусным.

Бабушка до 1962 года проживала также в небольшой комнате в общей квартире на Авиамо­торной улице. Несмотря на длительные поездки с гражданским мужем за границу и работу в торговле, она жила не богато. Все свои сбережения Арсентьев перед смертью, в середине 50-х годов, отдал своему сыну от первого брака. После рождения 20 февраля 1962 года моей сестры Анны мы сменяли наши комнаты в общих квартирах на двухкомнатную квартиру на Рабочей улице, где прожили до 1966 года. Затем отец вступил в жилищный кооператив и приобрел четырехкомнатную квартиру на Фрунзенской набережной.

Глава 4

УЧЕБА В ЭЛИТНОМ МГИМО

В 1970 году я поступил на международно-правовой факультет Московского государственного института международных отношений МИДа СССР (в настоящее время МГИМО (университет) МИДа России). В мое время студенты придумали, по крайней мере, два варианта расшифровки этого сокращения: «много гонора и мало образования» и «место, где институтки могут отдохнуть». Основное здание института находилось возле Крымского моста — одного из самых красивейших мостов через Москву-реку, рядом с парком имени Горького, в пятнадцати минутах ходьбы от нашего дома на Фрунзенской набережной, недалеко от красивой, словно игрушечной, православной церкви Святого Николая на Хамовниках, где в 1989 году я крестил второго сына Аркадия, названного в честь деда.

До революции в здании института в течение сорока лет был Катковский царский лицей (лицей цесаревича Николая), а после большевистского переворота 1917 года там выступал В.И. Ленин. Затем здесь помещался Институт красной профессуры — элитарная академия для марксистско-ленинских идеологов и вождей. Сначала Л.Д. Троцкий и его сподвижники, а потом Н.И. Бухарин учились, преподавали и проводили партийные дискуссии в этих стенах. Однако в конце концов большинство из них оказались слишком умными на свою же голову, и вождь всех времен и народов И.В. Сталин ликвидировал академию. Более половины ее профессорско-преподавательского состава угодило в тюрьмы, лагеря или было расстреляно. Когда для МГИМО в 1985 году было построено огромное новое здание на проспекте Вернадского, в историческом доме

возле Крымского моста расположилась уже Дипломатическая академия МИДа СССР (затем МИДа России) — очередное элитное учреждение, где в советское время училась главным образом партноменклатура для того, чтобы занять теплые места за рубежом, а сейчас дипломатическому искусству приходят обучаться новые русские и элита «демократии».

Видимо, по российской традиции основной массе простого народа, как было раньше, так и сейчас, чрезвычайно сложно учиться на дипломатов. Пожалуй, в настоящее время МГИМО доступен только элите «нового демократического» общества, ибо это самый дорогой вуз в России. В частности, студентом МГИМО являлся внук Б.Н. Ельцина, Борис-младший, который в 2002 году (правда, дед уже не был президентом России) так начал задирать нос перед другими студентами, что они его избили. После данного инцидента он перевелся в МГУ. Дочка наичестнейшего демократа, бывшего мэра Петербурга А.А. Собчака также обучается в этом вузе и снимает дорогостоящую квартиру на Фрунзенской набережной. Своих сынков и дочек устраивают в МГИМО многие современные правые и левые лидеры и депутаты. Для учебы в институте на платном отделении необходимо иметь от 5 до 7 тысяч долларов США в год (то есть 30–35 тысяч долларов за пять лет). Подготовительные курсы стоят 2,5 тысячи долларов США в год (когда я позвонил туда в июне 2004 года, мне сказали, что прием на данный год уже закончен, значит, и тут очередь. Что сие означает, мы все прекрасно знаем еще по советским временам). Но все эти суммы являются только официальными, что совсем не гарантирует поступления абитуриентов. В действительности нужно еще больше денег. Сейчас все поставлено на коммерческую основу. Между прочим, в советские времена, как мне рассказывал проректор МГИМО по

учебной части В.И. Менжинский, чадолюбивые восточные отцы предлагали по две машины «Волга» за прием их отпрысков в институт (тогда это были огромные деньги). Но даже за них никого не принимали. Существовала другая блатная система. Однако в те времена часть абитуриентов все же имела возможность, хотя и мизерную, поступить на очное отделение в МГИМО после службы в Советской армии или на подготовительный факультет, имея трудовой стаж.

Мою подготовку к институту родители начали с восьмого класса школы. Английский язык я изучал практически с первого класса. Кроме того, в 1966-м, 1968-1969 годах отец организовал мне поездки в Нью-Йорк на время школьных каникул. Но надо было также получить пятерки по географии, истории и сочинению. Я занимался по всем этим четырем предметам с преподавателями МГИМО. По истории я выучил наизусть более 3 тысяч дат и готовился по 10-томной «Всемирной истории». С географией было проще. С 1960 года я собирал марки почти всех стран мира, которые отец привозил мне из Нью-Йорка. У меня их было свыше 10 тысяч, что чрезвычайно способствовало изучению географии. С литературой (письменным экзаменом — сочинением) также повезло — 1970 год ознаменовался грандиозным юбилеем — 100-летней годовщиной со дня рождения великого вождя пролетариата — В.И. Ленина. Ленинская тема на 100 процентов должна была присутствовать на экзаменах в институтах, в том числе и в МГИМО, чем я и воспользовался, выучив наизусть несколько сочинений на эту тему.

Но даже при такой серьезной подготовке поступить в наш институт «без блата» было почти невозможно, а также необходимо было быть активным членом комсомола (ВЛКСМ). В школе номер 44 на Фрунзенской набережной, которую я закончил в 1970 году, я являлся заместителем секретаря комитета комсомола школы по

организационной работе. После ее окончания я получил рекомендацию райкома ВЛКСМ, необходимую для поступления в МГИМО. Однако и этого было недостаточно. Например, при мне абитуриенту поставили по географии четверку (непроходной бал), хотя он ответил правильно. В списках поступающих перед каждой фамилией абитуриента, которого следовало принять в МГИМО, стояла точка. У других шансов поступить было очень мало, будь они гениальны, как М. Ломоносов или А. Эйнштейн. Кстати, евреям вообще была закрыта дорога как в МГИМО, так и в МИД (да, и в КГБ). На этот счет существовали секретные инструкции. Для поступления на международно-правовой факультет необходимо было набрать по вышеуказанным предметам двадцать баллов (то есть четыре пятерки). Абитуриентов-женщин, как правило, заваливали. Считалось, что после окончания института они выйдут замуж и будут потеряны для работы в МИДе. МГИМО также был кузницей кадров Первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка). Например, начальники данного управления генералы Л.В. Шебаршин и В.И. Трубников, резидент КГБ в Нью-Йорке Б. Соломатин, заместитель председателя КГБ В.Ф. Грушко, начальник аналитического управления КГБ Н.С. Леонов и другие — все они закончили наш институт. Отцу на последнем курсе предлагали работать в КГБ, но он отказался. Когда я спросил его во время учебы в институте: «А не поступить ли мне после окончания МГИМО на работу в КГБ?» — отец мне ответил резко: «Ты что, с ума сошел?»

Дочь родного брата Генерального секретаря ЦК КПСС Любовь Брежнева тоже отмечает в своих мемуарах, что все престижные институты имели задолго до вступительных экзаменов так называемые «ректорские списки». В эти списки входили фамилии

абитуриентов, для которых экзамены были чистой формальностью.

На моих глазах приняли М. Горшеневу с двумя четверками, так как ее отец, ответственный работник МИДа, знал лично ректора института. Я же все четыре предмета сдал на пятерки, хотя вынужден признаться, что перед моей фамилией также стояла точка. Однако в сочинении на ленинскую тему я пропустил одну запятую. Об этом незамедлительно сообщила моим родителям преподаватель МГИМО по литературе, с которой я занимался дополнительно перед экзаменом. В результате я все же получил пятерку. Но уже после сдачи экзаменов пришлось понервничать. Абитуриенты проходили медицинскую комиссию врачей института. Мне врач прямо заявила, что в связи с моей высокой близорукостью я не смогу учиться в институте. С данной проблемой я столкнулся и при распределении на работу в МИД. Я сказал врачу, что мой отец — посол. «Подумаешь, посол! — ответила она. — А в какой стране?» — «Мой отец — заместитель Генерального секретаря ООН», — подчеркнул я. После этого воцарилось молчание. Я обратился к В.И. Менжинскому — другу отца, в связи с данной проблемой, и она была быстро разрешена. Бедные талантливые студенты, сдавшие экзамены на все пятерки, неизбежно бы столкнулись с институтскими врачами, а полностью здоровых людей, как правило, не бывает. По этой же причине трудно было попасть на работу в МИД, но только тем выпускникам, у которых не было высоких связей. Например, у сына старшего помощника А.Н. Косыгина С.Б. Бацанова была близорукость еще выше, чем у меня, но это не помешало ему поступить в МИД.

5 июня 1975 года решением Государственной экзаменационной комиссии МГИМО мне была присвоена квалификация юрист-международник со знанием языка. Двадцать один год ранее тот же самый факультет

закончил с отличием мой отец. У меня же было в выписке из зачетной книжки четырнадцать пятерок, в том числе по государственным экзаменам — политэкономии и английскому языку, двенадцать четверок, а по остальным предметам зачеты. Для того чтобы иметь диплом с отличием, необходимо было иметь всего три-четыре четверки, а остальные пятерки. Однако, в связи с ранней женитьбой в 1974 году, красный диплом мне не удалось получить. Бабушка, у которой было хобби сватовства, буквально настояла на знакомстве с моей первой женой Мариной в 1972 году, когда я сидел на даче в Валентиновке и штудировал историю дипломатии. Совмещать ухаживания за весьма строптивой и избалованной девушкой, требовавшей походов в театры, кино, рестораны и так далее, с напряженной учебной работой в институте было чрезвычайно сложно.

Дипломная работа на тему «Договор о нераспространении ядерного оружия и его международно-правовое значение» была защищена мною на отлично. Декан международно-правового факультета, известный юрист, много лет являвшийся членом Международного суда ООН, Комиссии международного права ООН, Постоянной палаты третейского суда в Гааге, профессор, доктор юридических наук Ф.И. Кожевников, который был моим научным руководителем, объявил, что несколько дипломных работ признаны выдающимися, в том числе моя и Н.П. Смидовича. Однако такие оценки в дипломе не отмечались. При написании дипломной работы я использовал документы сектора по общим проблемам разоружения Отдела международных организаций МИДа СССР, где я проходил преддипломную практику в 1974 году. Кроме того, летом 1974 года отец организовал мне поездку в Нью-Йорк. Там я работал в библиотеке ООН, собирая материалы для диплома. У меня был пропуск в

ООН, в котором было записано: «сын высокопоставленного чиновника». В Нью-Йорке я впервые ознакомился с книгой А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», которую мне дал почитать резидент КГБ в Нью-Йорке генерал Б.А. Соломатин. Его жена была атташе советского представительства, а в действительности — офицером КГБ. Тогда я с интересом прочитал эту книгу, однако возмутился, что автор осмелился очернить В.И. Ленина. Правда, на мой протест отец никак не прореагировал, видимо, боялся откровенно говорить на данную тему. Настолько была сильна советская массовая пропаганда. Наши люди были просто зомбированы и молились на классиков марксизма-ленинизма как на идолов. Для того чтобы держать народ в подчинении, нужно было найти замену Богу, и коммунистам удалось на время это сделать. Однако, к сожалению, миф о «самом человечном человеке» жив до сих пор. То, что вдалбливалось на протяжении семидесяти лет, не искоренить за десять — двадцать.

Во время моей поездки в Нью-Йорк я проживал с отцом вдвоем в его квартире, и мы ездили в ООН вместе на его персональной машине марки «Бьюик» с советским шофером (отец меня сразу предупредил, что шофер работает на КГБ). Кстати, резидент КГБ в Нью-Йорке Ю.И. Дроздов также ездил на аналогичной белой машине, и отцу (когда он уже сотрудничал с ЦРУ) то и дело мерещилось, что Дроздов за ним следит. Но последний не мог этого делать открыто, ибо за ним постоянно шла американская «наружка».

Мама с моей сестрой Анной жила на даче в Гленкове. Главное здание «дачи», построенное в начале XX века, имитирует стиль шотландского замка. Существовала легенда, что один богатый американец построил его в подарок невесте. Сады, большой бассейн, фонтаны и скульптуры, огромная оранжерея с редкими видами

цветов, земельный участок в несколько гектаров земли с полянами и небольшим лесом — все это до сих пор поражает воображение, но уже когда я впервые посетил сей дворец в 1966 году, все было в ужасно запущенном состоянии. По легенде, молодая пара так и не смогла насладиться своим замком. По таинственным причинам оба покончили жизнь самоубийством. Ходили слухи, будто по замку блуждает призрак невесты. Дом пытались продать, но покупателей не нашлось, и цена падала все ниже. Американцы, как известно, очень суеверный народ. В конце концов в 1948 году замок за бесценок купило советское правительство. Когда я приезжал к отцу во время школьных каникул в 1966, 1968, 1969 годах, я часто смотрел фильмы ужасов по огромному телевизору, который стоял в большом зале этого особняка. Фильмы шли, как правило, ночью. При каждом скрипе двери я вздрагивал, но интерес был сильнее, так как в Москве таких фильмов невозможно было увидеть. В замке было много коридоров и овальных дверей, как правило сделанных из цельного ореха или дуба. Именно подобные двери и были в фильмах ужасов 60-х годов. Когда я открывал их, то мне казалось, что какое-нибудь чудовище или привидение набросится на меня. Кроме того, старинные лестницы, сделанные из дуба, всегда скрипели, и это создавало атмосферу таинственности и пугало детей. В Гленкове жили семьи старших дипломатов, начиная, как правило, с первого секретаря, а также прислуга, садовник и комендант. Дипломаты низших рангов, кроме сотрудников КГБ, были не достойны жить там. В подвале замка была роскошная бильярдная с двумя старинными столами для этой игры. Причем бильярдные шары были сделаны из слоновой кости. Летом, когда стояла страшная жара, а в подвале было прохладно (тогда кондиционеры были лишь в квартирах Постоянного представителя СССР при ООН Н.Т. Федоренко и заместителя Генерального

секретаря ООН), я часами тренировался, играя в бильярд, и по вечерам, когда приезжали дипломаты, я почти всех их обыгрывал.

Мы с отцом обсуждали книгу Солженицына, и я спросил папу, не боится ли он того, что его могут прослушивать американцы. В ответ отец бросил следующую фразу, которая меня сильно поразила: «Я не боюсь прослушивания со стороны американцев, лишь бы этого не сделал КГБ». Тогда же отец мне сказал, что готовит рукопись своих мемуаров для их издания в США. Я его спросил: «А советские власти в курсе?» Отец ответил: «Пока я об этом им не сообщал». На мои опасения, не будут ли у него неприятности, отец как-то неуверенно сказал, что поставит их в известность позднее. Как я выяснил уже в Москве, мемуары, рассчитанные на западного читателя, он начал писать на нашей даче в Валентиновке задолго до назначения на пост заместителя Генерального секретаря ООН. Там, на даче, я нашел несколько написанных рукой отца страниц, которые меня весьма удивили. Отец вспоминал, что еще в 1953 году он влюбился в девушку по имени Нина. Кстати, начальник службы безопасности МИДа Курытев говорил мне в 1979 году: «Мы (КГБ. — Г.Ш.) знаем эту Нину».

Следовательно, уже в начале 1974 года, а возможно и гораздо раньше, отец твердо решил остаться в США, и нужно отвести как несостоятельную, многократно повторяемую в советско-российской и просоветской зарубежной прессе и мемуарах версию о том, что ЦРУ или ФБР завербовало отца, шантажируя его связями с американскими проститутками. В 1974 году у него подобных связей точно не было. Между тем бывший начальник первого отдела Второго главного управления КГБ СССР (внутренняя контрразведка) генерал Р.С. Красильников в своей книге утверждает: «Шевченко, втянутый в «медовую ловушку» нью-йоркским

отделением ФБР при помощи «ласточки» — местной проститутки, сбежал к американцам, когда почувствовал угрозу разоблачения». Подобную версию повторяет бывший заместитель начальника службы безопасности МИДа СССР полковник КГБ в отставке И.К. Перетрухин в комментарии на мою статью в газете «Аргументы и факты» от 30 апреля 2003 года. Если бы все было так просто в деле отца! Отец, влюбившись на старости лет, пострадал в конце своей жизни и потерял все свое имущество в США не из-за «ласточки», а из-за акулы, приехавшей по туристической визе из СССР и, возможно, связанной с КГБ.

Пошел отец на трагический для его близких людей шаг, возможно, абсолютно добровольно и осознанно (хотя, может быть, у него и выбора не было), очень осторожно, намеком, предложив маме в 1975 году остаться вместе с ним.

Когда я вернулся в Москву из Нью-Йорка, отец попросил меня передать письмо от него директору Института США и Канады академику Г.А. Арбатову. Интересно, что последний жил в элитном цековском доме в переулке, находящемся недалеко от Старого Арбата. Письмо от отца я передал молодому, симпатичному человеку А.Г. Арбатову. В дальнейшем он стал доктором наук в Институте мировой экономики и международных отношений, крупным специалистом по вопросам разоружения. Затем он был заместителем председателя комитета Государственной думы России по вопросам обороны (блок Г.А. Явлинского) и часто выступал по телевидению.

Международно-правовой факультет МГИМО являлся самым сложным, учиться было тяжело, особенно на первом курсе, так как пришлось после школьной скамьи изучать юридические дисциплины по самым различным отраслям права. Студенты факультета были как бы

«подопытными кроликами», на которых испытывались новейшие правовые предметы.

Право США нам преподавал профессор М.В. Баглай, который стал в дальнейшем председателем Конституционного суда России (1997-2003). Его лекции были чрезвычайно интересными, и уже тогда чувствовалось — это человек независимый и он говорит то, что думает сам лично, ибо данный ученый-юрист еще в советские времена старался, в отличие от других преподавателей, как можно меньше придерживаться лживых марксистско-ленинских догм. Тогда он работал в Институте международного рабочего движения, а у нас преподавал по совместительству.

Политэкономия мы подпольно учили по учебнику профессора Э.Я. Брегеля, который уехал на Запад. Поэтому нам было запрещено изучать данный предмет по указанной книге, и она была изъята из институтской библиотеки. Однако преподаватели знали, что это лучший учебник. Когда я сдавал государственный экзамен по политэкономии, один из профессоров, членов комиссии, хитро улыбаясь, спросил меня: «По Брегелю изучали?» В результате я получил пять. В то время как некоторые наши круглые отличники, в частности, Н.П. Смидович — правнук профессионального революционера, члена РСДРП с 1898 года, видного деятеля Советского государства П.Г. Смидовича — получил четверку.

На одном курсе со мной учился Ю. Горлинский, сын бывшего генерал-лейтенанта Н.Д. Горлинского. Генерал П.А. Судоплатов упоминает старшего Горлинского в своих сенсационных мемуарах как начальника Секретнополитического управления НКВД. Юрий рассказывал, что его отец во время Великой Отечественной войны вел успешную борьбу с начальником немецкого абвера адмиралом Канарисом, а к середине 60-х годов, по мнению сына, его отец должен

был получить воинское звание генерал-полковника, его прочили на пост председателя КГБ, если бы не его преждевременная смерть в 1965 году. Однако в книге «Тайная жизнь генерала Судоплатова» отмечается, что после ареста Л.П. Берии Горлинский был уволен из органов и в 1954 году лишен воинского звания. Видимо, его сыну об этом было неудобно говорить. Я неоднократно был в гостях у Юрия во время учебы в институте, он проживал в элитном высотном доме на Котельнической набережной. Мы несколько раз смотрели американские фильмы в кинотеатре «Иллюзион», находившемся в этом доме, куда он доставал билеты. После окончания института я встречал Горлинского в МИДе. Он работал в Министерстве внешней торговли, которое тогда занимало первые шесть этажей высотного здания на Смоленской площади.

На нашем курсе учился также правнук известного русского художника В.М. Васнецова. В дальнейшем он работал дипломатом во Франции. В настоящее время он является заместителем директора Департамента по культурным связям и делам ЮНЕСКО МИДа России, Чрезвычайным и Полномочным Посланником второго класса.

Наш курс международного права также закончил вместе со мной Женя Прохоров — талантливый студент, ставший в начале 90-х годов начальником Правового управления МИДа России, а в 1998 году — Постоянным представителем РФ в Совете Европы, Чрезвычайным и Полномочным послом. В 2000 году он трагически погиб в автомобильной катастрофе близ эльзасского города Нардуза.

В институте преподавали зять Громыко профессор А.С. Пирадов и дочь министра иностранных дел доцент Э.А. Гриневич (она носила девичью фамилию матери). Однако приблизительно в начале 70-х годов им

пришлось уйти из МГИМО. Тогда разразился скандал на высшем уровне. М.А. Суслов, всеильный «серый кардинал» КПСС, обвинил А.А. Громыко в том, что он заполнил институт своими ставленниками, а простые рабочие не могут стать дипломатами. Тогда победил Суслов. Ректора МГИМО обязали принимать 50 процентов студентов из числа лиц, отслуживших в армии и проработавших на производстве. Для этого был создан специальный подготовительный факультет. Однако таким выпускникам было очень сложно поступить на работу в МИД СССР. Тут власть Суслова была уже ограничена. Позднее пришлось уйти и другу отца В.И. Менжинскому, который был близок к семье Громыко. Кстати, как вспоминал его бывший заместитель М.С. Капица, министр не очень хорошо относился к Пирадову, «как сквозь стекло на него смотрел». Возможно, в частности, и потому, что зять был намного старше дочери. Первой женой Пирадова была дочь С. Орджоникидзе — одного из советских вождей 30-х годов, покончившего жизнь самоубийством. Вторая жена Пирадова была главным редактором журнала «Здоровье». Интеллектуал, остроумный человек, но страшный лентяй, как мне рассказывали знавшие его профессора международного права (Пирадов в основном писал научные труды по международному космическому праву), любитель поговорить и надавать пустых обещаний, он был по национальности грузином. Его слабостью были хорошие вина. Родителей Эмилии отнюдь не приводила в восторг перспектива такого брака дочери, но она решила настоять на своем, и им пришлось согласиться (точно так же и мои родители согласились на мой первый брак, хотя мама хотела сосватать мне племянницу Громыко с миндалевидными глазами). После вынужденного ухода Пирадова из МГИМО тесть назначил его на необременительный и хлебный пост во Францию в ранге посла — Постоянным

представителем СССР при ЮНЕСКО, где он проработал много лет.

Историю КПСС нам преподавал доцент Зисман — яркая личность. Он читал лекции с большим пафосом и рекомендовал студентам изучать произведения И.В. Сталина, который был кумиром этого преподавателя. Зисман сожалел, что работы великого вождя не были включены в список обязательной литературы. Любопытно, когда один из студентов как-то сказал, что В.И. Ленин был из дворян, Зисман возмущенно воскликнул: «Ленин принадлежал к революционно-социалистической интеллигенции!»

Курс истории государства и права нам читал доцент Грацианский, рафинированный интеллигент, который почти всегда улыбался. Вместо того чтобы читать студентам скучные лекции, как поступали другие преподаватели, он давал основные знания по предмету, одновременно рассказывая различные исторические анекдоты, порой скабрзные, про русских царей и императриц. Его лекции было слушать просто интересно.

Каждый учебный день в институте у нас проходили занятия по английскому языку. Мне очень понравилась молоденькая обаятельная преподавательница, просто ангельской внешности, которая стажировалась в Англии. Она была чем-то похожа на красавицу Милен Демонжо, игравшую коварную блондинку Миледи в старом французском фильме «Три мушкетера» по роману А. Дюма. На ее уроках я постоянно улыбался, и она, порой раз-дражась, трудно сказать по-настоящему или притворно, говорила, что у меня улыбка как у Моны Лизы Леонардо да Винчи. Однако ее мнимая злость делала ее еще более привлекательной. Я очень редко получал у нее оценку выше четверки. Правда, она великолепно знала английский, и, пожалуй, даже англичанин не нашел бы у нее какого-либо акцента.

Другая преподавательница английского языка, которая стажировалась в США, была полной противоположностью — на ее уроках я уже не улыбался вообще. У нее мы учились основам юридического перевода.

В конце мая 1975 года меня увезли с приступом аппендицита в Центральную клиническую больницу в Кунцево по линии первой поликлиники Четвертого главного управления Минздрава СССР. Подтвердилось мнение, что кремлевские врачи недостаточно компетентны, и верность поговорки: «В Кремлевке полы паркетные, а врачи анкетные». При обследовании врачи убеждали меня, что никакого аппендицита нет, и хотели выписать из больницы, находившейся в окружении прекрасного леса. Однако профессор подтвердил мою уверенность в необходимости операции. Палата меня поразила своими размерами и огромной ванной (около 2,5 метра длиной). Меню также было весьма разнообразным: десятки видов блюд, подавали даже черную и красную икру. Как раз в то время по больнице прошел слух, что министр культуры СССР Е. Фурцева пыталась покончить жизнь самоубийством, по-моему, в связи с тем, что ее не избрали в члены ЦК КПСС на очередном съезде, возможно, из-за строительства дачи за государственный счет. Упомянутая Любовь Брежнева вспоминает в своих мемуарах, что говорил по этому поводу ее отец: «Ну и хоромы Катька отстроила! Как бы они ей боком не вышли! Дочка у нее, как мои, ненасытная». Этой дачей в конце концов заинтересовались органы ОБХСС и КГБ. Однако сейчас эта одноэтажная кирпичная дача выглядит как сарай по сравнению с дворцами новых русских, обогатившихся в основном за счет обмана большинства населения России в 90-х годах и «прихватизации» природных ресурсов страны.

В больнице была огромная библиотека, и можно было заказывать любые дефицитные в то время художественные книги прямо в постель. Тогда я заказал «Капитал» К. Маркса и пытался его читать, так как мне предстояло сдавать государственный экзамен по политэкономии. Видимо, это очень умная книга, но читать ее было тяжело, даже здоровому человеку.

Операцию мне сделала кандидат медицинских наук, очень хороший врач, видимо, исключение из общего правила. Она сказала, что я вовремя лег в больницу — мой аппендицит был буквально «стеклянным» и мог в любой момент лопнуть. Как мне рассказывал отец, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б.Н. Пономарева чуть было не зарезали в Кремлевке на улице Грановского (там лечили членов Политбюро ЦК КПСС и министров). У него открылось сильнейшее кровотечение. Срочно вызвали профессора из специализированного института, которая спасла его. Правда, то была другого рода операция — геморрой. Хотя отец имел возможность, благодаря его близости к члену Политбюро ЦК КПСС А.А. Громыко, лечь в больницу на улице Грановского, он сделал подобную операцию у этого же профессора. Кстати, она же и рассказала отцу о случае с Пономаревым.

Племянница Л.И. Брежнева вспоминает в своих мемуарах, что жену ее отца сделали калекой на всю жизнь, неудачно прооперировав в Кремлевской клинике по поводу увеличенной щитовидной железы, а сестра Генерального секретаря едва выжила после операции.

Секретарем комитета комсомола института, который по уровню приравнивался к райкому ВЛКСМ, был сын министра внутренних дел Н.А. Щелокова. Позднее министр покончил жизнь самоубийством после того, как Андропов снял его с поста, а сын в 1983 году лишился очередной должности заведующего Международным отделом ЦК ВЛКСМ. Кстати, В.В. Федорчук, назначенный

председателем КГБ СССР в 1982 году, вспоминал в 2004 году, что ряд членов Политбюро ЦК КПСС не хотели применять к Щелокову жесткие меры, например Председатель Совета Министров СССР Н.А. Тихонов и министр обороны Д.Ф. Устинов.

В качестве общественной нагрузки я являлся членом оперативного отряда и принимал в этой связи торжественную присягу в райкоме ВЛКСМ, целуя Красное знамя. Основными объектами нашего дежурства были кафе «Крымское», находившееся недалеко от нашего института, и кафе «Метелица» на Калининском проспекте (сейчас там казино). Один раз я принимал участие в наведении порядка во время православной Пасхи и крестного хода в Новодевичьем монастыре. Там в основном мы отлавливали пьяных дружинников, часть из них забралась на крышу сарая и швыряла камни в прихожан. На пятом курсе я являлся членом ревизионной комиссии комитета комсомола МГИМО, в комиссию меня ввел Щелоков-младший по просьбе тогдашнего секретаря парткома МГИМО профессора А.А. Ахтамзяна, которого об этом попросил мой отец.

Я подал заявление о моем приеме в кандидаты в члены КПСС. Однако партбюро института мне отказало, ибо я не оставался в аспирантуре, а поступал на работу в МИД СССР.

Глава 5

РАБОТА И НРАВЫ В МИДЕ СССР. БРИЛЛИАНТОВАЯ БРОШЬ

Собеседование при приеме на работу в МИД СССР проводила комиссия во главе с членом ЦК КПСС, заместителем министра иностранных дел Н.М. Пеговым, который был к тому же свояком всеильного «серого кардинала» ЦК КПСС, второго человека в государстве М.А. Суслова. Видимо, узнав во мне сына Аркадия Шевченко, Пегов очень любезно разговаривал со мной и пожелал мне всяческих успехов на дипломатическом поприще. Интересно, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 года «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» был подписан Председателем Президиума ВС СССР К.Е. Ворошиловым и Секретарем Президиума ВС СССР Н.М. Пеговым. Конечно, это решение было принято по указанию Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева. Однако ответственность за данное недалёковидное решение с ним в некоторой степени разделяют Маршал Советского Союза, член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС (1926–1960) Ворошилов, а также и Пегов.

1 августа 1975 года я был назначен референтом (самая младшая должность в МИДе для выпускников МГИМО) сектора общих проблем разоружения Отдела международных организаций (ОМО) МИДа СССР и стал служить в том же самом отделе, где начал свою дипломатическую карьеру мой отец в 1956 году. С моего факультета в ОМО также поступил на работу и Н.П. Смидович. Его отец Петр Аполлонович Смидович (назван

в честь видного революционера), работавший советником в другом отделе МИДа, полностью оправдывал свое отчество — был красив и статен как бог Аполлон. П.А. Смидович ушел на пенсию в 2001 году в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посланника России. С 1974 года в ОМО, в политическом секторе, начинал свою карьеру А.В. Козырев, который был назначен Б.Н. Ельциным в 1990 году министром иностранных дел РСФСР, а после развала СССР в сорок лет стал и во главе бывшего МИДа СССР, являясь после Л.Д. Троцкого самым молодым министром иностранных дел в истории советской власти. В середине 70-х годов Козырев имел в отделе репутацию интеллектуала, в двадцать шесть лет защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Роль ООН в развитии разрядки», опубликовал книгу по истории международных отношений, пользовался большим уважением со стороны коллег-дипломатов. Козырев всегда говорил тихо, вкрадчиво, не напрягая голоса (ему можно было бы дать прозвище «тихоня»), был весьма скромным и старался не выделяться среди других дипломатов. В 1974 году я проходил практику в ОМО в течение полугода, и по ее окончании Андрей пожелал мне успехов и прийти на работу в отдел.

В 1976 году в нашем отделе (сектор нераспространения ядерного оружия) стал служить кандидат физикоматематических наук С.Д. Чувахин, пришедший в МИД на работу из Московского государственного университета имени Ломоносова, — сын посла в отставке в Канаде и Израиле. Чувахина-младшего назначили вторым секретарем, что весьма удивило всех сослуживцев, так как он сразу же «перескочил» через несколько должностей (ранее такой практики не было). Его непосредственный начальник завсектором А.И. Белов весьма хвалил Чувахина, говорил, что он очень способный и быстро обучающийся

сотрудник. Однако при разговорах с Беловым (мой стол находился как раз напротив его) мне показалось, что он чего-то не договаривает и Чувахин являлся весьма необычным сотрудником МИДа. Всем выпускникам МГИМО присваивали воинское звание лейтенант. Чувахин же как-то гордо заявил: «А у меня воинское звание солдат». Именно солдат, а не рядовой. Хотя, возможно, в то время в МГУ на его факультете не было военной кафедры. Стол Чувахина стоял в двух метрах от моего стола, мы часто общались и после работы азартно играли в шахматы. Выиграть у него было очень сложно, мне удалось это сделать всего один раз. Чувахин увлекался спортом, и у него была явно военная выправка. Как удивил меня Сергей Чувахин в 1995 году, я расскажу в дальнейшем, ибо он оставил виднейший след в истории шпионажа.

В нашей комнате стол в стол с Чувахиным работал на должности атташе С.И. Кисляк. Это был, пожалуй, самый скромный и молчаливый сотрудник нашего отдела. Занимался он вопросами нераспространения ядерного оружия. В 1990 году я как-то встретил его на симпозиуме по вопросам разоружения с участием ученых из США, проходившем в Дипломатической академии, на который меня пригласил проректор по научной работе В.Н. Чернега, мой знакомый по работе в МИДе и издательству «Наука». Несмотря на самый разгар перестройки, Кисляк, ставший тогда уже заместителем начальника Управления международных организаций, встретил меня весьма настороженно. Правда, он поздоровался со мной за руку. 4 июля 2003 года Президент России В.В. Путин назначил С.И. Кисляка заместителем министра иностранных дел России.

В отделе со мной служил также С.Б. Бананов, сын заведующего секретариата (старшего помощника) А.Н. Косыгина. Бананов — очень способный человек и настоящий трудоголик. В дальнейшем он стал одним из

самых молодых послов в МИДе СССР (мой отец стал послом в сорок два года, в эпоху правления геронтократов это считалось редким случаем, Бананов получил этот высший дипломатический ранг в более молодом возрасте). Во второй половине 90-х годов Бананов работал советником посольства России в Нидерландах. Для относительно молодого человека, имеющего высший дипломатический ранг, это являлось довольно странным, он мог претендовать на более высокую должность. В то же время нужно было учитывать чрезвычайно низкие оклады сотрудников центрального аппарата МИДа в Москве. Дипломаты старались вырваться на работу в заграничное представительство любой ценой. Сейчас С.Б. Бананов является директором по специальным вопросам Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО), находящейся в Гааге (Нидерланды).

В период моей работы в МИДе, благодаря высокому положению своего отца, Бацанов имел постоянный пропуск в первую поликлинику Четвертого главного управления Минздрава СССР (Кремлевка) и доставал иногда мне дефицитные лекарства, так как я имел право пользоваться данной поликлиникой только во время учебы в институте. В 1974 году я просил отца сделать мне постоянный пропуск, как у Бацанова, однако отец сказал, что это очень сложно. Надо было выходить на самого Е. Чазова, который возглавлял тогда Четвертое главное управление и был более влиятельным человеком, чем министр здравоохранения СССР Б.В. Петровский. Для членов номенклатуры ранга отца было не положено, чтобы взрослые дети лечились в Кремлевке. Однако дети заместителей министра уже имели такое право.

Сергей Бацанов часто рассказывал интересные истории. Например, о том, что М.А. Суслов, который проживал недалеко от дома Банановых, всегда ездил на

своим «ЗИЛе» со скоростью 40 километров в час, ибо очень заботился о своем здоровье, а также был чрезвычайно пунктуален. Или другой случай. Один раз министр внутренних дел Н.А. Щелоков, проезжая в частной машине, отобрал документы у гаишника, так как последний не узнал его и «посмел» остановить.

Кстати, перед назначением в ООН отца в 1973 году вызывал к себе Суслов. Отец описывает эту встречу следующим образом: «В кабинете Суслова я увидел человека с величественной осанкой. Его седые, в прошлом, должно быть, светлые волосы беспорядочно спадали на толстые стекла очков, сквозь которые, просверливая собеседника, глядели серо-голубые глаза. Желтоватая кожа обтягивала острые скулы. Он выглядел усталым. От рукопожатий и поздравлений Суслов немедленно перешел к делу — стал наставлять меня, как я, по его мнению, должен себя вести и работать в ООН. Медленно барабаня по столу длинными костлявыми пальцами, Суслов внушал мне, что на моем посту я должен рассматривать ООН так же, как и он сам, то есть как заведение, которое необходимо использовать для пропаганды «прогрессивных идей». Дабы не оставалось сомнений, что я его понял, он повторил свою мысль трижды. Большинство членов ООН составляют новые развивающиеся страны, говорил он. Им угрожает опасность стать жертвами неокOLONиалистской и буржуазной идеологии. Задача Советского Союза и всех преданных коммунистов заключается в том, чтобы предотвратить подобный ход событий».

Любовь Брежнева в своих мемуарах подчеркивает, что Суслов был одним из немногих, кто не злоупотреблял своей властью или, во всяком случае, пользовался ею минимально. Все свои гонорары и дополнительные заработки он отдавал в партийную кассу. Когда его дочь вышла замуж, он поселил молодых

в своей квартире. По мнению племянницы Брежнева, этого нельзя было сказать о Косыгине и Андропове. Родственники последних пользовались своими большими привилегиями втихаря, делали карьеры, выписывали одежду по иностранным каталогам, ездили за рубеж и строили шикарные дачи.

Несколько позднее к нам в отдел пришел А.В. Яковенко, сын заместителя председателя Потребкооперации СССР, бывшего партизана Великой Отечественной войны. Мы с ним отдыхали в Сочи в 1977 году, где Александр проводил отпуск вместе с женой — дочерью посла в Испании Ю.В. Дубинина (в дальнейшем он стал послом во Франции и США, а в 1994–1988 годах послом на Украине и заместителем министра иностранных дел). А. Яковенко остановился в Сочи в элитной гостинице «Жемчужина». В то время в ней отдыхали члены номенклатуры и иностранцы. Отец Яковенко занимал высокое положение, был приравнен к заместителю министра, а фактически имел большой вес и влияние. Все помнят магазины «Дары природы». Во времена дефицита продуктов они были очень популярны среди населения. Все эти магазины входили в подчинение Потребкооперации. Яковенко-младший мне рассказывал, что когда его отец приезжал в Сочи, то его встречал первый секретарь обкома КПСС.

Я с первой женой Мариной отдыхал в мидовском санатории в двухкомнатном номере люкс, который устроил мне начальник Управления делами МИДа посол Б.И. Дучков, весьма влиятельный человек в министерстве, заседавший в большом кабинете. Проникнуть к нему на прием рядовому дипломату было непросто. В ответ на мою просьбу поселить меня в «Жемчужине», он сказал, что не может это сделать. Однако, как мне представляется, он просто не пожелал помочь в данном вопросе, так как отец не делал ему ценных подарков.

В настоящее время А.В. Яковенко является директором Департамента информации и печати, Чрезвычайным и Полномочным Посланником первого класса, а в теленовостях его называют официальным представителем МИДа России. 14 ноября 2002 года В.В. Путин наградил его орденом Дружбы. В августе 2002 года, проходя мимо МИДа России, я случайно его встретил. Мы не виделись двадцать четыре года. Однако Яковенко меня сразу узнал, когда я подошел к нему и протянул руку для приветствия. Мы разговорились, и я сказал, что являюсь кандидатом наук, а он подчеркнул, что недавно защитил докторскую диссертацию. Я заметил: «У меня была такая же возможность еще в начале 90-х годов». Но в этом не было никакого смысла, ибо и кандидаты и доктора наук были одинаково нищими после «демократической» революции, победившей «зловредный» ГКЧП в августе 1991 года. Если кандидатскую диссертацию можно написать за один-два года, то докторскую только за три-пять лет, так как для этого необходимо внести значительный вклад в науку. Мне нравится поговорка: «Лучше быть живым кандидатом наук, чем светлой памяти доктором». Во времена Б.Н. Ельцина разница в зарплате кандидата и доктора наук составляла 10—15 долларов США. Все более-менее способные ученые уезжали на Запад или устраивались в коммерческих структурах. Я передал Александру свою визитную карточку на всякий случай. Хотя сомневаюсь, что он когда-нибудь мне позвонит. Интересно, что Яковенко разрешил осенью 2003 года Государственному телеканалу «Россия» два раза снимать в МИДе эпизоды для документального фильма о А.Н. Шевченко с моим участием. О съемках будет рассказано в специальной главе книги.

Хорошие отношения у меня сложились со вторым секретарем отдела (в то время) П.Х. Абдуллаевым — очень способным и грамотным дипломатом, настоящим

книголюбом и подлинным интеллигентом. Его отец был президентом Академии наук союзной республики. Мы часто в обеденный перерыв бродили по букинистическим магазинам Старого Арбата в поисках интересных изданий. В конце 80-х годов я пару раз его встречал в центре Москвы. Он уже был Чрезвычайным и Полномочным Посланником СССР в Бельгии, хотя если бы он кроме способностей и ума имел высокопоставленных покровителей или родственников, то давно уже был бы послом, ибо, безусловно, заслуживал этого поста. 21 сентября 2002 года Президент России В.В. Путин наградил Чрезвычайного и Полномочного посла РФ в Республике Камерун П.Х. Абдуллаева орденом Почета. Следует отметить, что в МИДе СССР и теперь в МИДе России всегда существовала практика назначать выходцев из среднеазиатских республик на высшие дипломатические посты в страны Азии или Африки. Будь ты семи пядей во лбу, этого правила тебе не одолеть, если ты не имеешь высоких покровителей. Их не назначали послами не только в западные государства, но даже и в крупные восточные страны, такие, как Китай, Индия и Япония. Такая же практика сохраняется и поныне.

В 1970 году некоторым образом пострадал и умнейший советский дипломат, единственный еврей по паспорту в МИДе СССР, друг и наставник отца Л.И. Менделевич. В то время он являлся заместителем Постоянного представителя СССР при ООН. Однако руководители миссий арабских стран в ООН, с которыми всегда заигрывала советская власть, руководствуясь экономическими интересами, настояли, чтобы «этого еврея» отправили в Москву. Правда, Громыко назначил его послом по особым поручениям и одним из своих речеписцев, среди которых был и мой отец, — тогда он был советником при министре, правда, самым доверенным, в том числе и по связям с КГБ.

В отделе служил также К.И. Грищенко, сын бывшего Постоянного представителя УССР при ООН. В 1976–1980 годах он работал в секретариате ООН. После развала СССР и отделения «незалежной» Украины от России (по сути, украинский народ просто обманули — он стал жить гораздо хуже, чем в составе СССР) Грищенко перешел на работу в украинский МИД и в 1995 году стал заместителем министра иностранных дел независимой Украины. С 2003 года он уже глава украинского МИДа и кавалер орденов «За заслуги» второй и третьей степени.

В нашем отделе работал Нестеренко А.А. В настоящее время он — заместитель генерального секретаря МИДа России, руководитель секретариата министра. Он был моложе меня по должности и возрасту и большим шутником. Вместе со своим приятелем В. Коваленко он при встрече со мной вытягивался по струнке и отдавал честь.

Позднее в наш отдел пришел на службу на должность атташе Г.В. Берденников, который в 1999 году стал заместителем министра иностранных дел России.

В МИДе я встречал своего сокурсника по МГИМО К.Г. Геворгяна — большого любителя женского пола, который любил рассказывать во время учебы в институте всякие интересные и скабрзные истории. В настоящее время он является заместителем директора правового департамента МИДа России. 5 августа 2002 года Президент России В.В. Путин объявил ему, в числе других дипломатов, благодарность за активную и плодотворную дипломатическую деятельность.

Через год работы в МИДе я уже пользовался репутацией специалиста в области разоружения, ведь еще со второго курса я стал интересоваться этой проблемой, читал соответствующую литературу, а также многочисленные книги и статьи моего отца, посвященные данной теме, В нашей четырехкомнатной

квартире на Фрунзенской набережной была огромная библиотека по разоружению на русском и иностранных языках. Большая часть этой библиотеки сохранилась у меня и поныне. Практически по всем вопросам ограничения вооружений я подготовил отдельные досье, регулярно пополнявшиеся и обновлявшиеся, содержащие не только материалы, справки и документы, но и практически все статьи, вышедшие в СССР по данной проблеме. Кстати, во время первой командировки в Женеву у меня пропало наиболее ценное досье, оставленное на работе.

В 1976 году заведующий сектором Б.П. Красулин попросил меня подготовить материалы по разоружению для посла О.А. Трояновского, который проходил в нашем отделе своего рода стажировку перед поездкой в Нью-Йорк в качестве Постоянного представителя СССР при ООН. Руководство МИДа в то время рекомендовало всем послам перед поездкой в страну назначения ознакомиться со всеми материалами соответствующего отдела. Трояновский поблагодарил меня за собранные мной документы и справки по вопросам разоружения, необходимые ему для вхождения в курс предстоящей работы в США. Отец вспоминает в своей книге, что Трояновский был приветливым человеком, ' умным дипломатом, но по натуре бонвиваном. Сын первого советского посла в Вашингтоне, он там вырос, учился в американской школе, превосходно владел английским языком и много лет был личным переводчиком Н.С. Хрущева. Позднее он был назначен послом в Японию. Трояновский, невысокого роста человек с красными щеками и носом картошкой на круглом лице, предъявлял к подчиненным самые мизерные требования. Для каждого у него была наготове улыбка, в общении он был мил и вежлив, а расписание его рабочего дня давало ему возможность поиграть в теннис. Но при всем обаянии его отличала

нерешительность, граничащая едва ли не со слабостью характера. Особенно ярко это проявлялось в отношениях с женой. Она была моложе его, и ее влияние не ограничивалось чисто семейными делами. В Москве она не раз поражала других дипломатов тем, что регулярно появлялась в министерстве, активно участвовала во всех делах мужа, превращая его в объект для постоянных шуток. И в Нью-Йорке она оставалась главой семейства, посол же довольствовался ролью типичного мужа-подкаблучника. Дипломаты часто слышали следующее громогласное обращение жены посла к своему сановному мужу: «Кq мне на полусогнутых!»

В МИДе нужно было иметь общественную нагрузку. Я являлся членом лекторской группы при парткоме министерства, которую возглавлял посол, профессор, доктор исторических наук И.Г. Усачев. Однако в партию (беспартийные дипломаты не выезжали за рубеж, да я и не помню таковых) я вступить не успел, так как моя очередь для вступления кандидатом в члены КПСС подходила лишь в мае 1978 года. При советской власти в КПСС без всякой очереди вступали, пожалуй, только рабочие. Их даже уговаривали. А для служащих и интеллигенции существовала очередь. Как известно, за месяц до наступления сего торжественного момента мой отец остался в США. Поэтому коммунистом мне не суждено было стать.

За лекции платили деньги. Мой начальник Красулин рассказывал, как его пригласили прочитать лекцию в Загорске. После батюшка повел его отобедать, стол ломился от всяких деликатесов, в том числе была в изобилии черная икра, дефицитная в те времена. Ее можно было достать тогда только по блату в подсобке продовольственного магазина или в спецбуфетах, где столовались члены номенклатуры. Хотя сейчас она продается на любом рынке или в магазине (были бы деньги), но ее качество в десятки раз хуже, чем в

«застойные» времена Л.И. Брежнева. Российское независимое государство утратило монополию и на сей дефицитный продукт, который безбожно разворовывается браконьерами и изготавливается кустарным способом.

Кроме того, Красулину заплатили за одну лекцию 300 рублей — тогдашний месячный оклад советника МИДа. Мидовское начальство узнало об этом и запретило всем дипломатам читать лекции в Загорске. Вообще, руководство министерства не выносило, когда подчиненные получали больше, чем оно. Однажды один из замминистров, который курировал Договорно-правовой отдел, узнал, что некоторые профессора-эксперты отдела зарабатывали больше, чем он, и страшно возмутился, приказав сократить зарплату ученым-дипломатам.

В конце 1976 года я получил дипломатический ранг атташе. Громыко лично подписал соответствующий приказ, хотя обычно это делали заместители министра. Следовательно, теперь я имел право выезжать в заграникомандировки с дипломатическим паспортом. После свершившегося события старший помощник Громыко, посол В.Г. Макаров, очень амбициозный, важный, надутый и грубоватый человек (по прозвищу Василий Темный, посол в отставке О. Гриневский считает, что Василий Грозный, хотя и то и другое прозвище помощнику подходило), сказал моему отцу, что с него причитается хороший ковер за мой ранг. Однако, как правило, все дипломаты через год-два работы в МИДе получали этот первый, самый младший ранг (в военное время он приравнивался к лейтенанту). Следует сказать, что дипломатические ранги присваиваются пожизненно (Указ Президента России от 15.10.1999 г. № 1371), хотя они и не дают каких-либо привилегий и надбавок к зарплате, если ты не работаешь в МИДе.

Отец следующим образом описывает Макарова в своей книге «Разрыв с Москвой»: «Макаров был первоклассным сторожевым псом, умело отбивавшим натиск посетителей и оберегавшим своего шефа от необязательных встреч с подчиненными. В общем, мирская суэта не захлестывала Громыко, что позволяло ему чувствовать себя небожителем. Дипломаты высокого ранга знали: чтобы попасть на прием к министру и иметь возможность вручить ему свой документ или похлопотать о назначении на ту или иную заманчивую должность, необходимо было сделать подарок Макарову. Сам Макаров принимал эти взятки как должное. Он даже приобрел привычку прямо заказывать вещи, которые хотел бы иметь; так, мне он как-то обстоятельно втолковывал, какой ковер ему непременно бы хотелось иметь в квартире — какого размера, цвета и с каким узором...»

Кстати, Громыко предлагал моему отцу стать его старшим помощником вместо Макарова, однако отец отказался, ибо это была должность человека «на побегушках». Тогда же секретарь ЦК КПСС, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Б.Н. Пономарев предлагал отцу возглавить сектор в Международном отделе ЦК КПСС с перспективой стать его замом, что позволяло бы отцу иметь большие привилегии: персональную машину (в министерстве ее имели лишь заместители министра), кремлевский паек и т. д. Он отказался и от этой должности, так как в ЦК КПСС очень медленно продвигались по службе и довольно редко ездили за границу по сравнению с МИДом. Возможно, причиной отказа отца работать в ЦК КПСС было и то, что он уже в 1969 году подумывал о том, как переехать на постоянное место жительства в США. К тому времени он в общей сложности проработал дипломатом в Нью-Йорке более семи лет. Он даже принимал участие в историческом визите Н.С. Хрущева в Америку в 1960

году и являлся одним из авторов популярной в 60-х годах книги «Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н.С. Хрущева в США», за которую все авторы (кроме отца, он был, видимо, слишком молод для такой награды) получили Ленинскую премию. Среди авторов этой почти 700-страничной книги были, в частности, зять Хрущева А. Аджубей и О. Трояновский — помощник Первого секретаря ЦК КПСС и будущий Постоянный представитель СССР при ООН. В 1960 году Хрущев приплыл в США на советском теплоходе «Балтика» на знаменитую сессию Генеральной Ассамблеи ООН, где он стучал по столу ботинком (вернее, сандалией) и обещал «похоронить» капитализм. На теплоходе, в пути, отцу не один раз удалось даже поговорить с вождем и поддержать его во время сильной качки на океане. В своей книге отец пишет: «Я не раз беседовал с Хрущевым наедине... Он живо всем интересовался, задавал множество вопросов и часто сам же на них отвечал. Он был неуклюж, небольшого роста (166 см. — *Г.Ш.*), а в неформальной обстановке, царившей на судне, и вовсе производил впечатление неряхи, всегда одетый в мешковатый пиджак и широкие, мятые брюки. Он отличался резкими перепадами настроения, ни с того ни с сего впадал в приступы гнева, а когда бывал один или с близкими ему людьми, выказывал порой нетипичную для него меланхолию, производя впечатление утомленного и чем-то огорченного человека. Но такие моменты длились недолго и были почти незаметны на общем жизнерадостном фоне... Однажды я увидел, что он стоит один на палубе, облокотившись на ограждение, и смотрит в бинокль на океан. Очевидно, его собеседники только что отошли. Я подошел к нему, и как раз в этот момент его рука скользнула по поручню, и он потерял равновесие. Я быстро подхватил его». Хрущев обернулся к моему отцу и сказал с веселой усмешкой в глазах: «Я не моряк, но на палубе держусь крепко. И

если бы я упал за борт, то вовсе не из-за неосторожности. Просто мы сейчас недалеко от Кубы, и, уж наверное, они примут меня лучше, чем американцы в Нью-Йорке».

Между прочим, в Международном отделе ЦК КПСС работал руководителем группы консультантов (следующей должностью по иерархии в ЦК был пост заместителя заведующего отдела, который возглавлял Б.Н. Пономарев) двоюродный брат отца Ю.А. Жилин. Но они практически не общались, поэтому он проработал там до конца перестройки, несмотря на то что его родственник остался в США в 1978 году и был американским шпионом. Во времена Сталина Жилин оказался бы не в ЦК, а в местах более отдаленных. Однако мать Жилина все же на всякий случай даже не звонила матери отца в Евпаторию после этих событий. Помощник М.С. Горбачева А.С. Черняев вспоминает в своей книге «Моя жизнь и мое время» о Жилине следующее: «Человек из тех, кому от природы очень много дано. И это привлекало к нему внимание всех, кто с ним соприкасался. Его «интеллектуальное фонтанирование» бывало чрезвычайно глубоким и остроумным». В 1994 году я встречался с Жилиным по просьбе моего отца. Его двоюродный брат жил в центре Москвы, недалеко от памятника Гоголю на Пречистенском бульваре. Юрий Александрович мне рассказал много интересного о борьбе А.А. Громыко и Б.Н. Пономарева за лидерство в определении внешней политики СССР, о том, что некоторые прогрессивные инициативы Международного отдела ЦК КПСС, например за установление отношений с европейским Общим рынком, отвергались высшим руководством страны из-за противодействия МИДа СССР. Бывший замминистра иностранных дел СССР М.С. Капица, у которого я взял большое интервью в 1994 году, когда он был директором Института востоковедения Российской

академии наук, рассказывал мне следующее: «Я был однажды у Громыко в кабинете, и ему звонил по «вертушке» (кремлевской связи. — *Г.Ш.*) Пономарев и говорил, что он возглавляет парламентскую делегацию в Америку. Пономарев советовался с Громыко: «Я думаю сказать по вопросу о сокращении ядерных вооружений...» Громыко прерывает его: «А вы ничего не говорите! Дело в том, что эту проблему знают только три человека в СССР: Брежнев, я и Корниенко. И что бы вы ни сказали — будет неправда». Когда Громыко стал членом Политбюро ЦК КПСС, говорил далее Капица, министра уже «не трогал даже всесильный М.А. Суслов, который в последние годы чувствовал, что сдает, одна оболочка от него осталась, иногда он приходил в ЦК КПСС и не мог найти своего кабинета, на приемах ему подавали манную кашу». Далее Капица сказал: «Это сволочь была страшная, но вместе с тем он не воровал, взяток не брал, и все его очень боялись, в том числе и Брежнев, ибо он знал, что Суслову предлагали быть Первым секретарем ЦК КПСС, но он отказался». А.Н. Яковлев вспоминает, что на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС Андропов заявил, что посол в Канаде Яковлев плохо справляется со своими обязанностями. Однако Суслов, как рассказывал Пономарев Яковлеву, сразу же сказал: «Яковлева послом в Канаду не КГБ направлял». Андропов не смог скрыть своей растерянности. Суслова боялись гораздо больше, чем Брежнева.

Английский шпион, бывший подполковник КГБ О.А. Гордиевский, приговоренный заочно к расстрелу, отмечает в своих мемуарах, изданных в 1999 году в России: «Я довел также до сведения английского министерства иностранных дел, полагавшего ранее, будто внешняя политика СССР разрабатывается советским Министерством иностранных дел, что в действительности ее определяет Международный отдел

Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза». Следует отметить, что частично так и было, но только до 1973 года, когда Громыко стал членом Политбюро ЦК КПСС. С этих пор он не считался с Международным отделом ЦК КПСС, а в конце 70-х годов МИД уже самостоятельно определял внешнюю политику СССР. Так что Гордиевский дезинформировал МИД Англии. Систему КГБ английский шпион знал в меру своей информированности, а что касается внешней политики, то тут он оказался дилетантом.

Мой отец следующим образом описывает Пономарева: «Пономарев — энергичный и волевой питомец Суслова, унаследовавший его идеологическую жесткость, был маленького роста, невидный, отличался сообразительностью. но невероятным формализмом. Усики щеточкой и круглые живые глазки делали его похожим на внезапно чем-то заинтересовавшегося терьера; своим упрямством он тоже напоминал данное животное... Ему была присуща такая странная черта. Он был образован, начитан, живо интересовался мировой политикой — и тем не менее писал суконным языком. Хуже всего то, что, к ужасу подчиненных, он обожал писать все сам и делал это с быстротой и легкостью, какой могли позавидовать многие из советского руководства... Человек педантичный и отлично понимающий значение профессионального опыта, он прилагал массу усилий, чтобы привлечь способных помощников, и не оставлял попыток переманить к себе часть мидовского персонала. Хотя я отклонил предложение перейти в его отдел, наши отношения не испортились; я постоянно оказывал ему одну незначительную услугу, а именно: посылал из Нью-Йорка таблетки витамина Е. По-видимому, Пономарев, слишком следивший за своим здоровьем, считал снадобье с американской маркой более эффективным, чем его аналоги, которые можно было получить через

специальное («кремлевское») управление Минздрава». Как известно, Пономарев дожил до девяноста лет и умер в 1995 году. Мне рассказывал Жилин, что когда «демократы» завладели зданием ЦК КПСС на Старой площади в 1991 году, то Пономарева они не посмели прогнать, и он продолжал писать, правда, неизвестно что, может быть, мемуары, в одном из кабинетов. Как-то в личной беседе мой отец говорил мне, что Пономарев был евреем.

Отец предпочел должность советника при министре до своего назначения в 1973 году заместителем Генерального секретаря ООН. Кстати, до 1973 года он был секретарем парторганизации секретариата министра, следовательно, являлся «начальником» Громыко по партийной линии, однако, конечно, за партвзносами отец сам приходил к своему шефу.

До назначения отца на пост замгенсека ООН Громыко предлагал ему должность представителя СССР в Комитете по разоружению в Женеве в ранге посла, однако Шевченко отказался, считая данный пост недостаточно высоким. А скорее всего, потому, что отца неудержимо тянуло жить именно в Америке. Нью-Йорк он впервые увидел в 1958 году. «Больше всего поразила меня открытость американского общества. Это было очевидно даже при том, что все время пребывания в Америке я находился под строгим наблюдением КГБ. Я много читал и слышал об американской свободе, кое-чему верил, кое в чем сомневался. Дома, в СССР, все было полной противоположностью тому, что я увидел в США. Все под замком в самом прямом смысле этого слова — рты, газеты, телевидение, литература, искусство, путешествия за границу. Нам приходилось скрывать свои мысли, если они отличались от официальной точки зрения».

По моему мнению, Громыко был крупным государственным деятелем и выдающимся дипломатом.

Но к сожалению, как некоторые другие талантливые люди, он не смог навести порядок в своей собственной семье. Его супруга оказывала большое влияние на министра не только в личной жизни, но и определяла кадровую политику МИДа.

В конце 1972 года моя мама подарила Лидии Дмитриевне Громыко брошь с 56 бриллиантами, привезенную бабушкой в 1948 году из Австрии. После этого жена Громыко спросила маму: «Какой же пост хочет ваш муж?» Мама ответила: «Должность заместителя Генерального секретаря ООН».

И.К. Перетрухин пишет: «...по свидетельству очевидцев, многие десятилетия Лидия Дмитриевна оказывала серьезное влияние на расстановку дипломатических кадров в министерстве своего мужа. К тому же она была большой любительницей принимать различного рода подношения, особенно при поездках за границу». В документальном фильме «Роковое решение», показанном по Государственному телевизионному каналу «Россия» 6 марта 2004 года, Перетрухин сказал буквально следующее: «Леонгья подарила Громыко какой-то сувенир, в котором были бриллианты». А генерал КГБ в отставке В.Е. Кеворков в своей книге «Тайный канал» отмечал с юмором: «Ее (жены Громыко. — *Г.Ш.*) нашествия на советские посольства — главным образом в индустриально развитых странах — воспринимались сотрудниками этих представительств и их главами как стихийное бедствие, сравнимое только с многолетней засухой и неурожаем в среднеразвитой аграрной стране».

А.Е. Бовин подчеркивал в своих воспоминаниях «XX век как жизнь», что, когда он попросил должность посла в Люксембурге, Громыко криво усмехнулся: «Вам там тесно будет», а Брежнев сказал: «Тебе еще работать надо!» Бовин продолжал, что знающие люди потом ему

разъяснили, что «подарочный фонд» министра был Бовину никак не по зубам.

Мой отец отметил следующий разговор со своей женой (моей мамой) в книге «Разрыв с Москвой: «Все начальники за границей используют любые возможности, чтобы обогатиться, приобрести вещи. Когда мы впервые приехали в Нью-Йорк, это делал Федоренко. Сейчас это делает Малик (тогда он был Постоянным представителем СССР при ООН. — Г.Ш.}. А как ты думаешь, чем мы с Лидией Дмитриевной занимаемся, когда Громыко привозит ее в Нью-Йорк? По музеям, что ли, бегаем? Нет, мы ходим в магазины, и я покупаю ей вещи. Я ей даю деньги, наши деньги. И ты пользуешься протекцией Громыко, а я пользуюсь ее протекцией. Нас никто пальцем не посмеет тронуть, даже КГБ. С Громыко за спиной ты сможешь сделать фантастическую карьеру. Ты мог бы заменить Малика в Нью-Йорке или Добрынина в Вашингтоне. Ну а потом — кто знает...»

Мой отец ответил: «Лина, на Вашингтон рассчитывать нечего. Анатолий Федорович пробудет там еще долго. Громыко его боится. Я уверен, что Андрея Андреевича очень раздражают разговоры в Москве, будто Добрынин может заменить его на посту министра иностранных дел. Так что он будет держать Добрынина как можно дальше от Москвы, так долго, как это удастся». — «Может быть», — согласилась моя мама. Будучи приятельницей жены Громыко, она не меньше отца знала о симпатиях и антипатиях министра.

Любовь Брежнева пишет, что ее первый раз пригласили в гости к министру иностранных дел в середине 60-х годов. Кушали в семье Громыко основательно и долго. Перед уходом Лидия Дмитриевна вдруг, раздобрившись, кинулась в спальню и принесла племяннице генсека старый тубик губной помады. Любовь Брежнева стала решительно отказываться от

подношения. Жена Громыко тогда взяла ее руку и насильно вложила в нее помаду. Тогда племянница размахнулась и швырнула тубик прямо под ноги министерши. Л.И. Брежнев тогда сказал своей племяннице следующее: «Хорошо ты ее, однако, отделала. Она тут мне как-то при всех заявила, что у ее Андрюши такие ветры, бывают, что боже мой, хоть святых выноси. Громыко сидел как кипятком ошпаренный». — «Давно бы поменял на какую-нибудь приличную бабу, не позорился бы», — сказала племянница. «Ты, милая, таких Лидий Громык не знаешь. Она такую вонь разведет, что похлеще Андрюшиных газов будет», — сказал дядя, однозначно намекая на свою ситуацию. Племянница Брежнева отмечает в своих мемуарах, что генсек не любил свою жену. Он даже не брал ее в заграничные командировки. В частности, во время визита в США в 1973 году вместе с ним два дня провела стюардесса его личного самолета, и Брежнев представил ее президенту Р. Никсону, который вежливо улыбнулся.

Я вспоминаю, что Лидия Дмитриевна и моей маме делала «богатые» подарки. Один раз моя мама дала мне большой торт из кремлевского пайка с просроченным сроком годности (женившись, я жил уже отдельно). Мама сказала, что этот торт принесла ей Лидия Дмитриевна во время своего очередного визита к нам в квартиру на Фрунзенской набережной.

В.М. Суходрев отмечает в своих мемуарах, что покупками для своих многочисленных домочадцев занималась в основном Лидия Дмитриевна, сопровождавшая мужа почти во всех поездках за границу. При этом материальные возможности четы Громыко были не безграничны. Поэтому жена министра целыми днями колесила по Нью-Йорку с женой какого-нибудь из наших дипломатов, досконально изучившей рыночную конъюнктуру города и его окрестностей.

Суходрев рассказывает, что как-то он сам покупал рубашки для семьи Громыко. «А я видела такие же рубашки намного дешевле!» — сказала жена Громыко своим тихим назойливым голосом, которым она могла любого вывести из себя, а мужа — завести. Громыко также обрушил на переводчика свою досаду и стал обвинять его, что он ходит не по тем магазинам и его просто обманывают евреи в своих дорогуших лавках. Суходрев был также свидетелем того, как министру позвонила раздраженная жена и стала жаловаться, что дочери ее дальних родственников поступали на курсы, где готовили стенографисток-машинисток для МИДа. Но их не приняли, потому что они получили по двойке. Тогда Громыко вызвал своего старшего помощника, который был в курсе дела, и спросил:

— В чем дело? Почему девочки получили двойки за диктант? Это безобразие! Просто возмутительно!

Помощник стал объяснять:

— Андрей Андреевич! Но ведь они наделали массу ошибок, поэтому им и поставили двойки.

Громыко раздраженно сказал:

— Я сейчас вам такой диктант задам! И вы у меня тоже двойку получите! Немедленно займитесь этим делом.

Кстати, как отмечает племянница Брежнева, и жена генсека Виктория Петровна тоже была поражена вирусом стяжательства. В Москве у нее была даже специальная однокомнатная квартира, где в коробках хранились подарки, полученные Л.И. Брежневым от разных стран и народов. Виктория Петровна иногда наведывалась туда: проветрить, протереть пыль, пересчитать, а также распределить подарки между различными родственниками.

История «вхождения» Шевченко в семью Громыко датируется серединой 50-х годов, когда отец подружился с его сыном Анатолием, который также в то

время учился в МГИМО. В 1955 году они написали совместную статью для журнала «Международная жизнь» о роли парламентов в борьбе за мир и разоружение. Министр вплоть до своего ухода из МИДа в 1985 году являлся главным редактором этого журнала. Анатолий предложил сначала показать статью своему отцу. Шевченко описывает первую встречу с Громыко следующим образом: «Он принял нас в своей просторной квартире в одном из зданий в центре Москвы, где живут правительственные работники и высшие партийные чины. При всей огромности квартира была настолько безлика, что казалась скромной: тяжелая, темная лакированная мебель, темные ковры. Однако Громыко выделялся на этом невыразительном фоне. Он выглядел в жизни точно так же, как на фотографиях, — сильный, хорошо сложенный, чуть выше среднего роста, с тонкими, плотно сжатыми губами, густыми бровями и черными волосами. В пристальном взгляде карих глаз, во всем его облике ощущались уверенность и сила. У него был звучный, довольно низкий голос, говорил он очень четко, взвешивая каждое слово». Громыко сказал тогда моему отцу, что заниматься наукой всегда полезно и вполне возможно сочетать это с дипломатической работой. В 1956 году отец поступил на работу в Отдел международных организаций МИДа СССР. Он продолжал дружить с сыном Громыко. Интересно, что Анатолий Громыко очень следил за своей внешностью. Я вспоминаю, как один раз он пришел к нам в гости с молоденькой женой. У него был большой угреватый нос, и Громыко-младший регулярно ходил к косметологу, чтобы очищать его от угрей. «Вот, видишь, как нужно следить за своей внешностью», — сказала моя мама и посоветовала мне делать то же самое. Однако я не последовал ее совету.

В дальнейшем установились дружеские и деловые контакты между моей мамой и женой Громыко. Кроме

того, и министр испытывал симпатии к моей маме. Она обладала сильным обаянием и привлекательностью, что обычно называют магнетизмом. Видимо, это и было причиной того, что она всегда была центром внимания любой компании и общества. Яркая, эффектная, несколько взбалмошная, она любила красивые и дорогие вещи. Старинные украшения, антикварная мебель, нежные фарфоровые русские, немецкие и французские статуэтки и предметы, бриллианты восторгали ее и рано или поздно становились ее собственностью. Возможно, именно это сблизило ее с женой Громыко. Еще в 1969 году мама показывала мне старинную малахитовую шкатулку стоимостью 700 рублей (в то время — месячный оклад министра), которую она планировала подарить Лидии Дмитриевне. Так что те высокие должности, предлагавшиеся отцу в 1970 году, просто так в МИДе не занимались, будь претенденты семи пядей во лбу.

Отец писал в своей книге, что «Лидии Дмитриевне удалось вывезти из особняка в Гленкове два антикварных трюмо, которые теперь, видимо, служат украшением ее дачи во Внукове, но она почему-то пренебрегла двумя бронзовыми канделябрами, чем немедленно воспользовались супруги Федоренко. Когда жена министра спохватилась, их и след простыл». Н.Т. Федоренко был Постоянным представителем СССР при ООН и заместителем Громыко, видным китаеведом, членом-корреспондентом Академии наук СССР, автором многих интересных книг о Китае, Японии и ООН, а в свое время переводчиком И.В. Сталина. Громыко очень не любил своего зама и в некоторой степени даже завидовал его учености и не только этому. Ему претил весь облик Федоренко и его стиль жизни — длинные волосы, изысканные костюмы, галстуки-бабочки, презентабельная внешность. Кроме того, у него была красивая блондинка жена, с которой было не стыдно

появиться на любом приеме. У Громыко таких возможностей не было. В 1970 году, когда Федоренко вернулся из Нью-Йорка в Москву, Громыко предложил ему должность начальника отдела. Но Федоренко гордо отказался, ведь он был заместителем министра. В дальнейшем он занимал пост главного редактора журнала «Иностранная литература» (1970–1988), а затем избрал в качестве постоянного места жительства Болгарию. Его зять, Сергей Федоренко (Ниц), взявший фамилию тестя, устроился на работу в секретариат ООН в середине 70-х годов (Н.Т. Федоренко по старой дружбе попросил об этом моего отца), а будучи членом делегации СССР на переговорах об ограничении стратегических вооружений, работал на ЦРУ. Подозревая, что КГБ может его разоблачить, Сергей Федоренко, как пишет Пит Эрли, «поехал в Подмосковье на дачу к своему влиятельному тестю. От имени зятя Николай Федоренко задал несколько вопросов своему старому другу Борису Соломатину (бывший резидент КГБ в Нью-Йорке. — Г.Ш.) и получил тревожный сигнал. «Генерал говорит, что в твое досье забралась проститутка». Сергей понял это выражение: кто-то в КГБ стал интересоваться его связями с американцами и его подозревают в шпионаже. После очередной командировки за границу он не возвратился в СССР и сейчас проживает в США.

Следует отметить, что и высокие международные чиновники не гнушались принимать дорогие подарки. Мне, например, известно, что отец, в частности, подарил дорогой старинный русский серебряный самовар (его купила бабушка за тысячу рублей (месячный оклад члена Политбюро ЦК КПСС) в комиссионном магазине в Москве) Генеральному секретарю ООН К. Вальдхайму, который, уйдя с этого поста, стал федеральным президентом Австрии (1986–1992), несмотря на то что он

служил во время Второй мировой войны в немецком вермахте.

Не случайно поэтому у отца были очень хорошие отношения с Генеральным секретарем ООН. После побега отца Вальдхайм попал в деликатную ситуацию и был весьма благодарен своему заму, что тот добровольно покинул свою должность, ибо формальных причин для его увольнения не возникло (контракт был продлен), а ссориться с великой державой (СССР) генсеку не хотелось. Отцу даже была выплачена довольно внушительная сумма в качестве компенсации после его отставки.

Должность заместителя генсека ООН была высокой и «хлебной». Например, с 1957-го по 1960 год, этот пост занимал А.Ф. Добрынин, ставший затем членом коллегии МИДа, послом СССР в США, секретарем ЦК КПСС. Добрынин пишет, что сотрудники секретариата ООН, получавшие гораздо больше дипломатов Постоянного представительства СССР при ООН, были вынуждены негласно сдавать разницу в кассу представительства, и лишь в 1990 году они отказались от сего ежемесячного оброка.

Кроме того, сотрудники секретариата ООН после окончания контракта имели право на довольно значительную пенсию. Например, глава отделения ООН в Москве Чечеткин получал пенсию около 500 долларов США и отказался сдавать ее. Так же поступил еще один высокопоставленный чиновник ООН в советское время. Самым большим наказанием за этот «проступок» могло быть исключение из партии. Отец же после своего увольнения из ООН получил более 76 тысяч долларов США одновременно и до самой смерти получал от пенсионного фонда ООН пенсию 965 долларов 73 цента США в месяц, хотя он проработал на своем посту всего пять лет. Кроме того, как писал отец в своей книге, у него на банковском счете лежала солидная сумма

накоплений от его ооновской зарплаты, которую он не отдавал с 1976 года в советское представительство.

Кстати, Чечеткин достал мне в 1975 году супердефицитную книгу М.А. Булгакова (три романа — «Мастер и Маргарита», «Белая гвардия» и «Театральный роман»), а взамен я передал ему дефицитные лекарства из Кремлевки. Говорят, что писатели чуть ли не дрались за эту книгу. Ее стоимость на черном рынке доходила до 100 рублей. Племянница Брежнева также интересовалась данной книгой, но, как она описывает в своих мемуарах, ее отец, не имея лишних экземпляров, «позаимствовал» книгу у своего брата, сказав дочери, что Леонид Ильич не заметит пропажи.

До моего отца пост замгенсека ООН занимал Л.М. Кутаков, проживавший в нашем доме, пытавшийся всеми силами и средствами остаться на своем «хлебном» месте. Отец рассказывал, что за месяц перед назначением в ООН его вызывал первый заместитель начальника Первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка) генерал Б.С. Иванов. Он сказал, что КГБ очень рассчитывает на помощь моего отца, ибо ООН была лучшей «сторожевой башней» для советских спецслужб. Именно там они собирали важнейшую информацию, касающуюся США и других стран. На вашей работе, продолжал генерал, у вас будет редкая возможность знакомиться с американцами и представителями других западных стран. «Вы также сможете способствовать назначению в секретариат наших людей. И если вдруг ЦРУ или ФБР проявят к ним интерес, вы сможете помочь им, оказав свое покровительство». Генерал говорил с Шевченко так, как будто бы вопрос о его сотрудничестве был уже решен.

Обдумывая каждое слово, мой отец сказал следующее: «Моя главная задача по прибытии в Нью-Йорк — наладить работу в моем департаменте. Его престиж должен быть повышен, если я хочу приобрести

некоторое влияние на Вальдхайма». Круглое лицо Иванова сморщилось в пренебрежительной ухмылке. Разлив коньяк по рюмкам, он вытащил из кармана и показал моему отцу два анонимных письма, адресованных в ЦК КПСС. Об этих доносах отцу также рассказывал генерал О.Д. Калугин, с которым отец встречался перед поездкой в ООН. Однако, учитывая высокие связи отца, анонимки не смогли помешать его поездке на работу в ООН. Кроме того, КГБ считал, что, показав их Шевченко, чекисты заставят его на себя работать.

В одном письме говорилось, что Шевченко живет не по средствам, имеет иконы (членам партии это запрещалось), сообщалось, сколько отец тратит денег и сколько получает. Уведомлялось, что его квартира украшена антиквариатом, а жена и дочь постоянно проявляют антисоветские настроения, восхваляя жизнь в Америке и критикуя советскую систему. Сам же дипломат заводил несанкционированные дружеские связи с иностранцами, в частности с американцами, когда работал в Нью-Йорке.

Во втором письме, напечатанном на английском языке, один американец напоминал отцу, что тот обещал помочь советской еврейке по имени Тамара добиться разрешения на эмиграцию. Дальше речь шла о тысяче долларов, якобы полученной отцом за обещанную помощь. Называлось даже имя официального лица — американца, будто бы игравшего роль посредника в этом деле. Данное письмо, якобы по ошибке, было опущено в почтовый ящик нашего дома на Фрунзенской набережной в квартиру 32, где проживал работник КГБ. Отец же жил в квартире 52.

Видно, что человек, написавший последнее письмо, знал нашу семью и об американских знакомых отца. «Может быть, это работа ФБР? И они задумали скомпрометировать вас?» — вкрадчивым голосом

осведомился Иванов. Естественно, центральный аппарат КГБ и не собирался расследовать данное дело. Тогда мой отец потребовал, чтобы резидент КГБ в Нью-Йорке генерал Б.А. Соломатин расследовал указанный случай. В результате он сообщил отцу, что его люди узнали, что письмо по-английски было напечатано на машинке, принадлежавшей секретарше Кутакова, и она призналась в участии в этом деле. Шевченко требовал официальную бумагу, в которой было бы четко сказано, что анонимный автор незаслуженно поливал его грязью. Но Соломатин заявил, что мой отец хотел слишком много. Резидент сказал следующее: «Все знают, что вы невиновны. Против вас не выдвигается никаких обвинений. Зачем разводить бумажную канитель по поводу того, что не существует? Послушайте моего совета, Аркадий, оставьте все, как есть. Дело закончено. Никто не пострадал, а значит, все в порядке».

Кстати, отец мне рассказывал, что Кутаков имел очень большие связи. В конце 60-х — начале 70-х годов он приобрел автомобиль «мерседес», ухитрившись не заплатить 200 процентов пошлину, которая полагалась в то время за ввоз в СССР иномарок. Однако позднее машина попала в аварию и не подлежала ремонту. По иронии судьбы, когда мы разменяли нашу квартиру, я стал проживать на один этаж ниже Кутакова и даже один раз был в его четырехкомнатной квартире на четвертом этаже, обставленной дорогим антиквариатом. Мы часто встречались во дворе и делились воспоминаниями. Как-то в конце 80-х годов я спросил его, как поживает начальник службы безопасности МИДа СССР М.И. Курышев. Кутаков мне сказал: «Умер Михаил Иванович. Это ваш отец довел его до смерти». «Ну ничего себе. При чем тут мой отец?» — подумал я про себя. Как же все-таки Кутаков «любил» А.Н. Шевченко... Если бы Курышев в какой-либо степени

отвечал за побег моего отца, то полковник не стал бы генералом через несколько лет после данного события.

Начальник Отдела международных организаций, член коллегии МИДа СССР, Чрезвычайный и Полномочный посол СССР, доктор исторических наук, профессор В.Л. Исраэлян (он также имел диплом врача-гинеколога) два года не отпускал меня в загранкомандировки, так как я помогал ему редактировать некоторые статьи по разоружению. Пришлось попросить мою бабушку позвонить жене (она бывала у нас в гостях на Фрунзенской набережной) первого заместителя министра, видного политического деятеля В.В. Кузнецова (мидовские работники прозвали его «мудрый Васвас»), который курировал в МИДе наш отдел. Это было сделано для того, чтобы Исраэлян разрешил мне поехать в командировку в Женеву. Данный телефонный звонок сыграл свою роль. Однако мой шеф не стал сам подписывать мои документы (видимо, из принципа), а дал соответствующее указание своему заму Г.С. Сташевскому.

В.В. Кузнецов играл очень большую роль в МИДе, будучи заместителем и первым заместителем Громыко в течение двадцати четырех лет. Он пришел в МИД с государственной и профсоюзной работы, пользовался в стране большим авторитетом. Скромнейший и добрейший интеллигент, великий труженик, он всегда находился на посту, решал любые вопросы, которые возникали, не отсылая к другим заместителям министра. И от своих подчиненных он требовал четкости, оперативности и надежности в работе. Особенно расстраивался, когда не находил сотрудника, который был ему нужен, — все должны были находиться в пределах досягаемости. М.С. Капица рассказывал, что как-то он уехал с друзьями на охоту в подмосковный район Петушки и вдруг понадобился Кузнецову. Тот договорился с дежурным по КГБ, Капицу разыскали на

опушке леса и на вертолете доставили в Москву. Если кто-то обращался к Кузнецову с просьбой о помощи, например в получении квартиры, он поднимал трубку, и вопрос решался незамедлительно. Однако, когда к нему обратилась его дочь, проживавшая в однокомнатной квартире, он ей отказал в улучшении жилищных условий, сказав, что ему делать это неудобно.

Израэлян часто доверял мне дежурить в его кабинете в период его отсутствия и отвечать на звонки по правительственной связи КГБ СССР (ее также называли «вертушкой» или «кремлевкой»). Один раз позвонил заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС. Я взял трубку. Он спросил: «Кто говорит?» Я ответил: «Шевченко». — «Здравствуй, Аркадий!» — сказал он и начал консультироваться со мной по какому-то вопросу. «Я Геннадий», — подчеркнул я. Мы посмеялись, но я в какой-то степени ответил на тот вопрос, который его интересовал. Израэлян мне потом рассказал, что этот чиновник постоянно звонит всем мидовским начальникам и просит консультации по какой-нибудь проблеме. «Ему ничего говорить по нашим делам не следует», — сказал мой шеф. После того как Громыко стал членом Политбюро ЦК КПСС, он дал указание не особо делиться внешнеполитической информацией с Международным отделом ЦК КПСС. Я также для интереса позвонил по «вертушке» своему тестю генерал-лейтенанту Б.И. Смирнову, который имел подобную связь.

Итак, весной 1977 года я поехал поездом в первую заграничную командировку и должен был прожить в Женеве три месяца. Я находился в купе с шофером делегации И.И. Рыбкиным, который был заядлым охотником, и его иногда брал с собой на охоту А.А. Громыко. Последний, как писал мой отец в своей книге, укреплял свои связи с Брежневым и по чисто личной линии. Министр занялся охотой, так что мог теперь составить компанию

партийному вождю, когда тот совершал вылазки за город, чтобы заняться любимым спортом. Далее отец пишет: «Вначале он смотрел на охоту как на способ убить время, но потом основательно увлекся ею. Никогда не приходилось мне видеть его в таком отменном настроении, как в одно из воскресений в 1972 году, когда он явился на свою внуковскую дачу незадолго до обеда, гордо неся в руке изрешеченную дробью утку, подстреленную этим утром. Он довольно улыбался и был совсем не похож на того угрюмого субъекта, каким знал его весь мир».

По дороге в Женеву я впервые в жизни попробовал мясо марала (оленина), и оно оказалось необыкновенно вкусным. У нас была пересадка с остановкой в Вене. Город поразил меня своими грандиозными старинными зданиями и тем, что чуть ли не каждые 500 метров стояли автоматы, выдававшие, словно пепси-колу или жвачку, противозачаточные средства. Пуританская Женева резко отличалась от Вены. Подобные товары там не выставлялись даже на прилавках в аптеках — их нужно было спрашивать.

К роскоши я не привык. С 1974 года я жил в малогабаритной однокомнатной квартире моей первой жены вместе с сыном Алексеем (1975 г. рождения) с полезной площадью 16 метров и кухней 6 метров на улице Руставели. До ближайшего метро тогда надо было ехать около сорока минут в битком набитом троллейбусе. В Женеве мне выделили двухкомнатный номер с цветным телевизором (тогда я впервые в жизни понял, насколько он лучше черно-белого, который был у нас в Москве) и кухней. Правда, скоро нас переселили в более дешевые одноместные номера, но также с цветными телевизорами фирмы «Филипс» с большим экраном и кухнями, где можно было готовить пищу и тем самым экономить суточные.

Жизнь в Женеве показалась мне райской. У меня была любимая работа, я готовил материалы и документы для представителя СССР в Комитете по разоружению посла В.И. Лихачева, проекты его речей, переводил различные документы с русского языка на английский, присутствовал на заседаниях комитета в Женевском Дворце наций и на различных приемах и обедах с иностранными дипломатами, был также шефом протокола делегации, следил за правильной организацией различных встреч посла. Режим работы был весьма вольготным — два часа обеденный перерыв, во время которого нас на машине, выделенной для делегации, отвозили в отель, где можно было не только пообедать, но и поспать.

Конференция (Комитет) по разоружению — постоянно действующий многосторонний переговорный форум в области разоружения и контроля над вооружениями. Он был создан в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в 1961 году под наименованием Комитета по разоружению в составе 18 государств. В 1969 году число стран — членов Комитета возросло до 26, в 1975-м — до 31, а в 1978-м — до 40 государств. С 1984 года комитет был переименован в Конференцию по разоружению, в состав которой позднее вошли 66 государств, включая пять официальных ядерных держав — Россию, США, Великобританию, Францию и Китай.

После моей первой командировки в Женеву отец пригласил к себе в гости посла В.И. Лихачева, когда тот осенью 1977 года приехал на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Теперь мне была гарантирована следующая поездка, ибо в отделе царила сильная заинтересованность «заслужить» поездку в Женеву, и все сотрудники предпринимали все от них зависящее, чтобы их включили в состав делегации (в период временной командировки полностью сохранялся

мидовский оклад и выплачивались суточные в размере 750 долларов в месяц).

15 сентября 1977 года я был назначен на должность старшего референта.

В начале февраля 1978 года меня стали оформлять для очередной поездки в Женеву. Однако меня смутил следующий факт. Первый раз я выезжал в Женеву в качестве эксперта делегации, имевшего 15-процентную надбавку к суточным. Теперь же этой ' надбавки меня лишили. Я узнал от П.Х. Абдуллаева, что приказ о составе делегации подписал новый первый заместитель министра В.Ф. Мальцев, который считал, что младших дипломатов не следует оформлять в качестве экспертов. Однако сейчас я думаю, что Мальцев был в курсе телеграмм резидента КГБ в Нью-Йорке о моем отце, и это послужило дополнительной причиной лишения меня вышеуказанной надбавки. Тогда мне было обидно, ибо такое правило не распространялось на С.Б. Бацанова, который, так же как и я, имел дипломатический ранг атташе. Я решил обратиться за помощью к заместителю министра И.Н. Земскову, который был весьма влиятелен и отец его хорошо знал. В частности, в 1977 году Земсков подписал мне письмо к профессору С.Н. Федорову, чтобы он принял меня для консультации в связи с моей высокой близорукостью.

Однако потом я передумал обращаться к Земскову — ведь приказ уже подписан. Интересно мнение о Земскове бывшею заместителя министра М.С. Капицы. Он считал, что «Земсков выполнял функции обслуживания семьи Громыко, прислуживал его жене и имел связи с КГБ. Он был «домашним замминистра». Лидия Дмитриевна Громыко давала ему поручения, если нужно было кого-нибудь устроить в МГИМО, получить квартиру и т. д.». И.К. Перетрухин пишет в своей книге, что связь начальника службы безопасности МИДа М.И. Курышева с министром по всем вопросам

осуществлялась через Земскова. Один из его друзей, который проживает в нашем доме, сообщил мне в 2003 году, что Земсков якобы даже имел воинское звание генерал-лейтенант КГБ. Кстати, мой отец также дружил с Земсковым и разрешил мне обращаться к нему за помощью по любым вопросам. Я не исключаю того, что Земсков мог посоветовать резиденту КГБ в Нью-Йорке прекратить наблюдение за моим отцом или не реагировал на жалобы генерала Дроздова. Перетрухин отмечает, что, будучи неизлечимо больным (у него был рак легких) и хорошо понимая, что катастрофа может наступить в любой момент, Земсков оставил своей матери конверт, который должен был быть вскрыт в случае его внезапной смерти. В находившейся там записке было сказано, что ключи от его личного сейфа должны быть незамедлительно переданы только М.И. Курышеву, что и было сделано. Следовательно, Земсков доверял информацию, которой он владел, только КГБ, а не Громыко, хотя и был к нему близок.

По совету друзей в МИДе и тещи, чтобы сэкономить валюту в Женеве на нужные, дефицитные вещи, я закупил в Москве много продуктов, в том числе в спецбуфете (его называли «посольским») на седьмом этаже министерства, где «столовались» послы и заместители министра иностранных дел. На девятом этаже был также спецбуфет для дипломатов рангом пониже. Однако я туда не ходил, ибо там не было особо дефицитных продуктов. Сначала заведующая «посольским» буфетом прогнала меня, но после того, как она обслуживала Громыко с женой на квартире моего отца в Нью-Йорке в 1976 году, мнение заведующей буфетом изменилось. Я стал регулярно покупать там дефицитные продукты (с разрешения отца). Некоторые послы смотрели на меня, молодого дипломата, осмелившегося часто заходить в «святыня святых», с большим удивлением. Один раз я увидел, как

заведующая буфетом положила на тарелку бутерброд, намазанный толстым слоем черной икры. Я поинтересовался, для кого он предназначается. Она ответила, что для министра. «А не вредно ли ему в таком возрасте?» — спросил я. «Не вредно», — сказала она, улыбаясь.

Пользуясь положением отца и его близостью к министру, я никого не боялся и не заискивал перед мидовским начальством (однажды меня вызвал к себе грозный заместитель министра Я.А. Малик, которого дико боялись все подчиненные. Я вел себя абсолютно спокойно и не раболепствовал перед ним, как другие дипломаты), рассказывал сослуживцам политические анекдоты, иногда играл в шахматы с С.Д. Чувахиным в рабочее время. Кстати, Малик, рыкающий как лев на своих подчиненных, вел себя как мышонок в присутствии Громыко. Во время своей последней поездки в Москву осенью 1977 года отец даже сделал мне замечание. Он отметил, что я слишком много болтаю, и предупредил меня о более осторожном поведении. Не знаю, заботился ли он обо мне или о себе. Ведь отец уже как два года сотрудничал с ЦРУ.

Интересно, что во время работы моего отца на ЦРУ моя мама водила жену Громыко по магазинам Нью-Йорка и покупала ей на деньги отца подарки. Как отмечает И.К. Перетрухин, дорогие вещи моя мама «чаще пересылала через других жене министра для последующей перепродажи в Москве по основательно завышенным ценам». Вполне возможно предположить, что это были деньги ЦРУ! Хотя в период своего сотрудничества отец и не получал таких огромных денежных сумм, какие выплачивались супершпиону КГБ О. Эймсу, но несомненно, что американские спецслужбы оплачивали отцу его «карманные расходы».

Итак, я собрал чемодан, потянувший 50 килограммов, в котором в основном были дефицитные

консервы, копченая колбаса, две головки сыра, сгущенка, двухкилограммовая банка черной икры (ее дала мне теща, рассчитывавшая на подарки), макароны, крупы и даже сахар. Я ехал второй и последний раз в Женеву в составе делегации СССР в Комитете по разоружению.

Отец вспоминает в своей книге, что в начале 60-х годов в Женеве даже глава советской делегации посол СССР С.К. Царапкин, как и все советские дипломаты, получал очень скромные суточные и старался сэкономить абсолютно на всем. Он, в частности, отказался от нормального питания. Из Москвы ему присылали гигантские глыбы сала, а в Женеве он покупал только яйца, как самый дешевый продукт. Однажды такая диета чуть не отправила его на тот свет: он съел большой кусок сала, проглотил несколько яиц, сваренных вкрутую, и у него возникла непроходимость кишечника. Царапкина увезли в больницу. Врачи еле-еле откачали больного. На следующий день мой отец пришел его навестить, но, к удивлению отца, больничная персонал объявил, что посол исчез. Сразу же было поднято на ноги все советское представительство. Но Царапкин скоро объявился. Оказалось, что сразу после промывания кишечника ему полегчало, он выбрался из палаты через окно и пешком добрался до представительства СССР. Мой отец часто играл в шахматы с Царапкиным, специально проигрывая ему, так как посол очень расстраивался, когда оказывался побежденным.

Кстати, следует отметить, что не только рядовые дипломаты экономили суточные, получаемые за границей, но и высшее руководство СССР. В частности, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС А. Бирюкова вспоминает в газете «Московский комсомолец» от 12 марта 2004 года: «Например, когда ездила в ООН, мне платили суточные — 25 долларов. Я сэкономила. Везла из

дома сухую колбасу, икорку. Обедали в местных столовых, а ужинали фруктами. Так что в день мне хватало 10 долларов. На оставшиеся деньги покупала вещи». Однако, насколько мне известно, члены Политбюро получали 200-процентную надбавку к суточным, в частности, это касалось А.А. Громыко, который был тем не менее весьма экономен при покупках за границей, когда тратил свои собственные деньги. Может быть, во время поездки в Нью-Йорк Бирюкова была только членом ЦК КПСС. Тогда это соответствует действительности.

Незадолго до временной командировки в Женеву мне предлагали постоянную командировку (так называли поездки на несколько лет) во Францию в качестве переводчика и на Кипр на должность атташе. Были вакансии в Постоянном представительстве СССР при ООН. Однако в отделе кадров мне сказали, что я не могу работать в Нью-Йорке, так как мой отец там занимает высокую должность. Следовательно, даже в брежневские времена была видимость борьбы с семейственностью. Исключения делали лишь для мужа и жены. Был принят соответствующий закон. Об этом позаботился еще в 1922 году В.И. Ленин, жена которого, Н.К. Крупская, была также политическим деятелем. При Л.И. Брежневе данное исключение было отменено. Даже сын Громыко Анатолий непродолжительное время проработал на дипломатическом поприще. Министр считал это неприличным. Однако первый президент России Б.Н. Ельцин не постеснялся назначить на государственную должность в качестве личного советника свою дочь Татьяну. Действовавший во время его президентства Трудовой кодекс (ст. 20) гласил: «Запрещается совместная служба на одном и том же государственном или муниципальном предприятии, в учреждении, организации лиц, состоящих между собой в близком родстве, если их служба связана с

непосредственной подчиненностью...» В специальных постановлениях правительства делались исключения из указанного правила. Но они никоим образом не касались случая с Ельциным. Ему было наплевать на законы. Поэтому многие подчиненные президента России также их нарушали.

От поездки во Францию я отказался — очень уж незавидная должность. Кадровик с «благозвучной» фамилией Моздухов почти уговорил меня поехать в длительную командировку на Кипр. Однако я все же предпочел Женеву.

Глава 6

СРОЧНЫЙ ВЫЗОВ ИЗ ЖЕНЕВЫ. МЕНЯ СОПРОВОЖДАЕТ АНГЛИЙСКИЙ ШПИОН

Теперь я ехал в одном купе с заместителем представителя СССР в Комитете по разоружению Ю.К. Назаркиным, который стал затем послом и главой делегации СССР в Комитете по разоружению, а в дальнейшем и на переговорах по ограничению стратегических вооружений. Он был очень интересным собеседником, способным дипломатом, хотя отец почему-то звал его «тугодумом». Мы неплохо провели время в поезде, раздавив бутылку водки. Я, правда, выпил очень мало, так как был практически абсолютным трезвенником и занимался йогой.

Следует отметить, что членами нашей делегации были представители Министерства обороны (генерал Н.В. Пестерев) и Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба министерства (генерал И.П. Глазков). Звание последнего мне сообщил отец, который знал его с 60-х годов. Во время моей командировки он был советником Постоянного представительства СССР в Женеве при международных организациях и входил в нашу делегацию. Однако представители КГБ, по крайней мере при мне, в нашу делегацию не входили, видимо, КГБ не считал данный форум серьезной организацией и своих сотрудников в нее не внедрял. Но еще в 1962 году заместитель начальника 7-го отдела Второго главного управления КГБ СССР (внутренняя контрразведка) Ю.И. Носенко являлся экспертом советской делегации на совещании Комитета 18

государств по разоружению. Тогда он вышел на американскую резидентуру с предложением своих услуг. Он передал ряд совершенно секретных сведений американцам. В 1964 году, во время очередного приезда в Женеву, шпион решил, что пора перебираться на Запад, и сообщил американцам, что его якобы вызывают досрочно в Москву. ЦРУ сразу же переправило его сначала в ФРГ, а затем на самолете на базу ВВС близ Вашингтона. Однако ЦРУ много лет не доверяло Носенко, думало, что он являлся подставой КГБ, и американский шпион прошел муки ада, пока ему в конце концов не поверили и не выплатили денежную компенсацию за его страдания. Д.Д. Энглтон — шеф всемогущей контрразведки ЦРУ, входящий в кабинет самого А. Даллеса, вообще никогда не доверял перебежчику из СССР. Интересно, что этот американский контрразведчик несколько лет проработал с легендарным шпионом КГБ К. Филби, однако его Энглтон ни в чем не подозревал. Случай с Носенко является хрестоматийным примером недоверия ЦРУ к сотрудникам КГБ, которые добровольно предлагают свои услуги. Соглашаясь на сотрудничество с ЦРУ, мой отец также помнил о трагедии Носенко.

Полковник внешней разведки в отставке М.П. Любимов справедливо называет резидентуру ГРУ в Женеве синекурой, то есть теплым местечком, своеобразным курортом, куда назначали по блату. Однако в западных книгах о разведке Женева считалась «центром международного шпионажа».

В состав нашей делегации входил переводчик Э.Д. Зайцев, имеющий довольно высокий дипломатический ранг советника (это приравнивалось к генералу). Он был человек необыкновенных способностей. Мало того что он в совершенстве знал английский, французский, немецкий, испанский и итальянский языки, но также и необыкновенно хорошо пел тенором на английском и

итальянском языке песни, которые были под силу лишь великому Марио Ланца. В то время я воспользовался тем, что у меня был хороший учитель, и стал дополнительно изучать немецкий, испанский и итальянский языки.

В Женеве я несколько раз встречал заместителя министра иностранных дел, главу делегации СССР на переговорах по ограничению стратегических вооружений В.С. Семенова. Хотя я был с ним лично не знаком, он здоровался со мной, младшим дипломатом, за руку, ибо я очень похож на отца. Семенов был одной из ярких фигур советской дипломатии. После окончания элитарного партийного института он работал преподавателем марксизма-ленинизма. В НКВД СССР (с 1946 г. МИД СССР) он пришел в годы массовых чисток и расстрелов, так как, видимо, его заметил на одной из научных конференций В.М. Молотов. После окончания войны Семенов в тридцать четыре года был назначен на крупный пост верховного комиссара советской зоны оккупации в Германии. Вспоминая свое комиссарство, он хвастливо заявлял: «Я был хозяином почти половины Германии!» Семенов знал почти наизусть основные произведения В.И. Ленина и даже внешне напоминал великого вождя пролетариата. Он был совершенно лысый, с яйцевидным черепом и выпуклым лбом. Прохаживаясь по своему кабинету в МИДе и читая нотации подчиненным, он ради вящего сходства с Ильичем закладывал большие пальцы рук в проймы жилета, как любил делать Ленин. Втихомолку его высмеивали за это. Поводом для шуток было и то обстоятельство, что Семенов часто публиковал статьи, подписывая их «И. Иванов» — один из ленинских псевдонимов.

Как отмечает в своих мемуарах В.М. Фалин, Громыко считал Семенова наиболее способным из своих заместителей. Министр дал ему следующую оценку:

«Талантлив, но, когда впадает в философствование, не очень пригоден для земных дел. К тому же неусидчив».

Любопытно, что Громыко подчас не посвящал Семенова в некоторые секретные детали переговоров по ограничению стратегических вооружений, которые тот возглавлял. Поэтому заместитель министра часто возвращался в Москву для консультаций с моим отцом или другими советниками Громыко.

За месяц до злополучного вызова в Москву отец прислал мне в Женеву письмо через сотрудника секретариата ООН, в котором писал, что не забыл о моих проблемах, и обещал купить двухкомнатную кооперативную квартиру, так как получить государственную квартиру от МИДа не удалось, несмотря на обещание начальника Управления делами Б.И. Дучкова (для этого отец попросил меня осенью 1977 года выписаться из нашей четырехкомнатной квартиры на Фрунзенской набережной и прописаться к моей первой жене). В письме отца также находились 300 долларов США. Мне почему-то стало грустно до слез, меня охватило какое-то непонятное чувство тревоги и обиды. В то же время из Москвы пришло приятное известие — я был назначен на должность атташе.

Книжные магазины Женевы — настоящий рай для книголюбов, знающих иностранные языки. Я увлекался гимнастикой йогов (хатха-йога) и хиромантией (искусство определения судьбы человека по линиям рук), а в Москве тогда литературу такого рода достать было практически невозможно. В магазинах Женевы меня почему-то принимали за жителя немецкой части Швейцарии, по мнению продавцов, я говорил по-французски с немецким акцентом. Когда я признавался, что приехал из Москвы, швейцарцы очень удивлялись.

Пользуясь высоким положением и связями отца, я вел себя в Женеве так, будто мне было все дозволено. В частности, дипломатам запрещалось смотреть фильмы

порнографического содержания, посещать стриптиз-клубы и т. д. Кроме того, исключались несанкционированные контакты с иностранными дипломатами. Однако я нарушал часть этих запретов. Ряд иностранцев приглашали меня в рестораны за их счет, где мы сидели вдвоем, без свидетелей, и мило беседовали. Одна такая встреча сорвалась, так как меня срочно вызвали в Москву. Между тем меня лично пригласил на обед через день после побега отца заместитель представителя Великобритании в Комитете по разоружению (возможно, он был сотрудником британской секретной службы), он, видимо, хотел передать мне информацию об отце.

Кроме того, являясь фактически генеральным секретарем делегации, я занимался в том числе размещением членов делегации в гостиницах Женевы. Я, в частности, договорился включить завтрак для всех членов делегации в стоимость проживания в гостиницах, которая оплачивалась МИДом, а также попросил установить в каждом номере цветные телевизоры (за это полагалась отдельная плата). Финансовое управление министерства запрещало подобные дополнительные расходы. Однако я попросил администрацию отелей не выделять данные суммы в общем счете за проживание. Поэтому все указанные услуги были оплачены МИДом, и все члены нашей делегации были довольны.

8 апреля 1978 года, в субботу, я весь день ходил по магазинам, покупая подарки для первой жены и сына Алексея. В отель я пришел только вечером. Меня уже ждали сотрудники делегации, в том числе представитель Министерства обороны генерал Пестерев. Он был чрезвычайно возбужден и спросил меня, куда я пропал. Пестерев сказал, что мне с утра в воскресенье необходимо срочно приехать к послу Лихачеву. Он сообщил мне, что нужно немедленно

отвезти в Москву пакет с важными документами. В ответ на мое беспокойство о том, не случилось ли что-либо с моими родственниками, посол успокоил меня, сказав, что все здоровы и я сразу же после выполнения данной миссии вернусь в Женеву. Я не послушал совета мудрого шофера посла взять с собой все свои вещи после срочного вызова в Москву и пожалел об этом в дальнейшем.

Бухгалтерия женевского представительства выдавала нам суточные на весь месяц вперед. Я их истратил на подарки родственникам и большую часть вещей оставил в Женеве. В связи с тем, что я не проработал до конца месяца, я должен был вернуть деньги. В погашение моей задолженности мои вещи были проданы.

Обычно диппочту перевозят дипкурьеры. Мне был срочно оформлен дипкурьерский лист. В нем указывалось, что «предъявитель сего действует по поручению министра иностранных дел СССР и все службы обязаны оказывать ему всяческое содействие». Моим сопровождающим был незнакомый мне ранее третий секретарь представительства СССР при международных организациях в Женеве некто В.Б. Резун. Мне сказали, что дипкурьеры не должны ездить в одиночку. Может быть, это и так, однако потом я догадался, почему мне выделили столь странного сопровождающего.

Пакет, скрепленный специальными сургучными печатями, находился у меня в атташе-кейсе. В женевском аэропорту мой чемоданчик стали просвечивать рентгеном швейцарские таможенные органы. Резун заявил, что они не имели права просвечивать вещи, в которых находилась диппочта. Однако швейцарские таможенники не прореагировали на наш протест.

В аэропорту Шереметьево-2 меня почему-то почти час не выпускали на паспортном контроле советские

таможенники, несмотря на то что я предъявил диппаспорт и дипкурьерский лист. В ответ на мое возмущение странной задержкой, они, явно смущенные, бормотали что-то невразумительное, ссылаясь на какие-то необходимые формальности, и куда-то звонили. Видимо, они связывались с КГБ, а там еще не решили, куда меня везти. Исполняющего обязанности резидента КГБ в Англии О. Гордиевского, которого вызвали по подозрению в шпионаже в Москву, также долго продержали на паспортном контроле в Шереметьеве, ибо таможенникам было приказано оповестить КГБ о прибытии подозреваемого в шпионаже, чтобы его не оставили без присмотра.

Наконец меня выпустили в зал ожидания, где уже находился мой коллега и сокурсник Н.П. Смидович с каким-то незнакомым мне человеком.

Я хотел сесть в черную «Волгу» моего тестя генерал-лейтенанта, заместителя начальника Главного штаба ПВО СССР Б.И. Смирнова, к своей первой жене, которая тоже приехала меня встречать. Однако Смидович сказал, что мне лучше сесть с Резуном в черную «Волгу», которую прислал МИД. Мой приятель сказал, что меня ждут в министерстве. Когда мы на двух машинах подъехали к зданию МИДа на Смоленской площади, Резун попросил подвезти его домой на Ленинский проспект, и моя жена повезла его на черной «Волге» своего отца. Вместе со Смидовичем мы поднялись на десятый этаж министерства и прошли в кабинет заведующего Отделом международных организаций. Там находился незнакомый мне мужчина, который, тщательно выбирая выражения, сообщил мне, что мой отец исчез и сведения о нем поступили от американцев. Я спросил, добровольно ли отец остался в США. Мужчина ответил утвердительно. Он попросил меня написать отцу письмо с просьбой вернуться в СССР. Прочитав письмо, в котором я убеждал отца одуматься, подумать

о детях и приехать домой, мужчина (это был сотрудник КГБ) сказал, получилось письмо скорее от брата, чем сына, и похвалил меня.

На улице меня уже ждала машина с женой, недовольной, что ей пришлось отвезти Резуна в самый конец Ленинского проспекта и вернуться назад. О Резуне я вспомнил через несколько месяцев, когда многократно сообщали по западным радиостанциям, в том числе «Голосу Америки», о том, что майор ГРУ Резун, сбежавший из Женевы в Англию, заявил следующее: «Сын заместителя Генерального секретаря ООН Аркадия Шевченко, оставшегося в США, Геннадий, является моим лучшим другом». Позднее меня вызывали в службу безопасности МИДа (она подчинялась Второму главному управлению КГБ (внутренняя контрразведка), где показали несколько фотографий. Среди них я еле-еле узнал Резуна, сопровождавшего меня в качестве дипкурьера, ибо я был знаком с ним всего несколько часов. После этого кратковременного знакомства произошло столько бурных и страшных событий: потеря отца, фактическое увольнение из МИДа, смерть мамы, конфискация имущества и т. д. О встрече с каким-то Резуном я даже не вспоминал. Любопытно, что генерал КГБ СССР в отставке В.Г. Павлов пишет, что сын А.Н. Шевченко, дипломатического представителя СССР в ООН (?), Геннадий, «служивший дипломатом в представительстве СССР в Женеве» (?), был «под конвоем» (?) на глазах «самозванца» (?) (так Павлов называет Резуна, так как в качестве псевдонима (Суворов) тот взял девичью фамилию матери) срочно отправлен домой. Это событие, пишет далее Павлов, так смертельно напугало «смелого спецназовца», что он категорически отказался от продолжения сотрудничества с британской разведкой. Как известно, в представительстве я никогда «не служил», а в качестве конвоира выступил сам Резун, который ныне широко

известен на Западе и в России благодаря своим многочисленным книгам о Второй мировой войне и шпионаже.

М.П. Любимов отмечает, что в Женеве капитан Резун начал зондировать американцев, сначала намекая на «глупость» Брежнева, а затем предлагал им коллекционные монеты (ни на то ни на другое они не клюнули). Все же в июле 1977 года ему удалось завербоваться в английскую разведку. Проработав на нее одиннадцать месяцев, получив в СССР майора ГРУ, он 10 июня 1978 года вместе с женой и двумя детьми был вывезен из Женевы в Лондон.

Сам Резун объяснял свой поступок восхищением прелестями западной жизни (весьма откровенно, ибо Женева — рай для советского человека, оттуда многим не хотелось возвращаться в СССР), неприятием советской системы, шоком после чехословацких событий 1968 года. В последнем я очень сомневаюсь.

Если бы КГБ подозревал Резуна в шпионаже, то никогда бы не послал его в качестве сопровождающего сына Шевченко. Это был очередной прокол наших спецслужб. Но я в то время ни при каких условиях не остался бы на Западе, даже если бы, как я написал по молодости в первом письме отцу, меня пытали каленым железом.

Сейчас, получив известность, В.Б. Резун (Суворов), кажется, не упоминает о нашей встрече в 1978 году ни в одной из своих многочисленных книг. Однако сразу же после своего побега с семьей из Женевы Резун воспользовался сенсационностью «дела» А.Н. Шевченко, чтобы придать вес никому не известному майору ГРУ, не думая о том, что у его мимолетного знакомого Геннадия могут быть дополнительные неприятности в Москве «из-за дружбы» со сбежавшим в Англию офицером советской военной разведки, который оказался английским шпионом.

На следующий день после приезда в Москву в депутатском зале аэропорта Шереметьево-2 я уже встречал маму. Ее сопровождал Г.С. Сташевский. Мама была в прострации и абсолютно уверена (может быть, она притворялась), что против мужа была совершена провокация со стороны американских спецслужб. Кстати, в Нью-Йорке, как вспоминает И.К. Перетрухин в своем комментарии к моей статье в газете «Аргументы и факты» от 30 апреля 2003 года, до самого трапа самолета «Аэрофлота» маму сопровождали посол СССР в США А.Ф. Добрынин (его для этой цели специально вызвали из Москвы) и Постоянный представитель СССР при ООН О.А. Трояновский, и каждый из них держал ее под руки.

Ю.И. Дроздов вспоминает, что моя мама шла как «человек, которого предал собственный муж». Несомненно, советские власти были крайне заинтересованы в немедленном возвращении из-за границы жены и сына сбежавшего посла и предприняли все необходимые чрезвычайные меры. Не дай бог, они тоже останутся на Западе. Кстати, жену резидента КГБ в Англии, подозреваемого в шпионаже и срочно вызванного в Москву, проводил до самого самолета официальный представитель «Аэрофлота». В Москве же ее встретил местный сотрудник этой компании (наверняка сотрудник КГБ) и помог быстро уладить все формальности.

Через несколько дней мы с мамой написали письма отцу в присутствии М.С. Курышева, с просьбой вернуться в СССР, а позднее я написал еще одно письмо отцу уже в кабинете полковника КГБ в МИДе. Интересно, что он даже не брал мое письмо в руки, проверяя текст, дабы не оставить на нем своих отпечатков пальцев. Одно из писем для отца я передал заместителю Курышева И.К. Перетрухину, с которым я встретился в центре Москвы.

Я вышел на работу в МИД. Курышев тут же меня вызвал к себе и заявил, что мне необходимо взять отпуск на неопределенное время. Он мне сказал следующее: «Яблоко от яблони недалеко падает. Но мы надеемся, что вы исключение. Даже в сталинские времена сын не отвечал за действия отца». Однако это было неправдой. Например, даже сестру видного советского чекиста А.Х. Артузова (руководителя легендарной операции «Трест»), которого расстреляли в 1937 году, сослали в лагерь. Говорят, что Артузов не был согласен с политикой И.В. Сталина, а во время массовых репрессий 30-х годов вел себя независимо, чем нажил себе врага в лице самого советского диктатора, который лично приказал уничтожить строптивца. По слухам, Артузов написал на стене своей камеры перед расстрелом следующие слова: «Долг каждого честного человека — убить Сталина». А жену, сына-студента, мать и сестру бывшего начальника Ленинградского управления НКВД П.Н. Кубаткина, которого расстреляли в 1950 году, выслали как «социально опасных элементов». И.К. Перетрухин признал в 2003 году, что в сталинские времена отвечали не только дети, но и все родственники в последующих поколениях осужденных «за измену родине». Да и не только во времена диктатора. После бегства на Запад в 1954 году сотрудника КГБ Н.Е. Хохлова были посажены в тюрьму не только его жена и сын, но и репрессированы другие родственники.

В ответ на мой вопрос, смогу ли я остаться на работе в МИДе, хотя бы в невыездном отделе, например в историко-архивном, начальник службы безопасности заявил следующее: «Я не позволю даже Громыко разрешить вам продолжать работать в министерстве... Кстати, во всех западных странах такие же правила, как и у нас», — продолжил полковник КГБ. Курышев занимал большой отдельный кабинет на двадцать третьем этаже

министерства, самом последнем этаже. Он был крупным человеком с полностью седыми, слегка курчавыми волосами и красным лицом. Это могло быть по причине высокого давления, близкого расположения к коже сосудов или злоупотребления спиртными напитками. В справочнике телефонов МИДа СССР «для служебного пользования» он числился как заместитель заведующего специального отдела. Однако мне он представился как начальник службы безопасности МИДа СССР. Он имел «вертушку» — правительственную связь КГБ СССР. В справочнике телефонов данной особой связи (когда я дежурил несколько раз в кабинете своего начальника посла В.Л. Исраэляна, у меня имелась возможность изучить и этот справочник) содержится запрещение на ведение «совершенно секретных» разговоров. Секретные переговоры можно было вести. С.Б. Бацанов рассказал мне, что значимость какого-либо чиновника можно было определить по номеру его «вертушки». Он подчеркнул, что у Курышева номер был «лучше», чем у некоторых заместителей Громыко. Однажды Михаил Иванович при мне позвонил куда-то по другому телефону, рассерженно сказав: «Разъедините этот номер. Сколько можно болтать». Такие у него были полномочия. Курышев также курировал 7-й отдел (работа с иностранцами, временно посещавшими СССР) Второго главного управления КГБ СССР (внутренняя контрразведка).

Служба безопасности МИДа СССР была создана в 1975 году. Как пишет И.К. Перетрухин, создание данной службы происходило не без определенных трудностей, связанных с неоднозначностью оценки ее предстоящей деятельности в руководящих кругах министерства. Но в конце концов Громыко дал на это согласие. Главным человеком по связям с КГБ в министерстве был его заместитель И.Н. Земсков, особо доверенное лицо министра.

Генерал КГБ в отставке В.Е. Кеворков в своей книге «Генерал Бояров» также отмечает, что «внедрение» спецслужбы в МИД потребовало от госбезопасности солидных усилий, ибо Громыко строил внешнюю политику еще в сталинские времена, и эта политика была твердокаменной. Таким он остался и в 70-х годах. Как подчеркивает Кеворков, если возникала какая-то сложная ситуация, министр включал не ум, а память, из которой тут же вытаскивал один из многих накопленных за долгие годы службы прецедентов и следовал по уже известному пути. Служба безопасности создавалась в МИДе впервые.

Фактическое увольнение из МИДа, крах дипломатической карьеры, к которой я готовился практически с детства, были для меня страшным ударом. Однако во время длительного оплачиваемого отпуска (около трех месяцев) я сразу же стал готовиться к научной карьере и к сдаче кандидатского минимума. Необходимо было сдать экзамены по английскому языку и международному праву, а также написать реферат по марксистско-ленинской философии. Я усиленно готовился по этим предметам. Тему реферата я избрал довольно интересную: «Критика буржуазных теорий об инстинктивной агрессивности человека» и работал над ней в спецфонде Библиотеки имени В.И. Ленина, так как в то время работы З. Фрейда, К. Лоренца и других ученых были закрыты для рядового читателя.

Научная работа отвлекла меня на время от свалившихся неприятностей. Но я и не мог даже представить себе, что меня ждут страшные испытания. В их преодолении мне помогли ежедневные занятия гимнастикой йогов, которой я увлекся во время первой поездки в Женеву в 1976 году и занимаюсь до сих пор.

Глава 7

САМОУБИЙСТВО МАМЫ И РЕШЕНИЕ А.А. ГРОМЫКО

6 мая 1978 года поздно вечером мне позвонила сестра Анна, которая проживала с бабушкой в квартире родителей на Фрунзенской набережной. Она взволнованно сказала, что мама пропала и оставила записку следующего содержания: «Дорогой Анюттик! Я не смогла поступить иначе. Врачи тебе все объяснят. Жаль, что мама не позволила мне умереть дома». Я всю ночь не спал, предчувствовал — случилось самое страшное. На следующее утро я сразу же позвонил М.И. Курышеву и рассказал ему о случившемся. КГБ тут же организовал поиски. Заместитель Курышева И.К. Перетрухин тогда пошутил, что вряд ли жена Шевченко могла утопиться, ибо вода в Москве-реке тогда была очень холодная. На всякий случай были проверены все аэропорты. Кстати, после исчезновения в Москве английского шпиона О. Гордиевского КГБ также объявил всесоюзный розыск. Это означало, что правоохранительные органы начали тут же рыскать в поисках его трупа по всей необъятной стране от Бреста до Владивостока — ведь его брненное тело могло оказаться где угодно — и в сточной канаве, и под мостом, и в реке.

Вместе с сотрудниками КГБ я поехал на нашу дачу в поселке Валентиновка. У нас не было ключей, и пришлось взламывать мощные дубовые двери, которые были почти все заперты изнутри. Я принял активное участие, ибо являюсь не слабым человеком. Однако все поиски оказались безрезультатными.

8 мая сестра опять позвонила мне, сказав, что в квартире появился какой-то странный запах. Я сразу же приехал и нашел разорванную на девять частей записку мамы дочери следующего содержания: «Ласточка, родная. Прости меня, солнышко. Люблю тебя очень. Пройдет время, должна быть счастливой. Держись пока бабули. Твоя мамуля. Очень тяжело. Бабуля не дала, не вышло дома». Сестра была одна в квартире, поскольку мама еще 5 мая попросила бабушку погостить у родственников в Химках. Приехав к сестре, я вызвал милицию из районного отделения. Приехавший участковый сказал, что никакого странного запаха он не чувствует, ибо так пахнет нафталин. После его ухода я стал сам обследовать квартиру и довольно быстро обнаружил, что запах идет из большого стенного шкафа (фактически это была маленькая комната — кладовка), в котором висело огромное количество шуб и дубленок. Мы снова вызвали милицию. Приехавший капитан, открыв двери шкафа, снова сказал, что никакого запаха, кроме запаха нафталина, он не чувствует. Тогда я не выдержал и стал сам раздвигать многочисленные шубы и дубленки. Пошарив рукой в углу кладовки, она была глубиной и шириной более 2 метров, я наткнулся в углу на холодную руку моей мамы и сразу же оттуда выскочил как ошпаренный. Дальнейшее происходило как в тумане. Приехали работники прокуратуры, врачи, а затем представители КГБ вместе с Курышевым. Последних милиционер спросил, откуда они. «Из центрального аппарата КГБ», — последовал ответ. Сестра сразу же уехала к нашей тетке Л.Л. Сваринской, проживавшей на Авиамоторной улице.

Я сидел на кухне, руки у меня тряслись. Какой-то пожилой мужчина (видимо, понятой, бывший работник КГБ) предложил мне выпить вина, которое в большом количестве хранилось в квартире. До этого случая я старался не брать в рот спиртного, так как занимался

тяжелой атлетикой и гимнастикой хатха-йога. Мне стало немного легче, однако нервный тик одной руки (правой), которой я дотронулся до холодной руки мертвой мамы, не проходил несколько дней.

Через несколько часов Курышев предупредил меня, что будут звонить иностранные журналисты. Удивительно, как они так быстро узнали о смерти мамы! Я отвечал на их вопросы на английском и французском языках около полутора часов. Курышев проинструктировал меня, что можно было говорить. Затем он сказал, что нам дадут новый номер телефона, в котором не будет повторяться ни одна цифра (245-71-63).

Вечером в нашу квартиру приехал капитан Второго главного управления КГБ (внутренняя контрразведка) В.В. Молодцов, который провел у нас всю ночь. Ему было дано указание не оставлять меня одного. К этому времени я более-менее успокоился, и он даже удивлялся моей выдержке. Я беседовал с ним о своих планах относительно будущей работы, в частности, говорил, что, может быть, мне разрешат преподавать в МГИМО. В три часа ночи я лег спать, а Молодцов продолжал бодрствовать до утра.

Я не сразу сообщил о случившемся бабушке, которая была у родственников в Химках, опасаясь за ее здоровье. Однако после того как маму увезли в морг, это надо было сделать. Бабушка срочно приехала домой. Она почему-то сразу же побежала к старинному секретеру и стала что-то проверять.

В загсе Ленинского района я получил свидетельство о смерти и справку, в которой была указана следующая причина смерти мамы: отравление неизвестным ядом.

Мы стали заниматься организацией похорон. Я позвонил Курышеву и высказал мнение, что из политических соображений похоронить маму следовало бы на Новодевичьем кладбище. Ведь она отказалась

остаться в США и поступила патриотически. Полковник КГБ связался по этому поводу с Громыко, но министр сказал, что в данном случае он один, без постановления ЦК КПСС, не может решить вопрос о захоронении на таком элитном кладбище. Громыко поручил управляющему делами МИДа послу Дучкову организовать похороны на Новокунцевском кладбище (филиал Новодевичьего).

В то время на данном кладбище (оно находится рядом с Троекуровским кладбищем) хоронили генералов вплоть до генерал-полковника и известных артистов. Там также похоронен великий шпион К. Филби. Народные артисты СССР, послы и маршалы имели право быть похороненными на основном — Новодевичьем. Когда отцу в начале 1973 года был присвоен ранг Чрезвычайного и Полномочного посла СССР (представление министра утверждалось Политбюро ЦК КПСС), он с гордостью сказал мне: «Теперь я заслужил право быть похороненным на Новодевичьем кладбище».

Однако в годы перестройки М.С. Горбачева и сейчас «клиентами» филиала Новодевичьего стали многие послы, в том числе Б.И. Дучков, В.Г. Макаров (помощник Громыко похоронен рядом с женой бывшего министра иностранных дел СССР А.А. Бессмертных), Г.С. Сташевский и даже один Маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев, поддержавший ГКЧП в августе 1991 года и покончивший жизнь самоубийством после провала августовского путча. Кстати, на могиле всесильного старшего помощника Громыко (с ним считались даже замминистры) поставлена скромная небольшая черная надгробная плита, а сама она находится в большом запустении. Видно, что ее редко кто посещает. Однако при жизни многие боялись Василия Грозного-Темного. Он пережил Громыко на четыре года и умер в 1993 году.

Когда я увидел лицо мамы в морге, то заметил у нее на лице странные порезы, как будто сделанные бритвой.

Что это? Отчего? Неизвестно. В морг попрощаться с мамой пришла также жена Г.С. Сташевского.

Гроб мамы пронесли мимо горевшего в то время постоянно вечного огня на большом памятнике погибшим воинам-героям Великой Отечественной войны (сейчас огонь постоянно не горит, видимо, из экономии).

На похоронах мамы присутствовали родственники и представитель КГБ В.В. Молодцов. Был исполнен гимн Советского Союза.

Через год я поставил на могиле мамы двухметровый памятник из белого мрамора, с высеченной головой мамы. Памятник сделал довольно известный скульптор Ю.Л. Ричков. Его телефон мне дал Кенес — шофер директора информационного центра в ООН в Москве.

Дома бабушка организовала поминки, на которые были приглашены все наши родственники. Присутствовал также представитель КГБ капитан В.В. Молодцов (на пенсию он вышел полковником), с большим интересом слушавший рассказы бабушки о ее родственниках и знакомых. И.К. Перетрухин пишет, что не лишенный чувства юмора Молодцов «рассказывал нам потом, как теща А. Шевченко Анна Ксаверьевна в порыве наигранного негодования, картинно обращаясь к нему, кричала: «Владимир Владимирович, дайте мне револьвер! Я застрелю этого негодяя! Это он убил мою дочь!..» Огнестрельного оружия у него в тот момент, естественно, не было, да и представлял он себе смутно, как можно было бы сделать это на таком большом расстоянии, не промахнувшись!». Все это правда. Бабушка громогласно «требовала» револьвер и на кладбище. Прохожие от ее криков шарахались. Однако не стоит забывать, что моя бабушка была очень умной женщиной, и она знала, кто присутствует на похоронах и поминках. Мне она неоднократно говорила, что простила бы отца, если бы он внезапно появился. Нужно отметить также и то, что отец любил свою тещу,

пожалуй, больше, чем собственную мать (очень редкий случай).

В связи со смертью мамы меня вызывали несколько раз в Следственный отдел КГБ в Лефортово. Там мне рассказывали об известной Лефортовской тюрьме, из которой последний раз убегали лишь в 20-х годах, ибо коридоры тюрьмы сделаны в виде креста, а в середине сидят охранники и просматривают все камеры. Когда я пришел в кабинет следователя по делу мамы, пришлось пройти через несколько стальных дверей с кодовыми замками. Говорят, что стены там излучают негативную энергию, и даже птицы над этим следственным изолятором не летают.

В Лефортове я давал подробные показания. Бабушка мне рассказала, что мама ранее предпринимала две попытки покончить жизнь самоубийством. Один раз она приняла большую дозу снотворного. Приехала ее лечащий врач Мелентьева (говорили, что она дочь министра) из Четвертого главного управления (в него входили: нулевая поликлиника — для членов Политбюро ПК КПСС и министров, первая — для послов и замминистров союзного уровня, вторая и третья — для чиновников меньшего ранга), и маму спасли. Странно, что кремлевские врачи не забрали ее принудительно в больницу. Правда, они сказали, что необходимо было согласие родственников. Мне об этом не сообщили (я тогда жил с первой женой отдельно), а бабушка такого согласия не дала. Второй раз мама попыталась выброситься из окна девятого этажа нашей квартиры, но дочь Анна успела ее остановить, схватив за ногу. Так что мама, видимо, приняла твердое и однозначное решение. Кстати, ее кумиром была Мерилин Монро, покончившая жизнь самоубийством, приняв большую дозу снотворного. Мама была даже внешне чем-то на нее похожа. Как выяснилось в ходе следствия в дальнейшем, она растворила около 40 таблеток

этаминала-натрия и примерно такое же количество радедорма, запив эту адскую смесь коньяком. В.В. Молодцов также удивлялся, почему мать жены Шевченко не сообщила о попытках самоубийства своей дочери. «Мы бы ее наверняка спасли», — подчеркнул полковник КГБ в отставке. Но все же некоторые сомнения относительно причины смерти мамы остаются и у меня.

Не раз мама звонила жене посла СССР в США А.Ф. Добрынина, и та говорила, что отец никогда не вернется и надо воспитывать детей в патриотическом духе. Мама также связывалась с сыном Громыко, который часто бывал у нас в гостях, и спрашивала у него, что делать. Она, по мнению сына министра, была уверена, что отца запутали и он вернется домой. «Как же мне все это объяснить детям?» — спрашивала она у Анатолия Андреевича. Сын Громыко спросил своего отца о том, как будет устроена судьба Лины и ее детей. Министр ответил: «Жена Шевченко оказалась честным человеком». Звонила ли мама Лидии Дмитриевне Громыко — неизвестно.

Бабушка также рассказывала, что мама сильно ругала отца и называла его подлецом. «Вряд ли я кого-нибудь себе найду. Мужчины любят молодое тело», — говорила она в последние дни. Мама была не права. Несмотря на то что ей было почти сорок девять лет (без одного месяца), у нее была прекрасная фигура, и она была весьма привлекательна. Кстати, в начале 70-х годов за мамой приударил такой известный актер, как Г.М. Вицин. Мама встретила его случайно в центре Москвы. Причем от его ухаживаний она еле-еле отделалась. В результате мама сказала ему, чтобы он подписал ее сыну открытку. До сих пор я храню ее. На ней имеется следующая надпись: «Геннадию от Труса». На открытке великий артист также нарисовал свой карикатурный портрет.

Однако мама слишком сильно любила отца, никогда ему не изменяла (хотя «доброжелатели», в том числе свекровь, нашептывали отцу обратное), поставила целью своей жизни сделать отцу карьеру, сумела подружиться с женой Громыко, которая была «настоящим начальником Управления кадров МИДа СССР». Мама предполагала, что отец будет когда-нибудь министром, и мечты были небезосновательными. Отец пользовался большим авторитетом в дипломатическом мире — стоял у истоков переговоров по разоружению и урегулированию ближневосточного конфликта (был одним из авторов известной резолюции № 242 по данному вопросу), встречался с лидерами арабских государств, посещал Ватикан с визитом к папе римскому Павлу II. Иностранные послы называли А.Н. Шевченко «бриллиантовым дипломатом» (в связи с подарком жене Громыко это звучало довольно двусмысленно).

Глава 8

АМЕРИКАНСКАЯ ЛЮБОВНИЦА СОВЕТСКОГО ПОСЛА

В мае 1979 года в США была издана книга Джуди (по-русски — Юдифь) Чавес «Любовница перебежчика». В написании книги ей помогала журналистка Л. Голдберг, которая в дальнейшем подсказала записать на пленку скандально известной Монике Левински компромат на президента США Б. Клинтона. Полковник внешней разведки в отставке Леонид Колосов признал в «Экспрессгазете» от 04.07.2002 года, что «Монике подсказали, что именно ей говорить. И тут вроде как бы не обошлись без нас».

Джуди рано вышла замуж — в семнадцать лет, работала официанткой, была водителем у богатого инвалида-индийца, а с 1976 года стала девушкой по вызову.

С отцом Джуди впервые встретилась, как она отмечает в своей книге, 2 мая 1978 года в отеле «Шератон», где для отца снимали номер стоимостью 120 долларов в сутки. В другом месте своей книги Джуди пишет, что познакомилась с Шевченко через три недели после его побега. Значит — в конце апреля. Несомненно, что в сексуальном скандале был прежде всего заинтересован КГБ. Информация в американской печати о связи отца с проституткой появилась уже в конце апреля 1978 года. Несомненно, что моя мама знала об этом. С Джуди моего отца познакомил его куратор из ФБР Дэвид Мейджор. Шевченко круглосуточно охраняли два вооруженных сотрудника ФБР, кроме того, за ним на всякий случай также постоянно наблюдали на расстоянии несколько других скрытых агентов.

Любопытно, что КГБ об этом было известно, значит, он явно следил за передвижениями отца в США, в том числе и за встречами с Джуди. ФБР и ЦРУ не без оснований опасались, что чекисты попытаются если не убить перебежчика, так выкрасть его. Сумела же английская разведка увезти из-под самого носа КГБ из Москвы подполковника КГБ и шпиона английской разведки О. Гордиевского!

Шевченко представил Джуди агентов ФБР в качестве своих помощников. Они же сказали ей, что Энди (под этим псевдонимом скрывался отец) являлся французским дипломатом. Первым языком в МГИМО у моего отца был французский, поэтому у проститутки вначале не возникло каких-либо сомнений. Тем более, что ее клиент хорошо разбирался в истории и политике Франции. В первую же ночь Джуди потребовала от Шевченко 500 долларов в качестве гонорара.

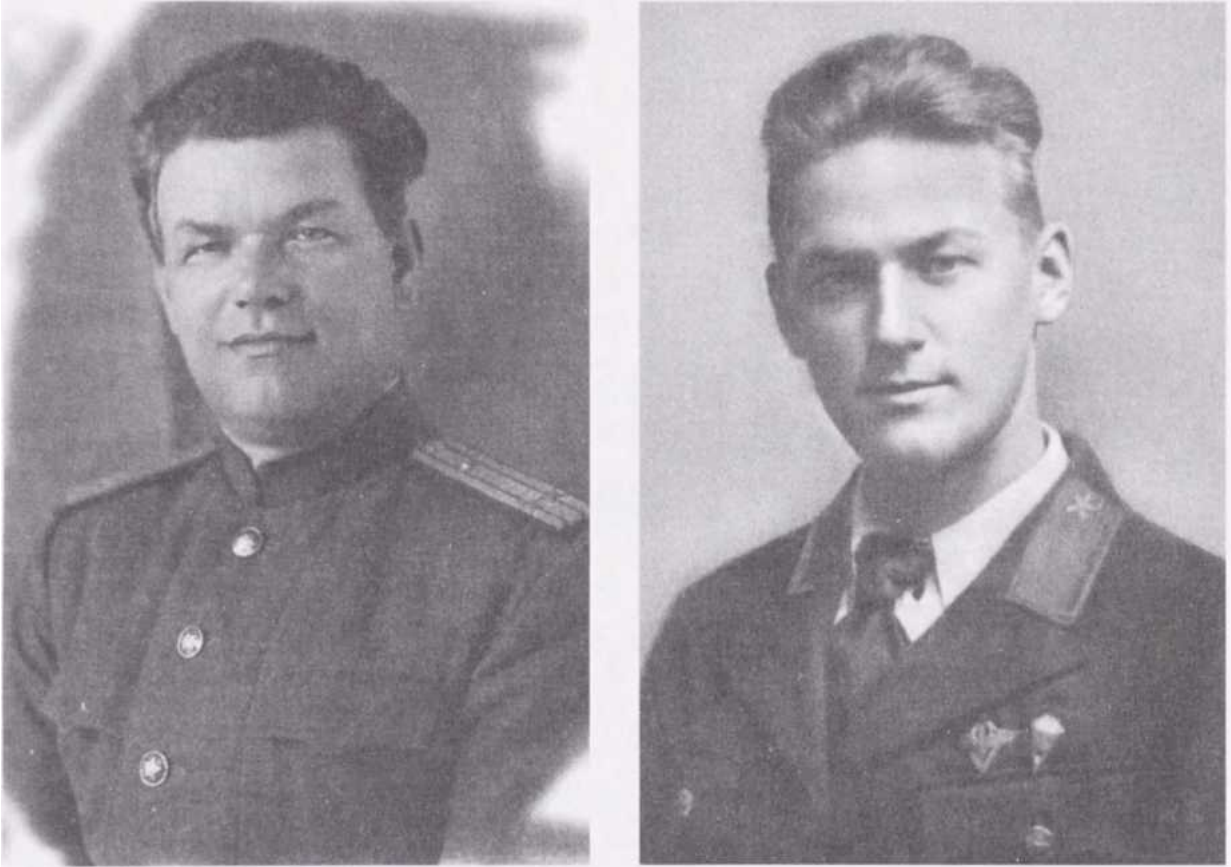
Следует отметить, что она была лесбиянкой, а в качестве девушки по вызову специализировалась на удовлетворении мазохистов, избивая их плеткой, и, как правило, не имела с ними секса. Отец же требовал от нее стандартного секса в так называемой рабоче-крестьянской позе (сверху) и женской нежности, которой ему, как он признавался, не доставало как от матери, так и от жены. Естественно, Джуди это сразу же не понравилось. Однако деньги были для нее прежде всего. Мазохисты платили, как правило, около 200 долларов. Она даже не любила, когда отец ее гладил. Но ей нравилось, когда отец делал ей массаж всего тела, иногда на протяжении двух часов, в течение которых она читала какую-нибудь книгу.

Джуди было всего двадцать два года, а отцу сорок семь лет. Ему показалось, что это его последняя любовь. Они стали встречаться сначала один раз в неделю по пятницам, а затем три раза в неделю, и за каждую ночь мой отец платил 500 долларов.

Все, что делала Джуди, напоминало отцу его жену Леонгину. Она была такой же красивой, манерной, носила в молодости длинные волосы и даже ходила как Джуди.

Н.И Шевченко (отец Аркадия Шевченко) и будущий «серый кардинал» ЦК КПСС М.А. Суслов (в центре). Санпоход, 1934 г.

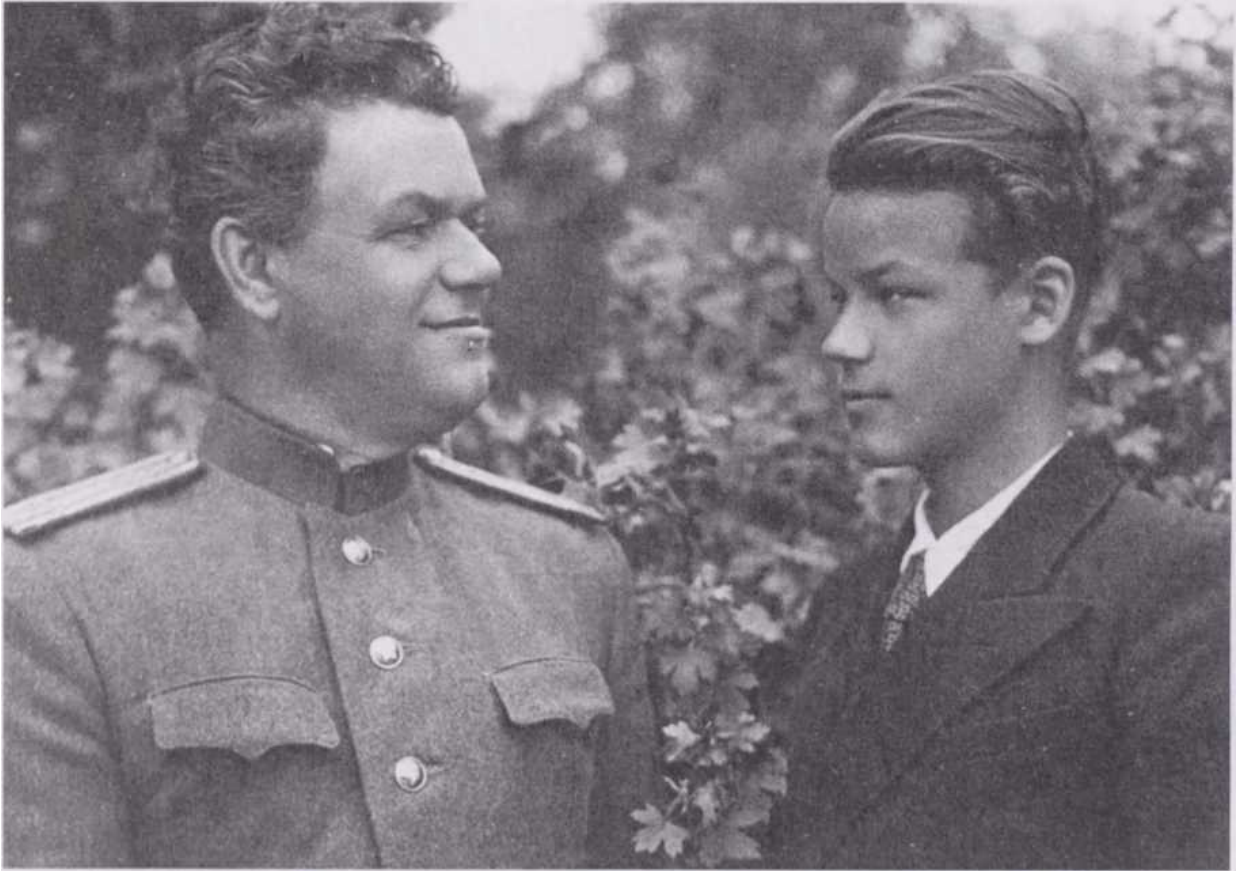

Подполковник Н.И. Шевченко. 1946 г.
Брат Н.И Шевченко — Геннадий, в 1944 г. сбитый немцами над Польшей

И.К. Немиро — один из репрессированных родственников. 1916 г.

Народная артистка В.П. Марецкая в гостях у Н.И. Шевченко

И.И. Шевченко и А.Н Шевченко. 1947 г.

Аркадий Шевченко на съемках фильма «Встреча на Эльбе». 1949 г.

Леонгина Шевченко. 1949 г

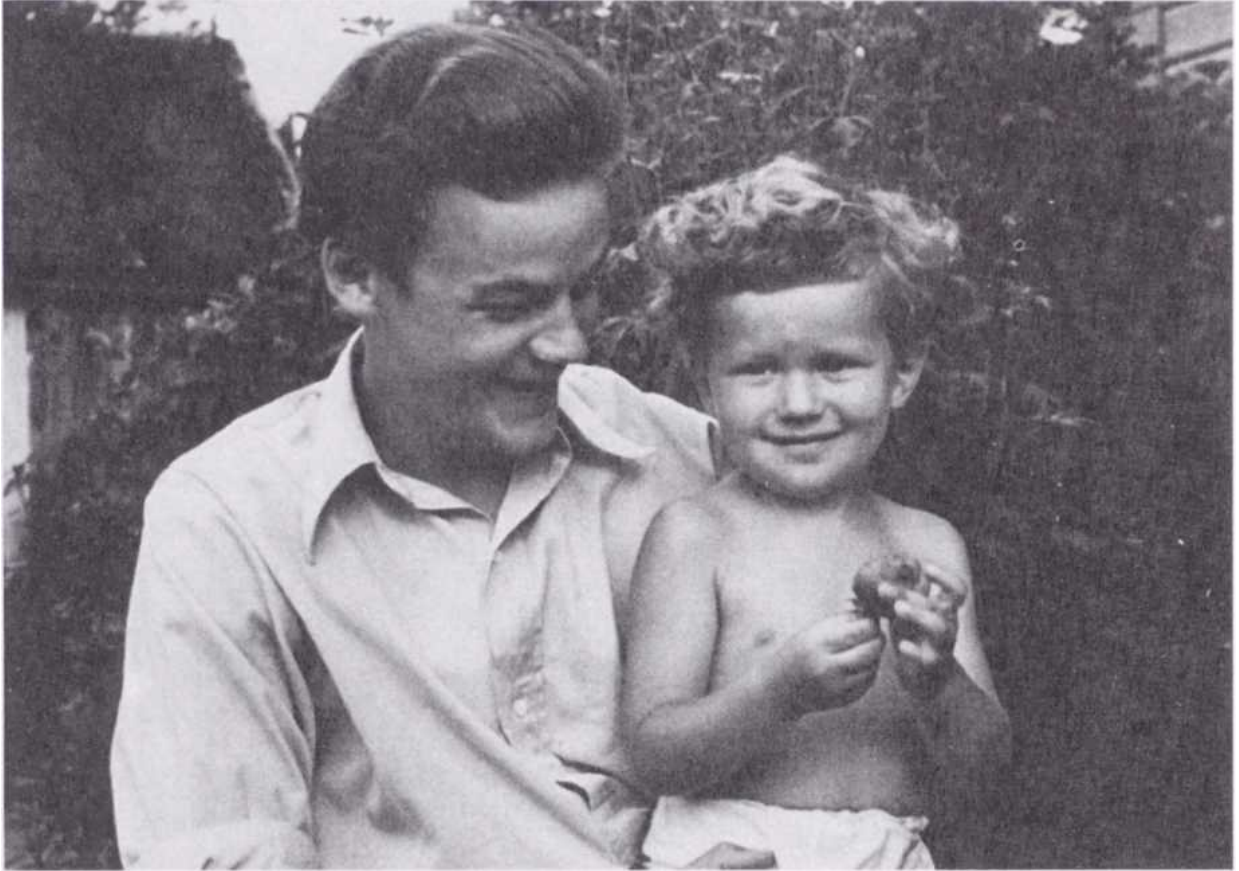
Аркадий Шевченко. 1949 г.

Леонгина Шевченко. 1951 г.

Молодожены Шевченко. 1952 г.

Отец и сын. 1955 г.

После визита Н.С. Хрущева в США. Фотографирование на память. В первом ряду, слева направо сидят: А.А. Громыко, К.Т. Мазуров, Н.С. Хрущев, Н.В. Подгорный. Во втором ряду, в центре стоит А.Н. Шевченко. 1960 г.

Геннадий Шевченко. Нью-Йорк. 1966 г.

Постоянный представитель СССР при ООН, посол Н.Т. Федоренко с женой и Л.И. Шевченко (в центре). Гленков. 1967 с.

Заседание Совета Безопасности ООН 22 мая 1973 года. Слева — А.Н. Шевченко

Леонгина Шевченко в гостях у Лидии Громько.
Москва. 1972 г.

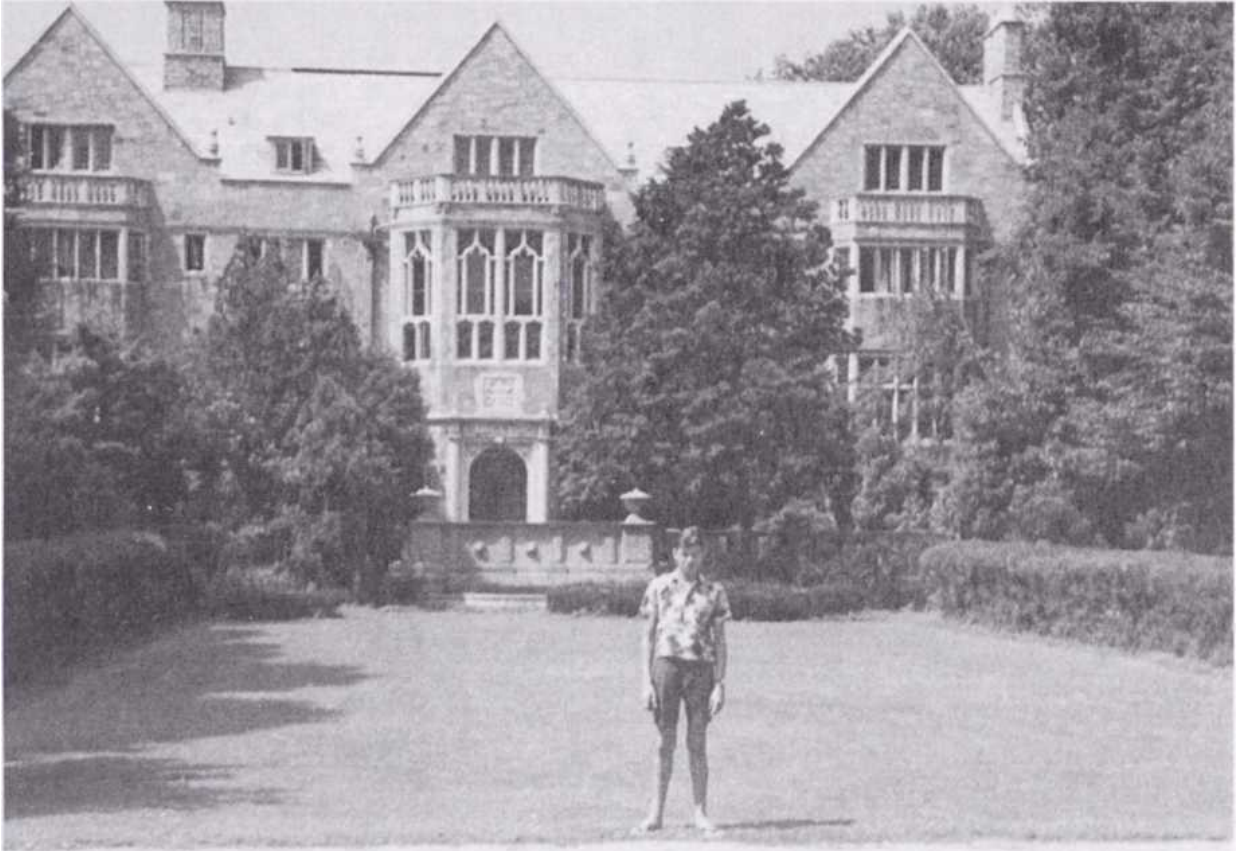
Аркадий Шевченко с женой. Нью-Йорк. 1967 г.

Аркадий Шевченко с сыном. 1969 г.

Отец и сын. Нью-Йорк. 1968 г.

Геннадий Шевченко. Гленков. 1968 г.

На совещании у Генерального секретаря ООН.
Справа от К. Вальдхайма — Л.И. Шевченко. 1973 г.

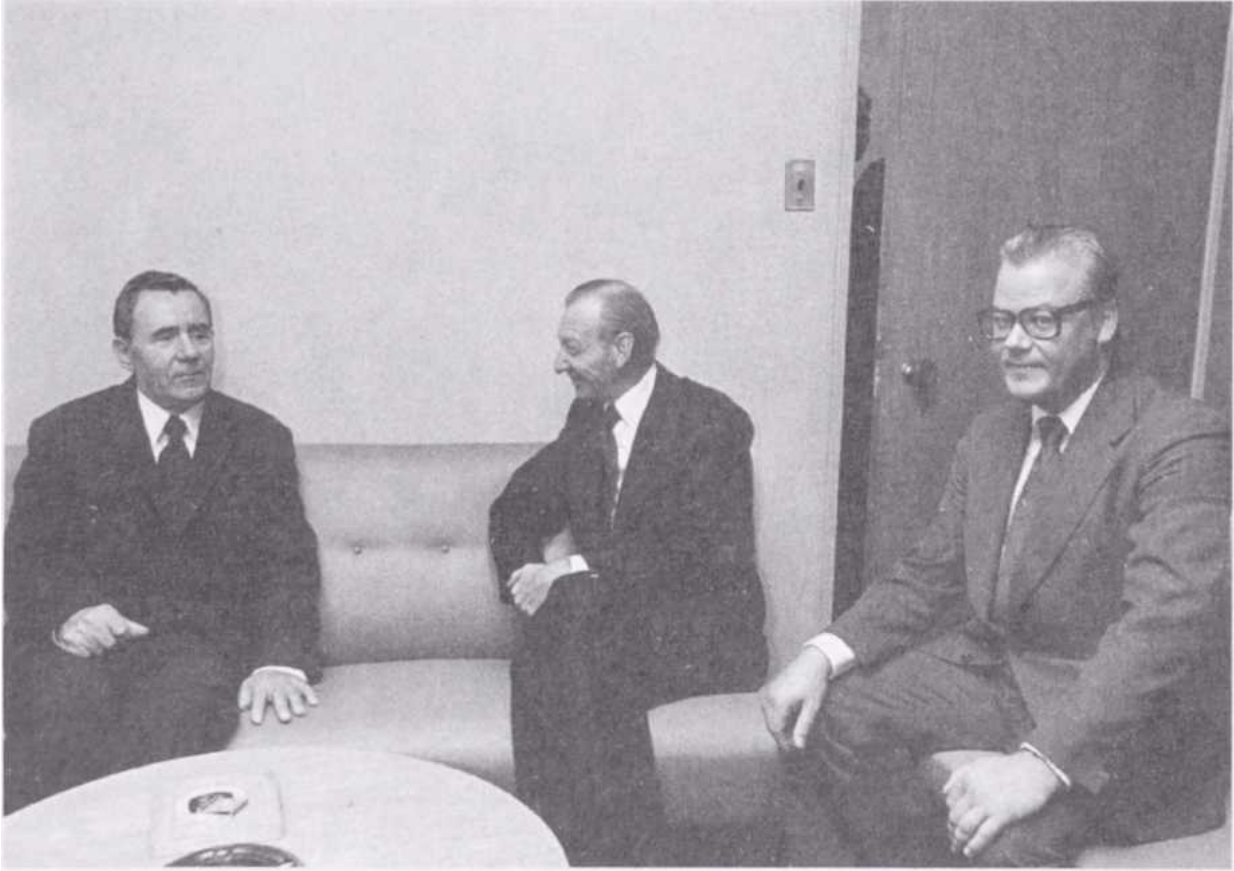

Аркадий Шевченко и Курт Вальдхайм. 1975 г.

Во время визита Генерального секретаря ООН К. Вальдхайма в Москву. 1977 г.

А. Громыко. К. Вальдхайм, Л. Шевченко. Москва.
1977 г.

Аркадий Шевченко с женой. 1977 г.

Геннадий нашел свое счастье. 1981 г.

10 мая Джуди прочитала в газете, что жена заместителя Генерального секретаря ООН, Чрезвычайного и Полномочного посла СССР Аркадия Шевченко, который сбежал из квартиры в Нью-Йорке к американцам, покончила жизнь самоубийством в Москве, о чем сообщил иностранным корреспондентам его сын. Как вспоминает Джуди, Шевченко, узнав о смерти своей жены, был в ужасной прострации и все время плакал. Он не верил, что его жена умерла сама. В ее убийстве он обвинял КГБ. В этот день он не смог заниматься с Джуди сексом, а только попросил ее лежать рядом с ним, сам же постоянно рыдал. Он был в ужасном физическом и духовном состоянии, пил водку день и ночь, когда ему удавалось заснуть, его мучили кошмары. Тогда Джуди догадалась, что он никакой не

французский дипломат, а советский перебежчик. Отец сам признался ей, кто он был на самом деле, и позже много рассказывал о своей жизни и внешней политике.

Отец также беспокоился за жизнь Джуди и боялся, что КГБ убьет и ее. Отец говорил ей, что она находится в безопасности только в его обществе, так как отца круглосуточно охраняли вооруженные сотрудники ФБР. Действительно, во время всех походов на улицу, в магазины или рестораны (там отец почти всегда заказывал рыбу) отца и Джуди все время сопровождали агенты ФБР. Они же расплачивались почти за все наличными долларами. Проститутку это удивляло. Однако, как известно, отец во время своего сотрудничества с ЦРУ в 1975–1978 годах оказывал помощь ФБР в различных интересующих их вопросах. Поэтому неудивительно, что они оплачивали любые его текущие расходы. Кроме того, постоянно обращаться в банк, где у отца имелся счет, было опасно. Он говорил Джуди, что там у него неограниченный кредит и он может получить даже 500 тысяч долларов США, если захочет. В то же время отец также имел свои личные значительные средства и накопления, полученные в ООН (около 80 тысяч долларов США). В частности, он купил Джуди новую спортивную машину «корветт» стоимостью 13 тысяч долларов за свои собственные деньги. Интересно, что агенты ЦРУ все время допытывались у Джуди, сколько ей платит отец в месяц. Она соврала и сказала, что 3,5 тысячи, хотя на самом деле отец платил ей 5. Значит, в основном отец тратил на нее свои деньги. Во время всех их выходов в свет отец настаивал на том, чтобы Джуди выглядела как леди, и покупал ей соответствующую одежду.

Позднее с легкой руки Джуди информация о том, что агенты ФБР оплачивают расходы Шевченко на проститутку, быстро попала в американскую прессу. Известный американский пародист Арт Бухвальд даже

сочинил на эту тему фельетон о том, что в США проститутки стоят гораздо дешевле.

Отец все больше и больше влюблялся в Джуди, настаивал на том, чтобы она бросила свою профессиональную деятельность и наркотики, жутко ее ревновал, не выносил, когда она более десяти минут находилась одна в ванной. Он предлагал ей стать его женой и говорил, что она не будет в чем-либо нуждаться.

В июне 1978 года они отправились на десять дней вместе с двумя вооруженными агентами ФБР отдыхать на Виргинские острова. Джуди потребовала выплатить ей за эту поездку 5 тысяч долларов. В аэропорту они прошли через специальный зал для правительственных чиновников (VIP-зал), так как охранники были вооружены. Отец, Джуди и сотрудники ФБР были зарегистрированы под одинаковыми фамилиями — все они являлись Теллерами. На островах в их распоряжении были два коттеджа с закрытым бассейном, в котором Джуди могла купаться голышом. И во время поездки отца по ночам продолжали мучить кошмары. Один раз ему приснился следующий сон: на похоронах И.В. Сталина Джуди плясала на его гробу. Как известно, отец в 1953 году жил в Москве и присутствовал на похоронах вождя среди десятков тысяч москвичей. Все рыдали, в том числе мои родственники, кроме матери отца. Мне она потом рассказывала: «И чего они все ревели? Я этого не понимала». Кстати, день похорон Сталина выдался холодным и ветреным. Стоя в толпе на Красной площади, мой отец видел процессию советских руководителей и родственников вождя всех времен и народов, в том числе его сына Василия, генерала военно-воздушных сил. Они следовали за гробом Сталина, водруженным на лафет. Г.М. Маленков, Л.П. Берия и В.М. Молотов в своих речах возносили хвалу покойному диктатору. Мрачный Берия в большой черной

шляпе, низко надвинутой на глаза, и тяжелом пальто был похож на Григория Распутина. Во время его речи было какое-то замешательство, связанное с тем, что Василий Сталин, пьяный в стельку, кричал на Берию, обзывал его и обвинял в убийстве своего отца.

Даже на пляже сотрудники ФБР были вооружены — их пистолеты были замотаны полотенцами.

Помимо купания в океане, отец с Джуди ходили вместе по магазинам. Она выбрала золотую цепь за 800 долларов и браслет за 300. Вместе с одеждой ее «сувениры» стоили 2 тысячи долларов США. Агенты ФБР также купили подарки своим женам на 20 долларов каждый.

Джуди все больше и больше обращала внимание на то, что деньги для Аркадия Шевченко ничего не значили. В частности, когда они катались на лодке, у него из кармана выпало несколько сотен долларов, и он бы этого не заметил, если бы Джуди не стала вылавливать их из воды. Все она выловить не смогла, но отец даже не был несколько расстроен. С другой стороны, отец был очень тщеславен и был не доволен, когда сотрудники ФБР везли его в машине всего с двумя дверцами. Он привык ездить в четырехдверных лимузинах.

Отцу не нравилась постоянная охрана со стороны ФБР и ЦРУ. Он возмущался, что эти ведомства заставили его подписать документ, из которого следовало, что они имели право предпринимать все меры безопасности, в том числе прослушивание его телефонных разговоров. Отец говорил Джуди, что стал испытывать к ним аллергию, так же как и она. «Может быть, мне уехать из Америки? Я знаю, что много других стран будут счастливы принять меня», — сказал он однажды в ресторане.

В то время в американской прессе стали высказывать предположение о возможности обмена

перебежчика Шевченко на правозащитника Н.Б. Щаранского (впоследствии вице-преьера Израиля), которого приговорили в СССР к девяти годам лагерей. Как отмечает Джуди, отец был просто разъярен в этой связи. Он сказал, что является свободным гражданином и никто его не может выдать или обменять, как бы того ни желали правители СССР и КГБ.

Один раз они пошли покупать ковры для новой большой квартиры, которую арендовали для отца. Джуди выбрала один золотого цвета для гостиной, голубой — для спальни и зеленый для отцовского кабинета. Ковры стоили 3 тысячи долларов. В квартиру были также перевезены более 30 коробок с книгами, необходимыми отцу для написания его мемуаров. 600 долларов отец дал Джуди для покупки картин, она их купила со скидкой, сэкономив для себя 300 долларов. Отец не стал навешивать картины сам, он хотел, чтобы это сделали сотрудники ФБР. Поэтому Джуди сделала все сама. Они вместе покупали одежду, косметику, духи, хозяйственные вещи. Для нее было удивительно, как можно покупать такую дорогую пену для ванны — за 20 долларов. Отец даже иногда готовил еду для Джуди. Однако его стейки (вырезка из мяса) ей не нравились, так как отец любил все тщательно прожаривать и они были суховаты. В то же время украинский борщ, приготовленный отцом, ей очень нравился.

Интересно, что во многом Джуди была похожа, в том числе и внешне, на последнюю роковую жену отца Наташу. Даже их разница в возрасте с отцом была примерно одинакова — около двадцати пяти лет. Только Наташа появилась через четырнадцать лет, и запросы у нее были гораздо больше.

9 октября 1978 года Джуди, тщательно подготовившись к разрыву с отцом, выдала его местопребывание американским журналистам, которые засняли отца вместе с сотрудниками ПРУ в ресторане

«Железные ворота» в Вашингтоне. В ноябре 2003 года я сидел за тем же самым столиком, где четверть века назад подставили моего отца. Причем Джуди заявила, что отец расплачивался с ней деньгами ПРУ. Все это вызвало большой скандал, и даже президенту США Дж. Картеру пришлось оправдываться перед журналистами в том, что Шевченко платил проститутке деньгами ПРУ и ФБР. Тогда президент США сказал, что это делает честь проститутке, но ее «гонорары» были преувеличены. Мне же кажется, что они были преуменьшены. Президента тогда неправильно информировали. Он заявил, что Шевченко использовал полученный аванс от издательства «Саймон энд Шустер». Но отец не получил этих денег, хотя и имел около 80 тысяч долларов, выплаченных ООН. Вполне возможно, что отец использовал частично деньги ЦРУ и ФБР на оплату счетов своей любовницы.

Тогда отцу пришлось срочно сменить свою квартиру, ибо КГБ усиленно охотился за ним и пытался узнать его местонахождение в США. Однако, как признал в 2003 году бывший генерал КГБ О.Д. Калугин, Шевченко тогда не нашли, ибо ЦРУ умело хорошо скрывать своих наиболее ценных агентов. «Достать Шевченко было довольно сложно», — сказал Калугин, проживающий в дорогом особняке недалеко от Вашингтона.

Предательство было благодарностью Джуди за то, что она безбедно жила за счет отца в течение шести месяцев (если она хотела бы бросить Шевченко, то могла бы просто тихо исчезнуть. Однако ей был нужен скандал). Как сказал куратор отца из ФБР Д. Мейджор в 2003 году, «Шевченко предал человек, которого он любил». По словам Джуди, отец истратил на нее за время их отношений 40 тысяч долларов США. Однако в эту сумму не включены их расходы на «мелочи» и поездка на острова, а также стоимость «корветта». Вылив целый ушат грязи на моего отца в своей книге,

она заработала определенные деньги, но многие «факты», приведенные в ее опусе, являются плодом больного воображения и враньем. Кстати, книга любовницы перебежчика не пользовалась особой популярностью в США и не была бестселлером, в отличие от книги отца.

О.Д. Калугин, учитывая характер его работы и личное знакомство с Шевченко, один из первых в Москве прочитал книгу Чавес и предложил Ю.В. Андропову перевести наиболее «сочные» места. «Мы отдадим эти отрывки в Политбюро ЦК КПСС, им будет интересно прочитать со всех точек зрения», — подчеркнул Калугин. Председатель КГБ сказал: «Не будем их раздражать».

Глава 9

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА В ПРЕДЕЛАХ, УКАЗАННЫХ РУКОВОДСТВОМ КГБ СССР. ЗАОЧНЫЙ СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

Через несколько дней после похорон мамы В. Шнеерсон — знакомый адвокат моей первой жены, который проживал в соседней квартире на улице Руставели, — посоветовал вывезти некоторые вещи из апартаментов родителей, так как предполагалась конфискация имущества. Бабушка разрешила отдать три чемодана вещей (примерно на сумму более 25 тысяч рублей, тогда это были огромные деньги), которые в то время могли рассматриваться как предмет спекуляции. Они, в том числе малахитовая глыба (более 2 килограммов), были вывезены на машине моего тестя генерал-лейтенанта Б.И. Смирнова на его квартиру в военном городке в подмосковном поселке Балашиха. Интересно, что, согласно мнению полковника КГБ в отставке В.В. Молодцова (он дал интервью в документальном фильме об отце «Роковое решение», заявив, что был «ангелом-хранителем» нашей семьи), КГБ принял решение не проводить обыск и конфискацию имущества А.Н. Шевченко сразу после похорон, чтобы не травмировать его сына, престарелую тещу и малолетнюю дочь. «Мы знали, что часть вещей уже была вывезена до обыска на квартиру тестя Геннадия», — подчеркнул Молодцов, и руководство КГБ этому не препятствовало.

Однако я с большим трудом уговорил бабушку отдать даже вышеупомянутые предметы, которые не составили и тридцатой части оставшегося имущества. По моему мнению, вывоз даже малой толики вещей отца до обыска и конфискации его имущества не мог не пройти незамеченным. Это, несомненно, ускорило дальнейшие события.

Через два дня, 22 мая 1978 года, в квартиру родителей пришли вооруженные следователи КГБ — 13 человек, вместе с понятыми, которые наверняка были бывшими сотрудниками КГБ (возможно, они ожидали сопротивления со стороны патриотически настроенного сына Шевченко, его 72-летней тещи и 16-летней дочери?), во главе с начальником следственной группы Следственного отдела КГБ СССР майором О.А. Добровольским. В группу входили сотрудники КГБ СССР В. Молодцов, Ю. Шитиков, Н. Лейтан, Плохотнов и следователи КГБ Вдовьев, Ломов, Бельченко, Посевин.

В квартире в это время находилась моя первая жена. Я успел передать ей 800 долларов США, которые она положила в бюстгальтер. М.И. Курышеву я до конфискации говорил, что в квартире находится около 5 тысяч долларов США, а в действительности их оказалось больше. Через год жена отдала мне деньги (видимо, страшно было держать валюту). Сестра помогла мне их продать. Я получил за 1 доллар 3 рубля 30 копеек. Деньги были использованы для изготовления памятника маме. Правда, еще 2 тысячи рублей добавила бабушка.

Следователи были поражены увиденным. «Это не квартира, а музей!» — воскликнули они. Действительно, было чему удивляться. Все 120-метровые апартаменты были заставлены (для прохода оставалось весьма мало места) дорогой старинной мебелью XVIII-XIX веков: маркетри, буль и т. д. Квартира не была похожа на жилое помещение. Большую часть вещей я, так же как и следователи, увидел впервые. На комодах находились

уникальные бронзовые часы и старинные французские часы с эмалью. В огромном буфете XIX века из красного дерева стояли столовые и чайные сервизы: фабрики Попова, Гарднера, других известных дореволюционных фирм. На стенах висели большие и маленькие коллекционные тарелки царских времен и производства французской фирмы «Севр». Во всех комнатах нашей огромной квартиры находились старинные позолоченные светильники, торшеры и канделябры, а с потолка свисали огромные позолоченные бронзовые люстры XVII-XVIII веков с хрустальными подвесками ручной работы. На дамском секретере маркетри стояло уникальное серебряное зеркало с графским гербом из эмали. Во всех комнатах находились двухметровые зеркала XVIII века в позолоченных рамах. В самой большой комнате висело огромное ценнейшее венецианское зеркало в хрустальной раме, на которой был выгравирован красивый рисунок. Дорогой электрический камин американского производства закрывал уникальный, старинный экран из красного стекла с ручной росписью с рамой из черного дерева с вырезанными черными розами. В квартире находились два старинных бронзовых позолоченных стола: один с малахитовым верхом, другой с мраморным. На стенах висели картины, правда, родители не успели купить очень дорогие. Пожалуй, ценность представляла лишь акварель известного русского художника В.Д. Поленова. Мелких предметов антиквариата было не счесть. Продав в 1981 году старинный чернильный прибор, я смог вместе со второй женой Ниной отправиться в свадебное путешествие на целый месяц в Сочи, причем мы так и не смогли истратить тысячу рублей, полученную за указанную вещь.

В самом начале обыска бабушка воскликнула: «Это все мое!!! Я привезла антиквариат и мебель из Австрии и Румынии в 1948-1949 годах». Я промолчал, но точно

знал, что основная часть данных вещей была приобретена на деньги отца, когда его назначили на пост заместителя Генерального секретаря ООН в 1973 году. Тогда мама и бабушка увлеклись коллекционированием красивых антикварных вещей.

Они имели связи практически во всех комиссионных магазинах Москвы. Как только там появлялась какая-нибудь редкая антикварная вещь, то бабушка и мама (когда она приезжала в СССР из Нью-Йорка) сразу покупали ее. Вообще большинство мидовских работников закупали за границей дефицитные тогда в Москве вещи, а затем сдавали их в комиссионные магазины, получая тем самым довольно большую прибыль. Бабушка поручала эту миссию, как правило, своим родственникам и знакомым. В 1969 году старая подруга мамы сдала в комиссионный магазин около 60 метров тюля. Естественно, это сразу же привлекло внимание следственных органов. Было возбуждено уголовное дело. К нам в квартиру приходил следователь. Бабушка ему рассказала о высоких связях отца, в том числе с А.А. Громыко. В результате бабушка подарила ему золотые часы, несколько сотен рублей, и дело было закрыто.

В конце 60-х годов у отца возникла идея о том, что в США можно с выгодой продать старинные русские серебряные монеты. И бабушка стала завязывать связи с коллекционерами. Было закуплено довольно большое количество таких монет. Они переправлялись в США со знакомыми дипломатами. Я собирался в Нью-Йорк на каникулы. В мае 1969 года мне исполнилось семнадцать лет, и, как сын высокопоставленного дипломата (отец был Чрезвычайным и Полномочным посланником СССР второго класса, старшим советником Постоянного представительства СССР при ООН в Нью-Йорке), я имел право на дипломатический паспорт. Бабушка зашила самые ценные монеты мне в карманы пиджака, особенно

редким и дорогим был серебряный рубль петровского времени, отлитый в честь победы императора России Петра I над Швецией в Гангутском сражении во время Северной войны (1714). Бабушка купила эту монету за 700 рублей, в то время это были большие деньги. Сейчас, я думаю, она стоит несколько тысяч долларов США. В аэропорту Шереметьево-2 я прошел таможеню и привез отцу несколько десятков дорогих серебряных монет. Сейчас я, как профессиональный юрист, думаю, что данную чистейшей воды контрабанду могли бы запросто обнаружить и не закрыть на это глаза. Не столь уж высоко было тогда положение моего отца. В то время гораздо более высокопоставленные чиновники, например заместители министра, «падали» довольно низко из-за гораздо меньших прегрешений, например из-за любовницы. Громыко тогда не был членом Политбюро ЦК КПСС, и, возможно, карьера отца могла бы тогда завершиться. Одно дело давать взятки без свидетелей, другое дело — аэропорт Шереметьево-2. Вспомним, как я уже писал выше, что, в частности, в середине 70-х годов (кстати, Громыко тогда уже был членом Политбюро) «серый кардинал» КПСС М.А. Сулов, не очень любивший Громыко, победил в борьбе за МГИМО, когда министр иностранных дел устраивал туда детей своих друзей и родственников. А посол В.Л. Исраэлян погорел всего из-за нескольких видеоманитофонов (один-два можно было привезти), которые уже в период перестройки рассматривали как предмет спекуляции. Следовательно, отец рисковал не только своей карьерой, но и моей судьбой. Интересно, что, переписываясь с отцом по поводу монет, я использовал шифр «пляшущие человечки», который изобрел сам, прочитав соответствующий рассказ Конан Дойла. Отец, чертыхаясь, расшифровывал мои письма к нему. В 1974 году, когда я приезжал к нему в очередной раз в Нью-Йорк (тогда я писал дипломную работу), отец мне

сказал, что он зря связался с переправкой старинных серебряных монет в США. По его словам, заработать на этом «особенно» он не сумел. Кстати, бабушка также использовала кодовые названия для предметов, присылаемых из Нью-Йорка для перепродажи. В частности, модные в конце 60-х — начале 70-х годов шерстяные платки с люрексом, которые присылались в Москву тысячами, бабушка в своих письмах зятю называла «цветочками». Старинные ювелирные изделия бабушка покупала через директора мастерской по ремонту ювелирных изделий, которая находилась на Старом Арбате. Отец за это обещал директору Беляеву организовать поездку в США.

С 1966-го по 1973 год наша квартира на Фрунзенской набережной была обставлена довольно просто: современная мебель и практически не было антиквариата. Все сбережения отца и частично бабушки пошли на приобретение в 1966 году кооперативной квартиры и дачи в поселке Валентиновка, которую родители позже обменяли на большую в том же дачном кооперативе с доплатой. В 1966 году родители заплатили 16 тысяч рублей (по тем временам огромная сумма), чтобы поменять двухкомнатную квартиру (там проживали бабушка с третьим мужем, отец, мама, я и моя малолетняя сестра Анна) на четырехкомнатную. Несколько тысяч рублей родители дали председателю кооператива В.П. Трепелкову «за оформление» квартиры. В 1963 году бабушка вышла на пенсию, проработав несколько последних лет директором продовольственного магазина, недалеко от Заставы Ильича, где я родился в 1952 году. Хотя с продуктами у нас не было проблем, жили мы довольно скромно. Ведь все директора магазинов еще в то время должны были относить дань (150–200 рублей в месяц, кстати, месячная зарплата директора) районному торговому начальству. Возглавлял Ждановский райпищеторг в то

время Н.П. Трегубов, ставший впоследствии начальником Главного управления торговли города Москвы. Он не забыл бабушку и в начале 80-х годов, когда отец уже находился в США, и считал ее почти родственницей. Тогда было возбуждено уголовное дело против директора магазина «Океан» на Комсомольском проспекте, достававшего бабушке черную икру, которую она посылала в огромных количествах через знакомых дипломатов отцу на приемы в ООН (в Нью-Йорке один килограмм черной икры стоил тысячу долларов США, следовательно, у отца был неплохой дополнительный заработок). Бабушка позвонила Трегубову, и дело против директора «Океана» прекратили. Правда, скоро и самого «главного начальника московской торговли» привлекли к уголовной ответственности и, кажется, расстреляли, как и директора Елисеевского гастронома Соколова.

До получения двухкомнатной квартиры бабушка проживала в комнате в общей квартире на Авиамоторной улице. Ее мебель, привезенная из Австрии и Румынии, вообще не имела никакой коллекционной ценности и была перевезена на нашу не отапливаемую зимой дачу. Все деньги и ценности, привезенные из этих стран, муж бабушки передал перед смертью в середине 50-х годов своему сыну от первого брака. Кстати, как-то в начале 90-х годов мне позвонил некто Арсентьев (видимо, тот самый сын), непонятно как узнавший мой телефон (на телефонном узле его не давали, а моя бывшая теща, с которой я встречался по ее просьбе в 1993 году, узнала мой телефон через Службу внешней разведки России). Арсентьев-младший попросил у меня почитать книгу отца «Разрыв с Москвой». Однако на тот момент у меня этой книги не было — я дал ее почитать А.А. Бессмертных. Больше Арсентьев не звонил.

Единственной большой ценностью, приобретенной бабушкой за границей, была брошь с 56 бриллиантами, которую мама подарила жене Громыко в 1972 году.

Фотографию мамы с этой брошью я отдал М.И. Курышеву через месяц после конфискации имущества, сказав, что не должно быть каких-либо доказательств, хотя бы косвенных, для шантажа А.А. Громыко.

В ежемесячнике «Совершенно секретно» (№ 1, 1999) была опубликована статья Т. Белоусовой «Расплата. Почему свела счеты с жизнью жена Чрезвычайного и Полномочного посла СССР», в которой выдвигалась фантастическая версия причины побега отца. В статье утверждается, в частности, что в 1974 году Анна Ксаверьевна принесла к известному искусствоведу мужской портрет работы фламандского художника и попросила прикинуть, сколько он может стоить на Западе. Будучи человеком деликатным, искусствовед не стал расспрашивать, как к ней попало бесценное полотно из коллекции сожженного в Освенциме известного собирателя-еврея. В статье высказывается предположение, что, возможно, по случаю в Германии бабушка выменяла его у какого-нибудь солдатика за пару бутылок водки (как известно, бабушка была в 1948 году в Австрии и Румынии, а не в Германии. — *Г.Ш.*). А возможно, продолжает автор статьи, кто-то предложил приобрести ее для дочери, и Анна Ксаверьевна, прежде чем сообщать о картине, решила ее оценить. Последняя версия может быть правдой. Однако картина могла предназначаться как для Громыко, так и для К. Вальдхайма (бывшего офицера фашистского вермахта), если она и существовала вообще. В 1974 году я проживал в квартире отца вместе с бабушкой, и она мне показывала все антикварные вещи, которые она покупала, в частности старинный серебряный самовар, предназначавшийся для Генерального секретаря ООН. Упомянутой картины я в нашей квартире никогда не видел.

Картина, по мнению автора статьи, могла быть поводом вербовки отца американцами. Поэтому он

якобы и остался в США. Даже если бы это бредовое, не основанное ни на каких фактах предположение было правдой, то я не сомневаюсь в том, что оно бы никак не повлияло на карьеру отца. Вспомним отношение к евреям в 70—80-х годах, инструкцию о запрете их приема на работу в МИД и КГБ СССР. Отец писал в газете «Новое Русское слово» в статье от 22 апреля 1993 года, что, исходя из его личного опыта многолетней государственной службы, антисемитизм в бывшем Советском Союзе имел место. За исключением первоначального периода власти большевиков, в партийно-правительственном аппарате Советского Союза почти не наблюдалось лиц еврейской национальности. В МГИМО, который ковал кадры дипломатов, журналистов, партработников, разведчиков для КГБ и ГРУ и для других потребностей ЦК КПСС и Политбюро, евреев не принимали. В МИД евреев не принимали после разгрома Берией и Молотовым литвиновского НКВД. И все это отнюдь не было самостоятельными происками кадровиков-антисемитов. То была одобренная на высшем уровне официальная политика. По слухам, такую политику, в частности, проводил «серый кардинал» КПСС М.А. Суслов.

Кстати, значительная часть бриллиантов и золотых вещей, которые были изъяты во время обыска, была современного американского производства.

Бабушка заявила, что вообще все принадлежит ей, и буквально боролась за каждую незначительную вещь, например японские зонтики современного производства, и пыталась ее отвоевать у следователей. Она даже вырывала один зонтик из рук кагэбэшников, восклицая: «Это мое!» (Зонтик бабушке оставили.) Поэтому в конце концов у работников КГБ лопнуло терпение. Они перестали ее слушать и обращать на нее внимание. Начальник следственной группы обратился ко мне,

чтобы я указал, какие вещи могут принадлежать бабушке, а какие отцу.

О.А. Добровольский несколько раз звонил начальству и консультировался по поводу того, в каком объеме нужно производить конфискацию. Вот чего стоили законы при советской власти!

Кстати, у супершпиона КГБ (1985–1994), ответственного работника ЦРУ О. Эймса и его жены (ее также посадили в тюрьму на несколько лет), которая знала о шпионской деятельности мужа только в последние два года его девятилетнего сотрудничества с КГБ и не доложила об этом ЦРУ, конфисковали всю собственность, дом, машины, счета в швейцарских банках. Эймс был даже лишен права пользоваться деньгами, причитающимися ему за книги и фильмы, которые, возможно, будут посвящены ему в будущем. В то же время агенты, выданные Эймсом Советскому Союзу, были арестованы и казнены, а все их имущество конфисковано. У их родственников отобрали ведомственные квартиры, запретили им работать в государственных учреждениях. Они стали отбросами общества. Правда, жене генерал-лейтенанта ГРУ Полякова, который был уже на пенсии и расстрелян из-за Эймса, председатель КГБ СССР Чебриков позволил сохранить построенную Поляковым дачу. Все остальное их имущество было конфисковано, а изменника ждала безымянная могила. Американский журналист П. Эрли пишет в своей книге об Эймсе, что он видел, как вдовы и их повзрослевшие дети американских шпионов вытирали наворачнувшиеся на глаза слезы, рассказывая об унижениях, насмешках и злобных выпадах, которые им пришлось пережить. И я выяснил, продолжает Эрли, что никто из них не получил ни гроша от правительства США и никто не сказал им «извините» за те жертвы, которые их семьи принесли во имя американской демократии и свободы. Между тем Эймсу было передано сотрудником

Службы внешней разведки России через П. Эрли после ареста советского шпиона в США, что «друзья не забывают друг о друге». Исключениями в подходе КГБ к вопросу о конфискации имущества были, пожалуй, дела Гордиевского и Шевченко. Как отмечает английский шпион в своей книге «Следующая остановка — расстрел», конфисковали у него лишь автомобиль «Волга», но как только присланная на его квартиру в Москве следственная бригада приступила к описи имущества, поступила команда об отмене конфискации. Правда, машина уже была вдребезги разбита. Как считает шпион, КГБ вознамерился попытаться заставить Гордиевского в конце концов вернуться на родину. Используя его жену с детьми, которые оказались фактически на положении заложников, руководство КГБ рассудило, что если отнимут квартиру, то семья вряд ли будет сотрудничать с органами. Однако Гордиевский заблуждается, ибо квартиру у его семьи было трудно отнять (в брежневской конституции было записано право каждого гражданина СССР на жилище), а вещи, видимо, не представляли особой ценности. Да и квартира у подполковника была не такая уж роскошная и находилась в отдаленном районе Москвы. Новый председатель КГБ В.В. Бакатин разрешил жене шпиона уехать к мужу в Англию, куда она прибыла с небольшой сумкой. Либеральная конфискация имущества моего отца также объяснялась его высокими связями, в частности с А.А. Громыко, и надеждой некоторых сотрудников КГБ, что Шевченко все-таки в конце концов вернется в СССР, «приползет», как говорили они. Я думаю, что если бы не смерть мамы, то конфискации вообще бы не было.

Нужно отметить, что, вопреки страшным описаниям в западной и диссидентской литературе, обыск производился весьма корректно и вежливо. Высыпалась каждая банка с крупой или сахаром, а затем продукты

аккуратно, чтобы не потерять ни крупинки, засыпались обратно. Меня это очень удивило.

Характерно, что начальник следственной группы спросил с некоторым сожалением, почему мой отец, имея огромное количество драгоценностей, золота и антиквариата, не приобрел дорогой музыкальной техники. Была «лишь» музыкальная система где-то за тысячу долларов США и несколько магнитофонов. О.А. Добровольский был явно расстроен. Видимо, в то время эти вещи были особенно популярны среди тех, кто имел возможность приобретать за бесценок предметы конфиската. Поэтому, когда я попросил его отдать мне хотя бы один магнитофон, мне было категорически отказано. Но после конфискации имущества М.И. Курышев позвонил мне и сообщил, что я могу оставить себе и своей первой жене по дубленке из списка арестованных вещей (видимо, за хорошее поведение). В деле моего отца имеется соответствующая информация о передаче мне двух дубленок. Моя сестра такого «дара» не заслужила, ибо она имела мужество послать кагэбэшников «подальше». У меня до сих пор цела эта дубленка австрийского производства, которую я иногда надеваю в сильные морозы.

Однако вскрыть тайные отделения старинного секретера маркетри начала XVIII века, не сломав его, сотрудники КГБ не смогли. Поэтому под руководством бабушки я показал им эти секретные места и как они открывались. Там лежали около 5 тысяч долларов США, а также огромное количество колец, сережек, браслетов с бриллиантами, рубинами, изумрудами и сапфирами, золотые фигурки слонов и других зверей арабского производства. Было оставлено после конфискации около десятка старинных драгоценностей, которые я передал бабушке. За одно, очень красивое кольцо пришлось побороться. Оно состояло из двух колец: одного старинного с крупным бриллиантом, другое было

современное, сделанное на заказ американское кольцо в виде красивого узора с многочисленными маленькими бриллиантами. Сейчас такое кольцо стоило бы не меньше 10 тысяч долларов США. О.А. Добровольский говорил, что одно кольцо старинное, а другое современное. «Как поступить в данном случае?» После некоторых раздумий начальник группы следователей сказал своим коллегам: «Давайте проголосуем — отдать кольцо или нет?» Было решено оставить этот предмет, но только лично мне, а не бабушке, так как я убедил следователей в том, что составные части кольца неотъемлемы друг от друга. В связи с тем, что указанную вещь удалось отвоевать мне у кагэбэшников, бабушка в дальнейшем разрешила подарить драгоценность моей первой жене.

Правда, некоторые старинные, довольно ценные вещи, которые я назвал как бабушкины, все же были конфискованы — бриллианты любила также и номенклатура.

Бриллианты, рубины, изумруды, сапфиры в описи имущества указывались как камни белого, красного, зеленого и синего цветов, а золото — как металл желтого цвета, и это делалось наверняка специально, так как в описи имущества они не были оценены даже приблизительно и могли быть скуплены по дешевке. Интересно, что оставленные нам драгоценности и исключенные из описи имущества именовались золотом, бриллиантами и т. д. По моей оценке, коллекция изъятых старинных и современных ювелирных изделий сейчас может стоить около 500 тысяч долларов США.

В стенном шкафу за деревянными панелями были спрятаны 12 икон рублевской школы с золотыми и серебряными окладами и старинный алтарь из металла желтого цвета с эмалью (так было написано в описи имущества). Сестра попросила оставить ей одну икону, сказав следующее: «Не молиться же мне на вашего

Ленина». Ей было в этом отказано. О.А. Добровольский спросил меня, сколько приблизительно может стоить одна такая икона. Я ответил: «От 500 до 2 тысяч рублей, а возможно, и гораздо больше. Точно может определить только специалист». Однако, когда я прочитал опись имущества, все иконы и алтарь были оценены скопом ровно в 500 рублей. Я высказал свое удивление по этому поводу Добровольскому. Он ответил несколько смущенно: «Мы перепишем позднее данный пункт». Естественно, он никогда не был переписан. Я думаю, что упомянутые предметы сейчас могут стоить более 100 тысяч долларов США, не считая одной уникальной иконы, которая была направлена (уже после ее конфискации) на экспертизу в Третьяковскую галерею на предмет ее возможного написания самим Андреем Рублевым. О результатах экспертизы мне ничего не известно. Но если даже ее написал ученик великого иконописца, ее стоимость огромна. Была изъята и икона Казанской Божией Матери XVIII века, наверняка очень ценная.

Как мне рассказывал через месяц после этих событий мой тесть генерал-лейтенант Б.И. Смирнов (ему, в свою очередь, говорил об этом знакомый генерал КГБ), ценные вещи следователями МВД и КГБ специально оценивались очень низко, для того чтобы их начальство могло купить конфискат по низкой цене. Когда я сообщил об этом М.И. Курышеву, он ответил несколько неуверенно: «Это не так». Думаю, что было как раз «так». Ю.В. Андропов, как известно, интересовался современной живописью, а вот Н.А. Щелоков собирал старинные вещи, в том числе и иконы.

И.К. Перетрухин пишет следующее: «Поражало обилие предметов антиквариата и прочих того же рода вещей, таких, например, как тончайшей работы беломраморный бюст французского императора Наполеона или панно из полудрагоценных камней

западного производства. По все видимости, они достались семье от тещи Аркадия Шевченко Анны Ксаверьевны, муж которой длительное время работал в какой-то советской организации в Австрии, связанной с учетом и реализацией трофейного имущества после разгрома фашистской Германии». Однако видно, что Перетрухин сам не видел данной вещи или просто не разбирался в этом. Сей бюст, стоивший около тысячи рублей (правда, это было в то время выше месячной зарплаты министра), представлял собой мраморную голову женщины (с надписью по-французски «поэзия»), и вещь являлась далеко не самым ценным предметом в коллекции антиквариата моих родителей.

Обыск и опись имущества в квартире моих родителей проходили три дня.

В результате была составлена опись имущества, подлежащего конфискации. В нее были включены многочисленные носильные вещи (в основном новые), дорогие шубы (чернобурки и норковые), дубленки, горжетки и палантины из чернобурки и голубого песка, шапки из песка, соболиные шкурки, многочисленные предметы из хрусталя, столовые и чайные сервизы, сотни метров отрезков на пальто, костюмы и платья, сотни метров тюля и мотков мохера, мохеровые одеяла, пледы и шарфы, изделия из Палеха и Федоскина, серебряный кофейный сервиз, две конфетницы из металла желтого цвета и т. д. Все это было перечислено на 19 листах и оценено приблизительно около 60 тысяч рублей (как минимум, в 3-4 раза ниже реальной стоимости). В отдельную опись были записаны драгоценности и золотые вещи, которые вообще не были оценены.

Новые носильные вещи были оставлены в нашей квартире, так как КГБ они не интересовали, и я назначался ответственным за их хранение.

Следователи КГБ упаковали и изъяли следующие предметы: драгоценности, золотые украшения, иконы, алтарь, доллары США, две сберкнижки (30 тысяч рублей), открытые на имя бабушки, после того как мама приехала из Нью-Йорка в Москву, музыкальную аппаратуру. Были конфискованы также два ордена «Знак Почета», медаль «В честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», которые получил отец, некоторые письма, фотографии и документы, в том числе диплом отца о присуждении ему ученой степени кандидата юридических наук, а также так называемая антисоветская литература: мемуары дочери И.В. Сталина, роман М.А. Булгакова «Дьяволиада», который я купил в Женеве, и подобные книги. Хотели изъять и мои книги по йоге и хиромантии на французском языке. Однако, после того как я разъяснил, что это такое, их оставили. Конфисковали и американскую детскую игрушку «Ходи и разговаривай», которую мне подарили в 1968 году. Ее в описи назвали «портативная радиостанция», хотя она действовала всего на несколько сотен метров.

Изъяты были многочисленные фотографии отца в ООН и мамы вместе с женой Громыко, коллекция грампластинок. О.А. Добровольский поинтересовался: «А где толстая золотая цепь, которая на этой фотографии вашей матери?» — «Ее надо искать в квартире А.А. Громыко или В.В. Кузнецова», — ответил я. Кстати, данная фотография тоже почему-то была изъята.

У меня сложились прекрасные отношения со следователями КГБ. Они увидели, что я абсолютно равнодушен к огромным ценностям, находившимся в квартире отца. Я им показал следующую дарственную надпись на первом томе полного собрания сочинений В.И. Ленина, сделанную моим отцом в 1972 году: «Сыну Геннадию в честь двадцатилетия. Живи и учись по-

ленински». Мама тогда сказала отцу: «Чему ты учишь сына. Ведь у Ленина были любовницы!»

Следователи показывали мне чемоданчик с причудливыми инструментами. Особенно меня удивили стальные наручники с острыми шипами, которые не смог бы сломать даже очень сильный человек, так как шипы впивались бы в руки. Я в свою очередь показал им американский кодовый замочек и предложил им его открыть. Один кагэбэшник долго пытался это сделать, но изделие США успешно выдержало испытание на сложность.

Больше всего следователей поразило то, что я начал помогать им выносить конфискованные вещи из нашей квартиры. Видимо, с таким явлением они никогда не сталкивались.

Обыск также производился на нашей даче в поселке Валентиновка. Эта дача была построена еще в 1947 году каким-то начальником управления строительства, которого затем расстреляли. Дачу передали члену-корреспонденту Академии наук СССР Л.И. Тимофееву, литературоведу, у которого не было ног. Поэтому в большом двухэтажном доме были очень прочные дубовые двери, а на окнах железные решетки. На участке площадью 30 соток росло свыше 100 сосен, в первые годы, когда родители купили дачу, там я находил даже белые грибы. Раньше у нас была небольшая дача, правда, с таким же участком, которая находилась рядом с новоприобретенной. Бабушка поменяла ее с доплатой (кажется, 10 тысяч рублей) на большую, а старая досталась профессору Варшавскому. Но семья профессора Варшавского прожила там всего несколько лет, а затем уехала в Израиль, продав дом какой-то родственнице или любовнице известного скульптора Э. Неизвестного, который сделал памятник Н.С. Хрущеву на Новодевичьем кладбище. Недалеко от нашей дачи проживал Исаак Шварц, с которым мы

подружились. Он говорил, что известная балерина М.М. Плисецкая является его племянницей.

Недалеко от нашего загородного дома находился дачный кооператив Малого театра, где проживали многие народные артисты СССР: М.И. Жаров, В.И. Коршунов, Ю.В. Никулин, Т.И. Шмыга и др. В 1980 году я встретил Жарова с маленькой девочкой. Поздоровавшись со старейшим актером (1899 г. рождения), я сказал: «Это ваша правнучка?» — «Да нет, что вы. Я не такой уж старый. Это внучка», — ответил он. Юрий Никулин — великий клоун и актер — несколько раз проезжал мимо нашей дачи. Интересно, что, когда он сидел за рулем машины «вольво», он всегда здоровался первый, а когда ездил на машине «Волга», то почему-то нет. В кооперативе Малого театра также проживал дед моей первой жены генерал-лейтенант И.И. Смирнов, который во время Великой Отечественной войны был заместителем председателя Исполкома Моссовета.

На дачу мы ехали на машине Следственного отдела КГБ «Волга»-универсал с включенной сиреной. Когда мы вышли из машины, О.А. Добровольский употребил в разговоре со мной следующую русскую поговорку: «Закон что столб, его и обойти можно». Увидев дачу, следователи КГБ стали подсчитывать сколько лет нужно копить денег из их зарплаты (400 рублей в месяц), чтобы купить подобный дом. Осмотрев его и участок, они сказали, что здесь можно спрятать слона — год ищи и всего не найдешь. Там не было ценных вещей или каких-либо компрометирующих отца бумаг. Были изъяты сборники документов по разоружению «для служебного пользования», изданные МИДом СССР, и роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» на французском языке.

Дача была кооперативной, и изъять можно было не ее саму, а лишь балансовую стоимость, равную 9 тысячам рублей. Поэтому я сказал М.И. Курышеву, что

пусть лучше заберут деньги с двух сберкнижек. Предполагалось вернуть одну из них (на сумму 15 тысяч рублей). «Так будет лучше и вам и нам», — подчеркнул я, а про себя подумал, что дача стоит гораздо дороже, чем 15 тысяч рублей.

И.К. Перетрухин подчеркнул в своей книге, что, как и следовало ожидать, ни обыск, ни беседы с членами семьи Шевченко каких-либо заслуживающих оперативного внимания результатов не дали.

По делу отца меня несколько раз вызывал в Следственный отдел КГБ СССР майор О.А. Добровольский (он вышел на пенсию в начале 90-х годов полковником). Начальник следственной группы занимал отдельный большой кабинет в лефортовском изоляторе (фактически тюрьме), где сидели изменники и диссиденты, а также подозреваемые в совершении крупных экономических преступлений. После расстрела Белого дома в 1993 году туда попал вице-президент А.В. Руцкой, просидевший там недолго, но успевший вырастить за это время представительную бороду, с которой он гордо вышел из тюрьмы. В сталинские времена место «предварительного» заключения находилось в основном здании чекистов на площади Ф.Э. Дзержинского.

Следователь сетовал по поводу того, что против отца не имелось никаких компрометирующих его материалов и улик. Обыск также ничего не прибавил. Добровольский разводил руками и удивлялся, почему Шевченко, имея высокие связи, завидное положение в обществе, ценное имущество, прекрасную квартиру в элитном районе Москвы и дачу в 10 километрах от МКАД, совершил такой поступок. «Что ему еще было нужно?» — восклицал майор КГБ. Я усиленно вспоминал, что мне говорил отец в последние годы, дабы хоть как-то объяснить его поступок. Рассказывал о моей поездке в 1974 году в Нью-Йорк и о том, как мне дал почитать

книгу А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» резидент КГБ в этом городе генерал Б.А. Соломатин (Добровольский сказал, что данный факт не нужно фиксировать в свидетельских показаниях), о том, как отец не боялся на своей квартире в США, что его могут прослушивать американцы (лишь бы ничего не слышали кагэбэшники), как он подозревал своего личного шофера в связях с КГБ, о его планах написания и издания книги в США без уведомления советских властей. Я вспомнил, что, приехав осенью 1977 года на такси (от персональной машины он отказался, боясь прослушивания со стороны КГБ) ко мне в гости, в маленькую однокомнатную квартиру моей первой жены на улице Руставели, отец сразу же отключил телефон, и как мы беседовали с ним в 6-метровой кухне. «У тебя очень хорошая квартира. Когда я был молодой, у меня такой не было», — сказал мне отец. Я показал отцу составленную мною памятку о том, что нужно делать советскому дипломату, чтобы стать послом (делать подарки начальству, всячески угождать ему, никогда не говорить плохого о руководстве в присутствии подчиненных и т. д.). Отец побледнел и сразу же порвал эту памятку на мелкие кусочки и спустил их в унитаз. «КГБ знает все. Даже Громыко его боится. Ты думаешь, они не знают, что твоя мать и бабушка продают в Москве вещи, купленные в Нью-Йорке?» — говорил отец.

Через неделю после обыска и немедленной конфискации наиболее ценных вещей знакомый адвокат жены В. Шнеерсон снова посоветовал вывезти оставленные ценные вещи на квартиру моего тестя генерал-лейтенанта Б.И. Смирнова в военном городке в поселке Балашиха. За несколько ездов на военном «газике» были вывезены антиквариат, старинная мебель, семь чемоданов с носильной одеждой мамы на общую сумму приблизительно 300 тысяч рублей по ценам 1978 года.

И действительно, примерно через две недели после этого пришла районный судебный исполнитель, которая стала переписывать все оставшиеся в нашей квартире вещи (не включенные в опись, составленную следователями КГБ). Я сразу же позвонил О.А. Добровольскому и передал телефонную трубку судебному исполнителю. После разговора с руководителем следственной группы КГБ она перестала составлять новую опись имущества. Тогда судебный исполнитель стала сверять список вещей, перечисленных в описи имущества, составленной следователями КГБ, с реальными предметами, которые находились в квартире. Следует отметить, что моя первая жена Марина уговорила меня заменить новую роскошную горжетку (чернобурку с мордой и лапами лисы) на старую, которая принадлежала теще. Последняя также предложила заменить новые большие мохеровые пледы на свои старые. Обнаружив подмену, судебный исполнитель страшно рассердилась и составила соответствующий акт. «Почему пледы меньшего размера и они явно синтетические?» — спрашивала она. «Может быть, они усохли или их неправильно замерили», — отвечал я ей. Через некоторое время мне позвонил М.И. Курышев и потребовал вернуть горжетку, что я и сделал. Замененные пледы так и остались у тещи. А через несколько месяцев мне пришло заказное письмо из прокуратуры Ленинского района о том, что я освобожден от уголовной ответственности по амнистии. Районный судебный исполнитель обратилась в прокуратуру в связи с заменой арестованных вещей, и против меня было возбуждено дело. К сожалению, этот уникальный документ об амнистии я не сохранил на память. Подтверждались слова отца о всевластии КГБ в нашей стране. Я вспомнил еще одну поговорку О.А.

Добровольского: «Закон что дышло, куда повернул — туда и вышло».

Многочисленные носильные вещи, отрезы и тюль, которые были включены в опись имущества, и огромный новый холодильник производства американской фирмы «Дженерал электрик» были вывезены по распоряжению районного судебного исполнителя. О холодильнике следует рассказать подробнее. Мы с сестрой решили пользоваться холодильником. Однако, зная заранее о приходе судебного исполнителя нашего района, сестра предложила оставить в нем некоторое количество продуктов и выключить (для «приятного» запаха). Когда судебный исполнитель приехала за холодильником, мы сказали, что он не проходит через дверь на кухне (я специально для этого снимал дверь с петель). «Нужно ломать коробку двери, ибо она делалась позднее, чем сюда поставили холодильник», — наврал я. Коробка двери была сделана из натурального дуба. «Хорошо, тогда выплачивайте тысячу рублей», — ответила судебный исполнитель. В эту сумму оценили следователи КГБ холодильник. «Мы подумаем, зайдем деньги», — сказал я. После ухода судебного исполнителя я помыл холодильник, включил его, но «проклятая» американская техника не работала, видимо, он испортился от запаха. Это была новая суперсовременная модель. Я позвонил в бюро ремонта импортных холодильников. «У нас уже стоит холодильник производства данной фирмы, сложная техника, и мы никак не можем его починить», — ответили мне. Поэтому, когда судебный исполнитель позвонила через несколько дней, я сказал ей, что сумел вытащить холодильник и она может его забирать.

Таким образом эпопея с обыском и конфискацией имущества была завершена. Осенью 1978 года М.И. Курышев сообщил мне, что мой отец приговорен Верховным судом РСФСР к высшей мере наказания

(заочно) — расстрелу с полной конфискацией лично принадлежащего ему имущества. О.Д. Калугин отметил в своем интервью российскому телевидению в ноябре 2003 года, что это было чрезвычайно суровым наказанием для гражданского лица. Так обычно наказывали предателей из КГБ и ГРУ. На закрытом заседании суда допрашивался в качестве свидетеля и Г.С. Сташевский. Перетрухин вспоминает в своей книге, что один из друзей моего отца случайно увидел на столе курировавшего его заместителя министра иностранных дел телеграмму КГБ о Шевченко. Приехав в Нью-Йорк, он сразу рассказал о телеграмме Шевченко. Как известно, отец также получил срочный вызов в Москву, и Сташевский не посоветовал ему туда ехать.

Перетрухин пишет, что выступивший на суде прокурор признался ему по окончании процесса, что был бы весьма удивлен, если бы узнал, что С. (Перетрухин побоялся полностью назвать фамилию дипломата), допрашивавшийся на судебном заседании, остался на работе в системе МИДа. «Вопреки мнению прокурора, его не стали трогать», — заключает полковник КГБ в отставке. О.А. Гриневский отмечает в своей книге «Тайны советской дипломатии»: «Сташевский на десять лет оказался невыездным. Впрочем, отдел ОМО, а потом УПОВРа, где он стал заместителем директора департамента, от этого только выиграл. Прекрасный работник, он практически не вылезал из кабинета, вез на себе все Управление по разоружению. В разгар перестройки друзья стали пробивать ему выезд, для начала хотя бы в какую-нибудь социалистическую страну, но не успели: Сташевский умер — не выдержало сердце». Кстати, незадолго до своей смерти он получил ранг Чрезвычайного и Полномочного посла СССР.

Глава 10

А.А. ГРОМЫКО РАЗРЕШАЕТ ВРЕМЕННО РАБОТАТЬ В МИДЕ. КГБ ВОССТАНАВЛИВАЕТ МОЮ ПРОПИСКУ

В течение длительного вынужденного отпуска я решил попробовать добиться разрешения остаться на любимой работе. Моя бабушка хорошо знала жену Громыко, которая часто навещала моих родителей. К счастью, у бабушки остался домашний телефон министра. Мамину записную книжку со всеми телефонами высокопоставленных чиновников изъяли во время обыска в нашей квартире. Бабушка позвонила Лидии Дмитриевне и спросила ее о следующем: возможно ли мне остаться на работе в невыездном отделе министерства или хотя бы временно поработать в Отделе международных организаций, чтобы успеть сдать кандидатский минимум в МГИМО МИДа СССР. А.А. Громыко сказал, что он не может решить первый вопрос, но позволил мне остаться в течение года у него на службе. Кстати, сразу же после звонка бабушки жене министра у него сменили номер телефона.

В советские времена спецслужбы могли сломать карьеру любому дипломату, если считали, что ему «нецелесообразно» выезжать за границу. Даже руководители МИДа могли только гадать, чем не угодил КГБ тот или иной человек. Отдел кадров министерства также имел большие полномочия в этой связи. Например, когда я работал в МИДе, мне рассказывали об анекдотичном случае, который имел место на самом деле. Супруга одного дипломата купила очень дорогую

шубу. Слухи широко распространились, и, когда подходило время для его очередной заграничной командировки, отдел кадров считал его невыездым. О дипломате говорили: «А, это тот с шубой!» В моем же случае временная работа в министерстве сына американского шпиона была беспрецедентным шагом, на который мог пойти только такой влиятельный государственный деятель, как Громыко.

Через несколько дней мне позвонил М.И. Курышев и вызвал к себе в кабинет. Я заметил резкую перемену в его отношении ко мне. Он сказал, что мне разрешили временно остаться на службе в МИДе. Он также попросил меня подумать, где я бы хотел работать. МИД, МГИМО и Дипломатическая академия (то есть система МИДа) исключались. В качестве вариантов предлагались Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) и Международный отдел профсоюзов. Однако мне не хотелось больше быть чиновником, и я решил подумать.

В Отделе международных организаций МИДа СССР отреагировали на мое появление неоднозначно. Тогда же я встретил там сотрудника, занимавшего должность второго секретаря, который два раза в год ездил в Женеву на переговоры по ограничению стратегических вооружений. Это был солидный, дородный и вальяжный мужчина, который весьма гордился своими поездками в Женеву на ответственные переговоры, продолжавшиеся более полугодом. А в то время у него были большие неприятности (при советской власти и не знали, откуда они придут): его родная сестра вышла замуж за итальянца, и он не сообщил об этом в КГБ. В результате его выгнали из МИДа раньше меня. Когда он увольнялся, то увидел, что я — сын изменника родины — еще работаю в отделе. Его удивлению не было границ. Другого сотрудника уволили из-за скандала в Женеве. Якобы он попытался украсть в магазине какую-то вещь.

Я несколько лет его знал и сомневаюсь, что он мог пойти на такой шаг. Думаю, это было роковое стечение обстоятельств. Одного из способных дипломатов также уволили из нашего отдела из-за скандала в Женеве и перевели в Институт США и Канады, правда, уже на должность старшего научного сотрудника. Якобы он во время одной командировки, выйдя из ресторана, попытался по ошибке открыть чужую машину и был арестован швейцарской полицией. Все эти дипломаты были уволены из министерства, потому что они не имели высоких связей или покровителей.

Способности и трудолюбие тут не учитывались. Исключением являлся, например, сотрудник секретариата ООН Ю. Рагулин, зять посла в ГДР, члена ЦК КПСС П.А. Абрасимова. Будучи на вечеринке у своего приятеля в западной части Манхэттена в 1977 году, Рагулин так напился, что вывалился из окна седьмого этажа. Ему повезло, что он удачно зацепился за крышу церкви и поэтому не разбился насмерть. Американские пожарные сняли его с крыши. Однако ввиду покровительства тестя его не уволили ни из ООН, ни из МИДа.

Я без проблем общался со всеми сотрудниками отдела. Со мной не побоялся поздороваться за руку посол по особым поручениям Л.И. Менделевич — один из самых светлых умов министерства. И это несмотря на то, что Лев Исаакович был очень гордым человеком и к подчиненным относился свысока и некоторым пренебрежением. В МИДе все искренне уважали мудреца Менделе-вича, единственного дипломата, который писал в анкете, что он еврей. Многие другие это не обнародовали или меняли фамилии. Но фактически скрытых евреев в МИДе было немало. В конце 80-х годов Шеварднадзе вызвал его из Дании, где Менделевич был послом, вопреки его протестам, и сделал своим речеписцем. Он написал несколько блестящих текстов,

но между ним и новым министром пробежала кошка. Иначе и не могло быть, поскольку Лев Исаакович отвергал авантюризм, был осторожным и реалистически мыслящим дипломатом и не мог участвовать в выработке авантюрной дипломатии Шеварднадзе, в его заигрывании с США. Правда, министр затем назначил его на высокий пост начальника Управления по планированию внешнеполитических мероприятий (во времена Громыко это управление возглавлял заместитель министра А.Г. Ковалев). Однако Менделевич, который любил более активную работу, загрустил, как подчеркнул М.С. Капица, и умер в 1988 году из-за болезни почек. Наставник и друг отца Менделевич. умнейший дипломат, который и мне, начинающему дипломату, давал ценнейшие советы, не отвернулся от меня, когда отец остался в США. Отец и Лев Исаакович часто вместе писали на цековских дачах речи Л.И. Брежнева, А.А. Громыко и других руководителей Советского государства. Менделевичу был интеллигентнейшим человеком, обладал прекрасными манерами и чувством языка. Когда я обращался к нему по телефону: «Это вас беспокоит Шевченко», он несколько рассерженно отвечал: «Зачем вы употребляете столь канцелярский язык! Вы меня не беспокоите, по-русски так не говорят, это неправильно».

Однако отдельные сотрудники нашего отдела вели себя иначе. В частности, заместитель заведующего В.В. Лозинский (отец говорил, что он работал на КГБ), увидев меня в коридоре, как будто встретившись со змеей или каким-либо опасным зверем, сразу перебежал в параллельный коридор. Он сразу же забыл, что мы проработали бок о бок более трех лет и неоднократно вместе приходили на службу в выходные дни для подготовки важных документов для руководства. Также поступил и приятель отца, заместитель заведующего отдела США, Чрезвычайный и Полномочный Посланник

первого класса К.Г. Федосеев. Но они не были ни в чем виноваты. Это система так их запугала. Как-то я встретил в МИДе и своего бывшего начальника в Женеве посла В.И. Лихачева. Он со мной поздоровался, однако был весьма удивлен, пожалуй, даже шокирован нашей встречей. Видимо, он думал, что я буду работать очень далеко от МИДа. Между прочим, снятие с поста какого-либо крупного чиновника при советской власти вызывало вокруг него полосу отчуждения. В.М. Фалин, например, отмечал о довольно унижительной процедуре его ухода из ЦК КПСС в 1983 году, когда он, выполняя указание Ю.В. Андропова о новом расследовании дела об обнаруженных захоронениях в Катынском лесу (польских офицеров расстреляли не немцы, а советские власти по указанию Сталина), узнал о совершенно секретном досье по Катыни с резолюцией «вскрытию не подлежит». Слишком глубоко Фалин копнул, и Андропов, даже занимая пост генсека, испугался огласки. Вокруг Фалина в ЦК разверзся вакуум. Те, кто вчера старался попасться ему на глаза, прятались за колоннами или делали вид, что его не замечают. Мой же случай был гораздо сложнее и вызывал у большинства коллег скорее удивление, чем испуг.

В отделе я уже не был допущен к секретным и совершенно секретным документам и был занят в основном подготовкой различных справок и других документов для руководства. Заведующим отделом тогда был В.Ф. Петровский, который в дальнейшем, став заместителем министра, сделал своего протеже А.В. Козырева, писавшего для него некоторые научные труды, своим преемником.

Я по-прежнему не оставлял попыток остаться на работе в МИДе и попытался пробиться на прием к Громыко, кабинет которого находился на седьмом этаже, тремя этажами ниже нашего отдела. Это был элитный этаж, где кроме министра располагался его

секретариат, включавший помощников и советников, а также специальный буфет-столовая. Седьмой этаж также резко отличался от других этажей своими новыми коврами и ковровыми дорожками, идеальной чистотой и помпезностью. Все должно было радовать глаза министра — члена Политбюро ЦК КПСС. В большой приемной сидел старший помощник министра, посол В.Г. Макаров, как всегда напустивший на себя важный вид. Когда я вошел в его кабинет, он притворился, что не узнает меня, и мне показалось, что он даже несколько испугался, но сразу же взял себя в руки. «Что вам нужно?» — пробурчал он. «Я хотел бы попросить вас, Василий Георгиевич, чтобы вы передали Андрею Андреевичу мою просьбу принять меня», — ответил я. «Да кто вы такой, чтобы вас принимал министр? Он принимает только ответственных работников, да и то не всегда, а не молодых дипломатов. Идите отсюда», — сказал грозно Макаров.

Л. Млечин справедливо пишет в своей книге «МИД. Министры иностранных дел. Романтики и циники» следующее: «Время приема у министра устанавливал его первый помощник Василий Макаров, известный своими грубыми манерами. Но министра он устраивал, поскольку, как хороший сторожевой пес, надежно ограждал от внешнего мира с его неприятностями и сюрпризами. В МИДе злые языки утверждали, что есть один способ расположить к себе первого помощника — он был равнодушен к материальным благам. Тогда дверь кабинета министра могла приоткрыться». Но только не в моем случае. «Как вы здесь оказались?» — добавил Василий Темный-Грозный. «Я продолжаю работать в Отделе международных организаций», — ответил я. «Ну, идите и работайте». Во время беседы с помощником дверь в огромный кабинет министра, заставленный тяжелой и неуклюжей мебелью, была открыта и было даже видно, что он сидит за своим

столом с непроницаемым лицом каменного будды. У меня мелькнула мысль быстро пройти в его кабинет без согласия Макарова. Однако эту идею я сразу же отбросил.

«Хорошо, — подумал я. — Я найду другой способ передачи моей просьбы министру».

Одновременно я согласился работать в Институте государства и права Академии наук СССР, и М.И. Курышев сказал мне, что он будет заниматься вопросом о моем трудоустройстве. Его заместитель полковник И.К. Перетрухин признал 30 апреля 2003 года на страницах газеты «Аргументы и факты», что он получил указание от начальника Второго главного управления КГБ СССР (внутренняя контрразведка) генерал-полковника Г.Ф. Григоренко устроить меня в этот институт под чужой фамилией. Естественно, что соответствующее указание начальнику Второго главка мог дать только Ю.В. Андропов.

Тогда наш отдел в МИДе курировал первый заместитель министра, член ЦК КПСС Г.М. Корниенко. Когда я, молодой дипломат, вошел в его кабинет, он встал из-за стола и поздоровался со мной за руку. Я попросил Георгия Марковича передать мою просьбу министру оставить меня на работе в МИДе, хотя бы без права выезжать за рубеж. Корниенко просил меня зайти через неделю. По истечении этого срока я вновь пришел к нему в кабинет. Он сообщил мне, что министр не может разрешить мне постоянно служить в МИДе, и предложил мне пока устраиваться в Институт государства и права. По словам Корниенко, далее Громыко сказал: «В дальнейшем мы посмотрим, что делать в плане работы сына Шевченко, если данный институт ему не понравится».

Как пишет посол в отставке О.А. Гриневский в своей книге «Сценарий для третьей мировой войны», в МИДе Корниенко считался светлой головой. Громыко мог

спокойно заниматься большой политикой, отправляться в далекие зарубежные вояжи, а министерский воз уверенно, без рывков и криков тащил на себе его первый заместитель. Он не уходил от ответственности. Просиживал в министерстве день и ночь и требовал того же от подчиненных.

В связи с тем, что Громыко не смог оставить меня постоянно на работе в МИДе, я попросил Корниенко посодействовать моему устройству в Институт США и Канады Академии наук СССР (директор академик Г.А. Арбатов) или в Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). Директором последнего был член ЦК КПСС академик Н.Н. Иноземцев. Позже в академических кругах ходили слухи, что он в 1982 году покончил жизнь самоубийством. Помощник М.С. Горбачева А.С. Черняев считает, что Иноземцеву «приклеили какую-то «махинацию» с казенными телевизорами и быстро свели его в могилу». Но имеются и другие версии. Автор книги «Андропов» С.Н. Семанов пишет, что в стране и за рубежом хорошо знали покойного брежневского приближенного Н.Н. Иноземцева, одного из «серых кардиналов» теневого московского руководства. Но не все знают, отмечает далее историк Семанов, что последним земным деянием академика было возвращение им в казну 16 тысяч рублей в возмещение ворованных материалов для постройки подмосковной виллы. Расследованием этого занимался КГБ СССР, естественно, не без ведома Андропова. Как известно, в 1982 году покончил жизнь самоубийством первый заместитель председателя КГБ СССР, генерал-армии С.К. Цвигун, который был приставлен Брежневым к Андропову для контроля его деятельности.

Примерно через две недели Корниенко сообщил мне следующее. Арбатов не согласился принять меня на работу, так как «в его институте бывает слишком много

иностранцев». Видимо, поэтому некоторые сотрудники этого института столь охотно в дальнейшем работали на иностранную разведку. В частности, как пишет генерал КГБ в отставке Р.С. Красильников, старший научный сотрудник, специалист по военно-политическим проблемам, пользовавшийся личным расположением директора института Владимир Поташов, уехав в 1981 году в США, работал там на ЦРУ и нанес своим «шпионским сотрудничеством с американской разведкой ущерб государственной безопасности и обороноспособности Советского Союза». Бывший разведчик А.А. Соколов отмечает, что в одном и том же отделе Института США и Канады работали шпион Сергей Федоренко и др. Следует подчеркнуть, что американская разведка всегда проявляла интерес к этому институту. 5 апреля 2004 года коллегия присяжных Мосгорсуда из 12 человек единогласно приговорила к пятнадцати годам лишения свободы И.В. Сутягина — заведующего сектором военно-технической и военно-экономической политики отдела военно-политических исследований института. Шпион передавал сведения закрытого характера представителям военной разведки США.

Отец писал в своей книге об Арбатове следующее: «Мне приходилось неоднократно работать вместе с Арбатовым во временных комиссиях, образуемых для составления проектов особо важных брежневских выступлений. Любезный и покладистый с вышестоящими и с друзьями, а тем более с американцами (и вообще иностранцами), Арбатов был высокомерен и часто груб с подчиненными. Более энергичного пропагандиста советской системы трудно было бы сыскать. Но я бы лично ему не доверился. Человек интеллигентный, амбициозный, но беспринципный и неразборчивый в средствах, он точно так же служил бы любому — без малейших колебаний, лишь бы это отвечало его личным

интересам». Отец далее отмечал, что арбатовский институт использовался ЦК КПСС и КГБ как некий форпост, выполняющий ряд задач: сбор ценной информации, пропаганда советских воззрений, вербовка в США лиц, симпатизирующих СССР, распространение ложных сведений. Последнее происходило особенно успешно, поскольку СССР удалось создать благоприятное мнение на Западе о статусе и деятельности данного института. Основная задача Арбатова, писал далее отец, состояла в том, чтобы выявлять настроения и тенденции в среде влиятельных американцев, способных оказывать воздействие на позицию администрации США. Арбатов также должен был пропагандировать и защищать советскую точку зрения. В этом качестве он оказался, несомненно, полезным приобретением для Брежнева и других кремлевских руководителей.

Арбатов пишет в своих мемуарах: «Сотрудникам института и мне лично американские власти в начале 80-х годов начали чинить всевозможные препятствия, главным образом, чтобы помешать выступлениям в средствах массовой информации США. В 1982 году, например, мне, чтобы сорвать участие в престижной телепередаче, сократили разрешенное визой время пребывания в США; в 1983 году дали визу с условием, что я не буду иметь никаких контактов со средствами массовой информации, и т. д.». Видимо, США прислушались к оценке деятельности Арбатова, данной моим отцом.

Между прочим, в 1970 году, когда отец вернулся в Москву из длительной заграничной командировки из Нью-Йорка (там он был уже Чрезвычайным и Полномочным Посланником СССР, старшим советником Постоянного представительства СССР при ООН), Арбатов предложил ему в своем институте должность старшего научного сотрудника на полставки — хорошо оплачиваемую, но

необременительную работу. От отца требовалось только консультировать самого Арбатова и Громыко-младшего, которого предусмотрительный директор сделал начальником отдела своего института. Как правило, министр неохотно разрешал своим подчиненным (отец был его личным советником) работать за пределами министерства. Однако он на сей раз легко согласился, чтобы мой отец поработал в отделе института, которым руководил сын министра.

Иноземцев отказал Корниенко принять меня на работу в свой институт без указания каких-либо причин, и это не случайно, ибо А.Н. Яковлев называет данный институт «научно-исследовательской базой ЦК КПСС». Институтские ученые часто привлекались к подготовке выступлений и докладов для высшего руководства СССР.

Как отмечает О.А. Гриневский, Андропов пробил через Политбюро решение, позволяющее директорам ИМЭМО, Института США и Канады, Института востоковедения и некоторых других более свободно выезжать за рубеж. Кроме того, им, хотя и немного, расширили рамки дозволенного при изложении советской позиции в беседах с иностранцами. Однако Андропов сделал это не из любви к науке. Директора указанных институтов должны были выполнять отдельные поручения ЦК КПСС, а записи о беседах с руководителями иностранных государств направлять в Москву по каналам КГБ. Кроме того, теперь в столицах зарубежных стран их встречали и обслуживали представители КГБ. Громыко весьма прохладно отнесся к данной затее, усматривая в ней конкуренцию своей монополии на ведение внешней политики. Но с Андроповым спорить не стал, хотя МИД был по-прежнему закрыт для указанных директоров и с секретными документами их там не знакомили.

Иногда эти институты присылали в МИД свои разработки. Один раз при мне такой опус пришел и в

наш сектор по разоружению ОМО из Института США. Никакого интереса для руководства отдела данная научная работа не представляла, так как была оторвана от жизни и реальных переговоров по разоружению. Я тогда составил руководству соответствующую справку.

Любопытно, что Г.М. Корниенко в сталинские времена являлся капитаном госбезопасности. Он вспоминает, что сказал об этом Андропову и вдруг почувствовал — председатель КГБ расстроился, ибо самый информированный в стране человек не знал данной детали биографии первого заместителя министра иностранных дел. Андропов сердито чертыхнулся: «А мои говнюки не удосужились сказать мне об этом».

Следовательно, у меня не было другого выбора, как работать в Институте права (как его коротко называют). Однако процесс моего оформления затянулся, так как директор института, член-корреспондент АН СССР В.Н. Кудрявцев (в то время) поставил условием моего приема на работу смену фамилии и высокое поручительство. Как грубо выразился Курышев: «Надо искать жопу». Я его сразу не понял, и он пояснил: «Я имею в виду поручителя, который будет отвечать за вас, если вы поведете себя не так, как надо». Тогда мне никто не сказал, кто же за меня поручился. Только через много лет, в начале 90-х годов, на одном из совещаний в институте мне признался посол в отставке, доктор юридических наук, профессор О.Н. Хлестов, что в качестве высокого поручителя в 1978 году выступил он (тогда Хлестов был членом Коллегии МИДа СССР, заведующим договорно-правового отдела).

Смена фамилии затянулась на много месяцев по непонятным причинам. Я думаю, в основном из-за бюрократизма, обычного тогда для органов загса. Мне также пришлось сменить и отчество на Алексеевич. Но от отца я не отказывался, и в свидетельстве о рождении

в качестве отца был указан он. Таким образом, в связи с тем, что районный загс задерживал мне выдачу новых документов, несмотря на усиленное давление КГБ, я проработал в МИДе до апреля 1979 года.

У меня было очень много дел, связанных со сменой фамилии и подготовкой к сдаче кандидатского минимума, поэтому я не всегда приходил на работу к девяти часам утра, как положено. М.И. Курышев меня отругал, не принимая во внимание никаких объяснений. Странно, что этого не сделало мое непосредственное начальство в отделе.

В конце 1978 года я успешно сдал кандидатский минимум (английский язык, международное право и реферат по философии). Одновременно я занимался восстановлением прописки в квартире отца. Мы ходили с бабушкой по различным инстанциям. Начальник паспортного стола Москвы, полковник милиции сказал нам, что «мне прописку никто не восстановит».

20 февраля 1979 года я получил свидетельство о перемене фамилии, имени, отчества — стал Смирновым Геннадием Алексеевичем (фамилия моей первой жены, отчество — в честь первого сына).

Заведующий юридической консультацией, адвокат Николин, сказал нам, что для решения вопроса о прописке необходим фиктивный развод. Обычно суд довольно долго рассматривает вопрос о разводе при наличии у супругов детей. Однако Николин, имевший связи во многих судах, организовал мне развод с первой женой за два дня, и 20 апреля 1979 года я получил свидетельство о расторжении брака. Но и это не помогло решить вопрос о восстановлении моей прописки в квартире отца. Тогда я обратился за помощью к М.И. Курышеву. Я ему, в частности, сказал, что квартира, в которой я был прописан, является ведомственной (Министерства обороны СССР), и мой тесть может меня оттуда в любой момент выписать. Следовательно, я могу

лишиться вообще московской прописки, и будет международный скандал. Курышев привлек к решению проблемы значительные силы. Со стороны МИДа было направлено письмо председателю Исполкома Моссовета В.Ф. Промыслову за подписью заместителя министра иностранных дел Н.П. Фирюбина (он был мужем министра культуры Е.А. Фурцевой). Примерно через месяц я был прописан в квартире отца со следующей формулировкой: «Прописать Смирнова Г.А. к бабушке».

Кстати, Николин по нашей просьбе подал в суд иск об исключении из описи части конфискованных вещей. В иске было отказано под тем предлогом, что нам оставили большое количество ценных и носильных вещей. Однако, как рассказывал мне адвокат, это дело было политическим и решенным заранее, и судья даже после вынесения решения назвала нас «бедными».

23 апреля 1979 года я был освобожден от работы в МИДе СССР «по собственному желанию» и 24 апреля зачислен на должность младшего научного сотрудника Института государства и права Академии наук СССР.

Глава 11

ПОД ОПЕКОЙ Ю.В.

АНДРОПОВА. АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Как мне рассказывали М.И. Курышев и другие работники КГБ, с того момента, как мой отец остался в США, обо всем, что происходило в нашей семье, докладывали лично члену Политбюро ЦК КПСС, председателю Комитета государственной безопасности СССР Ю.В. Андропову. Видимо, поэтому у меня не было проблем с устройством на хорошую работу, восстановлением прописки в квартире отца, защитой диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, получением доступа к материалам «для служебного пользования», необходимым для научной работы, с поиском рецензентов моих научных монографий и т. д. Хотя и М.И. Курышев говорил, что даже в сталинские времена сын за отца не отвечал, но в действительности это было не так. Например, сын В.Г. Деканозова — руководителя внешней разведки НКВД в 1938–1940 годах, а затем заместителя министра иностранных дел, которого в дальнейшем объявили шпионом и расстреляли, — работал за пределами Москвы, в местах довольно отдаленных, кажется, в Грузии. Он приезжал к нам в Институт государства и права на заседания ассоциации международного права в 80-х годах. Сын Деканозова, скромный человек с печальными глазами, был кандидатом юридических наук и защитил диссертацию по редкой теоретической международно-правовой теме, а затем написал интересную статью «Общее наследие человечества». В

андроповские времена детей предателей не наказывали, а, наоборот, поощряли, если они вели себя патриотически. Однако, как мне представляется, только если эти дети входили в круг советской элиты. Как вспоминает бывший известный журналист, посол и по случайности министр иностранных дел СССР на три месяца Б.Д. Панкин в своей книге, однажды в 80-х годах молодая жена представителя ВААП (Всесоюзное агентство по авторским правам, Панкин был тогда его председателем), доктора философских наук Л. Митрохина выбрала свободу и попросила политического убежища для себя и двух своих детей-близнецов, родившихся у Митрохина за границей. Митрохин отказался от уговоров ЦРУ остаться в США, а в Москве его исключили из партии. И это было при Брежневе. Можно было бы представить судьбу нашей семьи при Сталине! В те времена судьба практически всех родственников «шпионов» была весьма печальна. А ведь шпионами они стали в подавляющем своем большинстве по ложным обвинениям.

Отец писал: «Я понял, что давно потерял Геннадия. Ради его же собственного блага я никогда не толкал его к критике советской власти, никогда не обсуждал ни с ним, ни с Анной мои истинные намерения. Я даже Лине не раскрывался полностью. С годами я понял, что обсуждение недостатков советской власти даже в семейном кругу может стать опасным».

Конечно, помощь со стороны КГБ в моем случае объяснялась скорее высокими связями отца в СССР. Кроме того, оставшись в США, он шантажировал руководство СССР тем, что он выдаст все, если тронут его детей. Его сенсационная книга, в которой он дает нелестные характеристики почти всем высшим руководителям СССР, а также работникам МИДа и КГБ, вышла в свет только в феврале 1985 года. Отцу не разрешили помогать детям материально, однако

гарантировали, что они не пострадают в результате его поступка.

Стоило мне только позвонить в компетентные органы, и все сложные вопросы тут же разрешались. Хотя я сменил фамилию и отчество, все в институте знали, кто я такой на самом деле. И это несмотря на то, что Курышев сказал мне следующее: «Когда вы будете заполнять анкету в отделе кадров института, напишите в ней любых придуманных родителей. Мы наврем для вашего же блага». Его заместитель И.К. Перетрухни вспоминает: «Непросто обстояло дело и с Геннадием... После увольнения из МИДа встал вопрос о его трудоустройстве. Добровольно принять на работу сына изменника родины никто не соглашался... После целого ряда длительных переговоров, которые вело руководство Главного управления с руководителями некоторых институтов, отлично понимавшими, в свою очередь, что в любом случае «протезе» органов госбезопасности будет невыездным и в каком-то смысле обузой, было принято единственное правильное в сложившихся условиях решение об изменении в интересах Геннадия его фамилии и некоторых установочных данных и выдаче ему по согласованию с соответствующими инстанциями новых документов».

Когда я наконец получил все документы, связанные со сменой фамилии, в том числе паспорт и диплом об окончании МГИМО, я позвонил директору Института государства и права Академии наук члену-корреспонденту АН СССР Б.Н. Кудрявцеву. Он мне ответил: «Можете не приходить к нам на работу. По моим данным, вы не желаете у меня работать». Никакие аргументы по поводу того, что задержка была обусловлена сменой фамилии, директор не принял. Видимо, до него дошли слухи, что я предпринимаю все усилия для сохранения дипломатической карьеры. Я тут же позвонил Курышеву. Уже на следующий день

полковник КГБ сообщил: «Все в порядке. Можете устраиваться на работу в институт. Удивительно, что его директор не имеет даже «вертушки». Кстати, в дальнейшем Б.Н. Кудрявцев стал в 1984 году академиком и получил «вертушку», а во время перестройки М.С. Горбачева в 1988 году сменил академика П.Н. Федосеева на посту вице-президента Академии наук СССР. Кроме того, он оставался почетным директором Института государства и права. Посол в отставке В.Л. Исраэлян, у которого дача (весьма не бедная) находилась недалеко от особняка Кудрявцева, говорил мне с нескрываемой завистью: «Бы бы видели дачу академика!» 11 апреля 2003 года советнику Академии наук России Б.Н. Кудрявцеву была объявлена благодарность Президента РФ Б.Б. Путина. Это было сделано в связи с 80-летием академика и за его большой вклад в развитие юридической науки. Обычно после такой крупной даты дают какой-нибудь солидный орден. Однако, видимо, это был не тот случай, и вклад академика не был таким уж большим.

До назначения В.Н. Кудрявцева директором нашего института был член-корреспондент Академии наук СССР В.М. Чхиквадзе. Однако в середине 70-х годов разразился большой скандал, оказалось, что директор института являлся собственником трех роскошных дач и, как писал известный историк Р. Медведев в своей книге «Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева», «сдавая их внаем, наш главный «законник» получал немалые доходы». Возможно, частично это было правдой, так как мне в 1979 году старожилы института рассказывали похожую историю. По советским законам данный поступок рассматривался в качестве уголовного преступления, но Чхиквадзе отделался партийным взысканием и даже не потерял своей должности, хотя его и обязали продать две из трех дач. Следует учитывать, что он входил в номенклатуру среднего

звена, а она во времена Брежнева была неприкасаемой. Когда я пришел в 1979 году в институт, то он еще был заместителем директора. Это был очень умный, интеллигентный человек и крупный юрист. Он с симпатией ко мне относился.

Итак, 24 апреля 1979 года я был зачислен на должность младшего научного сотрудника сектора общих проблем международного права, где проработал до 1 июля 1997 года, дослужившись до старшего научного сотрудника. Моим непосредственным начальником являлся заведующий сектором, профессор, доктор юридических наук Н.А. Ушаков — человек весьма либеральный и умный, имеющий также диплом о высшем образовании математика. Он был членом Комиссии международного права, в которую входили 25 ученых из различных стран мира, которые пользовались признанным авторитетом в области международного права. Сессии комиссии ежегодно проходили в Женеве. С ним было легко работать.

Была определена тема моей диссертации — режим нераспространения ядерного оружия и правовые проблемы его укрепления. Я сам ее выбрал, так как на основе моей солидной дипломной работы вполне можно было быстро подготовить кандидатскую диссертацию.

С момента появления ядерного оружия данный вопрос не потерял своей актуальности до сих пор. Как известно, США первыми и единственными в мире испытали во время военных действий атомные бомбы в 1945 году, уничтожив сразу более 200 тысяч мирных жителей японских городов Хиросима и Нагасаки. Причем в этом не было никакой военной необходимости. Таким путем США хотели испугать Советский Союз, который, разгромив фашистов, стал великой военной державой. Однако, как известно, И.В. Сталин был не из пугливых и дал указание любым путем ускорить изготовление атомной бомбы. Были выделены огромные средства, в

том числе и на разведку. Атомный проект возглавил Л.П. Берия. СССР стал ядерной державой уже в 1949 году (неприятная неожиданность для США) главным образом благодаря практически бескорыстной помощи выдающихся западных физиков-ядерщиков, которые, сочувствуя идеалам советской власти, сотрудничали с советской разведкой или делились с СССР определенной информацией, способствовавшей созданию супербомбы. Великобритания испытала свою атомную бомбу в 1952 году, Франция — в 1960-м, КНР — в 1964 году. Это все официальные ядерные державы. Индия провела в 1974 году ядерный взрыв в мирных целях и фактически присоединилась к «атомному клубу». В настоящее время к странам, обладающим ядерной технологией или атомным оружием, также относятся Пакистан, Израиль, ЮАР, КНДР. США также обвиняли Ирак в том, что он «тайно создал ядерное оружие». Но никаких доказательств этого они так и не нашли. Основная задача пяти главных ядерных держав — не допустить приобретения другими странами такого оружия. Считается, что чем больше государств обладает атомными бомбами, тем сильнее вероятность ядерной войны. Однако данная точка зрения, которую я был вынужден отстаивать много лет, не является бесспорной. Здесь проявляется эгоизм держав, уже получивших доступ к этому страшному оружию массового уничтожения. Несомненно и то, что ядерное оружие является фактором, сдерживающим войну, так как обычными средствами ее выиграть не всегда удастся. В то же время ни в коем случае нельзя допустить приобретения атомного оружия террористами. Уже приняты определенные эффективные международно-правовые меры для предотвращения таких терактов. СССР на протяжении многих лет брал на себя торжественное обязательство не применять первым ядерное оружие. В настоящее

время Россия отказалась от подобного одностороннего международно-правового обязательства. И это не случайно, ибо в случае нападения на нашу страну государства, обладающего значительно большими людскими ресурсами, еще неизвестно, кто выйдет победителем в данном конфликте.

В зарплате в институте я существенно потерял. Как младшему научному сотруднику без ученой степени мне «положили» 125 рублей в месяц. В МИДе СССР я получал на должности атташе 198 рублей, включая надбавку за знание двух иностранных языков, не считая зарубежных командировок. Однако в институте режим работы был на протяжении многих лет весьма вольготным. Мы были обязаны посещать заседания сектора, которые, как правило, имели место раз в неделю, а также заседания ученого совета по международному праву. Последний собирался один раз в месяц. В основном сотрудники института работали в библиотеках или дома. Так что это компенсировало маленькую зарплату. Можно было подзаработать на лекциях и статьях.

В нашем секторе работал доктор юридических наук, профессор В.И. Менжинский — друг отца. Его советы были очень полезны для меня как начинающего ученого. Будучи прежде проректором МГИМО по учебной части, Виктор Иванович был близок к семье А.А. Громыко и помогал министру принимать в МГИМО детей высокопоставленных чиновников МИДа и ЦК КПСС. Однако после конфликта между М.А. Суловым и А.А. Громыко Виктор Иванович был вынужден перейти на работу в наш институт. Менжинский общался с сыном министра Анатолием и сообщал мне самые последние «сплетни», связанные с отцом. Правда, информация, которую сообщал мне Менжинский, как правило, подтверждалась М.И. Курышевым. Я как-то спросил Виктора Ивановича, не является ли он родственником известного революционера и чекиста В.Р. Менжинского.

Но мой наставник с негодованием отверг это предположение.

В нашем секторе также работал старейший юрист-международник, профессор Д.Б. Левин, автор многочисленных книг по международному праву, по которым учились все юристы страны. Правда, в восемьдесят лет он стал чудаковатым и открывал все двери в институте рукавом пиджака, боясь «микробов». Я обычно не любил присутствовать на похоронах сотрудников института, но в данном случае отдал должное видному специалисту по международному праву.

Диссертацию я написал практически за год. У меня было опубликовано несколько статей по разоружению. Этого было достаточно для защиты. 22 апреля 1980 года (день рождения В.И. Ленина) я и Н.Ф. Касьян (в институте ходили слухи, что он был связан с КГБ) стали кандидатами юридических наук. У Николая после защиты был микроинфаркт, и мы очень переживали за его здоровье. Положительный отзыв из МИДа на мою диссертацию помог мне организовать друг отца Г.С. Сташевский.

Одновременно вместе со мной на работу в наш сектор в институте пришел А.Г. Днепровский, сын сотрудника секретариата ООН Гелия Днепровского (из МИДа он ушел в отставку, имея дипломатический ранг посланника). Отец описывает его как тайного руководителя операций КГБ в ООН во время трех приездов Днепровского в Нью-Йорк в период с 1965-го по 1978 год. В 1978 году он был переведен из Нью-Йорка в Женеву, где занял стратегически важный пост для КГБ в отделе кадров и смог вести наблюдение за приемом на работу и продвижением работников по службе в европейской штаб-квартире ООН. Элегантный, изящный, отменно вежливый, Днепровский часто навещал моего отца во время его работы в ООН. По крайней мере один

раз в месяц он предпринимал деликатные, но настойчивые усилия внедрить в штат заместителя Генерального секретаря ООН одного из своих людей. Он всегда был точно осведомлен, какая именно штатная единица освобождалась, и находил вполне подходящего кандидата, наверняка связанного с КГБ. Большинство «приобретений» Днепровского занималось тем, что собирало информацию, действуя с помощью подкупа. Наличные деньги были всегда при них. Некоторые из агентов КГБ делали это поразительно неаккуратно. Один из них — сотрудник отдела космоса Олег Першиков — даже оставлял большие суммы денег для подчиненных на своем рабочем столе.

В институте также работал Карпец, сын И.И. Карпеца, генерал-лейтенанта МВД СССР, бывшего заместителя Н.А. Щелокова. В то время Карпец-старший возглавлял Всесоюзный научно-исследовательский институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. В дальнейшем к нему на работу пришел первым замом директора (затем он стал директором) скандально известный «своими сексуальными похождениями» после «демократической революции» 1991 года Ю.И. Скуратов, которого Б.Н. Ельцин назначил Генеральным прокурором РФ, а затем снял этого неугодного и строптивного чиновника, который осмелился проявлять в своих решениях самостоятельность, не принятую в «демократической» России.

Карпец-младший дружил с П.Г. Паламарчуком, внуком Маршала Советского Союза П.К. Кошевого. Карпец и Паламарчук почти всегда ходили вместе, и я неоднократно шутил в этой связи: «Вот идут К. Маркс и Ф. Энгельс», так как оба сотрудника института носили соответствующие бороды. Карпец не возражал против такого сравнения, а вот Петя никак не хотел, чтобы его сравнивали с Марксом, ибо он был евреем. Паламарчук

несколько раз давал мне пропуск на Новодевичье кладбище, где был похоронен его дед (оно было в 80-х годах закрыто для посетителей). Петя рассказывал мне различные интересные истории. Например, как он был в гостях на Старом Арбате у Джуны Давиташвили. Ходили слухи, что она лечила нетрадиционным способом самого Л.И. Брежнева. Я спросил Паламарчука: «Ну а ты испытал на себе ее возможности?» Петя ответил: «Она пыталась вылечить мой радикулит, но ничего у нее не получилось. Зато она разрешила мне дотронуться до ее интимного места». В дальнейшем П.Г. Паламарчук стал известным писателем, членом Союза писателей СССР (вступить в союз ему помог тогдашний председатель В.В. Карпов). Петя безвременно ушел из жизни в сорок два года от цирроза печени, написав много интересных книг патриотического направления. Однако большую часть своей жизни он посвятил уникальному подвижническому труду по составлению четырехтомного справочника по всем существующим и разрушенным церквам Москвы — «Сорок сороков» с многочисленными иллюстрациями (Париж, 1988-1990; в 1992-1995 гг. переиздан в Москве).

В институте также работал Н.Б. Крылов — внук С.Б. Крылова, одного из крупнейших юристов-международников, с 1946-го по 1952 год члена Международного суда ООН (он похоронен на Новодевичьем кладбище). Крылов-старший преподавал международное право моему отцу. Весьма способный ученый, Николай Крылов стал в нашем институте одним из самых молодых докторов юридических наук. Женившись на девушке весьма оригинальной внешности, дочери академика О.Т. Богомолова, в настоящее время директора Института международных экономических и политических исследований Российской академии наук, Крылов-младший в 1989 году с молодой женой уехал на работу в США, где получил со временем

американское юридическое образование (наше гуманитарное образование и ученые степени там не имеют силу). Он стал работать в американской фирме и получал более 100 тысяч долларов США в год. Позднее он попытался стать депутатом Государственной думы России. Его родной брат — С.Б. Крылов (тезка известного деда) — стал при А.В. Козыреве его замом, а затем послом России в Бельгии и Германии.

В нашем секторе работал старшим научным сотрудником кандидат юридических наук Д.И. Бараташвили; мы знали о его княжеском происхождении. Это был милейший человек. Мы испытывали друг к другу взаимные симпатии. Дмитрий Иванович рассказывал, как во время учебы в Высшей дипломатической школе в 1944 году вместе А.Ф. Добрыниным он одалживал будущему послу в США свои ботинки. Бараташвили был вынужден уехать в конце 80-х годов к больной матери в Грузию и об этом очень жалел.

В 1987 году к нам в сектор пришел на работу доктор юридических наук В.В. Пустогаров, полковник КГБ в отставке. Менжинский тогда возмутился в разговоре со мной — мало нам других проверяющих-чекистов! Однако Пустогаров оказался очень милым и интеллигентным человеком. Мне было интересно с ним общаться. В дальнейшем он написал неплохую книгу о крупнейшем русском юристе-международнике и дипломате Ф.Ф. Мартенсе. Любопытно, что, когда Пустогаров обращал внимание на фотографии в газетах министра иностранных дел России А. В. Козырева, то всегда «восхищался» его огромным носом. «Ну и нос!» — говорил он.

В нашем секторе много лет работала Э.Г. Василевская — дочь полководца Великой Отечественной войны Г.К. Жукова, который добивался побед над фашистами в основном только тогда, когда имел

большое численное превосходство над противником и за счет больших жертв. Дочь Жукова занималась исследованием проблем международного космического права. Когда я пришел на работу в институт в 1979 году, она носила фамилию другого известного маршала — Василевского, однако в разгар перестройки М.С. Горбачева снова стала Э.Г. Жуковой.

В начале 80-х годов у нас в институте кандидатам наук разрешали работать по совместительству только на четверть ставки, да и то этого добиться было не просто. Работать на полставки могли лишь доктора наук по решению директора. Я искал дополнительных заработков. Немного денег удавалось получить за переводы и статьи. Однако этого явно не хватало. Поэтому я стал изучать книги по разведению аквариумных рыбок и закупать соответствующее оборудование. С 1982-го по 1985 год я продавал рыбок (в основном цихлид) на Птичьем рынке. За все время его существования я был, пожалуй, единственным продавцом — кандидатом юридических наук и пользовался там достаточным авторитетом, ибо часто бесплатно консультировал всех желающих по юридическим вопросам.

Когда Ю.В. Андропова избрали в 1982 году Генеральным секретарем ЦК КПСС, я с надеждой ждал в нашей жизни перемен в лучшую сторону, так как всегда считал, что России необходим жесткий правитель. Мне кажется, что если бы Андропов пришел к власти в конце 70-х годов и не был бы смертельно болен, то в нашей стране не проводились бы такие болезненные эксперименты и Советский Союз до сих пор бы существовал, а реформы проводились бы по типу китайских.

Еще Гоголь писал, что основная проблема в России — «дураки и плохие дороги», однако к этому следует добавить русскую лень и ложные надежды на

царя-«батюш-ку», который обо всем позаботится. Отсюда нежелание хорошо работать. Правда, русский народ, пожалуй, самый талантливый и изобретательный в мире, и обидно, что он в основной своей массе жил в бедности в царской России, в СССР, да и сейчас живет в нищете. Одной из причин было повальное пьянство, которое поощряли все власти. При Андропове также появилась дешевая водка, которую народ сразу же окрестил «андроповской». Забавно, что можно было попасть в милицию, если ты произносил это название в присутствии сотрудников милиции. Один раз я был свидетелем такого случая на Птичьем рынке. При Л.И. Брежневле основная масса населения имела гарантированный нищенский заработок, которого вполне хватало на пропитание, некачественную одежду отечественного производства и оплату коммунальных услуг. Элита же, работники ЦК КПСС, партаппарата, генералитет и дипломаты жили в относительной роскоши и имели возможность покупать недоступные основной массе населения вещи за рубежом или в спецраспределителях. В то же время десятки миллиардов долларов тратились на поддержание псевдокоммунистических партий и режимов во многих странах мира (по некоторым оценкам, только за последние десять лет существования СССР на «помощь» различным странам было истрачено 85 миллиардов долларов США). Андропов не мог положить этому конец, однако он прежде всего попытался остановить беспредельную коррупцию и безделье, которые расцвели в брежневскую эру пышным цветом. Коррупция тогда имела место везде: на самом верху, в государственном аппарате и торговле. Генерал КГБ в отставке Ю.И. Дроздов и журналист В. Фарбышев отмечают в книге «Юрий Андропов и Владимир Путин. Пути к возрождению», что, по неподтвержденным данным, шеф КГБ почти еженедельно клал на стол

Брежнева «особую папку» с сообщениями о том, что, например, в Москве были арестованы министр рыбной промышленности А.А. Ишков и его заместитель Рыков. Правда, Ишков не был наказан, расстреляли лишь его заместителя. При обыске у обоих было обнаружено 6 миллионов рублей и один миллион долларов. Андропов, своей властью члена Политбюро, вызвал якобы на совещание в столицу Медунова и объявил о его смещении с поста первого секретаря Краснодарского крайкома партии, а чекисты после обыска квартиры Медунова изъяли четыре контейнера ценностей. Золото, драгоценности, антиквариат были изъяты в большом количестве на квартире и даче бессменного со времен Сталина секретаря Президиума Верховного Совета СССР М. Георгадзе. Только вмешательство Брежнева приостановило следствие по этому делу. Дроздов и Фарбышев далее подчеркивают: «Утверждают, будто однажды среди подобных донесений Андропова Брежнев прочел следующее:

«В ходе операции были вскрыты многочисленные связи между дельцами «подпольной экономики» и членами семьи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Брежнева Л.И. По самым скромным оценкам, члены семьи товарища Брежнева Л.И. только за последние три года получили в виде прямых взяток деньгами, подношений драгоценными камнями, мехами, предметами антиквариата, похищенными из музеев ценностями на общую сумму:

Брежнева-Чурбанова Галина Леонидовна — 3,1 миллиона рублей и 600 тысяч долларов;

Брежнев Юрий Леонидович — 3,4 миллиона рублей и 450 тысяч долларов;

Брежнев Яков Ильич — 1,4 миллиона рублей и 500 тысяч долларов».

Кроме того, в этот список был включен первый зам Андропова — Цвигун Семен Кузьмич, который незаконно

получил 4,2 миллиона рублей и 1,5 миллиона долларов.

«Вышеназванные лица, втянутые в преступную деятельность, обеспечивали дельцам подпольной экономики протекцию различных министерств и должностных лиц для получения из государственных фондов сырья, оборудования и машин, а также способствовали проникновению преступных элементов на высокие партийные и государственные посты...»

Без взяток нельзя было получить высокую должность в любом министерстве и даже купить элементарные носильные вещи и продукты, не говоря уже о самых дефицитных. Помимо борьбы с коррупцией, Андропов намеревался всех заставить работать. Людей стали отлавливать в рабочее время в кинотеатрах, барах и банях, что вызывало недовольство некоторых сотрудников и нашего института. Однако я недоумевал по этому поводу. Если у тебя много свободного времени, то это не значит, что ты должен его бесцельно тратить. Надо было работать в библиотеке или дома — там никаких проверок не было. Как пишут Ю. Дроздов и В. Фарбышев в упомянутой книге, по официальным данным, андроповские акции за пятнадцать месяцев его правления по укреплению порядка и дисциплины привели к росту производительности труда сразу на 10 процентов.

Завесу секретности над личной жизнью Андропова впервые попыталась приоткрыть дочь родного брата Л.И. Брежнева Любовь Брежнева в своей книге «Племянница генсека». Она, в частности, отмечает, что ее отец шутил по поводу равнодушия шефа КГБ к высоким полным блондинкам, которым Андропов устраивал квартиры в центре и очень прилично одевал. Племянница Брежнева бывала в гостях у одной из таких блондинок и описывает это в своих мемуарах. Кроме того, как подчеркивает племянница генсека, жена Андропова Татьяна была наркоманкой. Семья шефа КГБ

жила по соседству с Брежневым, так что тем приходилось быть свидетелями безобразных сцен, когда Татьяна Андропова закатывала истерики, требуя наркотиков. Отношения Брежнева с Андроповым, которого генсек называл «умным, коварным и жестоким», были, по мнению племянницы, очень сложными в том смысле, что оба играли в какую-то невидимую миру, но опасную игру — «кто кого». В период заговора против Хрущева, когда Андропов исполнял одну из важных ролей, у них с Брежневым был четкий договор, что в случае победы Андропов получал пост шефа КГБ. «Стал бы такой осторожный человек, как Андропов, рисковать своей шкурой и «таскать каштаны» для меня за мои красивые голубые глаза!» — сказал Л.И. Брежнев своему брату. Далее племянница Брежнева вспоминает, что вопреки распространенному мифу о его скромности Андропов был не лишен амбиций и всю жизнь рвался к власти. По словам Л.И. Брежнева, это был очень закомплексованный человек. Когда для Андропова пришла пора избавиться от Брежнева и дискредитировать генсека и его близких, он приказал распустить по всему миру компромат на его семью. Писатели, работавшие исключительно по заданию шефа КГБ, как Рой Медведев, быстро состряпали бульварную литературу о Галине Брежневой, о ее алкоголизме и страсти к бриллиантам. Но, как отмечает племянница генсека, оба сына Андропова, Болодя и Игорь, были алкоголиками, а Болодя побывал даже в тюрьме. Возможно, все это частично правда, однако на протяжении всей книги Л. Брежневой видно ее предвзятое отношение к КГБ, который всячески препятствовал ее связям с иностранцем. Следует отметить, что Андропов передавал все свои деньги, положенные за звание генерала армии, в детский дом. Вряд ли кто из членов Политбюро ЦК КПСС поступал аналогичным образом.

В целом Андропов еще в середине 60-х годов понимал, что СССР необходимы серьезные экономические реформы. Его помощники готовили ему соответствующие проекты и документы, но, по некоторым данным, высшее руководство Советского Союза во главе с Л.И. Брежневым препятствовало этому и боялось таких реформ. Однако, когда у Андропова появилась такая возможность в 1982 году, у него уже не было здоровья и времени, так как, по его мнению, данные реформы должны были проводиться постепенно, дозированно, и он был, безусловно, прав. Ему удалось лишь частично ограничить повсеместную коррупцию, и это была не месть клану Брежнева, а целенаправленная и продуманная политика. Новый генсек К У. Черненко сразу же свел ее на нет. С другой стороны, Андропов прекрасно понимал, что, проводя постепенно экономические реформы, нельзя было разрушать политический строй. Этому могли, в частности, способствовать различные разоблачения (Катынь и другие) и диссидентское движение. Следует отметить, что, в отличие от своих предшественников, Андропов действовал в плане борьбы с диссидентами достаточно мягко. Между прочим, А.Н. Косыгин хотел посадить А.Д. Сахарова в тюрьму, а не сослать в Горький. По моему мнению, М.С. Горбачев не являлся продолжателем дела Андропова, что и привело к разрушению СССР. Кстати, после избрания генсеком Горбачев практически не упоминал Андропова и не желал упоминания его имени другими. Сын Андропова также считает, что его отец ни в коем случае не назвал бы Горбачева в качестве своего преемника ввиду его небольшого опыта.

Мой отец писал в своей книге, что у Андропова была репутация одного из самых умных членов Политбюро. Наблюдая его в разных обстоятельствах, отец восхищался, как мастерски Андропов умел создавать впечатление некоторой нерешительности и добродушия.

Он не приказывал, а предлагал, избегая повелительного тона. Но эта мягкость была обманчива. О таких людях говорят: мягко стелет, да жестко спат. Андропов в два-три раза увеличил штат агентов КГБ за рубежом, они стали скрываться за более высокими дипломатическими рангами, им запретили пить на работе.

Представляется, что одной из причин развала СССР была вакханалия гласности. Кроме того, к самостоятельной власти и богатству рвались руководители союзных республик, отнюдь не заботящиеся об интересах своих народов, а только стремившиеся к собственному обогащению и пожизненному правлению, подчас переходящему к их наследникам.

А.Н. Яковлев, которого Андропов явно не любил, называет его «состоявшимся Берией». Однако подобное сравнение несправедливо. Тут проскальзывает личная обида «архитектора» перестройки, который покинул и своего благодетеля Горбачева, как только тот потерял власть. Андропов был скорее партийным и политическим деятелем. Первым кадровым чекистом, который получил высшую власть в России, является В.В. Путин.

Андропов был выдающимся государственным деятелем, и жаль, что история не отвела ему больше времени. Не случайно из всех советских вождей его личность в народе до сих вызывает особое уважение, и не переименован в Москве проспект Андропова, а в КГБ у него было уважительное прозвище «хозяин».

Глава 12

ИСПЫТАНИЕ ЛЮБВИ БОГАТСТВОМ

Летом в 1972 году после окончания второго курса МГИМО я усиленно изучал «Историю дипломатии». В один прекрасный солнечный день я лежал в гамаке, прикрепленном за две огромные сосны, росшие у нас на даче в Валентиновке. Вдруг ко мне подходит бабушка, Анна Ксаверьевна, и говорит: «Гена! Ты знаешь, кого я встретила здесь недалеко? Веру Николаевну, которую знаю еще по Евпатории. Сейчас она с красавицей дочерью Мариной живет на даче. Пойдем к ним в гости, тут семь минут ходьбы, и, может быть, она тебе понравится, и ты найдешь свое счастье». Я вспомнил, что еще в конце 50-х годов моя мама, приучая меня к галантности в обращении с девочками, заставляла нести сандалики этой Марины на пляже в Евпатории. Я решительно отказался знакомиться, однако бабушке в конце концов удалось меня уговорить, ибо сватовство было ее манией, и она всегда добивалась своей цели всеми правдами и неправдами. Я сейчас не помню точно, как ей удалось сломить мое упорство, но обычно она добивалась всего с помощью денег, накопленных в изобилии после перепродажи ширпотреба, присылавшегося отцом из Нью-Йорка в огромных количествах. Скорее всего, мне хотелось самому познакомиться с хорошей девушкой, но я был очень скромным.

Я ухаживал за Мариной целых два года, водил ее по театрам, музеям, выставкам и кино. Этому способствовала бабушка, которая щедро финансировала наши походы. Мы смотрели даже супермодный тогда

спектакль театра на Таганке «Мастер и Маргарита» с участием В.С. Высоцкого, стоимость билетов на который на черном рынке доходила до 100 рублей (тогда средняя месячная зарплата). Да и билеты на хорошие места в Большой и Малый театры было непросто достать. Но баба Аня каким-то образом познакомилась с секретарем тогдашнего министра культуры Е. Фурцевой, и с билетами в театр не было проблем. Марина очень любила ходить в гости и путешествовать: мы ездили на неделю в Ленинград, а летом 1973 года в Евпаторию, естественно, за мой счет. Матери отца Софье Ивановне, до утонченности аристократичной женщине, моя избранница жутко не понравилась. Однако бабушкин аристократизм иногда, по моему мнению, доходил до абсурда. Кроме того, ей казалось, что все женщины только и ждут удобного момента, чтобы изменить своему мужчине. Бабушка мне всегда советовала не отпускать свою девушку ни на минуту.

На ухаживания уходила уйма времени, поэтому мне не удалось получить диплом с отличием, как у отца.

В начале 1973 года отец, получивший ранг Чрезвычайного и Полномочного посла СССР, пригласил к себе в гости отца Марины, полковника Бориса Ивановича Смирнова. Они мило беседовали и понравились друг другу. Кстати, в следующем году он получил генерал-майора, а еще через два года — генерал-лейтенанта.

Когда я поехал к отцу в ООН в 1974 году с целью написания дипломной работы, Марина буквально бомбардировала меня письмами, в которых требовала скорее вернуться в Москву. Поэтому мне пришлось прервать исследовательскую деятельность в библиотеке ООН (кстати, там я также собирал материалы для дипломной работы будущей жены на тему «Справедливый курс Рузвельта», которую она защитила в МГУ (исторический факультет) на отлично) и вернуться на один месяц раньше запланированного. Видимо,

Марина боялась, что столь длительная поездка может охладить наши отношения, а скорее всего, она делала это по совету своей матери, крайне заинтересованной в заключении выгодного брака. Однако опасения моих будущих родственников были безосновательными — я уже был безумно влюблен в свою избранницу. Кстати, после моего приезда из Нью-Йорка она основательно поиздевалась надо мной, постоянно говоря, что не собирается выходить за меня замуж. Но это была тонкая игра, инспирированная опытной матерью моей невесты. Встречая меня в аэропорту Шереметьево-2, когда я возвращался с мамой из Нью-Йорка, Марина в присутствии подчиненных отца бросила не к месту следующую фразу: «Зажрался ваш папенька!»

До свадьбы наши отношения не заходили дальше детских поцелуев. Почему так было, я понял позднее, прожив с женой несколько лет. Ее вообще мало интересовала физическая близость с мужчинами, что происходило примерно один раз в месяц, да и то весьма нехотя с ее стороны. Только единственный раз в жизни, после передачи бриллиантов, антиквариата и носильных вещей моей мамы, Марина решила «с удовольствием мне» отдался. Но тут же нашла предлог «передумать».

Однако расчетам моей будущей тещи на выгодный брак не суждено было сбыться. Моя мама уже на свадьбе, состоявшейся в сентябре 1974 года в ресторане «Спутник» на Ленинском проспекте, разругалась со своей бывшей знакомой по Евпатории, сказав ей на прощание, уезжая с отцом раньше всех из ресторана на служебном «мерседесе» директора информационного центра ООН: «Сволочь ты, Верка!» Мать отца, проживавшая в Евпатории, рассказывала мне, что у моей будущей тещи была весьма скандальная репутация в этом городе.

После свадьбы я стал проживать в скромной малогабаритной однокомнатной квартире жены на

улице Руставели, рядом с Останкинским мясокомбинатом. Мама подарила мне тысячу рублей (по тем временам большая сумма для рядовых советских людей), на которые мы купили черно-белый телевизор «Горизонт», холодильник и стиральную машину. Кроме того, мои родители ежемесячно добавляли 100 рублей к моей небольшой зарплате в МИДе (120 рублей), а теща и теща — 50 рублей, а также снабжали нас продуктами. Деньги от отца мне передавала моя бабушка. В 1977 году она не отдала причитающуюся мне сумму за несколько месяцев, о чем я сообщил отцу во время последнего за всю его жизнь приезда в Москву. Он, не говоря ни слова, передал мне недостающие деньги в валютных чеках Внешпосылтор-га, причем за каждые 100 рублей я получил 100 чеков, а это было гораздо больше недостающей суммы. На них в советское время можно было купить супердефицитные товары западного производства в магазинах «Березка», доступных только элите советского общества.

Следовательно, мы имели возможность откладывать каждый месяц 100 рублей на сберкнижку, которую я предложил открыть на имя своего первого сына. Он родился 22 июня 1975 года и громко плакал по ночам. Поэтому, чтобы выспаться и не опоздать на работу (я уходил в семь часов утра), мне приходилось спать на маленьком диванчике в шестиметровой кухне. Марина отказалась назвать сына Аркадием, и было выбрано компромиссное имя Алексей.

Жили мы с первой женой, откровенно говоря, плохо. Она постоянно попрекала меня маленькой зарплатой. Несмотря на то что она не работала и ее мать постоянно помогала ей в уходе за ребенком и с продуктами, Марина требовала, чтобы я после работы (я приходил около восьми часов вечера) мыл полы и унитаз. В случае отказа был грандиозный скандал, и мы не разговаривали неделями. Однако после первой же моей командировки

в Женеву в 1977 году, откуда я привез всем много подарков, в том числе для жены кожаное пальто на натуральном меху с лисьим воротником за тысячу швейцарских франков (600 долларов США), наши отношения значительно улучшились.

6 апреля 1978 года, как известно, случилась беда. Я в двадцать шесть лет потерял работу, маму и отца. Но мои отношения с женой и ее родственниками поначалу были превосходными. К сожалению, как выяснилось в дальнейшем, это была определенная политика с их стороны, проводимая главным образом по инициативе моей тещи.

После защиты диссертации 22 апреля 1980 года я стал получать 175 рублей в месяц, что весьма не удовлетворяло мою жену, рассчитывавшую на большую сумму. Летом она с сыном уехала в Евпаторию, а потом проживала где-то на даче в Подмосковье. «В связи с разводом, хотя он и является фиктивным, нам надо пожить отдельно, в том числе и для того, чтобы помочь моему папе сохранить свою высокую должность», — сказала она мне.

Генерал-лейтенанта Б.И. Смирнова ранее уже вызывали в КГБ, где ему сказали, что снимать его с нынешней должности не будут, но и повышения по службе он уже не получит. Эта «милость» советской власти объяснялась тем, что мои родители после моей свадьбы в 1974 году больше никогда не общались с моими тестем и тещей.

Следует отметить, что до передачи в военный городок ПВО наиболее ценных вещей, оставленных КГБ после конфискации имущества отца, у меня были прекрасные отношения с тестем и тещей. Они даже организовали мою встречу с их приятелем С.С. Вещуновым, полковником Первого главного управления КГБ или ГРУ Генерального штаба Министерства обороны (точно не знаю, ибо в те времена это скрывалось), с

целью дачи мне совета, что дальше делать в жизни. Вещунов мне весьма сочувствовал. Он, участник Великой Отечественной войны, говорил мне, 26-летнему парню, что мою драму можно было бы сравнить с переживаниями тех людей, которые прошли всю войну с 1941-го до 1945 года. Но милый разведчик, с ним я также мерился силой в армреслинге (дружеская ничья), так и не смог что-либо мне посоветовать. Моей судьбой занимался центральный аппарат КГБ. Любопытно, что у Вещунова была красавица жена, и однажды, когда посол СССР в Индии И.А. Бенедиктов за ней приударил, полковник избил посла. На этом карьера разведчика закончилась.

Моя первая жена пропадала в течение нескольких месяцев, и все попытки связаться с ней были безрезультатными. *Я начал* проявлять беспокойство и не раз звонил тестю и теще, встречался с ними. Из намеков я понял, что Марина жить со мной больше не хочет и мне следует забыть как о ней, так и о вещах нашей семьи, взятых тестем только на хранение. Я, конечно, мог бы с этим смириться, но моя бабушка и сестра Анна настоятельно требовали возвратить наше имущество. И тогда мне пришлось, после длительных уговоров тестя и тещи, решить вопрос добровольно, принимать всевозможные меры, чтобы добиться возвращения хотя бы части вещей. Тесть сказал: «Я передал все вещи Марине и ничего сделать не могу». Теща командовала суровым генералом, так же как он своими офицерами и солдатами, и звала его «Борька-нянька», ее же знакомые за глаза называли «конь-баба». После того как я заявил теще, что мы будем жаловаться в компетентные органы, она мне сказала следующее: «Мы почти маршалы, а ты сын изменника родины. *Я еще доберусь* и до Громыко и расскажу, как его жена принимала от вас подарки». Я узнал позднее, что моя бывшая жена сблизилась с сыном начальника Главного

штаба ПВО страны, генерал-полковника В. Созинова, а затем вышла замуж за его сына, чтобы сохранить положение своему отцу (правда, она прожила с новым мужем около года.). Кроме того, тесть и теща были вхожи в семью Маршала Советского Союза П.Ф. Батицкого — главнокомандующего войсками ПВО страны, заместителя министра обороны — и делали ему подарки (используя советы моей мамы, я говорил теще еще в середине 70-х годов, что тесть никогда не достигнет высокого положения без подарков высокому военному начальству).

Поговорив с тещей, я сразу же связался с М.И. Курышевым и рассказал о нашем разговоре. Буквально через час мне перезвонила взволнованная Вера Николаевна, стала усиленно извиняться и говорить, что я ее не так понял.

В общей сложности я не имел никакой информации о первой жене и сыне в течение шести месяцев. Мое терпение лопнуло, и я написал в конце 1980 года два письма (их подписали также бабушка и сестра): одно члену Политбюро ЦК КПСС, министру обороны СССР Д.Ф. Устинову, другое начальнику Главного политического управления Советской армии и военно-морского флота, генералу армии А.А. Епишеву (в 1951 году он являлся заместителем министра госбезопасности СССР), которые я послал заказной почтой. В письмах я коротко описал, как генерал Смирнов фактически присвоил вещи, которые были переданы ему на хранение. Скоро пришел ответ, что данный вопрос передан на рассмотрение в Главное политическое управление (ГПУ — забавное совпадение!). В сталинские времена эта аббревиатура вызывала у всех советских людей ужас.

К нам домой на Фрунзенскую набережную несколько раз приезжал полковник управления Он внимательно записал все мои показания. Я вспомнил фамилии генералов в военном городке, где проживал тесть,

которые могли видеть старинную мебель и антиквариат и подтвердить, что раньше у него никогда их не было. Кроме того, привезти незамеченным такое количество вещей (несколько ездов на военном «газике») было просто невозможно. Моего тестя стали вызывать в Главное политическое управление. Сразу же объявилась моя жена. Я предложил ей снова жить со мной, но она отказалась.

Через некоторое время она согласилась добровольно передать мне только половину вещей, принадлежащих моей покойной маме (как наследникам по закону — мне, моей сестре и бабушке). Вернуть все вещи моя жена категорически отказалась. В обмен на передачу части нашего имущества она потребовала написать письмо о том, что мы больше не имеем никаких претензий к ее отцу и извиняемся перед ним. Но моя первая жена отдала мне не лучшую половину всех вещей, а драгоценности мамы, переданные мною ей, вообще, по мнению Марины, не могли быть предметом торга. О том, что я заработал и купил в Женеве, не было и речи, а также о тех вещах, которые я вывез на квартиру ее отца за несколько дней до обыска и конфискации имущества. Получив отданную меньшую половину наследства мамы, я передал законную часть бабушке и сестре. Однако я обозлился на бывшую жену еще больше и написал очередное письмо уже на имя члена Политбюро ЦК КПСС, председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова. Из КГБ ответа не последовало.

Но после обращения к Андропову 11 февраля 1982 года я получил следующий ответ из политического отдела Главного штаба главнокомандующего войсками противовоздушной обороны Министерства обороны СССР: «Ваша жалоба на генерал-лейтенанта тов. Смирнова Б.И., адресованная министру обороны СССР, внимательно рассмотрена. За использование своего должностного положения в решении имущественных

вопросов дочери к тов. Смирнову Б.И. приняты строгие меры партийного воздействия. В настоящее время он представлен к увольнению из Вооруженных сил СССР. Что касается дальнейшего раздела оставшихся вещей, то Вы должны решать это установленным законом порядком». Это была «высшая мера» наказания для высокопоставленного генерала в то время. Кстати, выйдя на пенсию в пятьдесят пять лет, крепкий мужик прожил еще всего десять лет. Между тем его отец и мать дожили до девяноста лет. Несмотря ни на что, я всегда симпатизировал своему тестю, который был очень добрым и порядочным человеком, но, к сожалению, как часто бывает даже с государственными деятелями, попал «под пяту» своей жены и выполнял все ее прихоти и желания.

С 1981 года я выплачивал четверть своей скромной зарплаты (175 рублей в месяц) в качестве алиментов. На суде моя первая жена Марина заявила, что не нуждается в моих жалких алиментах, — она их требует из принципа, так как по моей вине у ее отца большие неприятности (судья подкч «ала головой, но ничего не сказала). Моему сыну Алексею Марина сказала: «Я развелась с твоим отцом, потому что он избил твоего дедушку». До моей жалобы по поводу имущества мамы моя первая жена говорила сыну, что папа находится в Женеве. Интересно, как я ухитрился избить здорового генерала? Об этом рассказал мне в 90-х годах муж двоюродной сестры Марины. Все ее родственники жили в поселке Валентиновка на даче, которую купил их дед. Правда, в середине 70-х годов она сгорела, а новая была построена моим тестем. Для этой цели он использовал солдат. Так что и при советской власти генералы и маршалы использовали свое положение для решения личных проблем...

Глава 13

НОВАЯ СЕМЬЯ: РАДОСТИ И НЕПРИЯТНОСТИ. ВЕРХОВНЫЙ СУД СССР ПОМОГАЕТ РАЗМЕНИТЬ КВАРТИРУ

Наступал новый, 1981 год. Моя сестра пригласила на встречу Нового года большую шумную компанию. У нас были несколько музыкантов, ныне широко известных, которые в то время работали в ресторанах. Среди шумной и веселой компании я обратил внимание на симпатичную, скромную и обаятельную девушку с прекрасной фигурой. Она также меня выделила — я ее покорила галантностью в обращении с женщинами. Я предложил ей кофе, она с благодарностью приняла его, и между нами завязалась беседа. Мы проговорили до утра и поняли, что мы нужны друг другу. Нина стала подарком судьбы для меня.

14 февраля 1981 года (День святого Валентина) мы зарегистрировали наш брак. Тогда же мы обвенчались в римско-католическом костеле Святого Людовика, находящемся на улице Мархлевского (сейчас — Малая Лубянка), куда приехали на свадебной машине «Чайка», которую тогда можно было заказать для этой цели. По иронии судьбы церковь находилась рядом с основным зданием КГБ СССР, где сидел в своем кабинете всемогущий Ю.В. Андропов.

Наконец-то, после всех выпавших на мою долю бед и невзгод, я нашел свое счастье. Еще И. Тургенев писал, что самых хороших и верных жен находят в провинции России. Моя жена родом из Тульской области. Я взял фамилию жены и стал в 1981 году Осиповым, так как

мне было неприятно носить фамилию бывших родственников, которые фактически нажились на моем горе.

Летом 1981 года мы с женой отправились в Сочи в свадебное путешествие на целый месяц, так как у кандидатов наук довольно большой отпуск — тридцать шесть рабочих дней (сорок два календарных). Вместе с нами туда приехала группа знакомых музыкантов, и мы весело провели время. Я с женой сфотографировался на фоне теплохода «Адмирал Нахимов», который через несколько лет был трагически потоплен сухогрузом «Васев». Я всю жизнь мечтал прокатиться на «Адмирале», самом большом в СССР пассажирском корабле. Его каюты были отделаны ценными породами дерева, однако он был очень старым, немецкого производства (раньше назывался «Берлин») и достался СССР в качестве репараций после Великой Отечественной войны.

В начале 1982 года у меня начали портиться отношения с бабушкой, которой исполнилось уже семьдесят шесть лет. Жизнь у нее была очень тяжелой, а тут еще и возраст. Она, ревнуя меня к жене, стала постоянно обращаться в районное отделение милиции с целью выселить Нину из нашей квартиры. Участковый милиционер В. Клинцов (в дальнейшем он стал полковником, начальником межрайонного ОВИРа) ходил к нам домой как на работу с соответствующими предписаниями два раза в неделю. Я добился с помощью КГБ следующего решения Исполнительного комитета Ленинского районного Совета народных депутатов города Москвы № 52/6-43 от 07.12.1983 года: «Жилищная комиссия Исполкома рекомендует удовлетворить просьбу заявителя продлить разрешение на временное проживание жены без прописки на его жилой площади сроком на один год. Председатель Исполкома. Секретарь Исполкома».

Однако бабушка (член КПСС с 1948 года) добилась отмены данного решения Исполкома райсовета через МГК КПСС. В районном суде мне сказали, что для прописки жены без согласия родственников ей нужно родить ребенка. 7 ноября 1982 года в моей семье произошла трагедия: на седьмом месяце беременности жены по вине врача роддома на Шаболовке (она даже рецепты выписывала на русском языке) умер наш мальчик. Жене в роддоме давали дефицитное американское лекарство, которое необходимо было принимать одновременно с сердечным. Однако дежуривший в праздник врач не сделал этого, и у ребенка остановилось сердце. Другие врачи спрашивали жену, не будет ли она подавать в суд. Но я не видел в этом никакого смысла. Бабушка злорадствовала по данному поводу. Полковник КГБ, который курировал нашу семью, сказал мне, что он не исключает возможности подкупа врачей. Бабушка с удвоенной энергией продолжала ходить с жалобами к начальнику райотдела милиции Киржнеру, а также подавала соответствующие иски в суд.

Мое терпение лопнуло. Я позвонил в КГБ, сказав следующее: «Если районное отделение милиции будет продолжать выселять мою жену, я организую международный скандал и созову пресс-конференцию». После этого полковник КГБ СССР Смирнов приезжал к Киржнеру и просил его не трогать мою жену. Некоторое время нас не беспокоила милиция. Однако бабушка продолжала жаловаться в различные высокие партийные и государственные инстанции. По-прежнему в нашу квартиру приходил участковый милиционер Клинцов, правда, он всегда мне сочувствовал и говорил, что действует по указанию начальства. Жена не выдержала и уехала на несколько месяцев к сестре в Душамбе (Таджикистан). Полковник КГБ сказал мне, что

она зря это сделала, ибо никто не смог бы нам ничего сделать.

В конце концов в 1984 году районное управление внутренних дел направило бабушку на обследование в психиатрическую больницу Кащенко. Она пробыла там неделю и вышла со справкой, в которой перечислялись ее болезни и был сделан следующий вывод: «Концевич А.К. за свои действия не отвечает». Теперь основная злоба бабушки была направлена уже на следователя РУВД Власкина, который, как она считала, обманным путем заманил ее в больницу. «Я еще доберусь до Власкина, он у меня попляшет», — говорила она. Однако на ее жалобы теперь уже никто не реагировал. Кстати, тогда она поссорилась со всеми своими родственниками.

После этого мы стали заниматься вопросом размена нашей квартиры, так как у сестры родился второй сын и возникла необходимость жить отдельно.

Юристы КГБ СССР долго ломали голову, как можно разменять нашу квартиру, но так и ничего не придумали. Ведь формально паевой взнос принадлежал моему отцу, дополнительной мерой наказания которого была полная конфискация лично принадлежащего ему имущества. Следовательно, проживать в его квартире мы имели право (в Конституции СССР было закреплено право на жилище), а вот разменять ее мы не могли.

Тогда я обратился в Верховный суд СССР. Верховный судья по гражданским и жилищным делам П.Я. Трубников, крупнейший специалист по данному вопросу, автор книги «Жилищные, дачные и гаражные кооперативы», сказал, что у нас есть только один выход из создавшегося положения: после конфискации пая его выплата по-новому. Было принято соответствующее решение Верховного суда СССР. Я совместно со своими родственниками выплатил около 11 тысяч рублей, и мы получили возможность искать конкретные варианты обмена квартиры.

В 1985 году семья наконец-то разменялась, и мы с женой Ниной стали жить в небольшой двухкомнатной квартире в этом же доме (я ее получил на себя одного, так как диплом кандидата наук давал мне право на дополнительную комнату), а сестра в трехкомнатной на Ленинском проспекте. Мне пришлось доплачивать около 5 тысяч рублей. Я выплатил паенакопление только за одну комнату в квартире отца, а новая хозяйка нашей квартиры сказала мне, что я обязан ей доплатить за одну лишнюю комнату. Мы получили пять комнат, а она четыре. Но она не учла того, что отцовская квартира была отделана ценными породами дерева — орехом, дубом и так далее (ремонт обошелся родителям в 25 тысяч рублей), а моя новая квартира, в частности, была в ужасном состоянии и требовала капитального ремонта. Таким образом, мне срочно нужно было искать деньги. Из ценных вещей у меня остался только тот самый старинный секретер XVIII века, в тайнике которого лежали основные драгоценности, изъятые после обыска в квартире отца. Бабушка говорила, что купила его в 1977 году за 7,5 тысячи рублей. Я стал искать покупателей. Жена послала в отставку Б.Л. Исраэляна Алла, проживавшая в нашем доме, посмотрела на мой секретер и, узнав его цену, сказала, что он ей не нужен. Однако она дала мне телефон известного художника И.С. Глазунова, который также интересовался антиквариатом. Я ему позвонил, но когда он услышал о цене, то заявил: «Я таких денег не имею» — видимо, тогда он был «бедным» человеком. Мне пришлось сдать секретер в комиссионный магазин на Фрунзенской набережной. Через несколько дней секретер продали, и я получил за него 5,5 тысячи рублей. Таким образом, я рассчитался за новую отдельную квартиру. Мы с женой были безмерно счастливы — никто не мешал нам нормально жить.

Следует подчеркнуть, что родительская квартира в дальнейшем никому из ее владельцев не принесла счастья. Согласно народному поверью, в доме самоубийцы не может быть ничего хорошего. У новой хозяйки квартиры не сложились отношения с сыном, ее отец быстро умер, и она была вынуждена ее разменять. Владельцем квартиры затем стал какой-то новый русский, сделавший там грандиозный евроремонт. Однако по иронии судьбы его квартиру два раза сильно затопило из-за неисправности крыши (наша квартира находилась на последнем, девятом этаже), причем вода один раз протекла до седьмого этажа. После этого бизнесмен не выдержал и продал квартиру.

Кстати, когда сестра проживала с бабушкой на Ленинском проспекте, последняя стала жаловаться уже на сестру с мужем. Соседи смотрели на них как на «истязателей бедной старушки». Позднее она захотела жить в доме престарелых для ветеранов КПСС. Хотя это был привилегированный дом, когда я приехал туда с мужем сестры В.Г. Иванцовым после смерти бабушки, у меня защемило сердце от жалости, в каких условиях она провела свои последние годы жизни. Бабушка умерла на восемьдесят девятом году в 1994 году. Я вместе с Иванцовым похоронил ее урну в могиле моей мамы на Новокунцевском кладбище (бабушка неоднократно просила кремировать ее после смерти, ибо она не хотела, чтобы «черви ели ее тело в гробу»).

Что касалось дачи в поселке Валентиновка, то с ней было намного сложнее. Дача считалась тогда предметом роскоши. Кроме того, в дачном кооперативе было много претендентов на нашу загородную виллу, в том числе один Герой Советского Союза. Было опасно добиваться в Верховном суде СССР конфискации пая дачи, хотя после этого мы и имели преимущественное право на вступление в кооператив. Председатель кооператива

Ю.Н. Ефимов не гарантировал нам, что общее собрание проголосует именно за нас.

26 ноября 1988 года у нас с Ниной родился сын, которого я назвал Аркадием в честь деда. Мы были безмерно счастливы. Когда Аркаше исполнился один год, я стал обучать его английскому языку.

Глава 14

ПЕРЕСТРОЙКА И МИД СССР.

ОШИБКА А.А. ГРОМЫКО.

«СОКОЛ» Э.А. ШЕВАРДНАДЗЕ.

ВСТРЕЧА С ЗЯТЕМ И.В.

СТАЛИНА

Избрание в марте 1985 года М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС породило новые надежды на изменения в жизни страны. К власти пришел энергичный, относительно молодой и образованный лидер. Особенно меня обрадовало, что проблема разоружения, которой я занимался много лет, впервые стала серьезно рассматриваться на самом высоком уровне. Об этом, в частности, свидетельствовали советская программа уничтожения ядерного оружия, разработанная в Генеральном штабе МО СССР и предложенная Маршалом Советского Союза С.Ф. Афромеевым и первым заместителем министра иностранных дел Г.М. Корниенко Генеральному секретарю ЦК КПСС, а также многие договоренности, достигнутые в области ограничения и сокращения ядерных вооружений, казавшиеся ранее невозможными. СССР согласился на международный контроль, которого предыдущие руководители Советского Союза боялись «как черт ладана», ибо международные инспекторы могли увидеть то, что им было не положено, — как в действительности живет советский народ, а как партийная номенклатура, другие прелести страны развитого социализма, к тому же зафиксировать факты нарушения СССР некоторых подписанных им

международных соглашений. Любопытно, что, как отмечает В.М. Фалин в своей книге «Без скидок на обстоятельства», авторство вышеупомянутой программы стоило Корниенко его поста, так как представлять ее стоило лучше всего от имени Э. Шеварднадзе, а не от имени замминистра и маршала. Но Корниенко не догадался и тут же был окончательно занесен в «громыкинские реликты».

В брежневские времена, вместо того чтобы ограничить накопление вооружений после московских соглашений 1972 года, СССР продолжил модернизацию всех видов оружия в своем арсенале, как ядерного, так и обычного, выпуская все увеличивающийся поток ракет, самолетов, танков, кораблей и орудий. За счет других секторов экономики и в размерах, намного превышающих его оборонные нужды, Советский Союз увеличил выпуск своей военной продукции на одну треть. Его военно-промышленная база стала самой крупной в мире. Затраты на вооружения, выраженные в долларах, превышали затраты США.

О.А. Гриневский подчеркивает в книге «Тайны советской дипломатии», что советская дипломатия и военнопромышленный комплекс оказали роковую услугу своей стране. И без того малоэффективная советская экономика под гнетом гонки вооружений и силовой политики оказалась на грани краха. Непроизводительные военные расходы поглощали 15–20 процентов ВВП страны ежегодно, тогда как в США они составляли всего 6 процентов. Внешне все как будто свидетельствовало о том, что к концу 70-х годов СССР достиг пика своего могущества и влияния в мире. А на самом деле он уже выдохся. Советское руководство было поражено старческим маразмом и не могло адекватно реагировать на обстановку. Международный отдел ЦК и КГБ подсовывали ему ложную, порой

доходящую до абсурда, информацию, на основе которой Политбюро и принимало свои решения.

Однако в конце перестройки Горбачев и Шеварднадзе впали в другую крайность, и начался развал Вооруженных сил СССР, который достиг своего пика при Б.Н. Ельцине в середине 90-годов. Престиж и боеспособность армии катастрофически упали. Только при Президенте России В.В. Путине российская армия постепенно восстанавливается, но на это нужны многие годы и переход на профессиональные вооруженные силы.

Горбачев слишком много внимания уделял международным делам (правда, это не помогло избежать огромных просчетов), а ошибки во внутренней политике привели к пустым полкам в советских магазинах, чего не было даже при Брежнев. В результате народ разочаровался в новом генсеке. Очень метко охарактеризовал внешнюю политику М.С. Горбачева как «либеральную маниловщину» А.Ф. Добрынин.

Сочинялись забавные стихи о перестройке. Вот небольшая часть одного из таких стихотворений:

Перестройка — важный фактор, Сразу взорван был реактор. Милый Ленин, открой глазки, Нет ни мяса, ни колбаски.

В июле 1985 года М.С. Горбачев назначил на пост министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе (эта фамилия переводится на русский язык как «сын сокола»), хотя А.А. Громыко предлагал на эту должность своего первого заместителя Г.М. Корниенко. Назывались также другие кандидатуры: посол СССР в США А.Ф. Добрынин и посол СССР во Франции Ю.М. Воронцов. Бывший министр иностранных дел СССР А.А. Бессмертных рассказывал мне во время большого интервью, которое он мне дал в особняке Внешнеполитической ассоциации в 1995 году, как

расстроен был после этого назначения Георгий Маркович. Сам М.С. Горбачев так описывает в своей книге «Жизнь и реформы» предварительный разговор с Громыко о его преемнике: «Громыко рассчитывал выдвинуть на этот пост кого-то из дипломатов. Говорил о Корниенко, назвал и сам же отклонил Воронцова, в то время посла во Франции. Упоминалась и кандидатура Добрынина, хотя он его не жаловал, видимо, понимал, что тот во многом ему не уступает, а может быть, и превосходит». Когда же Горбачев назвал кандидатуру Шеварднадзе, то первая реакция Громыко была близка к шоку.

Громыко получил формально высшую должность в стране — стал Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Однако этот государственный пост не имел тогда большого политического влияния. Мой отец писал по данному поводу в июне 1986 года, что для бывшего министра это было в некоторой степени понижением. Горбачев никогда бы не согласился иметь министра иностранных дел, который доминировал бы над генсеком в вопросах внешней политики. Громыко, имеющий огромный опыт и знания, мог вмешиваться в эти проблемы. Он мог позволить себе сказать Горбачеву: «Миша, ты не прав». Ясно, что Горбачев не мог терпеть подобного. Он хотел заниматься внешней политикой без учителя, поэтому и не назначил на должность министра иностранных дел профессионала. Шеварднадзе, будучи дилетантом во внешней политике, подходил для данной роли лучше всего.

Некоторые политики и исследователи считают, что Громыко был доволен новой должностью. В частности, Корниенко пишет: «Мне было известно, хотя и не от министра, что со времени кончины Брежнева в ноябре 1982 года Андрей Андреевич хотел занять этот пост». Но я хотел бы присоединиться к точке зрения М.С. Капицы, долгое время проработавшего замом Громыко. Михаил

Степанович дал мне большое интервью в 1994 году в Институте востоковедения АН СССР, где он был директором. Он рассказывал: «Громыко жаловался мне, что его выгнали из МИДа». Кроме того, по мнению Капицы, Громыко в последние годы жизни жалел, что поддержал назначение М.С. Горбачева Генеральным секретарем. В то же время министр говорил Капице, что у него не было выбора: «Либо Горбачев, либо Гришин». Бывший председатель КГБ СССР В.А. Крючков отмечает, что, поздравляя его с присвоением воинского звания генерала армии, Громыко сказал Крючкову следующее: «Боюсь за судьбу государства. В 1985 году после смерти Черненко товарищи предлагали мне сосредоточиться на работе в партии и дать согласие занять пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Я отказался, полагая, что чисто партийная должность не для меня. Может быть, это было моей ошибкой».

Как вспоминает начальник Четвертого главного управления Минздрава СССР академик Е.И. Чазов, министр обороны СССР Д.Ф. Устинов отмечал, что Громыко претендовал на место генсека еще до назначения Черненко и, по мнению Устинова, это был не лучший вариант. Министра обороны больше устраивал больной и слабохарактерный Черненко, чем властный и в определенной степени упрямый Громыко. Однако, как мне кажется, Устинов ошибся, и история могла бы пойти иным путем.

Л. Млечин в своей книге «МИД. Министры иностранных дел. Романтики и циники» пишет о слухах, будто бы Громыко до выдвижения Горбачева все же пытался сговориться с Председателем Совета Министров СССР Н.А. Тихоновым, однако сей союз не получился, и министр решил отдать свой голос в Политбюро подороже.

Как вспоминает личный переводчик министра В.М. Суходрев, получив указ о своем новом назначении,

Громыко просто поднялся со своего кресла и уехал в Кремль. Он не созвал коллегии, не провел никаких прощальных встреч со своими многолетними сотрудниками. Просто взял и уехал. Ни в письменном столе, ни в кабинете, ни в комнате отдыха у министра не было ничего своего, личного. Сухость, характерная для руководителей той эпохи, которые прошли железную сталинскую школу, сидела в нем очень глубоко.

Е. Чазов подчеркивает, что Громыко тяжело переживал «измену» Горбачева, свою отставку в 1988 году уже с поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР и изменившееся отношение к нему. «Человек с ледяным сердцем», — сказал Громыко незадолго до своей смерти Чазову о Горбачеве.

Добрынин отмечает: «Вскоре тандем Горбачев — Шеварднадзе стал фактически полностью определять внешнеполитический курс страны, постепенно оттесняя на задний план весь остальной состав Политбюро, коллективное мнение которого уже не очень-то спрашивали. Это особенно ясно было видно в последние годы правления Горбачева, вплоть до ухода Шеварднадзе со своего поста в 1990 году. Впрочем, далеко не всегда действия этого «тандема» были достаточно продуманными, и Шеварднадзе сыграл свою негативную роль, хотя в целом он показал себя инициативным министром, правда, чрезмерно торопливым, как, впрочем, и его покровитель Горбачев».

С самого начала Шеварднадзе принял решение разогнать старые кадры МИДа. Ряд видных дипломатов стали сопротивляться этому, в частности первые заместители министра Г.М. Корниенко и В.Г. Комплектов (кстати, однокурсник отца). А.А. Бессмертных вспоминал: «Для аппарата и руководства МИДа это была полная неожиданность. Профессионалы затосковали — крутой человек из Грузии стал министром. Это было политическое назначение, мощный удар по

профессионалам и превращением МИДа в политизированную структуру. Никто не мог вспомнить, был ли новый министр за границей. МИД забурлил. У Громыко, который был все же влиятельной фигурой на новом посту, возникли недобрые предчувствия». Бессмертных отмечал, что Шеварднадзе поступил очень тонко. Он говорил: «Я ничего не знаю, не понимаю, вы все мои учителя, а я ученик». Он стал встречаться со всеми заведующими отделами МИДа с глазу на глаз. Был «сознательным студентом», все ответы записывал и постепенно, по мнению Бессмертных, завоевывал доверие кадровых дипломатов.

В то же время, как рассказывал мне посол в отставке И.Г. Усачев, Шеварднадзе пытался быть демократичным, но если ему указывали на недочеты, реагировал на это очень болезненно.

Шеварднадзе был человеком не слишком образованным, западную литературу не знал совершенно. Во время приема министра иностранных дел Польши, на котором присутствовал его заместитель Капица, речь зашла об американской и английской литературе. Министр сидел с выражением ужаса на окаменевшем лице и чувствовал себя в дурацком положении, ибо не мог поддержать разговора. Это же подтвердил и Бессмертных, подчеркивая, что с Громыко можно было говорить о литературе, истории и искусстве.

М.С. Капица отмечал в своей книге, что Шеварднадзе и с русским языком был не в ладах, поэтому резолюции на бумагах сам не писал, а поручал помощникам И.С. Иванову и А.С. Чернышеву. Шеварднадзе сразу же дал понять, что создает свою команду, и начал ее формировать, выжимая из людей все, что можно, а когда немного освоился, стал главным толкачом горбачевской дипломатии «нового мышления», которую Г.М. Корниенко назвал «сдачей военно-стратегических и геополитических позиций Советского Союза»,

«пораженческой линией Горбачева — Шеварднадзе во внешних делах».

Во время визита в Японию в 1985 году Шеварднадзе был принят премьер-министром Я. Накасонэ, который, поздоровавшись, протянул руку Капице со словами: «Господин Капица нам знаком. Это жесткий переговорщик». — «А я?» — вырвалось у Шеварднадзе. «Мы с вами встретились в первый раз», — был ответ. Как подчеркивал Капица, Шеварднадзе в этой связи почему-то очень расстроился.

Очень образно Капица рассказывал мне в своем интервью о жене Шеварднадзе: «У нас министерша была, так сказать, «красивая», а когда я на нее посмотрел, то пришел в ужас — большая, огромная баба, она так растолстела, что ходила враскорячку. Когда чета Шеварднадзе увидела мою жену, то было заметно, что министерша недовольна молодостью и красотой моей супруги. Шеварднадзе же стал петушком и ухаживал за ней». Последняя жена Капицы, будучи в два раза его моложе, тогда недавно закончила институт по специальности искусствовед. Шеварднадзе сказал: «А я — людовед». Капица был человеком одаренным от природы и глубоко эрудированным, общительным и веселым, но отличался большой любовью к женскому полу. В 1976 году я встретил Капицу с его женой в лифте мидовского жилого дома. Я подумал, что это его симпатичная дочь. В 1961 году, будучи послом в Пакистане, Капица расположился на диване в своем кабинете с женой шофера, который, узнав об этом, ворвался в кабинет и в бешенстве ударил посла монтировкой по голове. Если бы не помощники посла, которые сбежали на шум, шофер бы убил Капицу. В результате шрам у посла остался на всю жизнь. Но инцидент был замят: министерство ценило Капицу и нуждалось в его знаниях. Став в 1982 году Генеральным секретарем ЦК КПСС, Ю.В. Андропов, заинтересованный

в улучшении отношений с Китаем, назначил Капицу заместителем министра иностранных дел.

По мнению Капицы, жена Шеварднадзе прямо в дела МИДа не вмешивалась, но часто «накручивала» мужа. В этом плане новый министр в лучшую сторону отличался от Громыко.

Шеварднадзе начал бороться в МИДе с коррупцией и семейственностью. По мнению Бессмертных, часто выгоняли хороших работников. Дело доходило до абсурда. Например, уволили одного первого секретаря, так как его тесть был полковником Генерального штаба! В то же время были и исключения. У первого заместителя министра А.Г. Ковалева в МИДе работали два сына, дочь и теща. Неприятности возникли у секретаря парткома МИДа из-за дачи. Однако, как выяснилось позднее, он построил ее на свои деньги.

Любопытно, как вел себя Шеварднадзе во время поездок за рубеж. По возвращении из одной командировки он потребовал, чтобы таможенники проверили багаж его самого и всех сопровождавших его дипломатов. Подобная практика является, на мой взгляд, не совсем порядочной и честной, ведь министр заранее знал о своих планах, а в советские времена многое не разрешалось привозить в СССР, в частности книги, изданные на Западе, видеокассеты и т. д. Чисто ментовской прием! У всех послов были выявлены нарушения советских правил (министр, конечно, остался чист). Эта практика проверки багажа всех высокопоставленных дипломатов и членов их семей имела место и в дальнейшем. Так, пострадал и мой бывший начальник посол В.Л. Исраэлян — в багаже его жены Аллы нашли несколько видеомagneтофонов. Бедного Исраэляна уволили из МИДа. Мы живем в одном доме, и после того, как это случилось, я наблюдал, как у его жены несколько месяцев не сходили с лица красные пятна, а посол в отставке, увидев меня однажды на

Фрунзенской набережной, устремился на другую сторону улицы, чтобы избежать каких-либо разговоров. В дальнейшем, когда страсти улеглись и Израэлян нашел другую работу (все-таки он был профессором, доктором исторических наук), мы часто общались и сотрудничали в научном плане.

Другие сотрудники МИДа СССР поступали хитрее. Они переправляли запрещенную в СССР литературу через дипломатическую почту. Один раз я был свидетелем, когда в нашем отделе один из сотрудников сектора по разоружению открыл несколько чемоданов, присланных дипломатической почтой из Женевы, с подобными книгами. Однако книги есть книги, а носильные вещи и музыкальную аппаратуру вряд ли можно было отправлять диппочтой.

По мнению Бессмертных, Шеварднадзе очень быстро учился и в конце концов положительно зарекомендовал себя в МИДе. Он не привел никого из Грузии, за исключением помощника и охранника. Ему потребовался год, чтобы высказывать свои оценки по внешнеполитическим вопросам. В целом понятна в основном положительная оценка Бессмертных Шеварднадзе, ведь последний взял уволенного Горбачевым и «демократами» министра в возглавляемую Шеварднадзе Внешнеполитическую ассоциацию, занимающую уютный особняк недалеко от Курского вокзала. А когда Шеварднадзе стал президентом «независимой» Грузии, Бессмертных возглавил эту ассоциацию.

Меткую характеристику Шеварднадзе дал Г.М. Корниенко: «Технику дипломатии новый министр освоил довольно быстро. Что, к сожалению, стало вскоре бросаться в глаза и впоследствии станет все более характерным для Шеварднадзе, так это недооценка им настоящего профессионализма в дипломатии, игнорирование дипломатических знаний и опыта, если

они только не отвечали его представлению о целесообразности или нецелесообразности какого-то действия в данный момент».

О том, как Шеварднадзе любил подольстить начальству, вспоминает Б.Д. Панкин: «Появление Горбачева, ведомого Шеварднадзе, присутствующие встретили «знакомыми до слез» вставанием и овацией. Открывая совещание, наш новоиспеченный министр совсем в духе тех речей, которые он произносил при жизни Брежнева, определил, что данное совещание является историческим», ибо «в его работе впервые за всю историю МИДа СССР участвует руководитель нашей партии и правительства, Генеральный секретарь, что знаменует...». Даже М.С. Горбачев прервал министра иностранных дел.

Бывший первый заместитель председателя КГБ СССР, генерал-полковник в отставке Ф.Д. Бобков, оценивая деятельность Шеварднадзе, очень метко отметил, что «у руля внешней политики оказался непревзойденный мастер конъюнктуры».

Генерал-полковник в отставке Н.Ф. Червов, участник почти всех значимых переговоров по разоружению, пишет: «Партократы втайне всегда боялись профессионалов, а находясь у руля власти, они считали зазорным консультироваться с ними. Отсюда — своеволие, безразличное отношение к тому, «что хочется» и «что можно», недооценка из-за некомпетентности последствий допущенных промахов и ошибок; стремление договориться любой ценой и как можно быстрее — лишь бы «вписаться в историю».

Воплощением некомпетентности и непрофессионализма наших вождей того времени является отсутствие у них государственной мудрости и гибкости, способности ответственно, целеустремленно и жестко, если хотите, беспощадно защищать интересы

своей страны, не поддаваясь иллюзиям, эмоциям, самолюбованию...

Имели место случаи, когда Э. Шеварднадзе, находясь за рубежом и будучи, видимо, под давлением мысли об «общечеловеческих ценностях», действовал в обход директив по той или иной проблеме. При этом он направлял телеграммы напрямую генсеку и, ссылаясь на необходимость срочного принятия решений, просил утвердить его действия (иначе «история нас на простит»), на что получал согласие.

«Замечательно» поработал Шеварднадзе и при объединении Германии. В то время политики ФРГ были готовы пойти на любые уступки нашей стране, лишь бы она согласилась вывести свои войска. Эксперты считают, что тогда реально было получить за вывод войск 100 миллиардов долларов США и списать все долги СССР. Злые языки утверждают, что за поспешный вывод войск деньги все же были заплачены. Только СССР они не достались.

В.М. Фалин пишет в своей книге «Конфликты в Кремле»: «С содержанием бесед М. Горбачева с западными партнерами, с записями разговоров Э. Шеварднадзе, особенно один на один, «посторонних» не знакомили. Да и затруднительно было знакомить политическое руководство с сентенциями Э. Шеварднадзе, даже облагороженными на бумаге, если он выступал не как делегат Советского Союза, а, по свидетельству и выражению Х.Д. Геншера, «заодно» с представителями стран НАТО. В посторонние попали почти все члены Политбюро, правительства, председатели комитетов парламента».

Как рассказывал Е.И. Чазову А.А. Бессмертных, даже американцы были удивлены позицией Горбачева и Шеварднадзе в германском вопросе. США были готовы подписать соглашение, в котором указывались бы гарантии нераспространения НАТО на Восток и

предусматривалось размещение ограниченного контингента советских войск на территории Восточной Германии.

В начале 1989 года мне сообщили из КГБ, что в МИД поступила дарственная от моего отца в пользу сестры на нашу дачу в поселке Валентиновка. Правда, отец в ней указывал, что я имею право проживать там. Однако я знал — это не имело юридического значения, и я в любой момент могу лишиться дачи, которую нам оставили, как я уже отмечал ранее, благодаря моему предложению КГБ конфисковать деньги с одной из сберкнижек вместо дачи. Мне подсказали написать официальное письмо на имя начальника консульского управления МИДа СССР, в котором указать, что я возражаю против официального заверения дарственной министерством. Через некоторое время я получил отказ на мою просьбу, подписанный начальником управления. Было ясно, что подобное решение не могло быть принято без санкции Шеварднадзе, и оно было продиктовано политическими соображениями, которыми всегда руководствовался министр. Он, как известно, пользовался большой популярностью на Западе, и особенно в США, не хотел ее терять даже по частному, незначительному вопросу. Я снова обратился в КГБ, но мне ответили: «Мы не в силах что-либо сделать. Кто мы по сравнению с тем, кто принял подобное решение?» Я сильно обозлился и перестал просить помощи от этой организации.

Но видимо, они были правы. Когда председатель КГБ В.А. Крючков обратился к М.С. Горбачеву с просьбой расследовать вопрос о возможном сотрудничестве «архитектора» перестройки А.Н. Яковлева с ЦРУ (в КГБ имелась определенная соответствующая информация), то Горбачев, смутившись, предложил Крючкову поговорить об этом с самим Яковлевым. Однако вполне возможно, что серьезного компромата на Яковлева

вообще не существовало. Контрразведчик А.А. Соколов пишет: «С 1989 года в КГБ стала поступать новая информация от надежных источников о связи Яковлева с американскими спецслужбами. В частности, была получена стенограмма, датированная маем 1978 года, беседы посла СССР в Канаде Яковлева с одним из членов канадского правительства, из которой видно, что посол полностью одобрил бегство к американцам в 1978 году заместителя представителя СССР при ООН Аркадия Шевченко». Да, действительно «серьезный компромат». Кстати, отец никогда не был заместителем представителя СССР, а являлся заместителем Генерального секретаря ООН. Свое мнение по поводу того или иного поступка имеет право высказывать любой человек, и это никак не может рассматриваться как сотрудничество со спецслужбами. Интересно, что Ю.В. Андропов не доверял Яковлеву. Как вспоминает Ю.И. Дроздов, Андропов сказал одному из своих помощников: «Яковлев слишком долго пробыл за рубежом, в капиталистической стране, и внутренне переродился». А бывший председатель КГБ В.А. Крючков, который был близок к Андропову, вспоминает, что Андропов в разговоре с ним бросил такую фразу: «Яковлев же просто антисоветчик!» Не случайно он стал членом ЦК КПСС только при М.С. Горбачеве в 1986 году.

Генерал-лейтенант КГБ в отставке Н.С. Леонов вспоминает в своей книге «Крестный путь России»: «Меня, как молния, поразила весть о том, что на наш этаж пришла комиссия в составе О. Калугина, Г. Якунина и группы американцев, которые ищут какие-то документы. Выйдя из кабинета, я действительно увидел вальяжно шествовавших триумфаторов. И сразу предупредил их, что в свой кабинет не пущу и служебную документацию буду защищать в соответствии с уставом. Группа прошествовала мимо». Наверняка не все продемонстрировали столь

мужественную позицию, как Леонов, учитывая, что эта группа действовала с санкции В.В. Бакатина (он сразу получил в КГБ прозвище Баба Катя), назначенного Горбачевым новым председателем КГБ, прославившемся тем, что он выдал американцам (по устному распоряжению Горбачева!) секретные материалы КГБ об установке аппаратуры подслушивания в новом здании посольства США в Москве. Они этого не оценили и не указали на места размещения подслушивающих устройств в нашем посольстве в Вашингтоне. Кроме того, Бакатин выдал американцам сорок дел оперативного наблюдения и учета за западной резидентурой в Москве. Кстати, как пишет бывший начальник Первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка), генерал-лейтенант в отставке Л.В. Шebarшин, О. Калугин был главным тайным советником Бакатина, и последний сопровождал своего бывшего советника во время их частной поездки в США. Как я уже отмечал, в 2002 году Мосгорсуд приговорил Калугина заочно за измену родине так же, как и моего отца, правда, уже не к высшей мере наказания, а к пятнадцати годам лишения свободы. Пути Господни неисповедимы! «Демократы» вообще смертную казнь отменили, даже для серийных убийц, рассчитывая получить подачки от объединенной Европы. Однако даже в США в большинстве штатов эта высшая мера наказания для особо опасных преступников применяется.

Генерал КГБ в отставке В.С. Широнин высказывает предположение о связях Шеварднадзе с ЦРУ. Другой контрразведчик, генерал КГБ в отставке Р.С. Красильников отмечает: «Прозападный, русофобский шлейф протянулся от тех времен к действиям президента Грузии, и не в последнюю очередь к проводимому конъюнктурному сближению с Вашингтоном, в частности приглашению ЦРУ для защиты

собственной персоны. Ничего удивительного в том, что в Лэнгли поспешили создать в Грузии резидентуру ЦРУ». Красильников также подчеркивает, что агент ЦРУ Фредди Вудраф был направлен в 90-х годах в Тбилиси, чтобы помочь Э. Шеварднадзе удержать власть в беспокойной закавказской республике, а заодно организовать разведку с территории Грузии против России. Как справедливо отмечал бывший заместитель Андропова Ф. Бобков, Шеварднадзе, будучи еще на посту министра иностранных дел СССР, вообще избегал разоблачать деятельность ЦРУ и других иностранных разведок против Советского Союза.

Неудивительно, что в марте 2003 года Шеварднадзе одним из первых поддержал агрессию США против Ирака.

В Верховном суде СССР мне сказали, что могут конфисковать паевой взнос дачи, но подтвердили, что в данном случае не было никакой стопроцентной гарантии нашего принятия в члены кооператива, хотя мы и имели на это преимущественное право. Я смирился с решением министерства заверить дарственную отца и не стал рубить «сук, на котором сам сидел». Через несколько месяцев сестра стала членом дачного кооператива. Тогда его председатель Ю.Н. Ефимов сказал ей с юмором: «Ты теперь домовладелица». Мы продолжали вместе жить на даче каждое лето вплоть до августа 1994 года, когда сестра продала ее одному из членов совета директоров ЛогоВАЗа (главой фирмы был Б.А. Березовский). Среди потенциальных покупателей нашей дачи был известный писатель-историк Э. Радзинский. Он приехал осматривать дом и участок на новой иномарке с симпатичной девицей, которая была в два раза моложе его и выше на целую голову. Несколько раз срабатывала сигнализация, установленная на его машине, и писатель проверял, не украли ли его автомобиль. Но видимо, дача не подошла ему или цена показалась слишком высокой.

В 1987 году я опубликовал в издательстве «Наука» свою первую монографию на тему «Международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия». Ответственным редактором был профессор, доктор юридических наук В.И. Менжинский. К сожалению, мне приходилось скрываться под фамилией Осипов Г.А. (фамилия жены Нины) вплоть до 1990 года, когда я наконец восстановил фамилию и отчество. После опубликования книги я уже имел право на получение должности старшего научного сотрудника. В Институте государства и права существовала такая практика: даже после защиты диссертации, чтобы получить эту должность, необходимо было проработать десять лет или опубликовать монографию. Разница в зарплате младшего научного сотрудника, кандидата юридических наук и старшего научного сотрудника, имевшего такую же ученую степень, была существенной. Первый получал 175 рублей, а второй — 300. В 1988 году я стал старшим научным сотрудником.

Однако, несмотря на перестройку, у меня возникали проблемы с опубликованием очередных книг. В то время наш сектор подчинялся заместителю директора института, доктору юридических наук, профессору В.С. Верещетину (Паламарчук дал ему прозвище Веревкин), который впоследствии стал членом Комиссии международного права, сменив Н.А. Ушакова, а затем членом Международного суда ООН. Верещетин учился в МГИМО примерно в то же время, что и мой отец, и был очень осторожным человеком. Он потребовал от меня получения положительного отзыва в МИДе СССР на рукопись моей второй монографии «Международно-правовые проблемы контроля за ограничением вооружений и разоружением». С большим трудом я добился нужного отзыва от заместителя заведующего Отделом международных организаций Р.М. Тимербаева, который ранее защитил на эту тему диссертацию на

соискание ученой степени доктора исторических наук. Уж очень не хотелось ему давать такой отзыв. Тем ценнее было одобрение моей рукописи. Верещетин был доволен. А то вдруг я напишу в своей книге что-нибудь крамольное. Ответственным редактором моей второй книги был заведующий сектором по вопросам атомного права института, заслуженный юрист РСФСР, доктор юридических наук, профессор Абрам Исаакович Иойрыш, которому я очень обязан за многие годы нашего плодотворного сотрудничества. В то же время я столкнулся со сложностями в поисках солидного рецензента моей рукописи. Снова помощь пришла от КГБ СССР. Моим рецензентом стал заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук, профессор Григорий Иосифович Морозов. Он был первым официальным мужем Светланы Аллилуевой, дочери И.В. Сталина. У них родился сын. Сейчас он профессор, доктор медицинских наук. Однако Сталин даже не пожелал познакомиться со своим зятем и недолго любил его за то, что он был евреем. Г.В. Костырченко пишет в своей фундаментальной книге, что Светлана Аллилуева весной 1944 года вышла замуж, не спросив совета у отца, за студента Московского института международных отношений Г.И. Морозова. «Светлана и этот еврейский юноша, ставший впоследствии ученым-юристом, когда-то учились в одной школе. Сталин, как и следовало ожидать, не одобрил этого брака, правда, и не препятствовал ему. Затаив неприязнь к зятю, он отказался от знакомства с ним и, запретив молодым жить вместе с ним в Кремле, предоставил им квартиру в жилом доме Совета министров СССР на Берсеневской набережной». В мае 1947 года они развелись. Однако, как пишет далее Кос-тырченко, официального развода не было. Просто Морозова выставили из квартиры в Доме на набережной, отобрали в милиции паспорт со штампом о регистрации брака и выдали новый, чистый.

В отличие от первой любви Светланы, драматурга А.Я. Каплера, которого выслали на пять лет в Воркуту, Морозова не сослали в лагерь и не посадили в тюрьму. Сталин придумал для него другое наказание: распорядился, чтобы его нигде не брали на работу. Бедняга зарабатывал на жизнь статьями, которые публиковались под псевдонимом. Мой отец писал в своей книге, что Морозову также тайком помогали бывшие сокурсники. После смерти Сталина Морозов стал профессором МГИМО, а затем заведующим отделом элитного Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) Академии наук СССР. Этот институт лишь формально был под эгидой академии, а на самом деле он подчинялся ЦК КПСС и работал в основном на Л.И. Брежнева и Ю.В. Андропова, а затем М.С. Горбачева. Ранее директором института был член ЦК КПСС, академик Н.Н. Иноземцев, а в 1983–1985 годах директором института стал будущий «архитектор» перестройки А.Н. Яковлев.

Когда я обратился в ИМЭМО за отзывом, его директором был уже академик Е.М. Примаков (в 1986 году кандидат в члены ЦК КПСС, а в 1989-м — член ЦК КПСС).

В институте меня встретил полковник К.И. Смирнов, курировавший институт по линии КГБ, с которым была предварительная договоренность из центрального аппарата этого ведомства. А.Н. Яковлев характеризует его как доброжелательного человека, который много сделал для того, чтобы избавить от разных наветов коллектив института. В итоге десятки докторов и кандидатов наук получили разрешения на поездки за рубеж. В лифт вместе с нами вошел директор института Е.М. Примаков. Он, увидев меня в сопровождении чекиста, сразу же поинтересовался, откуда я. Я ответил, что работаю в Институте государства и права, у академика В.Н. Кудрявцева — самого высокого человека

в Академии наук СССР. Примаков удивился и спросил: «В каком смысле?» Я ответил: «Его рост более двух метров». Академик рассмеялся. Затем меня отвели в большой отдельный кабинет Г.И. Морозова, который с кем-то делился сплетнями о Громыко. Я вежливо высказал по этому поводу свои соображения. Безусловно, профессор сразу же догадался, кто я такой. Тем более, что он был знаком с моим отцом. Их познакомил зять Громыко, профессор МГИМО А.С. Пирадов. Через две недели я получил положительный отзыв на мою рукопись, и в 1989 году моя книга «Международно-правовые проблемы контроля за ограничением вооружений и разоружением» вышла в свет в издательстве «Наука». В ИМЭМО мне предложили пойти на лекцию, которую прочитал один из главных советников М.С. Горбачева по экономическим вопросам академик А.Г. Аганбегян. Меня удивил его ответ на вопрос, не может ли СССР пойти по пути Китая в области экономических реформ. Академик коротко ответил: «Нам этот опыт не подходит». Но он не дал вразумительного ответа — почему. Как известно, Китай так и остался коммунистическим государством, не менял идеологии, однако разрешил частное предпринимательство и завалил весь мир своими товарами (правда, не всегда качественными), улучшив благосостояние китайского народа во много раз. Если бы мы пошли тем же путем, то очевидно, что реформы в СССР были бы гораздо менее болезненными для основной массы народа и страной бы не правили «денежные мешки» и проходимцы, а средства от продажи огромных природных ресурсов страны поступали бы в казну, а не в карманы частных лиц, ставших в результате узаконенной беспечной властью воровства миллиардерами и мультимиллионерами в долларах США... А ведь на последнем Пленуме ЦК КПСС в апреле 1991 года в качестве одного из вариантов пути развития страны

предлагался, в частности, китайский образец управления посредством экономических и рыночных инструментов, но с сохранением сильной государственной власти. Но М.С. Горбачев не воспользовался возможностью вывести страну из тупика. Видимо, против было все его «демократическое» окружение.

Н.С. Леонов справедливо отмечает в своей книге «Крестный путь России», что правящие круги, как СССР, так и демократической России, практически делали и делают все для замалчивания китайского опыта. Российская общественность как бы отгорожена от этого. Наши журналисты и политологи с необъяснимым усердием будут копать во всех совершенно не нужных нам деталях американских избирательных кампаний, но упорно воротят нос в сторону от Китая, где нам следовало бы поучиться многому.

Анатолий Громыко пишет, что его отец сказал ему: «Утверждение Горбачева о том, будто перестройка есть революция, легковесно. Оно вводит в заблуждение, и вместо созидания мы опять можем перейти при таком подходе к разрушению. Менять в стране надо многое, но только не общественный строй».

Для работы над книгами мне был необходим доступ к официальным документам ООН и Комитета по разоружению. В библиотеки эти материалы поступали с большим опозданием и в урезанном виде. Поэтому, по моей просьбе, КГБ СССР оформил мне в 1988 году постоянный пропуск в МИД (зеленого цвета, который имел обычно обслуживающий персонал министерства, у дипломатов был красный пропуск с гербом СССР). Там я подбирал материалы для своих книг в Управлении международных организаций, встречая своих бывших сослуживцев. Один раз ко мне пристала как банный лист новая сотрудница спецотдела (старые сотрудники, которые меня знали, никогда бы не проявили такую

«сверхбдительность», а эта, видимо, решила, что я шпион) и потребовала от меня объяснить, как я попал в отдел. Мне ничего не оставалось, как показать ей свой пропуск. В противном случае я должен был показать временный пропуск. Выбора у меня не было. Удивленная, она ретировалась. Однако через несколько дней мне пришлось вернуть данное удостоверение, выданное на один год, сотруднику КГБ. Мне сказали, что я не должен был его показывать.

В 1990 году в издательстве «Наука» вышла в свет моя третья книга «Развивающиеся страны и нераспространение ядерного оружия». В качестве одного из рецензентов выступил мой бывший начальник, пострадавший от Шеварднадзе, посол в отставке В.Л. Израэлян.

Об итогах нового мышления М.С. Горбачева, А.Н. Яковлева и Э.А. Шеварднадзе генерал-лейтенант КГБ в отставке Л.В. Шебаршин написал следующее: «Политика нового мышления дала свои плоды. К Советскому Союзу относятся пренебрежительно, советский МИД больше всего на свете боится обидеть западных партнеров. Упаси бог, как можно протестовать! ЦРУ, СИС, БНД (немецкая разведка. — Г.Ш.) перестают стесняться. наших работников, дипломатов, военных разведчиков, отлавливают и говорят примерно следующее: «Вы молодой и способный человек, но перспективы в Советском Союзе у вас нет. Ваша страна разваливается, жизнь государственного служащего становится все тяжелее, надежды на улучшение положения нет. Вы вернетесь домой и будете вынуждены каждый день думать, где добыть кусок хлеба для своей семьи, а у вас такие милые дети». Все это в еще большей степени применимо и к России.

Бывший последний председатель советского правительства В.С. Павлов справедливо отмечал: «Располагая колоссальными возможностями для

реализации объективных требований рыночной экономики, генсек с большевистским бесстрашием «отменял» экономические законы в угоду своим личным политическим расчетам. В этом и состояла истинная, глубинная драма так называемой горбачевской перестройки. В действительности-то никакой перестройки не было — ее подменили борьбой за власть и бездумным сломом общественно-политической системы, а затем и государства».

Глава 15

УСТАНОВЛЕНИЕ ПЕРВОГО КОНТАКТА С ОТЦОМ

Осенью 1989 года мне позвонил Петр Паламарчук и сказал, что видел книгу отца «Разрыв с Москвой» на русском языке на международной выставке, которая проходила на ВДНХ (сейчас ВВЦ — выставочный центр). Я очень благодарен Пете, к прискорбию друзей, безвременно ушедшему из жизни в сорок два года.

Книга отца впервые вышла в свет на английском языке в феврале 1985 года, то есть за два месяца до начала перестройки М.С. Горбачева. Русское же издание появилось в связи с многочисленными просьбами русскоязычного населения США в июле 1985 года. Перевод был сделан с английского языка эмигрантами из СССР. Отец мне признавался в 1994 году, что, к сожалению, перевод был не совсем удачен, содержал неточности и стилистические погрешности.

Издатель книги на русском языке Илья Левков отмечал, что книга моего отца на английском языке ошеломила всех своей сенсационностью. «Альфред Кнопф» — издательство, выпустившее английский оригинал, — пошло на необычный прием — книгу специально не рекламировали заранее, и она вышла в свет внезапно, на следующий день после выступления отца по американскому телевидению.

Книга была переведена почти на все языки мира. После издания книги в Финляндии отец был приглашен в качестве официального гостя данной страны. Как мне сказали в КГБ, это вызвало официальный протест со стороны МИДа СССР, Финны извинились и заявили, что подобное больше не повторится. Однако у Э.А.

Шеварднадзе через три года была уже другая точка зрения на поступок отца, так как министр дал указание МИДу заверить дарственную Шевченко на дачу в пользу дочери, как я писал ранее. Книга отца была названа газетой «Вашингтон пост» бестселлером номер один в 1985 году. За все издания книги отец получил более одного миллиона долларов США.

В 1988 году я попытался заказать книгу отца через межбиблиотечный обмен с зарубежными библиотеками, но мне отказали, мотивируя это тем, что подобного рода литературу нельзя получать. В том же году одна молодая сотрудница спецфонда библиотеки приняла мой заказ на книгу, признав ее наличие. Однако впоследствии, видимо посоветовавшись с начальством, она ответила, что ошиблась и такой книги вообще нет в библиотеке. Я предлагал представить любые допуски и справки, но мне было отказано. Лондонское издание книги отца было рассекречено и передано в обычный спецфонд библиотеки в начале 1989 года (после ухода на пенсию А.А. Громыко), где я ее впервые прочитал и переписал в общую тетрадь. Кстати, получена книга была уже примерно в середине 1985 года, о чем свидетельствовал штамп о приемке. Однако и в 1989–1990 годах книга вообще не числилась в каталогах спецфонда и была выдана только мне по моему требованию. Я был очень благодарен сотрудникам спецфонда, которые, узнав, что я — сын Шевченко (тогда я был вынужден носить фамилию жены Нины и придуманное мной отчество в честь первого сына), стали ко мне относиться с особым вниманием.

Уже в оригинальном английском тексте отец высоко оценил М.С. Горбачева еще до его прихода к власти и говорил о нем как о человеке, с которым надо связывать будущее нашей страны. Отец встречался и разговаривал с Горбачевым еще в 1977 году, отдыхая с моей мамой в Кисловодске, остановившись в номере, где постоянно

отдыхал А.Н. Косыгин. В этом номере была даже правительственная связь («вертушка»).

Ряд лиц, знавших А.А. Громыко и имеющих высшие дипломатические ранги в СССР, считали правдой почти все, что написано в мемуарах отца, особенно применительно к личности министра иностранных дел и его окружения. Высоко оценена книга и среди некоторых прогрессивно мыслящих, честных и умных офицеров КГБ, фамилии которых я по вполне понятным причинам не могу назвать. Конечно, на Западе мемуары отца вызвали неоднозначную реакцию, но в целом большой интерес, как мне говорил заместитель главы делегации Швеции на Конференции по разоружению Й. Моландер (сейчас он посол и глава делегации), с которым я разговаривал на состоявшейся в апреле 1991 года в Москве Международной конференции экспертов и ученых по запрещению и уничтожению химического оружия. Я помогал В.Л. Израэлю провести эту конференцию и был членом ее оргкомитета.

Может показаться странным, что отец так долго «проталкивал» свою книгу в свет. Впрочем, срок в семь лет для написания довольно объемистых мемуаров в 528 страниц на чужом языке (последний вариант книги отец писал сразу на английском), предназначенных для привередливого, привыкшего к различным рода сенсациям западного читателя, не представлялся слишком большим. Отцу помогла его вторая жена, американка Элейн (он женился на ней в конце декабря 1978 года), которой он и посвятил свою книгу (кстати, она была очень похожа на мою покойную маму). Элейн даже ушла с работы (она была репортером уголовной хроники, а также занималась сделками с недвижимостью) с целью помочь мужу написать книгу на хорошем английском языке.

А проститутка Джуди (КГБ считал, что ЦРУ поймало отца именно на ней. Но отец связался с ней лишь в мае

1978 года), облившая отца грязью и выдавшая его местопребывание КГБ в благодарность за подаренные 40 тысяч долларов США, меньше чем за год настрочила свой роман, правда, с помощью опытной американской журналистки. Начальник службы безопасности МИДа, полковник Второго главного управления КГБ СССР (внутренняя контрразведка) М.И. Курышев с ехидством, радостью и гордостью рассказывал мне, что отец испытывал сложности как с работой, так и с изданием своей книги в США. Издатель русского варианта книги Илья Левков признавался мне, что отец со слезами на глазах почти в два раза сократил свои мемуары. «Не обо всем можно писать даже в США», — говорил Илья. Отец мне рассказывал, что ЦРУ тоже боялось его мемуаров: а вдруг он напишет что-нибудь не то? Кроме того, после опубликования такой сенсационной книги, за которую он получил огромный гонорар, отец становился независимым человеком от спецслужб США.

Книгу отца попытались принизить в 1990 году. Вышла в свет заказная статья в «Совершенно секретно» некого А. Палладина, а ранее опус О. Кедрова (О. Калугина) в «Неделе». В 1990 году я дал ответ на пасквиль генерала КГБ Калугина (в дальнейшем, как я уже отмечал, ставшего также изменником родины) в своем интервью «Аргументам и фактам», а в 1991 году — на письмо журналиста-международника А. Палладина в своей статье в журнале «Совершенно секретно». Интересно, что моя статья должна была выйти в день августовского путча. Естественно, А. Боровик задержал выпуск номера. Во время попытки переворота 1991 года я чувствовал себя не в своей тарелке, ибо по тем временам статья была довольно откровенная и нелицеприятная для КГБ.

В США выходили, по всей видимости, заказные статьи, целью которых было опорочить мемуары отца. Здесь также просматривалась рука всемогущего КГБ. В

книге отца содержались разоблачительные сведения очевидца о действиях высших руководителей нашей страны и довольно точные, до того времени нигде не публиковавшиеся их политические портреты! Следует подчеркнуть, что мемуары отца не являются популярным пособием о КГБ или вообще о деятельности спецслужб. Он никогда не сотрудничал с КГБ и отказался от работы там еще в 1956 году после окончания МГИМО. Подробно о КГБ написали С. Левченко, О. Гордиевский, а в 2002 году А. Литвиненко (уже о ФСБ) и многие другие бывшие чекисты, не желающие скрывать горькую правду о некоторых зловещих сторонах деятельности этой в целом необходимой организации.

В своей книге, как отмечал И. Левков в октябре 2003 года, отец впервые откровенно написал о МИДе, который был своего рода закрытым «английским» клубом. Будучи джентльменами и после ухода на пенсию, дипломаты даже сейчас не пишут всей правды о министерстве и его руководителях. А во времена выхода в свет книги отца истинная информация о МИДе была «за семью печатями».

По моему мнению, книга отца отчасти способствовала тем демократическим изменениям, которые начал М.С. Горбачев, правда, весьма непоследовательно и с большими ошибками. Исследователь мемуаров советских перебежчиков Джей Бергман отмечает, что некоторые мемуары служили оружием в борьбе за свержение советского режима, в частности, целью мемуаров Кравченко, Шевченко, Хохлова, Дерябина, Пирогова, Левченко и Агабекова было достижение освобождения советского народа от тоталитарного режима.

Вот только часть комментариев, опубликованных во влиятельной американской газете «Нью-Йорк таймс» 30 июля 1985 года в связи с девятым изданием книги отца.

«Нет вопроса, что Шевченко имел доступ к значительной информации и его отчет вносит значительный вклад в понимание Западом советской внешней политики» (Дмитрий К. Сайме). «Напряженнейший триллер с кодовыми именами и секретными встречами... удивительный документ» (Кристофер Леманн-Хауп). «Шевченко знает больше о Политбюро, чем кто-либо другой, который пожелал обсуждать такие вопросы перед западной общественностью в постсталинскую эру» (Конор Круиз О' Брайн). «Впервые мы имеем того, кто глубоко описал, как работает советская внешнеполитическая система... Раньше такое никогда не имело места» (сенатор Д. Патрик Мойнихен). Журнал «Тайм мэгезин» писал в феврале 1985 года о книге отца: «Удивительный документ, иногда такой же захватывающий, как шпионский роман... Незабываемое чтение». За десять лет до выхода книги отца этот престижный журнал рекламировал только книги трех политических деятелей: бывшего государственного секретаря США Александра Хэйга, президента США Дж. Картера и бывшего помощника президента по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджера. Влиятельная газета «Кристиан Сайенс монитор» отмечала: «Прочитайте ее... Это более подробный и научный взгляд, чем простой антисоветизм, который обычно высказывают те, кто выступает против коммунистической системы».

В статье американского журналиста Эдварда Эпштейна в журнале «Нью-Рипаблик» от 15 июля 1995 года утверждалось, что Шевченко написал книгу с помощью ЦРУ. Отец ответил на это вздорное обвинение в газете «Вашингтон таймс» от 1 августа 1985 года следующее: «ЦРУ было «последним местом», которое оказало бы мне помощь в данном деле». Агентство всячески препятствовало разоблачению деталей шпионской деятельности моего отца.

Кстати, в своей книге отец впервые признал, что он сотрудничал с ЦРУ. Ранее у КГБ были лишь косвенные доказательства его шпионской деятельности. Естественно, подробностей вербовки Шевченко и его сотрудничества с ЦРУ и ФБР КГБ не знал и выдвигал в этой связи банальные версии, не соответствующие действительности. Нужно же было оправдаться перед Андроповым и другими членами Политбюро ЦК КПСС за гигантский провал! Даже сейчас бывший генерал КГБ О.Д. Калугин, проживающий в США и осужденный заочно в 2002 году за измену родине, заявляет, что грубость резидента КГБ в Нью-Йорке в отношении агента КГБ Шевченко (?!), у которого было сильно развито чувство собственного достоинства, могла сыграть определенную роль в побеге высокопоставленного дипломата. Видимо, Калугин «очень любил» Дроздова и поэтому обвинил его в том, что никоим образом не могло повлиять на решение отца остаться в США. Описывая Дроздова в своей книге как серьезного противника, в отличие от его предшественника Б. Соломатина, отец признается, что сразу же решил держаться от него подальше. «Мускулистый и лысый, с глазами василиска, Юрий Иванович Дроздов был внушительным противником... Он производил впечатление недоброжелательного человека, однако прекрасного работника», — писал отец. Но Шевченко согласился работать на ЦРУ еще до назначения Дроздова резидентом.

Итак, после телефонного разговора с П. Паламарчуком я сразу же поехал на ВДНХ и, отстояв многочасовую очередь (тогда интерес к западным книгам в СССР был огромен), стал искать издательство, которое опубликовало книгу отца. Там я познакомился с главным редактором издательства «Либерти» (по-русски «Свобода») Ильей Левковым и пригласил его к себе домой. Он подарил мне два экземпляра книги отца и обещал передать ему от меня письмо и фотографии

Письмо отцу и наши фотографии Илья отправил дипломатической почтой через посольство США в Москве, так как он боялся их изъятия шереметьевской таможней. Я не сомневаюсь, что о нашей встрече было все известно КГБ, поэтому опасения Левкова были не напрасны.

Много лет, начиная с 1979 года, я очень осторожно (ведь наша семья все время находилась под бдительным оком КГБ) пытался связаться с отцом, обращаясь с соответствующими просьбами к различным западным ученым на международных научных конференциях, которые проходили с участием Института государства и права АН СССР. Но все эти попытки были тщетны.

Только благодаря Пете и Илье я осенью 1989 года установил постоянный контакт с отцом. Мы часто переписывались, и почти каждый месяц я получал от него посылки (он называл их почему-то «передачами», видимо, рассматривал СССР как тюрьму) и деньги.

Одним из первых, кто не побоялся передавать мне деньги и посылки от отца, был Виктор Аксючиц, который дружил и с П. Паламарчуком. Аксючиц впоследствии стал депутатом Государственной думы России. В одну из первых наших встреч в 1989 году он подарил мне литературно-философский журнал русской христианской культуры «Выбор», выходящий под его редакцией. Это был практически самиздатовский журнал, который был отпечатан на пишущей машинке, а затем отдан в переплет. В № 6 за октябрь — декабрь 1988 года были, в частности, опубликованы статья В. Аксючица «Крест и Голгофа Бога и человека», а также статья П. Паламарчука «Александр Солженицын: путеводитель». Кстати, Н.В. Осина, будущая роковая жена отца, являлась секретарем редакции данного журнала.

Однако в дальнейшем, в конце 90-х годов, видимо, судьба Аксючица сложилась не совсем удачно. Мне

рассказал мой бывший сослуживец по Институту государства и права АН СССР А.Г. Днепровский в феврале 2003 года, также друживший с Паламарчуком, что Аксючиц в последние годы работал чуть ли не дворником. В Союзе писателей России, который находился на Комсомольском проспекте, почти напротив православной церкви Святого Николая на Хамовниках, где я крестил в 1989 году сына Аркадия, мне также не сумели дать телефон Аксючица, и один писатель сказал, что встретил как-то Виктора и он был весьма «заросшим». Правда, Аксючиц выступал в программе В.В. Познера «Времена» от 14 декабря 2003 года и выглядел весьма прилично. Там он был представлен в качестве политолога. После этого я позвонил телеведущему с надеждой узнать телефон Виктора. Однако жена Познера, которая подошла к телефону, услышав, по какой проблеме я беспокою Владимира Владимировича, страшно возмутилась, что я посмел обратиться к нему с таким мелким вопросом.

Посылки и деньги от отца мне также часто передавал Михаил Фишгойт, который проживал в Нью-Йорке и встречался с отцом до его последнего брака. Отец не раз отдыхал с ним в своей четырехкомнатной квартире на Виргинских островах, которую его молодая жена Наташа заставила продать, хотя квартира и приносила доход более 15 тысяч долларов США каждый год. Миша рассказывал, что он был очень благодарен моему деду Шевченко Николаю Ивановичу. Как я уже отмечал, мой дед спас во время сталинских репрессий во второй половине 40-х годов мать Фишгойта — Мину Моисеевну. Кстати, в начале 60-х годов она была моей первой учительницей английского языка. В Москве в моей школе этот предмет стали преподавать только с пятого класса.

В конце 1989 года я передал с Фишгойтом отцу письмо от его матери Софьи Ивановны. Последний раз я

был с женой Ниной у нее в гостях в Евпатории летом 1987 года. Мать отца очень жалела сына и думала, что он бедствует в США, «стоит в очереди за благотворительным обедом».

После получения письма от матери отец сразу же прислал мне деньги, которые я отправил бабушке. Она очень ждала письма от сына. Но он долго не решался ей написать, видимо, ему было стыдно и затруднительно откровенно объяснить свой поступок. Однако деньги для матери он пересылал мне несколько раз. Через год после установления моего контакта с отцом его мать умерла на девяностом году жизни, и, как говорили в Евпатории, видимо, не своей смертью. Были охотники на ее отдельную двухкомнатную квартиру в центре города.

Глава 16

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ПАТРИАРХА СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

5 июля 1989 года ушел из жизни самый значительный в истории СССР министр иностранных дел А.А. Громыко, который пробыл на своем посту двадцать восемь лет (1957–1985). Недаром его сравнивают с великим французским дипломатом Талейраном, который сумел удержаться на своей должности министра как при королях, так и во время революции во Франции. Пожалуй, долгий срок пребывания Громыко на службе объясняется не только его деловыми качествами, но и следующим фактом, как вспоминал его переводчик, Чрезвычайный и Полномочный Посланник СССР В.М. Суходрев: «Громыко был льстив по отношению к высшему руководству. Испытывал унижения. Мог приспособиться к любому руководителю». Бывший личный советник Громыко, а затем помощник четырех генеральных секретарей ЦК КПСС А.М. Александров-Агентов отмечает в своих мемуарах, что Громыко был неизменно дисциплинирован и лоялен в отношении своих руководителей. Очевидно, это — одна из важных причин его политического долголетия. Он всегда был крайне осторожен в своих высказываниях и формулировках. Временами это его свойство принимало гипертрофированные формы. Он, например, не позволял своим сотрудникам, занятым обработкой диктовок Н.С. Хрущева, предназначенных для текстов речей или иных документов, менять ни слова из того, что зафиксировала стенографистка, хотя нередко эти фрагменты были в литературном отношении совершенно сырыми, а подчас и не очень грамотными. Такой скрытый подхалимаж

Громыко проявлял, несмотря на то что помощники самого Хрущева считали доработку его текстов делом естественным и необходимым, да и сам вождь против нее не возражал.

О.А. Гриневский подчеркивает в книге «Тайны советской дипломатии», что Громыко был по своей натуре человеком архиосторожным и медлительным, он сторонился решительных поворотов в политике, особенно если решать приходилось ему самому. Всю свою долгую дипломатическую жизнь он руководствовался следующим принципом: не знаешь, что делать, — ничего не делай. Так учил он молодых дипломатов — и по-своему был прав. За ничегонеделание в худшем случае пожурят, а за ошибку голову оторвут.

В.М. Фалин вспоминает в своей книге «Без скидок на обстоятельства», что говорил ему о Громыко министр внешней торговли СССР Н.С. Патоличев: «Знай, Валентин, в правительстве не любят и не уважают твоего Громыко... Карьеры ради... Салтыкова бы Щедрина на него».

Г. Киссинджер однажды назвал Громыко «тяжелым дорожным катком, упрямо движущимся к своей цели».

Как писал мой отец в своей книге «Разрыв с Москвой», многолетний опыт Громыко делал его самым информированным министром иностранных дел в современном мире. В известной степени его политическое долголетие было обусловлено также и тем фактом, что, несмотря на полученное им образование экономиста, он дальновидно избегал заниматься внутренними проблемами государства, ибо знал, что экономические проблемы СССР запущены и почти неразрешимы. Поэтому не один политический деятель сломал на них себе шею. В частности, министр искренне удивлялся на заседаниях Политбюро ЦК КПСС, когда на них отмечалось, что в некоторых городах СССР вообще

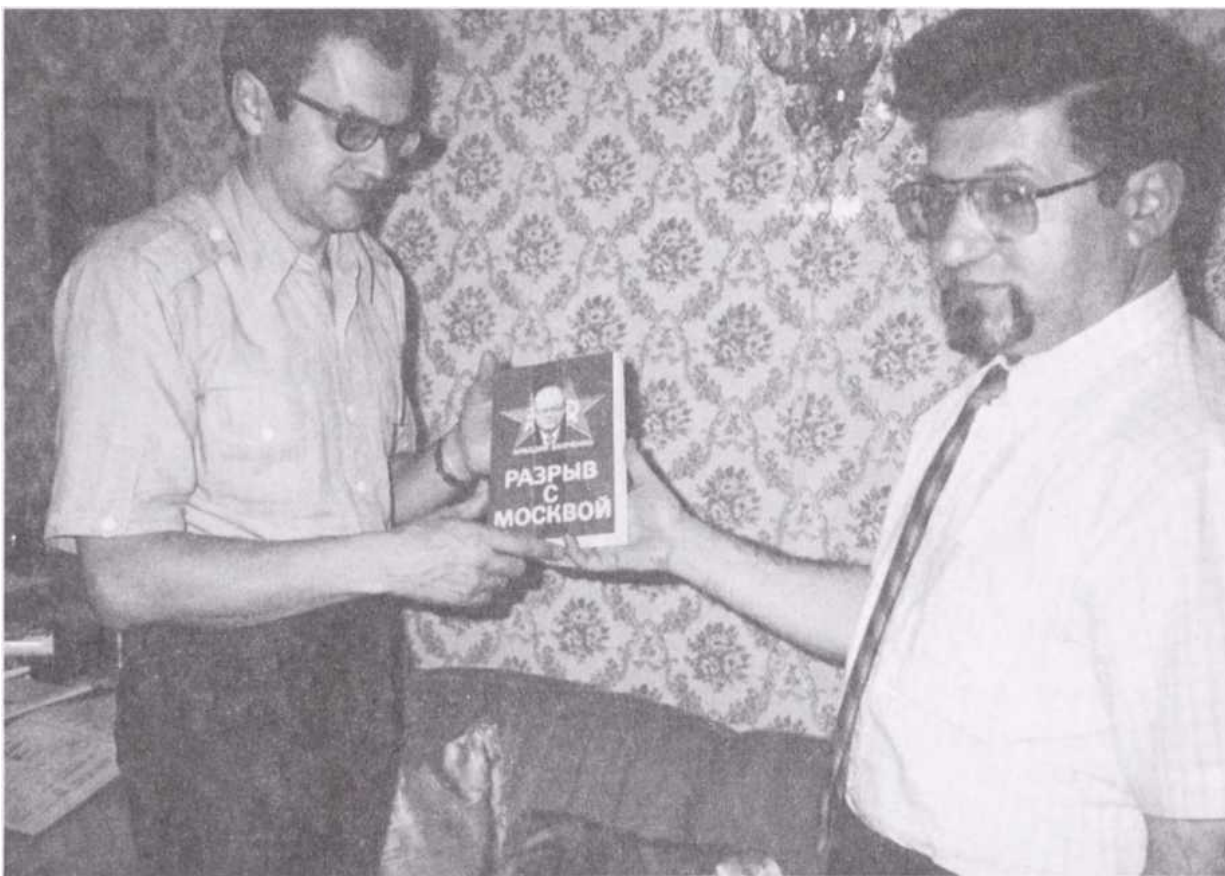
нет в продаже мяса. Незаурядную политическую проницательность продемонстрировал он и в том смысле, что всегда явно старался держаться в стороне от распрей и соперничества, которыми были поражены как партийные, так и бюрократические верхи. Насколько возможно, он стремился выдерживать нейтралитет, чужаясь кремлевских закулисных конфликтов и интриг. Эта черта характера, наряду с привычкой скрупулезно взвешивать соотношение сил в Политбюро, избавила его от участия в схватках, которые, время от времени разыгрываясь среди советского руководства, погубили в профессиональном и чисто физическом смысле так много способных политических деятелей.

Л. Шевченко в квартире в Нью-Йорке. 1977 г.

Новая семья. Геннадий, Нина, Аркадий. 1989 г.

Геннадий Шевченко и издатель Илья Левков. Москва. 1989 г.

О. Эймс (слева), А. Шевченко и сотрудник ЦРУ 1980 г.

А. Шевченко и его куратор от ЦРУ П. Эрнст (справа).
1980 г.

THE WHITE HOUSE
WASHINGTON

February 28, 1986

Dear Arkady:

I am delighted to join all the sponsors of the Jamestown Foundation and the many other well-wishers who are gathered to honor you at the ceremony in which you take the oath of allegiance and become an American citizen.

Your decision to turn away from communism and to seek freedom in America was a move of great courage. It was a sign of the depth of your commitment to live by the truth that is revealed to each one of us in our souls. Some men are willing to forsake the truth in the hopes of achieving power and wealth. That you refused to do so in spite of the

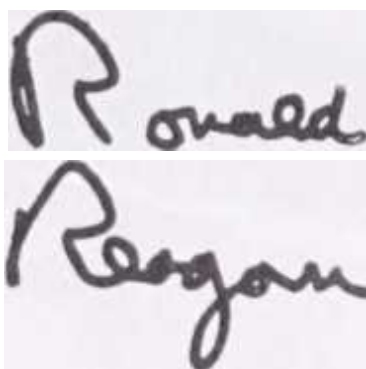
privileges of your position is testimony to your integrity and the power of those ideals by which we try to live here in America.

I know this rite of passage has great meaning for you.

It also carries a message for all your fellow-citizens. It reminds us once again of the meaning of our country and its destiny — that we are to remain as a beacon of hope for those who renounce tyranny and thirst for freedom.

I know I speak for all Americans when I extend to you, fellow-American Arkady Shevchenko, a warm welcome and hearty congratulations. God bless you.

Sincerely

The image shows two separate photographs of the handwritten signature 'Ronald Reagan'. The top photograph shows the name 'Ronald' in a cursive script. The bottom photograph shows the name 'Reagan' in the same cursive script. The two photographs are stacked vertically to form the complete signature.

Mr. Arkady Shevchenko
Washington, D.C.

Поздравление президента США Р. Рейгана в связи с получением А.Н. Шевченко американского гражданства. Вашингтон. 1986 г.

Президент США Р Рейган принимает Л. Шевченко с
Элейн. Вашингтон. 1986 г.

А. Шевченко со своей американской женой Элейн при входе в особняк, купленный с помощью ЦРУ. Вашингтон. 1985 г.

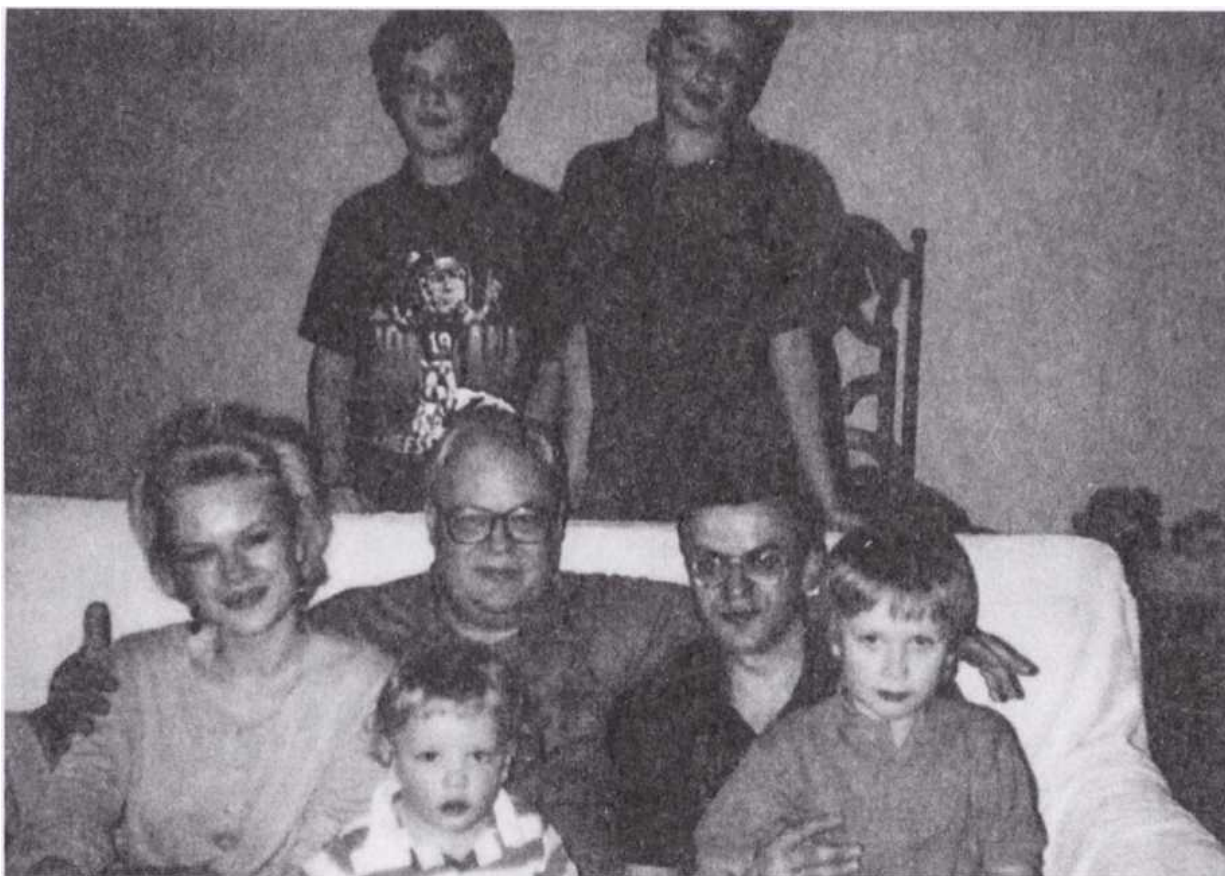
Роковая свадьба А. Шевченко. 1992 г.

Отец В. Потапов с женой Машей в гостях у Анны Шевченко в Москве. 1988 г.

Первая встреча отца и сына после семнадцати лет разлуки. 1994 г.

Аркадий Шевченко с детьми и внуками. 1994 г.

С дочерью и невесткой, 1994 г.

Геннадий Шевченко в здании ООН, рядом с задом заседаний Совета Безопасности. 2003 г.

Слева направо: Д Мейджор — куратор Л. Шевченко от ФБР, ГА. Шевченко, П. Эрнст куратор А. Шевченко от ЦРУ. Александрия (пригород Вашингтона). Центр контршпионажа. 2003 г.

На протяжении своей карьеры Громыко, как проводник чужих идей и полноправный творец внешней политики, всегда отлично знал свое место и представлял свои возможности. Поэтому он был нетерпим к тем, кто, по его мнению, «позволял себе забываться». Осторожность всегда была главной чертой его натуры. То, что вначале было сдержанностью, со временем превратилось в подобие полного самоотречения. Усердие, послушание, упорство — таковы были ключи к успеху, качества, надежно защищавшие его от опасности сделать неверный шаг, очутиться «не на той стороне» во время политических дебатов, особенно в

сталинские времена. В то же время Громыко был не столь беспринципным, как большинство советских руководителей, и, как отмечал мой отец, нельзя было представить, чтобы он в былые времена мог быть причастен к аресту хотя бы одного человека.

Несколько раз мой отец пытался переубедить Громыко по тем вопросам, по которым, как ему казалось, министр сам сумел бы переубедить Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Речь шла о разоружении, об отношениях с тогдашними социалистическими странами, о политике в третьем мире и о том, как разумнее вести себя в ООН. Мой отец заводил эти разговоры на квартире и даче Громыко во Внукове, в его кабинете, где нередко оставался после совещаний. Как только отец, при всей своей осторожности, касался некоей заветной, деликатной сферы, вступал в некую заповедную область, его шеф менялся в лице. Громыко в принципе придерживался лишь своего собственного мнения, а все чужие и тем более противоположные просто пропускал мимо ушей. Но когда он чувствовал, что младший по рангу собеседник заходит слишком далеко и упорствует в своих предложениях, то моментально менял тактику. Начиная кричать, читать нотации. Многие заместители министра и послы выходили из его кабинета в предынфарктном состоянии. А министру весь этот крик был как с гуся вода. Правда, по отношению к тем, кому он симпатизировал, Громыко был отходчив. Говорить же с ним о внутренних советских делах, о каких-либо противоречиях, общественных нуждах и чаяниях было совершенно бесполезно. Он о них слушать не хотел. В вопросах экономики не разбирался вовсе и не интересовался ею, несмотря на ученую степень доктора экономических наук. Что же касалось признаков разложения советского руководства — кумовства,

протекционизма, лицемерия, меркантильности, — то обо всем этом невозможно было и намекнуть.

Каким образом Громыко был назначен в тридцать четыре года послом в США? Бывший министр иностранных дел А.А. Бессмертных рассказывал мне, что И.В. Сталин так «наказывал» США. Другой заместитель Громыко М.С. Капица также считал, что «Сталин «щелкнул по носу» США, назначив туда послом человека, не разбирающегося во внешнеполитических вопросах». Ветераны дипломатической службы, по словам посла в США А.Ф. Добрынина, утверждали, что М.М. Литвинов — до 1939 года нарком иностранных дел, а затем заместитель наркома до 1943 года — дал следующую характеристику Громыко после его поступления на работу в НКВД в 1939 году: «К дипломатической службе не подходит». Добрынин отмечает, что позднее эта характеристика исчезла из архива МИДа. Я пытался по просьбе отца отыскать ее следы в 1995 году, но безуспешно. Отец считал, что эту характеристику уничтожил И.Н. Земсков, бывший много лет начальником Историко-архивного управления, а затем ставший без особых заслуг заместителем Громыко и его особо доверенным лицом. Капица сказал по данному поводу следующее: «Литвинова я, с одной стороны, уважаю, поскольку он был неплохой министр и дипломат, а с другой стороны, это была страшная сволочь — он писал в течение десяти лет доносы на Чичерина. Не исключено, что Литвинов мог дать соответствующую характеристику и Громыко». В.М. Молотов вспоминал в беседах с Ф.И. Чуевым: «Громыко я поставил — тоже очень молодой и неопытный дипломат, но честный. Мы знали, что этот не подведет. Так и пошло дело. А с этим, с Литвиновым, ничего не поделаешь».

Александров-Агентов подчеркивает, что безотказно работающий и компетентный Громыко не перенял от

Сталина гибкости во внешней политике, способности к нестандартным методам и неожиданным поворотам, но зато перенял от Молотова, наряду с тщательностью в работе, и другие, далеко не положительные свойства: склонность к догматизму и формализм, нежелание понимать и учитывать точку зрения и интересы партнера по переговорам.

Как писал мой отец в своей книге, преданность Громыко советской системе была беспредельна и безоговорочна. Да и сам он уже сделался принципиально важной частью этой системы и одной из ее наиболее мощных движущих сил. Он был одновременно и продуктом системы, и одним из ее главных хозяев. Отец вспоминал, что Н.С. Хрущев однажды сказал, что, если он прикажет Громыко «снять штаны, сесть голым задом на лед и просидеть целый месяц, он так и будет сидеть». Александров-Агентов отмечал, что Громыко был готов к сотрудничеству как лояльный исполнитель. Над послушностью своего министра Хрущев (это его весьма устраивало) даже позволял себе не очень деликатно подтрунивать, в том числе и в присутствии иностранцев.

Как подчеркивает В.М. Фалин, в мидовских сферах держался упорный слух, что в ходе одного из своих визитов в США Хрущев предлагал послу А.Ф. Добрынину сменить Громыко на посту министра. Посол сумел уклониться от этой царской милости, что, с одной стороны, определило к нему благоволение министра и с другой — прописало его в Вашингтоне на четверть века. Далее Фалин отмечает, что Громыко боялся Хрущева до неприличия. Когда последний повышал тон, у министра пропадал дар речи. В ответ на тирады главы правительства слышалось дробное «да-да-да», «понял», «будет исполнено». Даже если разговор велся по телефону, лоб министра покрывался испариной, а положив трубку на рычаг, он еще минуту-другую сидел

неподвижно. Его глаза были устремлены в какую-то точку, неизбывная тоска и потерянности наблюдались во всем его облике.

К осени 1964 года Хрущев просто-напросто третировал министра. Видимо, в это время предвзятое отношение к Громыко было уже не только рефлексом на несхожесть темпераментов и менталитета: вынашивались намерения продвинуть в руководители дипломатического ведомства родственника Первого секретаря ЦК КПСС. Останься Хрущев самодержцем на несколько месяцев дольше, пост министра иностранных дел достался бы его зятю А.И. Аджубею, а его предшественника опять отправили бы послом, как при Вышинском. Не случайно во время Карибского кризиса 1962 года Хрущев поручил вести сложные переговоры с американцами не Громыко, а В.В. Кузнецову.

Л. Млечин в своей книге «МИД. Министры иностранных дел. Романтики и циники» пишет: «Рассказывают, будто Хрущева отговаривали делать Громыко министром, отзывались о нем неважно: безынициативный, дубоватый. Но Никита Сергеевич внешней политикой намеревался заниматься сам и отмахнулся от возражений: «Политику определяет ЦК. Да вы на этот пост хоть председателя колхоза назначьте, он такую же линию станет проводить»».

Отец отмечал, что Хрущев не упускал случая подразнить Громыко, постоянно называя сухарем-бюрократом, и говорил своему окружению: «Вы только посмотрите, как молодо выглядит Андрей Андреевич! Ни одного седого волоска. Сразу видно, что он сидит себе в своем уютном закутке и чаек попивает».

Эти выпады не доставляли Громыко ни малейшего удовольствия, но он всегда умудрялся выдавить улыбку.

Кстати, когда Хрущев стучал кулаком, а затем сандалией на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Громыко также отчаянно барабанил по столу. Потом он

стал отрицать этот факт, но иностранные корреспонденты засняли данное действие, и имеются соответствующие фотографии и кинокадры.

Фалин пишет, что люди есть люди. Сотрудникам МИДа приходилось принимать на себя функцию громоотвода, когда уязвленный Громыко искал выход своему раздражению. Разряды, естественно, чаще всего били по тем, кто был рядом. Резко, наотмашь, несправедливо. В результате министр потерял А.М. Александрова-Агентова, затем А.И. Блатова и других достойных людей.

Первым этапом своего выдвижения Громыко был обязан сталинской повальной чистке, которая вымела из всех учреждений, в том числе из МИДа, первое послереволюционное поколение служащих. Он последовательно занимал места тех, кто сделался жертвой массовых расстрелов или был обречен на медленное умирание в концлагерях. Освободившиеся должности в те времена приходилось замещать кем попало, и на фоне многих посредственностей Громыко не мог не выделяться. Он был не просто послушным и дисциплинированным работником, но и вдобавок к этому интеллигентен, образован, сообразителен и трудолюбив. Правда, ему не доставало опыта дипломатической работы.

В 1948 году Громыко был назначен первым заместителем Б.М. Молотова, но в 1952 году министром иностранных дел стал А.Я. Вышинский. Отец вспоминал в своей книге, как этот опытный инквизитор нашел способ подорвать безупречную репутацию своего первого зама. Собственно говоря, Громыко сам вырыл себе яму. Относительно скромный в личной жизни, он тем не менее на сей раз совершил нехарактерный для себя поступок, который можно было расценить как злоупотребление служебным положением. По настоянию жены, Лидии Дмитриевны, он привлек министерских

рабочих к строительству личной дачи и заодно воспользовался фондами стройматериалов, выделенными МИДом. В подмосковном пригороде Внуково для него построили уютный кирпичный дом. Вышинский, узнав о строительстве дачи, добился того, чтобы Громыко вынесли выговор по партийной линии и отправили послом в Лондон. Вместо Громыко первым заместителем Вышинского тогда назначили Я.А. Малика (и не случайно), который был весьма доволен своим назначением и отправкой конкурента в «ссылку» в Лондон.

Отец также воспользовался в 1970 году мидовскими мастерами-краснодеревщиками при ремонте своей квартиры на Фрунзенской набережной. Однако он платил им за работу 10 рублей в час (в те времена это были приличные деньги, ибо в день два мастера получали больше средней месячной зарплаты по стране). Кроме того, отец выплачивал и за материалы двойную цену. В результате ремонт обошелся в 25 тысяч рублей (по тем временам огромная сумма). Кроме того, мастера ухитрились украсть одну коробку с вещами, привезенными из Нью-Йорка (одна из комнат нашей квартиры была ими заставлена до потолка). Однако им не повезло — там были в основном вешалки и хозяйственные вещи.

Во времена Хрущева Громыко принял важное для своей карьеры решение. Он всячески опекал Л.И. Брежнева, занявшего при Хрущеве чисто декоративный пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Многим из окружающих, писал отец, Брежнев представлялся бесцветным, заурядным партийным карьеристом. А Громыко и на этот раз не изменили чутье и удача. Когда Брежнев готовился к встречам с руководителями зарубежных стран и нуждался в помощи, его всякий раз выручал министр иностранных дел.

В целом у Громыко был потрясающий нюх, он всегда безошибочно угадывал завтрашнего победителя в скромном товарище по Политбюро ЦК КПСС.

Александров-Агентов отмечает, что взаимоотношения Громыко с Брежневым с самого начала сложились значительно более благоприятно, чем с его предшественниками. Громыко был с Брежневым, еще до его прихода к руководству, на дружеской ноге. Кроме того, Брежнев, особенно в первые годы, отнюдь не претендовал на роль непререкаемого авторитета во внешней политике, охотно признавал свою неопытность в этой сфере и был всегда внимателен к мнению и советам такого опытного дипломата, как Громыко. Несмотря на различие характеров и темперамента, они чувствовали себя друг с другом хорошо и работали слаженно, хотя Брежнев, как и Хрущев, временами ворчал по поводу излишнего формализма Громыко.

Бывший первый заместитель министра иностранных дел Г.М. Корниенко вспоминал о Громыко следующее: «Меня часто спрашивают, трудно ли было работать с Громыко. Я обычно отвечаю, что нелегко, но добавляю, что по-настоящему трудно было работать с ним двум категориям людей — тугодумам и словоблудам... Он не терпел краснбайства, верхоглядства, приблизительности в анализе того или иного вопроса. Был очень требователен, не прощал недобросовестности, но был справедлив». Интересно, что Громыко боялся прослушивания со стороны КГБ. Корниенко вспоминает, что один раз «Громыко не стал затевать разговор в своем кабинете с многочисленными телефонами, а сделал это в зале заседаний коллегии, оставив там меня после очередного заседания да еще отойдя со мной в дальний конец зала, подальше от председательского стола, на котором тоже стоял один телефонный аппарат». Прослушивания со стороны КГБ в

своей квартире боялась также и жена министра, о чем она рассказывала моей маме.

Как вспоминал М.С. Капица, Громыко был мужественным человеком. Как-то раз на коллегии МИДа он начал синеть, и пот выступил у него на лбу, но он держался. И умер он от сердечной недостаточности. Капица также отмечал: «К старости Громыко даже стал сентиментальным. Поспоришь с ним, он иногда упрется, и я уходил, говоря, что, когда вы отойдете, я к вам приду. На следующее утро он вызывал меня и говорил: «Я вам нагрубил, а Лидия Дмитриевна меня стыдила». Старик сдает, стал сентиментальным».

У Громыко бывали вспышки свирепого начальственного гнева, и вызов в его кабинет вызывал трепет даже у его заместителей. Он не только требовал, чтобы все вызванные в его кабинет являлись сразу, но и считал, что самые невнятные его высказывания должны были восприниматься подчиненными как строгий приказ. Вызов к нему мог означать что угодно. Посетитель никогда не знал, ждет ли его грубое пропесочивание за все грехи сразу или нудный, педантичный допрос, связанный с каким-либо пустячным делом, по прихоти судьбы попавшимся на глаза министру. В МИДе о Громыко рассказывали следующий анекдот. Вызывает министр помощника: «Позовите ко мне Петрова!» — «Это невозможно. Он умер». — «Тогда позовите того, кто его замещает!»

Иногда Громыко пребывал и в хорошем настроении, о чем можно было судить по отпускаемым им неуклюжим шуткам, однако это не скрашивало его скверную репутацию: не зря, видимо, он давным-давно заслужил прозвище Гром. Как подчеркивал отец, одной из его жертв оказался Р.М. Тимербаев, ответственный работник Постоянного представительства СССР при ООН, которому в 1962 году была поручена неблагоприятная задача организации переезда

представительства из старого здания в новое. Громыко осматривал это новое здание осенью, и случилось так, что лифт испортился и министру пришлось просидеть более получаса в кабине, застрявшей между этажами. Когда его освободили из заточения, он заявил, что Тимербаеву придется «найти новую должность — пусть он сидит в вестибюле, — распорядился министр, — и следит за тем, чтобы лифты не останавливались». Беднягу действительно посадили за стол в вестибюле на все время, пока Громыко оставался в Нью-Йорке. Однако министр не забыл этот случай и в последующие годы. Я работал в Отделе международных организаций МИДа СССР с 1975-го по 1979 год, где Тимербаев, кстати, умнейший дипломат и ученый, являлся заместителем начальника отдела посла В.Л. Исраэляна, а фактически его первым замом. Когда Тимербаеву было необходимо поехать во временную заграничную командировку и его документы попадали на подпись к старшему помощнику министра В.Г. Макарову, то тот всегда вычеркивал Тимербаева из списков. Ему удавалось выехать за рубеж, лишь когда была возможность подписать выездные документы у какого-либо из заместителей министра. Только при Э.А. Шеварднадзе Тимербаев получил дипломатический ранг посла.

А.А. Бессмертных в своем интервью мне отмечал, что большая часть мемуаров сотрудников КГБ пропитана ненавистью к МИДу. В частности, И.К. Перетрухин пишет: «Вопреки существовавшей в те времена традиции «беззаветно любить» членов Политбюро ЦК КПСС, у нас, по крайней мере в службе безопасности МИДа, А.А. Громыко более чем не любили, и у него даже была довольно обидная кличка, в которой отразился некоторый перекосяк его лица, а именно — Косорылый. Наше резко отрицательное отношение к нему не было случайностью: работая непосредственно в аппарате министерства, мы располагали более достоверными

данными о его личности и «деятельности» его почтенной супруги, чем наши коллеги на площади Дзержинского».

Во время Карибского кризиса, когда американцам было уже достаточно известно о размещении на Кубе советских ракет средней дальности, что документально подтверждалось многочисленными фотоснимками ее территории, сделанными с самолетов-разведчиков, президент США Джон Кеннеди в личной беседе с Громыко, не ссылаясь на имевшиеся тому подтверждения, прямо спросил его об этом. Министр дал отрицательный ответ, хотя, в отличие от посла в США А.Ф. Добрынина, знал все. Как отмечает Перетрухин, по свидетельству очевидцев, когда Громыко покидал место встречи и беседы с Кеннеди, тот в присутствии своего ближайшего окружения вполголоса произнес: «Лживая тварь!» Именно такая позиция была свидетельством необыкновенной живучести министра как политического деятеля. В 1960 году заместитель министра иностранных дел Я.А. Малик (мой отец считал, что тот был агентом НКВД еще в 30-х годах) проговорился одному из послов социалистических стран о том, что сбитый на территории СССР американский летчик-шпион Пауэрс был жив. Это едва не послужило концом карьеры высокопоставленного дипломата. Ему удалось вымолить прощение у Хрущева буквально на коленях. Громыко знал о данном случае и сделал соответствующие выводы. Естественно, Громыко также не припомнил при Андропове своего подчиненного Шевченко. Откуда министру было известно о том, что фотография в интимной обстановке на его внуковской даче, на которой Громыко и Шевченко поедают шашлыки, а также фотография жены министра и супруги американского шпиона, которые сидели в обнимку на квартире Громыко, попадут на стол председателя КГБ?

Мой отец подчеркивал в своей книге, что Андропова и Громыко не связывали узы личной дружбы, тем не менее их отношения были весьма сердечными. Громыко не любил сотрудников КГБ. Он и особенно его жена всегда относились к органам с известным недоверием и в присутствии офицеров КГБ сразу же как-то настораживались. Но Андропова Громыко считал не просто очередным руководителем КГБ, а тот, в свою очередь, смотрел на Громыко с особым уважением. Отношение Андропова к Громыко как к старшему было особенно заметно потому, что оно являлось необычным в среде советских политических деятелей приблизительно равного положения. Причиной этого, несомненно, следует считать то обстоятельство, что, занимая в свое время дипломатический пост посла, Андропов был подчиненным Громыко. Внешне эта особенность их взаимоотношений проявлялась в том, что председатель КГБ регулярно посещал МИД и надолго уединялся с министром для обстоятельного обмена мнениями. Громыко никогда не наносил ему визита и вообще, в отличие от многих других партийных деятелей, никогда не был в КГБ. Дружеским отношениям Громыко и Андропова немало способствовало и то, что министр усиленно опекал сына председателя КГБ — Игоря, который был послом, а также одно время мужем известной советской актрисы Л. Чурсиной (во время недолгого правления Андропова я как-то увидел рекламную афишу на Фрунзенской набережной, там была указана Л. Чурсина-Андропова). Интересно, что и сын председателя КГБ СССР В. Крюкова также работал в МИДе. Упомянутый Перетрухин пишет: «Между собой сотрудники посмеивались над тем, что наш уважаемый Председатель Ю.В. Андропов (в 50-х годах — посол в Венгрии), видимо, так и не смог преодолеть барьера послушания своему прежнему начальнику — министру иностранных дел А.А. Громыко. А жаль: ведь мы могли

узнать кое-что интересное, а главное — сумели бы путем проведения последующих мероприятий дезинформационного характера обезопасить наши источники информации за рубежом и несколько сгладить размеры нанесенного нашей дипломатии и стране ущерба». Громыко, в частности, был против создания комиссии по выяснению вопроса об утечке секретной информации через разоблаченного контрразведкой в 1977 году сотрудника Управления по планированию внешнеполитических мероприятий МИДа и агента американской разведки Огородника. Министр мотивировал это тем, что работа комиссии получит слишком большую и нежелательную огласку.

Как известно, Огородник на глазах у следователей КГБ покончил жизнь самоубийством при помощи авторучки с ядом. Кстати, капитан КГБ В.В. Молодцов (в дальнейшем он принял участие в событиях, касающихся нашей семьи) чуть было не отравился, когда отвозил Огородника в больницу. Однако Андропов не наказал руководство контрразведки за то, что оно не смогло предотвратить самоубийство американского шпиона, так как он ухаживал за дочерью секретаря ЦК КПСС К.В. Русакова, заведующего отделом по связям с коммунистическими и рабочими партиями, а также, работая в элитном управлении МИДа, мог на судебном процессе слишком много рассказать не только о своих высоких личных связях, но и о порядках в министерстве. Так что его смерть была выгодна руководству СССР.

Правда, после данного случая в МИДе ужесточили правила выдачи секретных документов. И когда мой отец, уже работавший два года на ЦРУ, захотел ознакомиться в спецотделе с шифротелеграммами, ему этого не позволили, так как он не был включен в соответствующий список в Отделе международных организаций. Однако начальник отдела посол В.Л. Израэлян открыл тогда свой сейф и ознакомил Шевченко

с необходимыми ему документами, объяснив шпиону о причинах ужесточения секретности.

Александров-Агентов отмечает, что после ухудшения состояния здоровья Брежнева в начале 80-годов в сотрудничестве с Андроповым и Устиновым Громыко стал почти полновластной фигурой в формировании внешней политики страны. Вносимые им в этой области предложения пользовались непререкаемым авторитетом. И положение монополиста, помноженное на изначальную склонность Громыко к бескомпромиссной жесткости и некоторому догматизму в политике, начало оказывать свое весьма негативное влияние. Тем более, что в новой ситуации Громыко стал особенно ревниво и подозрительно относиться к внешнеполитическим инициативам, исходящим не из его ведомства. На сей почве у него сложились довольно натянутые отношения с секретарями ЦК КПСС и аппаратом ЦК, которые занимались международными делами.

Л.И. Брежнев, который сам очень любил всякие награды и имел их больше, чем кто-либо в истории, не забывал и своего министра иностранных дел. Громыко был дважды Героем Социалистического Труда, имел семь орденов Ленина, ему были присуждены Государственная и Ленинская премии.

А.А. Бессмертных вспоминал, что с Громыко можно было говорить о литературе, истории, искусстве. Он любил также играть в шахматы со своим замом А.Г. Ковалевым. В его кабинете в МИДе был устроен вместительный стеллаж. Один раз он попросил Бессмертных достать книгу Светония «Жизнь двенадцати цезарей». В то время эта книга была весьма дефицитной. Я, в частности, взял ее для своей первой жены Марины в библиотеке и не вернул ее туда, заплатив штраф. Проработав длительное время в секретариате министра, Бессмертных вспоминал, что

докторскую диссертацию за Громыко написал один из сотрудников его секретариата. Как известно, вечный конкурент министра иностранных дел по международным делам секретарь ЦК КПСС Б.Н. Пономарев был академиком. Громыко также хотелось иметь ученую степень. В.М. Фалин подчеркнул, что тщеславие Громыко было видно и невооруженным глазом. М.С. Капица также отмечал, что с Громыко можно было спокойно обсудить служебные дела, но замечаний, высказанных в присутствии третьих лиц или публично, он не терпел.

Громыко свободно говорил по-английски. Почти ежедневно к нему домой поступали газета «Нью-Йорк таймс», журнал «Тайм» и другие западные периодические издания. Иногда он охотно проглядывал рассказы в картинках и политические карикатуры, помещаемые в прессе. Любил он также читать материалы из исторических архивов, был поклонником князя Александра Горчакова — выдающегося дипломата XIX века. У себя в квартире министр с удовольствием смотрел кинофильмы. Будучи в США, он часто посещал просмотры советских картин в здании нашего представительства в Нью-Йорке, а в загородном замке в Гленкове его свита всегда старалась держать под рукой копию еще довоенной кинокартины «Пиковая дама». Это был один из его любимых фильмов — он смотрел его по крайней мере десятков раз. Еще нравилась ему голливудская лента «Унесенные ветром», которую он также видел много раз. Однако знаменитый фильм «Крестный отец» о сицилийской мафии оставил Громыко совершенно равнодушным. Тем не менее его пониманию США (да и СССР) доставало чего-то существенного. За пределами его политического кругозора оставался фактор, именуемый «простым народом». В США Громыко не видел ничего, кроме официальных зданий, где работал и отдыхал. Если он выходил на прогулку, то

лишь в пределах огороженной территории резиденции в Гленкове.

Немалое внимание уделял Громыко своему гардеробу. Он носил элегантные костюмы из дорогих заграничных материалов, сшитых на заказ в мидовском ателье. Мои родители поставляли такие отрезы для него из Нью-Йорка в изобилии. Правда, вкусы министра можно было бы назвать дремуче-консервативными. Из-за личного пристрастия Громыко к старомодным шляпам моему отцу однажды пришлось потерять массу времени и порядком потрепать себе нервы в конце 60-х годов. Одну свою шляпу министр купил когда-то, в незапамятные времена, и она уже имела весьма потрепанный вид. В очередное посещение министром Нью-Йорка его помощники обрыскали весь город, ища ей замену, но вернулись ни с чем. Громыко настаивал, чтобы ему купили абсолютно такую же шляпу, как и его старая. Один американский продавец, посмотрев на нее, сказал, что видел подобную шляпу лет пятьдесят назад. Лидия Дмитриевна Громыко решила поручить это нелегкое дело моему отцу: «Аркадий Николаевич, вы знаете Нью-Йорк лучше всех нас. Может быть, вам с вашими связями удастся достать для Андрея Андреевича точно такую же шляпу?»

Отец вспоминает в своей книге, что легче было бы, наверное, разыскать редкую почтовую марку или какое-либо уникальное антикварное изделие. Он буквально прочесал вдвоем с приятелем-американцем весь Манхэттен, обойдя десятки магазинов — от Орчард-стрит до верхней части города, — пока они наконец не разыскали нужную шляпу в пыльной кладовой какого-то магазинчика.

За границей Громыко называли мистер «Нет». Однако это было не совсем справедливо, так как ему приходилось часто говорить «нет» в ООН во времена «холодной войны», когда США, используя следовавшее

за ними большинство, навязывали СССР неугодные решения. Кроме того, представители США в ООН гораздо чаще, чем Громыко, говорили «нет», ибо отвергали почти все выдвигавшиеся предложения СССР по различным вопросам. Часто утверждали, что Громыко никогда не улыбался. И это неправда. Он часто улыбался, но как-то застенчиво. В.М. Фалин сравнивал улыбку министра с улыбкой Моны Лизы. Любил шутки к месту и короткие анекдоты. Как-то во время разговора с Фам Ван Донгом, премьер-министром Вьетнама, он предложил сделать паузу и спросил: «Знаете ли вы, что такое обмен мнениями? — и, коварно смотря на Капицу, ответил: — Это когда товарищ Капица приходит ко мне со своим мнением, а уходит с моим», — и захохотал. Капица всегда был немного задирист, хотя всячески старался избавиться от этого свойства характера. Он заметил, что бывает и наоборот. «Но это редко!» — парировал министр.

О.А. Гриневский отметил, что Громыко, будучи глубоко образованным человеком, тщательно скрывал свои знания от коллег по Политбюро ЦК КПСС.

Отец писал, что как дипломат Громыко почти не знал себе равных. Он всегда тщательно готовился к дискуссии, легко и безжалостно теснил своих оппонентов, заставляя их переходить к обороне, — даже в тех случаях, когда позиция СССР была далеко не бесспорна. С не меньшим успехом он умел действовать и в тех ситуациях, где ему приходилось становиться любезным и уступчивым партнером. Он мастерски подчеркивал выгодные ему детали, умело и незаметно выторговывая у противника существенные уступки в обмен на незначительные, так что, когда тот осознавал, что произошло, оказывалось уже поздно. Он был неплохим актером, без труда скрывавшим свое настроение и подлинные намерения. Как правило, министр держался серьезно и собранно, но иногда давал

волю гневу, то ли действительному, то ли нарочитому. Порой он был флегматичен и загадочен, точно сфинкс, порой подшучивал над окружающими и веселился, хотя по большей части шутки и остроты получались у него несколько тяжеловесными. Мой отец вспоминал, как Громыко в начале тура переговоров внезапно делал уступки в вопросах, которые СССР намечал отстаивать изо всех сил, но не меньше озадачивали и такие моменты, когда он вдруг с невероятным упорством начинал цепляться за пункты, заведомо не представлявшие для СССР ценности, и, более того, такие, по которым Политбюро уже заранее разрешило уступить. Громыко так давно начал работать на дипломатическом поприще, что у него выработалось впечатление, что нынешние его партнеры с их позициями уйдут в забвение, в небытие, а он по-прежнему будет неумоимо продолжать свою деятельность. Он считал, что Советский Союз превосходил в дипломатии США, имея в виду частые перемены американского персонала на важных дипломатических постах и делегатов на ответственных переговорах. Дипломаты МИДа очень веселились всякий раз, когда новая компания дилетантов и политиков-любителей, назначенных новым президентом США, наводняли Государственный департамент США.

О.А. Гриневский вспоминает, что Громыко поучал своих дипломатов: «Если у вас есть запасная позиция — держите ее до самой последней минуты: пусть ваш визави выложит все, что у него есть, на стол. И только когда он рассердится и встанет из-за стола, чтобы уйти с переговоров, сделайте свою уступку. А еще лучше — дайте ему уйти: пусть немного поостынет и, может быть, одумается. Не так-то легко уйти с переговоров и взять на себя ответственность за их срыв. Если же нет — пошлите кого-нибудь из своих советников: пусть он намекнет, что есть-де у вас запасная позиция в кармане.

А когда этот визави вернется, сделайте удивленный вид: мол, это недоразумение — вы не так поняли моего советника. И начинайте все сначала».

Несмотря на неоднократные приглашения посетить ту или иную страну Африки, Громыко ни разу там не побывал. Если не считать Кубы, не был он и в странах Латинской Америки. Китай его интересовал преимущественно в плане тройственных отношений Москва — Вашингтон — Пекин. Министр говорил моему отцу в этой связи следующее: «Зачем мне туда ехать? Что я собираюсь с ними обсуждать? Нигерия (или любая подобная страна, в том числе арабская) не относится к числу великих держав, как Соединенные Штаты».

В.М. Суходрев, проработавший с министром двадцать девять лет отмечает, что Громыко, безусловно, был незаурядным человеком. Достаточно сказать, что на протяжении многих лет он, выступая, не пользовался шпаргалками, а тем более чужими текстами. Если, конечно, речь не шла об официально утвержденных директивах. Он мог вести беседу часами, не упуская ни одного нюанса или детали. Память у министра была феноменальная. Подобной незаурядной памятью обладал также Г. Киссинджер — помощник президента США по вопросам национальной безопасности и партнер советского министра по многим переговорам. Громыко писал неизменным синим карандашом фабрики «Сакко и Банцет-ти». Во всех случаях он пользовался исключительно им. Эту привычку он перенял от И.Б. Сталина, которому Громыко был обязан началом своей дипломатической карьеры. Характерно, что министр никогда не писал на документах, которые требуют его решения, традиционных резолюций типа «Согласен» или «Отказать». Если он с предложением, содержащимся в документе, не соглашался, он просто перекладывал его в нетронутым виде в папку отработанных бумаг. А если соглашался, то своим синим карандашом писал две

буквы: «АГ». Дипломаты говорили: «Агакнул». Сие означало, что бумага подлежала немедленному исполнению.

Мой отец подчеркивал, что работать с Громыко было адски тяжело. Угодить ему было чрезвычайно трудно, а настроение его менялось так же непредсказуемо, как это бывало у Н.С. Хрущева. Никто не знал точно, чего. Громыко хочет в каждый конкретный момент, потому что он всегда хотел большего, чем говорил. В окружении он не выносил' нерешительности и не любил людей, которые были не способны четко и не задумываясь отвечать на его вопросы, и не желал признавать того факта, что иногда бывает почти невозможно сразу найти однозначный ответ.

Б.М. Фалин отмечал, что самой неблагодарной обязанностью оставалось участие в подготовке текстов выступлений самого министра и некоторых членов политического руководства. Например, речь Громыко на XXIII съезде КПСС писалась в семнадцати вариантах. В конце министр вернулся к четвертой редакции. Громыко превратил свою жизнь в сплошное бурлачество. Иногда от зари до часу-двух ночи он читал, писал, правил тексты. Когда кипа бумаг иссякала, он выпивал залпом стакан крепчайшего чая и засыпал мертвецким сном, чтобы наутро все повторилось заново. Заместителям он доверял мелочи и не терпел, если даже его первый заместитель В.В. Кузнецов неосторожно произносил слово от «имени МИДа». Немедленно раздавался окрик: заместитель может говорить от имени министерства только по поручению министра в каждом конкретном случае.

Об усидчивости и терпении министра с юмором пишет Н.С. Леонов в своей книге «Лихолетье»: «Громыко лучше других умел терпеливо высидывать долгие бдения: до обеденного перерыва он держал левую

ладонь на правой руке на столе, а после обеда наоборот».

А после того как Громыко упал в обморок во время одной из сессий Генеральной Ассамблеи ООН в середине 70-х годов, Л.И. Брежнев распорядился, чтобы министр иностранных дел и другие руководители Советского государства отдыхали два раза в год. Между прочим, как отмечал Суходрев, когда он спросил личного врача Громыко о причинах обморока, тот сказал, что виной тому был элементарный перегрев. В сентябре в Нью-Йорке бывает более 30 градусов тепла, а министр даже в такую жару носил белые кальсоны. Причем то же самое было однажды и в Индонезии, где жара была 35–40 градусов. Суходрев тогда увидел у Громыко под слегка задравшейся штаниной из-под тонких черных носков совершенно явно просвечивающиеся белые кальсоны. Так что чеховский типаж «человека в футляре» встречается и в современной жизни!

При советской власти, в том числе и при Громыко, вклад даже выдающихся дипломатов в решении внешнеполитических вопросов намеренно принижался.

Посол СССР в Лондоне в отставке, бывший ректор Дипломатической академии, профессор В.И. Попов отмечает, что уровень дипломатии определялся не способностью наших дипломатов, а «общественно-политическим строем и талантами руководителей страны». При этом опирались на известную ленинскую формулу о том, что даже мелкие ходы советская дипломатия делает только с ведома Политбюро ЦК КПСС, и, расширяя этот тезис, отводили дипломатам роль простых исполнителей. У руководства МИДа СССР отмечалась какая-то боязнь показать роль советских дипломатов в проведении внешней политики страны. Даже такой умный и опытный дипломат, как А.А. Громыко, хорошо понимавший роль дипломатов в осуществлении политики страны и с уважением

относившийся к бывалым дипломатическим работникам министерства, не избежал этого поветрия. Попову довелось присутствовать при разборе Громыко некоторых глав «Истории дипломатии». Главные замечания министра касались «персонификации дипломатии». «Ну что у вас на каждом шагу то Чичерин, то Литвинов, то послы Майский, Красин и Боровский, то другие дипломаты? — говорил Громыко. — Они были простыми исполнителями, настоящая дипломатия делалась в Политбюро, а послы действовали в соответствии с данными им инструкциями». И Громыко потребовал эти фамилии снять. Более того, Попов сделал в Дипломатической академии небольшую портретную галерею наиболее видных советских дипломатов, в частности Чичерина, Литвинова, послов Красина и Воровского. Однако помощник Громыко, обратив внимание на эту галерею, распорядился ее снять и заменить стендом с фотографиями членов Политбюро.

А.А. Бессмертных вспоминал, что в конце своей жизни Громыко был глубоко разочарованным человеком. Эти люди привыкли быть до конца своих дней на посту. Как отмечает Е.И. Чазов, Громыко угасал на его глазах. У него развилась большая аневризма брюшного отдела аорты, по поводу лечения которой разгорелись жаркие споры. Часть консилиума, в частности заведующий хирургическим отделением кардиоцентра Р. Акчурина (в дальнейшем он сделает Б. Ельцину успешную операцию на сердце), настаивала на операции, однако многие врачи считали, что Громыко ее не перенесет. Возобладало мнение большинства. К сожалению, вскоре у Громыко развилось расслоение аорты с последующим разрывом. 2 июля 1989 года патриарха советской дипломатии не стало.

Тяготы советской жизни прошли мимо него. Он всю жизнь провел в своем кабинете и поездках за границу.

Его дочь Эмилия говорила, что нога отца не ступала по улицам Москвы много лет. Продолжительность его пребывания на посту министра иностранных дел сама по себе говорит о его выдающихся способностях.

Когда он умер, была создана комиссия по похоронам. Бессмертных — единственный из выступавших — положительно говорил о Громыко и оценил его высоко: талантливый человек, но продукт своей эпохи. Он не мог, по мнению Бессмертных, быть министром иностранных дел в период перестройки М.С. Горбачева. Александров-Агентов также подчеркнул, что уход Громыко в июле 1985 года был логичным и исторически неизбежным. Ему было трудно приспособиться к новым установкам и подходам к проблемам внешней политики. Слишком давил на него груз прошлых лет, их психология, стиль и традиции.

Комиссию по похоронам возглавлял член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР В.И. Воротников. Он осмелился зачитать только биографию покойного министра и ничего больше. Как рассказал мне Бессмертных, далее на похоронах на Новодевичьем кладбище среди близких родственников Громыко разгорелся спор, кто будет платить за памятник, военные почести и салют. Сын Громыко, друг моего отца еще по МГИМО, пишет, что его мать попросила М.С. Горбачева похоронить Громыко на Новодевичьем кладбище, а не у Кремлевской стены. Однако в то время там уже никого не хоронили. Я вспоминаю, как ближайшие родственники Громыко сердечно благодарили советские власти в центральной прессе того времени за то, что его похоронили на Новодевичьем. Можно вполне допустить, учитывая характер Генерального секретаря ЦК КПСС, что бывшего патриарха советской дипломатии могли не похоронить даже и на этом престижном кладбище. Как показал период его правления, М.С. Горбачеву было неизвестно

такое чувство, как благодарность, как, впрочем, и Б.Н. Ельцину.

Сын Громыко пишет в своей книге, что его отец старался сохранять лояльность Горбачеву, был противником фракционности в партии, ни разу не критиковал генсека публично, но в душе в нем разочаровался и сильно от этого страдал. «Не говори мне больше об этом человеке», — сказал патриарх советской дипломатии своему сыну.

Громыко был человеком-историей, единственным из членов Политбюро ЦК КПСС, занимавшим ответственный пост еще при И.В. Сталине и оставшимся «в верхах» при всех последующих вождях вплоть до М.С. Горбачева. Громыко принимал участие в исторических Ялтинской и Потсдамской конференциях, был в 1944 году руководителем советской делегации на конференции в Думбартон-Оксе (на ней были подготовлены предложения, которые легли в основу Устава ООН), а в дальнейшем, после отъезда В.М. Молотова, возглавил также делегацию СССР на конференции, принявшей Устав ООН. Как один из основателей этой организации, Громыко в 1946 году был назначен первым представителем Советского Союза в Совете Безопасности ООН. Он имел дело со многими президентами США, начиная с Франклина Рузвельта и кончая Р. Рейганом.

Хотелось бы присоединиться к мнению Александрова-Агентова, что в целом во время своей многолетней деятельности на поприще внешней политики Громыко, безусловно, способствовал созданию солидных основ (например в области советско-американских отношений, разоруженческих проблем, европейской безопасности), опираясь на которые можно было перейти к проведению нового, более творческого и эффективного внешнеполитического курса. Но он же создал (или укрепил) за эти годы в сфере внешней

политики немало стереотипов и барьеров, которые надо было преодолевать, устранять, чтобы сделать возможной новую политику.

А. Ф. Добрынин отметил, что, когда новые события и быстрые преобразования в мире потребовали иного подхода к внешней политике страны, Громыко продолжал оперировать старыми категориями и незаметно для себя стал тормозом в деятельности советской дипломатии, которой руководил столько лет. «Под конец он сам почувствовал это и внутренне переживал, но переделать себя уже не мог. В этом была личная трагедия Громыко, крупного политического деятеля советского периода».

В. М. Суходрев подчеркнул, что к концу эпохи Брежнева, и особенно при Горбачеве, стало заметно, что Громыко начал выдыхаться. У него уже не было сил держать в узде весь огромный и разветвленный аппарат МИДа. И наверное, останься он министром после 1985 года, Громыко не смог бы уже полноценно продолжать свою деятельность. Просто физических сил у него уже не было. Да и психологической готовности воспринимать перемены, когда «главный противник» чуть ли не в одночасье превратился в союзника, тоже не было. Он вряд ли смог бы так быстро превратить наши отношения из антагонистических в партнерские. С другой стороны, по мнению Суходрева, к которому хотелось бы присоединиться, Громыко постарался бы получить официальные заверения, в которых четко, на основании международного права, была бы обеспечена надежная безопасность нашей страны.

Громыко никогда бы не действовал так поспешно и необдуманно, как Горбачев и Шеварднадзе, которые стремились достигнуть договоренностей любой ценой. И кто знает, может быть, если бы генсеком в 1985 году стал Громыко, то развал СССР не был бы таким стремительным и болезненным для подавляющего

большинства советских людей. Однако история не знает сослагательных наклонений.

За две недели до смерти Громыко закончил работу над своими мемуарами, которые вышли в свет в 1990 году. Они были изданы в двух томах (более тысячи страниц, тиражом в 100 тысяч экземпляров). Мемуары министра говорят о большой начитанности, эрудиции автора, о его интересных встречах с известными политиками, деятелями культуры. Однако обидно, что Громыко не захотел откровенно рассказать обо всем, что он знал, а знал он очень много, о том, как делалась внешняя политика в СССР на протяжении десятилетий, когда он был министром иностранных дел. Откровенность не была принята при советской власти. Говорят, что министр сказал следующее в отношении своих воспоминаний: «Если бы я написал всю правду в своих мемуарах, то мир бы перевернулся!» В этом не вина, а беда самого крупного дипломата Советского Союза. Громыко, в частности, дает довольно подробный и интересный портрет И.В. Сталина, которому он явно симпатизировал, но осуждал репрессии. И это неудивительно, ибо именно великий диктатор открыл ему дорогу в увлекательный дипломатический мир. Вышинского, который едва не прервал карьеру Громыко, последний назвал «мерзким по натуре». Хрущеву, третировавшему и издевавшемуся над своим министром, Громыко уделил несколько страниц своих мемуаров — в десятки раз меньше, чем Сталину, культ личности которого Хрущев разоблачил. Громыко восторженно пишет о Чичерине, а Литвинову, который дал убийственную характеристику Громыко как дипломату, посвятил полстраницы, где проскальзывает пренебрежительное отношение к этому выдающемуся дипломату. Как отмечает Л. Млечин, предложение отметить память Литвинова (уже при Горбачеве) Громыко просто потрясло: «Как вообще можно

предлагать такое? Его ЦК освободил от Наркоминдела. Вы что, не знаете об этом? И за что? За несогласие с линией партии!»

Самое удивительное, что о Горбачеве Громыко пишет в своей книге весьма положительно, порой даже восторженно. Хотя в беседах со своим сыном, как отмечалось ранее, Громыко был весьма недоволен генсеком. Однако написать об этом у патриарха советской дипломатии не хватило духа. Он до самой смерти остался верен своим принципам. Между тем заканчивался 1988 год — время расцвета гласности при пустых полках в магазинах. Но бывший министр, конечно, ничего не замечал — еду ему приносили домой в специальных запечатанных канистрах. Он жил как улитка в своей скорлупе, более трех десятилетий никогда не появлялся на улицах Москвы, не заходил в магазины, музеи, аптеки, не говоря уже о ресторанах, не встречался с людьми, за исключением узкого круга правящей элиты и избранных сотрудников МИДа.

Глава 17

А БЫЛ ЛИ ПУТЧ В 1991 ГОДУ?

19 августа 1991 года. По Комсомольскому проспекту, правительственной трассе, идут танки. Все программы телевидения показывают классический балет «Лебединое озеро».

Я вспомнил, как 25 мая 1972 года, в день моего двадцатилетия, старший помощник А.А. Громыко В.Г. Макаров предложил нам с мамой два билета на этот балет в Большой театр. В то время США бомбардировали Вьетнам, и на Политбюро ЦК КПСС решали вопрос, приглашать ли президента США Р. Никсона в СССР. Но политические соображения тогда возобладали над классовыми, и президент США приехал в Москву. В журнале «Новое время» тогда вышла специальная теоретическая статья первого заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС В.В. Загладина, в которой утверждалось, что подобный визит даже выгоден всем социалистическим странам, в том числе и Вьетнаму, и не противоречит принципу социалистического интернационализма.

В Большом театре мы с мамой сидели в седьмом ряду партера, а 80 процентов всех остальных мест занимали сотрудники КГБ СССР. В правительственной ложе находились президент США Никсон и, по-моему, если я не ошибаюсь, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев со своей дородной супругой, которая была в белом платье. Мама, единственная из всего зала, помахала Никсону рукой перед спектаклем. Кагэбэшники смотрели на нее весьма удивленно. Кроме того, после окончания спектакля мы с мамой ухитрились подойти к президенту США с его свитой на расстояние 2-3 метров и поприветствовать его.

Теперь же этот балет, передаваемый по всем программам телевидения, стал символом «зловредного» ГКЧП.

В нашем районе работало коммерческое кабельное телевидение «Хамовники», и я имел возможность видеть по американскому спутниковому каналу Си-эн-эн реакцию всего мира на августовские события 1991 года. Отец каждый день звонил мне и моей сестре по телефону из Вашингтона и очень беспокоился за нашу судьбу. Я тогда искренне радовался победе Б.Н. Ельцина. После событий 1991 года отец стал присылать нам с сестрой в качестве материальной помощи доллары, а не рубли. До этого присылать иностранную валюту было опасно.

Генерал-лейтенант КГБ в отставке Л.В. Шебаршин, которого председатель КГБ СССР В. Крючков не привлек к подготовке ГКЧП (?), отмечает: «Судя по всему, предусматривалось, что создание ГКЧП будет чисто политическим мероприятием, не требующим применения силы. Из этого, естественно, следует вывод, что у инициаторов ГКЧП были договоренности или по меньшей мере понимание с гораздо более широким кругом политиков, чем это пытаются представлять сейчас». А вот танки на улице, по мнению главного разведчика, — результат чьей-то глупости, излишней и вредной перестраховки. Далее Шебаршин задает вопросы, на которые не может ответить ни в положительном, ни в отрицательном смысле, в частности: «Неужели президент знал о планах «заговорщиков»? Можно ли верить слухам, что он одобрил их в своей обычной неопределенной манере?..»

В 1992 году я занимался в Институте государства и права проблемой коллективных миротворческих сил СНГ. Как-то я пришел к генерал-лейтенанту, секретарю Совета министров обороны СНГ Л.Г. Ивашову (в дальнейшем он стал генерал-полковником, начальником

Управления Министерства обороны РФ), чтобы пригласить его на конференцию по данному вопросу, которая должна была состояться в нашем институте. Мы разговорились, и, в частности, был затронут вопрос о путче 1991 года. Генерал, который является честнейшим человеком, не боявшимся сказать правду, даже самую горькую, в глаза, положительно ответил на вышеуказанные вопросы Шебаршина. Причем Ивашов ссылаясь на сведения, полученные им в высших кругах Министерства обороны. Следует также подчеркнуть, что еще за два месяца до путча до Горбачева была доведена информация о попытке его смещения Крючковым, Павловым, Язовым и Лукьяновым. Однако президент проигнорировал эти сведения. У Горбачева, как стало сейчас достоверно известно, была возможность позвонить по телефону из «своего заточения» и взять под контроль происходящие события, однако, видимо, у него не хватило духу, а возможно, он выжидал — кто победит?

В.М. Фалин отмечает в своей книге «Без скидок на обстоятельства», что обвиняемые по делу ГКЧП утверждали: «До 18 августа Генеральный секретарь сотрудничал с путчистами, и лишь в самый последний момент он свернул на обочину». Генерал КГБ в отставке Р.С. Красильников также подчеркивает, что, по многочисленным свидетельствам, Горбачев до отъезда на отдых в Крым дал поручение Министерству обороны, КГБ и МВД проанализировать обстановку, посмотреть, в каком направлении может развиваться ситуация в стране, и готовить меры, а если придется, пойти на чрезвычайное положение. Прибывшей в Форос делегации от ГКЧП он заявил: «Черт с вами, действуйте!» Причем генсек не дал четкого ответа о необходимости ввести чрезвычайное положение. Это было вполне в духе многих его заявлений и действий.

А.П. Судоплатов отмечает в своей книге «Тайная жизнь генерала Судоплатова», что в 1990 году его отец узнал от высокопоставленного сотрудника КГБ, что Горбачев недоволен тем, что процесс демократизации выходит из-под контроля. Осенью этого года КГБ и вооруженные силы получили приказ подготовить план введения военного положения. В то же время вдвое увеличили жалование всем военнослужащим.

Хорошо обученным, натренированным и не знающим жалости спецподразделениям КГБ не представляло никакого труда захватить здание Верховного Совета, даже если бы его защищало вдесятеро больше сторонников демократии. Видимо, здесь речь шла не о дилетантизме или глупости путчистов, а об исполнении продуманного плана. переворот был скорее спектаклем, чем серьезной попыткой захватить власть в стране.

Интересно, что президент Франции Ф. Миттеран 19 августа публично фактически принял переворот как свершившийся факт, а США сначала не понимали, что происходит в СССР, и недоумевали, почему демократическая оппозиция остается в стране и даже в Москве не арестована.

В то же время министр иностранных дел РСФСР А.В. Козырев, который тогда находился в Париже, боялся быть арестованным. Интересно, кто же его мог арестовать во Франции? Может быть, французская полиция или советский посол?

В газете «Новые Известия» от 22.08.2003 года отмечалось, что крупнейшие российские службы мониторинга общественного мнения провели исследования и выяснили отношение граждан страны к ГКЧП и к тому историческому пути, который выбрала Россия после августа 1991 года. Половина россиян оценила события августа 1991 года как эпизод борьбы за власть в высшем руководстве страны. Козырев отметил в этой связи следующее: «Август 1991 года стал

лишь началом распада СССР. Я всегда считал, да и сейчас убежден, что в течение всего сентября была возможность сохранить Союз и на волне победы прогрессивных сил вполне можно было осуществить глубокие демократические преобразования в рамках существовавшего Союза. Такие предложения я направлял и Горбачеву, и Ельцину, и министру иностранных дел СССР. Считаю, что хороший шанс бездарно был упущен союзным руководством. А ведь добрую волю тогда проявляли все: Ельцин устранился почти на месяц и оставил Горбачеву поле для инициативы. Союзное руководство ничего сделать не смогло, и с ноября процесс распада СССР был уже необратим».

Следует отметить, что многие действия и указы Б.Н. Ельцина (в частности, перевод союзных учреждений под свое подчинение, роспуск союзного парламента, игнорирование результатов референдума о сохранении СССР и т. д.) были еще менее конституционными, чем действия ГКЧП.

Опереточный путч привел к развалу и ограблению великой державы, которая потеряла исконно русские земли, к массовой нищете основного населения и воровскому обогащению небольшой кучки иноверцев.

Глава 18

«ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ» РЕВОЛЮЦИЯ И МИД (А.А. БЕССМЕРТНЫХ, Б.Д. ПАНКИН, А.В. КОЗЫРЕВ). ОЧЕРЕДНАЯ ВСТРЕЧА С Е.М. ПРИМАКОВЫМ

После августовского путча сняли, по моему мнению, самого профессионального министра иностранных дел за всю историю СССР — А.А. Бессмертных. Он не привел за собой, как это нередко бывало, свиту своих людей, земляков, бывших коллег или партийных работников, а действительно мобилизовал лучшие интеллектуальные силы МИДа. Бессмертных подал в отставку, когда М.С. Горбачев сказал ему, что министр вел себя во время путча пассивно. Однако его можно было понять — у него были молодая жена и маленький ребенок, за которых он боялся. В то же время Бессмертных отказался подписаться под документами ГКЧП, несмотря на настойчивую просьбу В.А. Крючкова. Причем в деятельности ГКЧП никто из работников МИДа не участвовал и коллегия министерства никаких решений в его поддержку также не выносила. Бессмертных был единственным участником ночной встречи «заговорщиков» 18 августа, который не предал президента. Интересно, что, планируя привлечь к участию в «заговоре» Бессмертных, Крючков разыскал министра под Минском, где тот отдыхал, и предложил срочно прилететь в Москву, сообщив, что на ближайшем военном аэродроме его ожидает самолет.

Бессмертных ушел со своего поста под аплодисменты сотрудников МИДа.

Как вспоминал советский дипломат Ю.Н. Черняков, уже в 1959–1960 годах, будучи атташе, Бессмертных отличался образованностью, высокими деловыми качествами, очень хорошим знанием иностранных языков, выдержкой и контактностью в отношениях с весьма непростым контингентом журналистов, аккредитованных при отделе печати МИДа, где он работал. «Бессмертник», как называли этого атташе, пользовался у профессионалов даже большим авторитетом, чем некоторые руководители отделов.

В 1966–1970 годах Бессмертных работал в группе помощников Громыко сначала вторым, потом первым секретарем. Следовательно, некоторое время он служил под началом Шевченко, который был личным советником министра. Мой отец говорил, что Бессмертных являлся его учеником.

Громыко заметил образованного, делового, способного, хорошо знающего языки и выдержанного помощника и поручил ему американское направление и вопросы разоружения, а затем перевел его на работу в Вашингтон, где он стал советником-посланником. Добрынин охарактеризовал Бессмертных как образцового дипломата, сообщавшего в своих докладах в Москву только «объективную правду», не заботясь о том влиянии, которое плохие новости могут оказать на его карьеру.

Американский «Биографический ежегодник» отмечал, что за тринадцать лет своей работы в советском посольстве в Вашингтоне Бессмертных превратился в образец дипломата, который умело представлял свою страну в сфере связей с общественностью и ловко защищал часто противоречивую политику своего правительства.

Шеварднадзе быстро оценил способности Бессмертных и назначил его своим замом, а в 1988 году — первым заместителем министра. Среди тех, кто выступил глашатаем горбачевского «нового мышления», был Бессмертных.

Знающие Бессмертных дипломаты отмечали, что как профессионала его отличали «четкость и прагматическое отношение к любым вопросам».

В мае 1990 года Бессмертных — посол СССР в США. Он был первым в американской истории советским послом, у которого в США родился ребенок.

16 января 1991 года Горбачев приехал в МИД и лично представил членам коллегии и руководящему составу Бессмертных в качестве нового министра иностранных дел.

20 июня 1991 года Государственный секретарь США Бейкер сообщил Бессмертных «с глазу на глаз», что, по данным американской разведки в Москве, готовится заговор с целью отстранения от власти Горбачева. Об этом Бессмертных доложил генсеку.

18 августа председатель КГБ Крючков вызвал Бессмертных, попросил министра иностранных дел пройти в соседнюю комнату и сказал: «В стране критическая ситуация, поэтому принято решение ввести чрезвычайное положение. Для управления им создается специальный комитет, вы предлагаетесь в его состав». Первый вопрос Бессмертных к Крючкову: «Это по решению Михаила Сергеевича создается?» Ответ: «Горбачев серьезно болен и лежит пластом, комитет возглавляет Янаев». Бессмертных: «Я не буду членом этого комитета». Крючков: «Надо» — и кладет на стол папку со списком, в котором Бессмертных увидел свою фамилию. Бессмертных: «Я достал из кармана синий фломастер и вычеркнул себя».

После того как Бессмертных отказался войти в состав ГКЧП, он велел своей семье никуда не выходить,

поскольку не знал, что против него могут предпринять. Министр решил не пользоваться обедами, которые возили в запечатанных канистрах для высшего руководства.

«Демократы» не отличались порядочностью и похамски поступили с Бессмертных. Как рассказывала жена одного сотрудника МИДа, работавшего с Бессмертных, когда бывшего министра выселяли из государственной квартиры, то все его вещи бесцеремонно выставили в холл подъезда.

Бессмертных говорил мне, что Б.Н. Ельцин предлагал бывшему министру вернуться в политику, однако тот отказался. Еще в 1992 году Бессмертных предупреждал о том, как опасно иметь преувеличенные ожидания, все заимствовать у Запада и при этом забывать собственные интересы: «Это верно, что весь цивилизованный мир стал союзником российской демократии, но сие не значит, что весь цивилизованный мир стал союзником России. Даже внутри НАТО имеются различия в национальных интересах. Вполне естественно, что Запад не хочет видеть Россию империей, агрессивным государством. Но сильная, процветающая Россия — это что-то другое». Данного предупреждения не учел А.В. Козырев.

После избрания Шеварднадзе президентом Грузии Бессмертных возглавил внешнеполитическую ассоциацию. В 1993 году он был избран также председателем одного из самых элитарных клубов мира — Всемирного совета бывших министров иностранных дел. Бывшие министры, создавшие совет, рассчитывали применить свой политической и профессиональный опыт миротворческого посредничества в урегулировании межнациональных конфликтов.

Зато назначенный М.С. Горбачевым новый министр иностранных дел Б. Панкин, пробывший на этом посту менее трех месяцев, проявил себя как «ярый» борец

против ГКЧП и до сих пор преподносится как таковой во всех мемуарах и книгах. В том числе из книги Л. Млечина «МИД. Министры иностранных дел. Романтики и циники» вытекает, что Панкин прямо герой. Однако в действительности Панкин, по мнению многих дипломатов, просто сумел вовремя сориентироваться. Как мне рассказал Бессмертных, дело было вот как. Во время «путча» Панкин был на постоянной связи с «архитектором» перестройки А.Н. Яковлевым. Будучи послом в Чехословакии, Панкин заготовил два заявления: одно в поддержку ГКЧП, другое — против. На всякий случай посол спросил президента Чехословакии В. Гавела, сможет ли посол остаться в ЧССР, если победит ГКЧП. В качестве кандидатуры на пост министра Панкина предложил М.С. Горбачеву А.Н. Яковлев. Однако, видя, что у президента большие сомнения по поводу данной кандидатуры, Яковлев отказался представлять нового министра в МИДе. Это сделал помощник Горбачева.

Панкин был хорошим журналистом, но, по мнению многих дипломатов, плохо разбирался во внешнеполитических проблемах, хотя и проработал послом в нескольких странах. Единственная его «заслуга» — это попытка разогнать всех сотрудников КГБ, работавших под крышей МИДа. Однако подобное практикуется во всех странах мира, и такая «инициатива» скорее причинила ущерб безопасности нашей страны. Шебаршин вспоминает, что по столичным учреждениям, имеющим свои представительства за границей, росло и ширилось движение протеста против их использования КГБ в качестве прикрытий. Волновались главным образом журналисты. Им казалось, что разведчики занимают места, которые по праву должны принадлежать им, работникам пера, микрофона и телекамеры. Им было неведомо, что разведка оплачивает содержание своих офицеров за рубежом из

собственного бюджета. Напор был велик, и тон задавал министр иностранных дел Б.Д. Панкин. Он распорядился приостановить оформление в МИДе краткосрочных командировок сотрудников Первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка). Л. Млечин также пишет в своей книге, что Панкин нанес тяжелый удар по бывшему КГБ и ГРУ, когда рассказал в 1991 году, какое колоссальное количество разведчиков укрылось под посольскими крышами. Став министром, он вообще намеревался лишить разведчиков дипломатического прикрытия. «Демократические» власти не посчитали это не только преступлением, но и проступком, и Панкина никто до сих пор не обвиняет в выдаче государственных секретов, как, впрочем, и В.В. Бакатина. Но я думаю, что дополнительной причиной отставки Панкина как с поста министра, так и с поста посла в Лондоне в начале 1994 года была его недостаточная компетентность как дипломата. С приходом нового министра 30 советских послов подали в отставку.

Лаконично охарактеризовал Панкина М.С. Капица: «Панкин — это просто анекдот. Это все равно что меня назначить в институт Вишневского главным хирургом».

В настоящее время «крупный борец против ГКЧП» постоянно живет в Швеции.

Некомпетентность Панкина на посту главы МИДа, видимо, понял и Горбачев. Менее чем через три месяца министром опять стал Шеварднадзе. Для последнего это было непростым решением. Однако, как считал А.А. Бессмертных, огромное чувство лояльности к Горбачеву и надежда на то, что Б.Н. Ельцин оставит его на данном посту, побудили Шеварднадзе согласиться. Но у Ельцина было чувство неприязни к верному соратнику Горбачева. Втогую раз Шеварднадзе продержался на своем посту менее двух месяцев, и после прекращения 8 декабря 1991 года существования СССР его сменил А.В. Козырев,

который в 1990 году был назначен в тридцать девять лет Б.Н. Ельциным министром иностранных дел РСФСР вместо В.М. Виноградова. Последний, будучи профессором МГИМО, дал мне интервью в 1995 году. Бывший министр был представительным и интеллигентным человеком. Он рассказывал, что при назначении Козырева советовались с Шеварднадзе. О своей отставке Виноградов узнал следующим образом. Польша попросила принять ее министра иностранных дел в МИДе СССР и МИДе РСФСР. Шеварднадзе предложил провести переговоры вместе от двух министерств. Наступил день переговоров, и по радио объявили, что новым министром иностранных дел РСФСР назначен А.В. Козырев. Виноградов звонит Шеварднадзе, но его нет, а заместитель ничего не знает. Наконец объявляется Шеварднадзе и говорит: «В газетах еще ничего не напечатано. Встречайте польскую делегацию». На следующий день, как рассказывал Виноградов, он приехал в МИД РСФСР, нашел телефон Козырева (тот еще пока не вступил в должность министра и сидел в кабинете начальника Управления МИДа СССР) и сказал ему: «Вас можно поздравить. Я вместо вас был на завтраке с поляками. Приезжайте, я пришлю за вами машину».

Когда Козырев стал министром иностранных дел РСФСР, он говорил Виноградову, что будет с ним советоваться, но делать этого не стал, видимо, не счел необходимым. По мнению Виноградова, Козырева продвигал В.Ф. Петровский. Когда я покидал Отдел международных организаций МИДа СССР в апреле 1979 года, Петровский был заведующим данного отдела и членом коллегии МИДа. В дальнейшем он стал заместителем, затем первым заместителем министра иностранных дел СССР. В последнее время он являлся заместителем Генерального секретаря ООН, как и мой отец, но работал в Женевском отделении ООН. Я

несколько раз встречался и разговаривал с Петровским в разные годы. Это умнейший, интеллигентнейший дипломат и ученый. Он не один раз приезжал на ежегодную сессию советской ассоциации международного права, членом которой я являлся семнадцать лет. Уже будучи заместителем министра, Петровский выступал с интересными докладами. По слухам, ходившим в МИДе, Козырев помогал писать для Петровского книги и статьи, а когда последний стал заместителем министра, то назначил своего молодого протеже на свою бывшую должность — начальником Управления международных организаций (так стал в период перестройки называться отдел, где я проработал с 1975-го по 1979 год).

Кстати, на пост министра иностранных дел РСФСР было несколько кандидатур, в частности А.А. Бессмертных и А.Л. Адамишин. По мнению М.С. Капицы, Ельцин, в частности, хотел назначить на данный пост одного из самых блестящих дипломатов, посла в США, затем первого заместителя министра Ю.М. Воронцова. Однако этому помешал «серый кардинал» президента Г. Бурбулис, многим напоминая М. Суслова. Бурбулис боялся, что появится действительно умный человек, который будет влиять на Ельцина.

Сын Громыко справедливо указывает в своих мемуарах, что Воронцов и Бессмертных являлись эталонами советских дипломатов. Добрынин не ошибся, сделав их своими ближайшими помощниками. Они принадлежали к элите советской дипломатии, подчеркивает Анатолий Громыко, но, как это ни покажется странным, их профессионализм, эрудиция, умение держать себя в руках в любых ситуациях и, конечно, исполнительность служили своеобразным тормозом для продвижения по службе.

С Воронцовым я познакомился еще в 1969 году, когда мы с отцом приехали к нему в гости в Вашингтон

из Нью-Йорка. До сих пор мне помнится эта поездка и как мы с отцом мчались с огромной скоростью на красном «(форде», машине, которая была ему положена по должности. Воронцов был советником-посланником в советском посольстве в столице США, вторым человеком после посла А.Ф. Добрынина. Отец же занимал практически аналогичное положение старшего советника Постоянного представительства СССР при ООН в ранге посланника. Как вспоминал посол в отставке О.А. Гриневский, Шевченко, по сути дела, вез на своих плечах всю работу советского представительства, так как Постоянный представитель СССР при ООН Н.Т. Федоренко рано уезжал на дачу в Гленков, и нередко случалось, что телеграммы за него подписывал Шевченко. Так вот, Воронцов в 1969 году познакомил меня со своей дочерью, явно с возможным намерением породниться (мне уже шел восемнадцатый год). Однако, к его разочарованию, его дочь была почти на голову выше меня. Сам Воронцов человек высокого роста и представительный дипломат. Если бы наши семьи породнились, то Воронцову никогда бы не суждено было стать послом в США и первым заместителем министра. Позднее он стал советником Б.И. Ельцина. Однако его наверняка оттерли от президента, в частности имевший непонятное влияние на Ельцина не «серый кардинал», а серая личность — Г. Бурбулис. Второй раз я встретил Воронцова в начале 90-х годов в Институте государства и права. Я выходил из кабинета его директора академика Б.Н. Топорнина, а Воронцов ждал в приемной. Мы поздоровались, и выдающийся дипломат (первый заместитель министра, посол России в США) протянул мне руку, узнав во мне сына А.Н. Шевченко, хотя мы встречались с ним всего один раз двадцать лет назад. Он не испугался, как директор Службы внешней разведки России Е.М.

Примаков, пожать руку сыну американского шпиона. Воронцов прослужил послом в США до 1998 года.

По мнению Бессмертных и Капицы, Козырева продвигали А.Ф. Петровский и А. Г. Ковалев. Последний, по словам Капицы, «был самой мерзкой фигурой в МИДе». Он был человеком неглупым, но страдал комплексом неполноценности. Капица рассказывал мне, что Ковалев во время Беликой Отечественной войны всеми правдами и неправдами ушел от мобилизации на фронт и по какой-то причине стал хромым. Он никого не любил, но была группа дипломатов, которых он поддерживал, в частности Ада-мишина, Петровского и Козырева. А.А. Громыко, как вспоминает его сын, не мог понять поведения Ковалева в годы перестройки. Он стал сводить счеты, особенно с теми, кто был близок к другому заму Громыко, И.Н. Земскову. Бывший министр говорил сыну, что знал, что отношения между этими его замами не сложились, но не думал, что после смерти Земскова (он умер от рака. — *Г.Ш.*) «Ковалев опустится так низко».

По мнению Виноградова, назначение министром иностранных дел РСФСР было повышением для Козырева. Он получил различные привилегии, которых не имел на посту начальника Управления международных организаций. Еще Громыко говорил, что надо придать больший вес Министерству иностранных дел РСФСР. Козырев принял министерство в хорошем состоянии: были установлены деловые отношения с землями ФРГ, провинциями Канады и т. д.

Капица весьма образно оценил деятельность Козырева: «Он хороший служака, образованный, хорошо говорит, молодой, но ему до лампочки интересы великой России».

Согласно некоторым слухам, назначить Козырева министром иностранных дел РСФСР Б.Н. Ельцину предложил также и В.П. Лукин. И министр этого не

забыл — выдвинул Лукина на престижный пост посла России в США. Однако в дальнейшем Лукин стал ярким критиком политики своего бывшего шефа. Козырев также взял на работу в МИД своего приятеля С.В. Ястржембского (будущего помощника В.В. Путина) на должность директора Департамента информации и печати.

Козырев олицетворял для Запада новый «демократический» курс внешней политики. Во время нападок на молодого министра президент США Дж. Буш-старший сказал Б.Н. Ельцину: «Не трогайте Козырева». Бессмертных считал, что основными ошибками Козырева были следующие: «Он недоучел важность СНГ, переоценил значение Запада, зря уволил хороших дипломатов под предлогом их возраста, сосредоточился на дипломатии ООН. У него не было опыта загранработы, и мощная идеологизация политики его сильно сковала. Он был слепком В.Ф. Петровского и жил в рамках книжных знаний». Кстати, по некоторым данным, Козырев сначала выступал даже против открытия посольств в странах СНГ.

Посол в отставке в Израиле А.Е. Бовин писал о Козыреве в своей книге «Записки ненастоящего посла»: «Получалось, что он не дорос до министра. Не вообще, а до министра иностранных дел России. Мундир Горчакова и даже Громыко был ему велик, болтался на нем.

Он не был готов к той тяжести, которая оказалась на его плечах. Он не чувствовал своей спиной, что за ним — Россия, огромная махина со своей величественной историей и несчастной судьбой. Россия была у него в голове, не в сердце. А этого мало». Далее Бовин отмечал, что дело не в «американизме» Козырева. Его интеллектуальный ресурс не позволял схватывать общую картину, и он находился внутри лабиринта, а должность требовала иногда оказываться над ним, чтобы сразу схватить все ходы и выходы. По мнению

Бовина, все это в еще большей степени относится к И.С. Иванову, который является всего лишь чиновником, хотя и крупным, а Козырев все-таки был политик, хотя и мелкий. Козырев служил не России, а Ельцину. Козырев просто не тянул. Его фраза «МИД — это я, две стенографистки и самолет» наглядно иллюстрирует его возможности. Бовин вспоминает поездку министра к Я. Арафату, во время которой Козырев остановился, вышел из машины и направился к морю. Вдруг он разделся догола и — в воду. Его примеру последовала и свита. Палестинская охрана смущенно отвернулась. Сцена была явно не по Корану.

Советник посольства России в Вашингтоне В.Н. Матузов, которого вынудили уйти из МИДа, вспоминал, что во времена Козырева требовалась дружба только с Израилем и любые симпатии к арабскому миру были нетерпимы.

Когда Козырев занял пост министра иностранных дел СССР, он сделал заявление о своем намерении на 90 процентов сократить дипломатический состав союзного МИДа. Однако, видимо, нового министра одернули, и МИД СССР не подвергся уничтожению, правда, потом в нем были созданы такие условия для работы дипломатов, что значительная их часть сама покинула МИД.

Посол в отставке В.И. Попов пишет, что не виной, а бедой для Козырева обернулись события, которые происходили в российской дипломатии после его назначения. Он не имел необходимого дипломатического опыта, у него не было опыта организационной работы, так необходимого для министра, наконец, он был излишне амбициозен, переоценивал свои силы, а классики дипломатии считали эти качества большим недостатком дипломата. Он сразу принял самое активное участие во внутренней борьбе. Значительная часть его речей была посвящена

борьбе против «коммуно-фашистов», и даже тогда, когда президент призывал к примирению противостоящих сил, Козырев продолжал свою линию, считая внутреннюю борьбу с оппозицией одной из главных задач министра.

В.И. Попов подчеркивает далее, что меньше чем через год деятельность министра Козырева стала подвергаться критике внутри страны за его «проамериканизм», готовность пойти на необоснованные уступки США, за то, что МИД не имеет долгосрочной внешнеполитической концепции, плана развития отношений со странами СНГ. На одно из первых мест министром была поставлена борьба за «права человека» во всемирном масштабе, отодвинуты на второй план собственно национальные интересы страны, новые идеи по защите интересов государства стали редкостью. Делалась ставка на благотворительность Запада, прежде всего США. Явно сворачивалась деятельность российской дипломатии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. МИД мало занимался координацией деятельности различных министерств и ведомств в области внешней политики, несмотря на имевшиеся на этот счет указания и распоряжения президента. Это приводило к серьезным провалам в нашей внешней политике.

Деятельность козыревского МИДа подвергалась серьезной критике. Посол России в США в отставке В.П. Лукин так охарактеризовал политическую линию своего бывшего начальника: «Инфантильный проамериканизм». Критикуя постоянные разъезды Козырева, Лукин отмечал, что главная задача дипломата состояла не в том, чтобы непрерывно перемещаться в пространстве, пожимать руки, улыбаться и направлять из одной страны в другую телеграммы о том, как уважают наше руководство в этой стране. Лукин называл данный стиль «аэродромопоказушной дипломатией». Козырева также

называли «идеологом внешнеполитического либерализма».

Президент Б.Н. Ельцин не раз критиковал деятельность козыревского МИДа. Один раз он высказал недовольство качеством аналитической информации министерства, сославшись на то, что только из двух российских посольств — из США и Англии — идет добротная и серьезная информация. В другой раз президент сравнил аналитическую информацию МИДа и Службы внешней разведки (Е.М. Примаков) и отдал предпочтение последней. Кроме того, Ельцин, так же как и Н.С. Хрущев, демонстративно унижал своего министра иностранных дел, когда он решил его уволить. В частности, обращаясь к Госсекретарю США У. Кристоферу, подвыпивший президент России сказал: «Вы и Козырев — оба абсолютные неудачники».

Аналогичными были мнения о работе российского МИДа в то время и некоторых иностранных политиков. Президент Центра имени Р. Никсона Д. Сайме охарактеризовал А. Козырева как деятеля «откровенно прозападного толка», ориентирующегося в большей степени на общечеловеческие ценности, чем на национальные интересы России». По словам Саймса, Козырев был назначен на свой пост тогда, когда российское руководство возглавило кампанию за уничтожение «советской коммунистической империи» и было очень модно выступать в унисон с США. По мере усиления националистических тенденций в России развивались политические убеждения министра. Так, он поддержал войну в Чечне. Хотя от дипломата скорее можно было ожидать не поддержки войны против части своего народа, а попытки найти пути политического решения проблемы.

Бывший заместитель Государственного секретаря США С. Тэлботт характеризует Козырева в своих мемуарах как «архитектора не только независимой

России, но и ее соседей», называет человеком, «персонифицирующим радикальный разрыв России с ее прошлым».

А.Е. Бовин писал в своих воспоминаниях «XX век как жизнь»: «Козырев при мне был в Израиле три раза, Примаков — два. Но ни разу ни один из них не выразил желания встретиться и обстоятельно поговорить с дипломатами. Ответить на их вопросы. Дать им возможность посидеть в одной комнате с министром, ощутить некую корпоративную общность. Да, всегда напряженный график. Да, всегда дефицит времени. Да, иногда почему-то хочется просто поспать. И все-таки самые элементарные соображения должны были привести министров в посольство. Но соображений не было. Были министры и были бегающие вокруг человечки. Челядь разной категории. Непривлекательная картина...»

Козырев являлся профессиональным дипломатом нового поколения, интеллектуалом, который не вписывался в те времена, когда власть в стране захватила бывшая партийная номенклатура во главе с Б. Ельциным. Л. Млечин справедливо пишет, что «среди бравых мужчин, которые при встрече по советской привычке бросаются целоваться и обниматься, рафинированный Андрей Козырев казался белой вороной. Вот министр обороны Павел Грачев или управляющий делами президента Павел Бородин были своими. Они говорили с Ельциным на понятном ему языке, не возражали, не спорили, сыпали анекдотами. А Козырев начинал нудно объяснять, почему вот это и это нельзя делать. Это и на трезвую-то голову не всякий поймет...». Кстати, Ельцину нравилось, что Козырев называл президента в глаза «дипломатом номер один».

Сначала Ельцин отстранил Е.Т. Гайдара, несмотря на то что считал его умным, а затем жертвой стал Козырев.

По моему мнению, Козырев был хорошим министром иностранных дел, по крайней мере, не хуже своих предшественников, хотя он и был слишком осторожным и не возражал президенту при проведении внешней политики (кстати, точно так же вел себя и Громыко). Козырев стал жертвой подчас авантюрной внешней и внутренней политики Б. Ельцина и его приближенных. Мне представляется, что Козырев ни в чем не уступал министру иностранных дел И.С. Иванову, а даже, пожалуй, превосходил его. Со временем история поставит все на свои места. Козырева обвиняют в «американизме», однако и Громыко уделял первостепенное значение отношениям с США, как, впрочем, и нынешний Президент России В.В. Путин. За период работы Козырева угроза конфронтации с Западом практически отступила. Россия вступила в Совет Европы, присоединилась к программе НАТО «Партнерство во имя мира», вступила в Международный валютный фонд и ряд других международных организаций, заявила о перенацеливании своих ракет с территорий западных стран в ненаселенные районы Земли и т. д. Все эти меры были необходимы для возвращения России в европейское и мировое сообщество в качестве полноправного участника и партнера. Козырев считал, что Россия должна ориентироваться на высокоразвитые демократические страны и вхождение в их клуб на равных.

Антиамериканизм — «тяжелое» наследие семидесяти четырех лет советской власти. Козырев справедливо отмечал в этой связи, что многим даже отстаивание подлинных интересов России, если они совместимы с интересами США, представляется недопустимой уступкой противнику.

Ельцин стремился во что бы то ни стало сохранить свою власть и пожертвовал профессиональным министром, которого критиковали не всегда

заслуженно. Президенту были нужны не умные подчиненные, а карьеристы и популисты, умеющие просто говорить и оболванивать народные массы.

С 9 по 10 апреля 1991 года в Москве состоялась международная конференция ученых и экспертов по запрещению и уничтожению химического оружия, организованная советским Комитетом защиты мира. В конференции приняли участие крупнейшие специалисты по данному вопросу из США, СССР, Швеции, Швейцарии, Польши и ФРГ, также народные депутаты СССР и РСФСР, зарубежные парламентарии и ученые. Организацией работы конференции и рассылкой приглашений на нее занимались я и посол в отставке В.Л. Исраэлян. Вступительное слово, написанное мной, на конференции произнес последний. Из советских участников конференции выступили эксперты Минобороны, Минхимнеф-тепрома, другие ученые, а также мой бывший сокурсник и сослуживец Н.П. Смидович, ставший заведующим отделом по запрещению химического оружия Управления по ограничению вооружений и разоружению МИДа СССР. Я также прочитал доклад о некоторых международно-правовых проблемах полного запрещения химического оружия. Конечно, нам помогал консультант советского Комитета защиты мира И.И. Бойцов, одновременно являвшийся сотрудником КГБ. Он почему-то не любил Исраэляна и рекомендовал никогда не давать ему в долг деньги, так как посол их никогда не отдавал. Я проработал с ним много лет и с таким фактом не сталкивался. Порядочность людей я проверял на том основании, как они относились ко мне после поступка отца. Исраэлян проявил себя в данном плане идеально. Он не побоялся стать рецензентом нескольких моих книг, помог мне подзаработать денег в Комитете защиты мира во время проведения конференции. И это несмотря на то, что моя мама разругалась с его женой и, будучи близка к жене Громыко, просила ее не

продвигать Исраэляна по службе. Об этом мне рассказал сам посол в отставке в 1989 году. Сейчас он со всей семьей живет в США, штате Пенсильвания. Ему уже восемьдесят пять лет, и он пережил три инфаркта. Грин-карту — право на постоянное жительство в США — он получил в связи с тем, что являлся видным дипломатом. (Конгресс США имеет право выдавать такие карты вне очереди известным политикам и крупным ученым, а также шпионам.) Кроме того, Исраэлян написал интересную книгу о войне 1973 года на Ближнем Востоке, используя совершенно секретные материалы заседаний Политбюро ЦК КПСС, на которых он лично присутствовал и тщательно все записывал. Известно, стенограммы заседаний Политбюро, как правило, не велись.

Через несколько месяцев после конференции под моей редакцией вышел в свет на русском и английском языках (переводил я сам) сборник выступлений на конференции. Никита Смидович несколько раз во время подготовительной работы к конференции заказывал мне пропуск в МИД. Там я впервые увидел факс. Смидович сказал, что им пользоваться очень просто: «Нужно иметь всего один палец». Я тогда пошутил: «А какой именно, случайно, не двадцать первый?»

И в начале 90-х я не оставлял попыток вернуться на любимую дипломатическую работу. Мне даже неоднократно снились сны, что я снова работаю в МИДе. В 1993 году я получил приглашение на конференцию по внешней политике России, которая состоялась в МГИМО МИДа России. В повестке дня конференции было указано, что одним из выступающих будет министр иностранных дел России А.В. Козырев. Поэтому я не терял надежды на встречу с моим бывшим сослуживцем по Отделу международных организаций МИДа СССР. Во время конференции я увиделся со многими старыми знакомыми по отделу, сидел вместе с советником Ю.М.

Виноградовым, с которым мы часто после работы играли в шахматы, и даже задал министру один вопрос по разоружению. Директор моего института, академик Б.Н. Топорнин, присутствующий на конференции, посмотрел на меня с некоторым удивлением. После завершения ее работы я прямо пошел на трибуну, где находился Козырев. Его личный, дородный охранник попытался меня задержать, но министр дал ему знак меня пропустить. Кстати, ему принадлежит следующий афоризм: «Конечно, начальник охраны иногда ближе, чем жена. Это в хорошем смысле». Козырев сразу протянул мне руку, улыбаясь. Мы говорили минут пять. Я подарил ему свою новую книгу «Развивающиеся страны и нераспространение ядерного оружия». Я также попросил министра помочь мне вернуться на работу в МИД. Он сказал, что подумает, и попросил меня связаться с ним позднее. Однако не дал своего телефона. В это время почти все участники конференции разошлись, но посередине зала стоял, как будто вросший в землю, вернее, в паркетный пол, директор Службы внешней разведки России академик Е.М. Примаков и пристально, не отрывая глаз, смотрел на нас с Козыревым. Видимо, шеф разведки думал про себя: «О чем это сын американского шпиона Шевченко так долго говорит с министром иностранных дел России?» Когда я спустился с трибуны, то сразу же специально подошел к Примакову, улыбаясь. Я с ним поздоровался, он ответил на мое приветствие, но руки не подал. Тогда я подарил ему свой сборник «Международная конференция ученых и экспертов по запрещению и уничтожению химического оружия», сказав, что это редкое издание, которое нельзя купить в магазине. Он поблагодарил меня, но не спросил, о чем я беседовал с министром иностранных дел. Затем мы попрощались. Это была вторая случайная встреча с видным государственным деятелем и ученым, будущим

председателем Правительства России, едва не ставшим президентом нашей страны. Кстати, его дед, Киршинблат, был известным в Тбилиси врачом. В нашем доме на Фрунзенской набережной до сих пор живет старейший дипломат и ученый, которого лечил дед Примакова.

После снятия с поста министра, как вспоминает Н.С. Леонов в своей книге «Крестный путь России», Козырев на какое-то время оказался в числе профессоров МГИМО, причем на той же кафедре дипломатии, что и Леонов. Студенты бойкотировали лекции бывшего министра, и администрации приходилось принимать экстраординарные меры, чтобы заполнять аудитории.

Кстати, именно на этой кафедре я взял интервью у Виноградова, которого сменил Козырев, а также у посла в отставке И.Г. Усачева.

Леонов продолжает: многие дипломаты никак не могли понять, каким образом у Козырева и его назначенцев, которых стали называть «дипломатами козыревского разлива», оказался атрофированным основной профессиональный инстинкт — в любых ситуациях бороться за интересы своей родины и своего народа.

В 1998–2003 годах он был членом совета директоров крупной американской фармацевтической компании. Следовательно, бывший министр на несколько лет сменил мундир дипломата на халат аптекаря, хотя химия ему в школе плохо давалась. Кроме того, Козырев является членом президиума Российского еврейского конгресса.

13 января 1996 года, по сообщению газеты «Коммерсант», в элитном дачном поселке Жуковка сгорела дача А. Козырева. По данным газеты, это дачное хозяйство раньше принадлежало Совмину СССР. После распада Союза поселок перешел в ведомство Администрации Президента России. Двухэтажная дача

была выкуплена Козыревым по остаточной стоимости в августе 1995 года с личного разрешения Б.Н. Ельцина. Сам Козырев в ней пожить так и не успел.

Как сообщила газета «Московский комсомолец» (7 октября 1995 г.), Козырев, по наблюдению врачей, специализирующихся в области нейрофизиологии, «страдает заболеванием десинхроноз». Министр все время выглядит усталым, и, несмотря на внешнюю сдержанность, наверняка крайне раздражительный и нервный человек». Десинхроноз — болезнь, связанная с нарушением внутренних биоритмов организма. Обычно ею страдают те, кто часто путешествует, меняя часовые пояса.

После встречи с Козыревым в 1993 году я сделал несколько попыток связаться с ним через своих знакомых в МИДе, но министр так и не пошел на контакт. Однако в дальнейшем, во время беспрецедентного падения рубля и наступления дикого и пиратского капитализма в бедной России, у меня уже не было никакого желания работать в министерстве. «Демократы» не только издевались над учителями и учеными, но также и над дипломатами, платя им нищенскую зарплату. Я уже говорил, что живу в мидовском доме, одном из первых кооперативных домов министерства. Как-то встретил одного знакомого сотрудника МИДа, завотделом в управлении, и спросил его, сколько он получает. Тот ответил: 100 долларов США в месяц (меньше, чем дворник в Москве). Поэтому, подчеркнул он, мы живем в основном за счет командировок, которых ждем как «манны небесной». Однако их существенно сократили. Знакомый по Отделу международных организаций, где я работал, Л.А. Мастерков, много лет принимавший участие в переговорах по ограничению и сокращению стратегических вооружений, ставший послом, также рассказывал о зарплате высокопоставленных

дипломатов. Например, начальник департамента получал во второй половине 90-х годов около 400 долларов США. Следом за этой должностью идет заместитель министра. Президент России В.В. Путин увеличил жалование дипломатов, они также получают надбавки за дипломатический ранг. Например, атташе получает надбавку 700 рублей в месяц, а посол 2 тысячи. Кроме того, специальными распоряжениями российский президент 29 декабря 2001 года установил надбавки к пенсии для дипломатов в отставке — для послов (3 тысячи рублей), посланников (2 тысячи рублей), советников и первых секретарей (1500 рублей) и для атташе, третьих и вторых секретарей (тысячу рублей). В апреле 2004 года зарплата всех высокопоставленных государственных служащих, в том числе и дипломатов, была увеличена в несколько раз.

В 1993 году в России началась грандиозная программа приватизации всей собственности, которая вошла в историю, пожалуй, как самый массовый обман населения страны ее лидерами. «Демократические соловьи», такие, как А.Б. Чубайс и Б.Ф. Шумейко, в то время заместители председателя Правительства России, обещали горы золота на ваучеры или, по крайней мере, один или два автомобиля «Волга» за одну акцию. Не могу удержаться и привожу краткое стихотворение собственного сочинения.

Наш Чубайс мужик богатый,
Деньги он гребет лопатой.
Бедным сделает народ,
А себе карман набьет.
Из простого м.н.с.,
Стал главой РАО «ЕЭС».

Я не поверил обещаниям «демократов» и обменял три ваучера, положенные моей семье, на акции акционерного общества открытого типа «Транснациональная нефтяная компания «Гермес-Союз», возглавляемого Б.И. Неверовым. Чтобы получить эти акции, нужно было отстоять довольно приличную очередь. Бедные, заведомо обманутые люди покупали акции десятками и сотнями, порой вкладывая в них свои последние сбережения, ибо Неверов (характерная фамилия) ежедневно рекламировал свои акции, не выговаривая букву «эр», почти по всем каналам телевидения. В 1994 году ведущий научный сотрудник Института государства и права, доктор юридических наук Л.Р. Сюкияйнен рассказывал мне, как он ездил в командировку в Кувейт. Туда, в свою очередь, приехали, остановившись в пятизвездочном отеле, представители фирмы «Гермес-Союз». Учитывая хорошие отношения Кувейта с СССР и затем с Россией, руководство этой страны предложило передать бесплатно указанной фирме крупную нефтяную скважину. Удивлению арабов не было границ, так как представители компании отказались принять дар. Арабы спрашивали Сюкияйнена о причинах данного поступка, но он ничего не мог ответить. Причины, на мой взгляд, довольно банальны. Многие инвестиционные фонды не стремились выгодно вложить полученные деньги, а хотели разбогатеть за счет денег населения. Это были своего рода пирамиды типа «МММ». Другие же, возможно, и выгодно вкладывали полученные от населения денежные средства, однако обогатился лишь узкий круг лиц, получивших сверхприбыли.

Ставший в 1996 году министром иностранных дел России, Е.М. Примаков серьезно помог нашему кооперативному дому. При первоначальном оформлении документов на дом получилось так, что подвалы принадлежали не кооперативу, а московской мэрии.

Председатель кооператива обратилась с просьбой к Примакову помочь нам выкупить указанные помещения. Примаков написал письмо мэру Москвы Ю.М. Лужкову, и наша проблема была решена.

В 1992–1993 годах я являлся членом редколлегии «Московского журнала международного права» (ответственным за английское издание). Главным редактором журнала являлся доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права МГИМО МИДа России, член Палаты третейского суда в Гааге, член Международной академии астронавтики и Комитета ООН по правам ребенка Ю.М. Колосов. Работать в журнале было очень интересно. Кроме того, это был дополнительный заработок, так как прожить с семьей на зарплату 100 долларов США являлось затруднительно. За время работы в журнале я опубликовал там большую статью по разоружению. Кроме того, в рубрике «Кто есть кто в нашей науке» была опубликована и моя краткая биография уже под моей настоящей фамилией.

После назначения заместителя директора Института государства и права, доктора юридических наук, профессора В.С. Верещетина членом Международного суда ООН Колосов как-то сказал мне, сколько будет получать Верещетин — 20 тысяч долларов США в месяц. В советские времена члены Международного суда от СССР, видимо, таких денег не получали и сдавали их большую часть, как и сотрудники секретариата ООН, в государственную казну. Интересно, подчеркнул Колосов, куда новый член суда от России будет девать такие огромные деньги. Я про себя подумал: «Были бы деньги, а куда их девать — не проблема!»

Кстати, при Б. Ельцине ряд талантливых сотрудников нашего института получили крупные государственные посты, в частности, доктор юридических наук Ю.М. Батурин (сын резидента КГБ в

Стамбуле М.М. Батурина), человек энциклопедических знаний, стал помощником президента по вопросам национальной безопасности (видимо, Ельцину хотелось иметь своего Киссинджера). Интересна формулировка указа президента в 1998 году — его один из самых умных помощников был уволен в связи с сокращением штатов Администрации президента?! По слухам, кандидатура Батурина рассматривалась на пост министра обороны, но якобы этому помешали его «связи с западными спецслужбами». Однако в дальнейшем Батурин даже стал космонавтом. 28 сентября 2001 года Президент России В.В. Путин присвоил ему звание Героя Российской Федерации за мужество и героизм, проявленные при осуществлении международного космического полета. Профессор В.А. Туманов стал председателем Конституционного суда. Главный научный сотрудник института, доктор юридических наук В.А. Карташкин являлся несколько лет председателем Комиссии по правам человека при президенте РФ, а доктор юридических наук В.В. Смирнов — его заместителем. У последнего было иностранное имя Вильям, и в институте его в шутку звали Вильям Шекспирович.

После развала СССР и разгрома КГБ, когда многие сотрудники этой организации были вынуждены перейти в различные коммерческие структуры, начали раскрываться и некоторые секреты, особо охраняемые при советской власти. Например, один мой знакомый, бывший сотрудник Второго главного управления КГБ (внутренняя контрразведка), как-то рассказал мне, что КГБ приложил руку к покушению в 1981 году на папу римского Павла II. Я не поверил, но мой знакомый сказал, что знает лично сотрудника КГБ, который принимал в этом участие. В книге О. Горд неевского, К. Эндрю «КГБ. Разведывательные операции от Ленина до Горбачева» отмечается в данной связи: «В Центре

разделились мнения относительно вероятности участия КГБ в покушении на папу в 1981 году. Примерно половина тех, с кем говорил Гордиевский, были убеждены, что КГБ теперь не стал бы заниматься «мокрыми делами» подобного рода даже косвенно, через болгар. Однако другая половина подозревала, что тут замешан 8-й отдел управления «С», ответственного за «специальные операции», а некоторые даже сожалели, что покушение провалилось». Во всех мемуарах бывших сотрудников КГБ, которые проживают в России, версия о возможной причастности чекистов к покушению на папу категорически отвергается. Генерал КГБ в отставке Р.С. Красильников отмечает, что одним из первых стало распоряжение нового председателя КГБ В.В. Бакатина о расследовании «причастности» СССР к этому покушению. Между тем тот же Красильников пишет в своей книге, что к союзу с ЦРУ У. Кейси склонил римского папу, бывшего поляка по национальности, для поддержки главарей «Солидарности». Как известно, высшее советское руководство было весьма недовольно происходящими в Польше революционными событиями. Между тем с помощью Ватикана в Польше была создана тайная система поддержки «Солидарности». Лех Валенса и другие лидеры оппозиции постоянно получали инструкции из-за рубежа через курьеров, которыми служили католические священники, не подвергавшиеся таможенному досмотру. Они же ввозили в страну сотни закупленных на американские деньги факсов, передатчиков, печатных машин, компьютеров, которыми щедро снабжалось подполье. Каналом для перекачивания денег оппозиции в Польше стал Ватиканский банк, которым руководил кардинал Пол Марчинкус. Для этого он использовал итальянский частный банк «Амброзиано» во главе с Роберто Кальви. Позднее выяснилось, что Кальви по совместительству был еще и казначеем масонской ложи «П-2». Вскоре его

нашли повешенным в Лондоне. Следователи обнаружили в документах покойного его письмо папе римскому с сообщением о выделении для «Солидарности» около 900 миллионов долларов США.

Не удивлюсь, если всплывут когда-нибудь данные, что КГБ готовил покушение и на моего отца.

Я вспоминаю, что говорил мне начальник службы безопасности МИДа СССР М.И. Курышев: «Мы запросто можем убрать вашего отца, несмотря на постоянную охрану, состоящую из четырех сотрудников ФБР. Однако, к сожалению, времена изменились, и Политбюро ЦК КПСС сейчас на это согласия не даст».

Но меня в дальнейшем насторожил тот факт, что на допросе в качестве свидетеля по делу отца, который проводил в Лефортове в 1978 году начальник следственной группы Следственного отдела КГБ (сейчас Следственное управление ФСБ) майор О.А. Добровольский, он зачем-то интересовался особыми приметами отца. «Для чего это вам? — удивился я. — Ведь у вас огромное количество фотографий и моего отца знает половина МИДа». — «Мы его потеряли», — ответил Добровольский. В 1982 году состоялся международный симпозиум по вопросам международной безопасности, в котором приняли участие сотрудники нашего института. Я в числе других сделал там доклад по вопросам нераспространения ядерного оружия. За день до начала симпозиума мне позвонил М.И. Курышев и сказал, что, по данным КГБ, на этом научном собрании должен был присутствовать американец, который связан с ЦРУ. Мне предложили с ним встретиться. Прежде всего КГБ интересовал адрес отца в США. Американец назначил мне встречу в гостинице «Россия» в кафе на первом этаже. Однако он не знал адреса отца и предложил мне передать ему письмо. Я отказался, так как не имел таких полномочий. Если бы он и сообщил мне о местопребывании отца, я бы не сообщил о нем

КГБ. В 1988 году я по просьбе КГБ написал отцу письмо, которое было, естественно, проверено органами (после этого я написал между строк все, что я хотел). Данное письмо я должен был передать через американское посольство в Москве. В посольство я прошел беспрепятственно, и со мной беседовал по этому вопросу какой-то американец, видимо, сотрудник ЦРУ. Но все мои попытки уговорить его переслать письмо были тщетны. Американец предлагал мне сообщить адрес отца в США, однако я отказался и просил только передать письмо.

П. Эрли отмечает, что высокопоставленный сотрудник вашингтонской резидентуры КГБ В. Черкашин, награжденный в 1986 году орденом Ленина за вербовку Эймса и ставший невыездным из опасений, что он скажет за границей нечто, могущее разоблачить советского шпиона в ЦРУ, вспоминает, что он получил приказ за подписью Крюкова, уполномочивающий Черкашина организовать «самоубийство» В. Юрченко, который сбежал в США в 1985 году, если он не вернется в СССР. И это несмотря на то, что перебежчик находился в США под защитой ЦРУ!

Если даже крупницы правды содержатся в книге «Лубянская преступная группировка», написанной бывшим подполковником ФСБ А. Литвиненко, проживающим в Лондоне, то поверить можно во что угодно.

Характерны признания бывшего генерала КГБ О.Д. Калугина о том, что в его управлении вплоть до 1985 года существовал специальный отдел, который занимался операциями по уничтожению предателей. Правда, все бывшие сотрудники КГБ, которые проживают в России, заявляют, что с 60-х годов такая практика не применялась. В частности, полковник внешней разведки в отставке М.П. Любимов отмечает, что после открытого процесса в 1962 году на Западе над

Богданом Сташинским (специалистом КГБ по «мокрым» делам), который сбежал в Германию, Политбюро ЦК КПСС приняло решение больше не проводить террористических актов за границей, а председателю КГБ А.Н. Шелепину влетело за то, что его сотрудники — «слабаки и трусы». Но как следует рассматривать арест российских сотрудников спецслужб в Катаре в 2004 году по обвинению в убийстве бывшего чеченского лидера З. Яндарбиева? Дыма без огня, как говорится, не бывает. Почему эти сотрудники оказались рядом? 30 июня 2004 года катарский суд приговорил их к двадцати пяти годам лишения свободы. Адвокаты выразили удовлетворение тем, что высшая мера наказания не была применена. Министр иностранных дел России С.В. Лавров заявил о непричастности россиян к убийству. Можно подумать, что они служили в его ведомстве.

В то же время нужно иметь в виду, что в ЦК КПСС имелись документы такой особой важности, доступ к которым имели лишь председатель КГБ и Генеральный секретарь ЦК КПСС. Кроме того, некоторые особо деликатные поручения могли даваться устно.

В 1992–1994 годах я подготовил для опубликования две большие монографии по вопросам полного запрещения химического оружия и международно-правовым проблемам безопасности. Рецензентами рукописей были, как всегда, А.И. Иойрыш и В.Л. Исраэлян, а также профессор, доктор юридических наук М.И. Лазарев — милейший человек, крупный ученый-юрист поистине энциклопедических знаний и прекрасный лектор. С последним я плодотворно сотрудничал много лет, благо он проживает в нашем доме на Фрунзенской набережной. Книги были одобрены Центром международного права и рекомендованы для опубликования. Однако в те времена издать научные книги можно было только разве за свой счет. Интересно было поведение моего бывшего начальника, а тогда

главного научного сотрудника Института государства и права, доктора юридических наук Н.А. Ушакова. Прочитав мою рукопись по вопросам международной безопасности, написанную в духе нового времени, профессор впервые за много лет заявил: «Я категорически против ее опубликования. Это антисоветский пасквиль. Цитируется даже изменник родины!» Ушаков имел в виду моего отца. Но рукопись была одобрена Центром международного права при одном голосе против. Ее спас заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук, профессор Е.Т. Усенко. Он сказал, что рукопись неплохая, написана с новых позиций и может быть опубликована. В 2001 году вышла в свет «Юридическая энциклопедия» (издательство «Юристъ»), где были опубликованы восемь моих статей. Ответственным редактором раздела «Международное право» был Н.А. Ушаков. Меня чрезвычайно удивило, что он поставил свою фамилию под моей статьей «Безъядерная зона», а также стал «соавтором» моей статьи «Оружие массового поражения». На данную тему профессор никогда ничего не писал. В отличие от других ученых нашего института Ушакова не было оснований уличать в плагиате. Мне хотелось бы думать, что это была ошибка редакторов энциклопедии, ибо я всегда относился к профессору с большим уважением.

Еще в 1989 году сестре пришло приглашение от жены отца Элейн приехать в гости в США. Однако Анне не дали визу. В районном ОВИРе ей прямо сказали, что визу в США для свидания с отцом она не получит. Кто мог позволить изменнику родины наслаждаться встречами с родственниками из Москвы? Между тем полковник КГБ в отставке В.В. Молодцов заявил в интервью Государственному телеканалу «Россия» в связи со съемками осенью 2003 года документального фильма об отце «Роковое решение», что КГБ никогда не

возражал против поездки детей к Шевченко. Этому препятствовали якобы другие органы, видимо, партийные.

Родственников же супершпиона КГБ К. Филби, работавшего на СССР на протяжении десятилетий, английские власти свободно пускали в Москву!

Только в феврале 1992 года, после развала СССР и разгрома КГБ СССР, сестра впервые отправилась в гости к отцу. Причем она прилетела к отцу одна, а дети остались в Москве. Отец купил ей тогда дорогой билет первого класса на самолет американской авиалинии «Дельта». Кстати, как только стало известно о приезде Анны в США, жена православного священника, настоятеля храма Святого Джона Баптиста в Вашингтоне (с 1980 г.) В. Потапова Маша тут же срочно познакомила отца с молодой «туристкой» из Москвы Наташей, буквально «угговорив» последнюю прийти в гости к богатому американцу русского происхождения. Всего за несколько дней до приезда сестры в Вашингтон отец позвонил ей и сказал: «Я женюсь» Мне отец также позвонил и заявил: «Гена, ты, как мужчина, меня поймешь». Дочери же отец даже не пытался объяснить причины столь поспешного брака.

В 1991 году я подготовил комплект документов, необходимых для иммиграции в США. Отец также прислал мне соответствующие обязательства с его стороны. В посольстве США в Москве мне сказали, что все эти материалы надо опускать в специальный ящик, находящийся за пределами железной ограды посольства. Через два года, не получив ни ответа ни привет, я понял, каким дураком я был. Ведь этот ящик, видимо, не полностью контролировался сотрудниками посольства, и вполне возможно, все мои документы попали не в посольство, а в КГБ. Тогда я стоял в огромной очереди на вход в посольство и в дальнейшем пожалел, что не послушал одного мудрого еврея,

который посоветовал мне лучше переслать иммиграционные документы непосредственно в США.

В 1992 году представитель журнала «Совершенно секретно» приезжал в большой дом отца в дорогом районе на окраине Вашингтона и взял у него интервью, которое было показано по Центральному российскому телевидению. Особняк отца (около тысячи квадратных метров) построен из красного кирпича и был обставлен дорогой антикварной мебелью, отдельные предметы которой стоили десятки тысяч долларов США, а сам дом более одного миллиона долларов США. На большом участке земли отец сам выращивал помидоры и цветы. Артем Боровик как-то сказал в шутку или всерьез, что по сравнению с домом Шевченко дача М.С. Горбачева в Форосе выглядит как сарай. О. Эймс, высокопоставленный сотрудник ЦРУ, проработавший на КГБ с 1985-го по 1994 год, рассказывал в интервью журналисту П. Эрли, что ЦРУ решило купить Шевченко дом на окраине Вашингтона. Бывший высокопоставленный сотрудник ЦРУ и начальник Эймса П. Эрнст в беседе со мной в Вашингтоне 31 октября 2003 года нехотя признал только факт частичного финансирования ЦРУ покупки виллы. Сам отец говорил мне, что купил его на гонорары от своей книги, которые превысили один миллион долларов США (это соответствует финансовым документам, оставшимся после смерти отца, однако, несомненно, он потратил эти деньги на другие цели). Я видел данный дом, когда приезжал дважды к отцу в 1994-1995 годах, меня снимали на его фоне американские телеоператоры в ноябре 2003 года. Действительно, дом который купил О. Эймс за 540 тысяч долларов, переданных ему наличными за работу на КГБ, выглядит гораздо скромнее по сравнению с первым особняком отца, фактически подаренным ему ЦРУ.

В конце 1992 года моя сестра в очередной раз приехала к отцу уже с двумя детьми и после удачных родов в Вашингтоне (она родила третьего мальчика по имени Никита, который сразу же стал гражданином США) не вернулась в Россию. Некоторое время она проживала в большом доме отца, однако, после того как отец женился в третий раз, сестре недолго удалось погостить у него. Молодая мачеха не особо жаловала родственников мужа. Анна проживала в подвальном, плохо обогреваемом помещении дома. Затем сестре с семьей пришлось снимать за свой счет квартиру.

В это время в России полным ходом шла «демократическая» революция, начатая Б.Н. Ельциным и его сподвижниками после провала августовского путча 1991 года.

Ее основной целью была забота не об интересах русского народа, а о том, чтобы сделать привилегии номенклатуры высшего, среднего и низшего звена пожизненными. При советской власти эти привилегии были временными — после ухода на пенсию чиновники, как правило, теряли большую часть своих благ. Кроме того, члены Политбюро ЦК КПСС были просто нищими по сравнению с новыми русскими, в состав которых входят в основном старая номенклатура, их дети и родственники, аферисты, сумевшие доказать, что их услуги необходимы власти имущим, или бизнесмены, приватизировавшие за бесценок национальные богатства, а также просто уголовники. Связь власти с криминальным миром неоспорима и как никогда ранее повсеместна.

«Демократическую» Россию возглавили не идейные противники «бесчеловечного» режима, а партийные аппаратчики и пропагандисты, не историки, юристы и философы, а бессовестные специалисты по научному коммунизму, воинствующему атеизму и политэкономии социализма, гордые собой, молодые и упитанные

«реформаторы», ехидно посмеивающиеся над русским народом с экрана телевизора.

При этом идет всяческое заигрывание с западными странами и прежде всего с США. Пожалуй, в этом отношении лишь Е.М. Примаков проявил твердость, но его быстро сняли как с поста министра иностранных дел, так и с поста председателя Правительства России. О том, что с Россией не особенно считаются, свидетельствует хотя бы факт обстрела российского посла, возвращавшегося из Ирака во время агрессии, развязанной США в 2003 году против этой страны. О советском дипломатическом кортеже американцы были заранее предупреждены. Российский МИД раболепно согласился с американской версией о «случайности» инцидента.

В.М. Фалин пишет в своей книге «Конфликты в Кремле», что экономический ущерб от новаций последнего десятилетия на территории бывшего Советского Союза превысил материальные потери СССР во Второй мировой войне в два — два с половиной раза. В среднем уполовинен жизненный стандарт населения. По темпам социального демонтажа Россия впереди всех как развитых, так и развивающихся стран. В стремительности обогащения иные новые русские спорят с арабскими шейхами. И это при умопомрачительном падении промышленного и сельскохозяйственного производства внутри страны.

Перестройщики и «демократы» вовлекли нашу страну в такую страшную пучину воровства, откровенного грабежа основной массы русского населения, цинизма, страданий и унижений, что эпоха Л.И. Брежнева выглядит как золотой век социализма. Говоря о так называемых «младодемократах» или «мутантах демократии» Е.Т. Гайдаре, А.Б. Чубайсе и других, хотелось бы подчеркнуть, что, по моему мнению, у них, возможно, не было злого умысла, когда они

пытались построить демократическое общество в России. Сделать это было весьма непросто, ибо Россия исторически существенно отличается от западных демократий и добиться в ней коренных демократических преобразований за короткий срок весьма трудно. Вспомним, что и в богатой сейчас Америке были грабительский капитализм, глубокая депрессия и массовое обнищание населения. Однако подобного форменного бандитизма, поощряемого государством, как в России, пожалуй, нигде не было. Именно поэтому простой народ так ненавидит новоявленных реформаторов, несправедливо обогатившихся.

Глава 19

В ГОСТЯХ У ОТЦА ПОСЛЕ СЕМНАДЦАТИ ЛЕТ РАЗЛУКИ, ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ВАШИНГТОНЕ ПОДСТАВЛЯЕТ ОТЦУ ЖЕНЩИНУ

Только осенью 1994 года отец пригласил меня с женой Ниной и сыном Аркадием к себе в гости. Несомненно, что наш приезд всячески отодвигала молодая жена отца. Загранпаспорт я оформил без проблем, ведь прошло семнадцать лет с тех пор, как я имел допуск в МИДе СССР к секретным и совершенно секретным документам. Однако визу в посольстве США удалось получить только со второго раза, ибо я уезжал со всей семьей и было необходимо доказать консульским работникам посольства, что мы не останемся на постоянное место жительства в США. Такими жесткими стали правила, так как американцы боялись, что российские граждане, выезжающие по временным визам в массовом масштабе в США после развала СССР, останутся в самой богатой стране мира навсегда. Еще в 80-х годах Верховный суд США принял решение о том, что если лица, приехавшие в США нелегально, докажут факт проживания в Америке в течение семи лет подряд (достаточно было предъявить, например, квитанции из прачечной или подобные бумаги), то они получали право на работу и проживание в США.

С приходом к власти Б.Н. Ельцина многие уезжали в США по туристическим визам, особенно ученые, которых

довела до нищеты «демократическая» власть. Только из Центра международного права Института государства и права Академии наук (СССР, а затем России) двое талантливых ученых практически навсегда уехали в США. Это — доктор юридических наук Н.Б. Крылов и кандидат юридических наук Г.М. Даниленко — заведующий центром. Правда, последнему жизнь в США не принесла счастья, он каким-то образом попал в историю уголовного характера, связанную с перевозом наркотиков, и трагически погиб. По сообщению «Радио Свобода» от 20 апреля 2001 года, университетский преподаватель юриспруденции из Детройта Г. Даниленко погиб от отравления кокаином во время перелета из Европы. На борту самолета у него произошел приступ, напоминавший сердечный. После аварийной посадки в Канаде Даниленко был доставлен в больницу, где из его желудка было извлечено более десятка пакетиков с наркотиками. Ученый в течение нескольких лет преподавал российское право в ряде американских университетов. В Институте государства и права говорили, что у Даниленко был пожизненный гранд на работу в США. Один способный ученый уехал в Канаду (кандидат юридических наук С. Виноградов). Крупнейший специалист по международному частному праву, профессор М.М. Богуславский проживает в Германии. Однако представители гуманитарных наук не наносили такого ущерба России, по моему мнению, как уезжавшие навсегда математики, физики, атомщики, талантливые программисты и так далее, которые выехали в различные страны мира десятками, если не сотнями тысяч, спасаясь от грабительского, пиратского капитализма, навязанного «младореформаторами». Таким образом, стране был нанесен долговременный ущерб в сотни миллиардов долларов, по сравнению с которыми помощь, оказанная США и другими западными странами, — жалкая милостыня.

О массовом отъезде из России можно было судить даже по авиарейсам: самолеты, летевшие, например, в США, были полны туристов, а обратно возвращались полупустые.

Первый раз, когда я обратился за визами в посольство США, мне отказали под предлогом маленькой зарплаты в 500 долларов США, хотя я и здорово приврал (в действительности я получал 100 долларов). Во второй раз я уже действовал наглее — прежде всего взял свидетельство на право собственности на квартиру на Фрунзенской набережной, пропуск жены в Институт по организации энергетической промышленности СССР (ОРГЭНЕГОСТРОЙ), свидетельствующий о том, что она до сих пор работает (однако она уволилась в 1988 году в связи с рождением сына Аркадия, но пропуск сохранила). Моя жена была секретарем директора института, но числилась в качестве старшего инспектора канцелярии. В остальном я наглым образом приврал: сказал, что получаю тысячу долларов в месяц, а жена — 500. Консульский работник спросила у меня, какую я имею машину. Не моргнув глазом, я ответил: «Волга». Во всем этом мне поверили на слово, однако главную роль сыграло то, что я заявил следующее: «Мой отец — известный человек в США. Он был заместителем Генерального секретаря ООН, а затем остался в США». Консульский работник посольства ушла на несколько минут и, вернувшись, сказала: «Все в порядке. Вам даны визы». В итоге я с женой и сыном полетел рейсом «Аэрофлота» к отцу. Авиабилеты отец прислал нам из Вашингтона.

В аэропорту меня встречал отец с молодой женой Наташей. Она была ровесницей моей жены Нины: они обе родились в августе 1953 года и почти в один день. Наташа на два дня старше. Жена отца стала снимать нас на видеокамеру, но, видимо, очень переволновалась

и забыла снять с объектива крышку. Запечатлеть историческую встречу сына с отцом после семнадцати лет разлуки не удалось. Первым мужем Наташи был некто по фамилии Селиверстов Евгений Аркадьевич, с которым она развелась через два с половиной года. Затем она вышла замуж за Осина А.Г., сына военного, родилась дочь, но вновь последовал развод. Осин оставил ей дочь и двухкомнатную квартиру в Москве, которую Наташа впоследствии сдавала в аренду, став гражданкой США. Выйдя замуж за моего отца, она взяла его фамилию и поменяла фамилию дочери на Шевченко. Правда, отец не стал ее «удочерять». Нужно сказать, что Наташа Осина (в девичестве Шленова) существенно сократила жизнь моему отцу.

Во время моего приезда отец проживал в большом кирпичном двухэтажном доме площадью около 500 квадратных метров, в штате Мэриленд (в переводе на русский язык — «веселая земля») в элитном районе недалеко от реки Потомак в сорока минутах езды на машине от Вашингтона. Интересно, что недалеко находится также и штаб-квартира ЦРУ. Он недавно переехал в этот дом по требованию его молодой жены. Огромный особняк, который я кратко описал в предыдущей главе, был продан за 700 тысяч долларов — половину его реальной цены.

Жена отца знала, что по законам США имущество, приобретенное в браке, является совместной собственностью супругов, и ей хотелось иметь супружескую долю. Новое жилище «молодоженов» стоило около 400 тысяч долларов США (сейчас в два раза дороже). Они стали сразу же производить в нем дорогой ремонт. Только за спилку деревьев отец заплатил 19 тысяч долларов США, хотя это в действительности стоило гораздо дешевле. Дом был также обставлен дорогой антикварной мебелью, везде были роскошные ковры и хрустальные люстры ручной

работы. Но все уже было совместной собственностью супругов, ибо молодая жена отца отказалась заключить брачный договор. У нее были хорошие советники, в частности, православный священник Виктор Потапов, много лет проработавший на радиостанции «Голос Америки», и его жена Маша, которые давно жили в США.

Больше всего меня поразила огромный телевизор с экраном метр на метр. В Москве он тогда стоил около 7 тысяч долларов США. Мой 6-летний сын Аркадий целыми днями смотрел американские мультфильмы; он все понимал, так как я обучал его английскому языку практически с самого рождения.

Отец тогда писал детектив, рассчитанный на американского читателя. В помощь он пригласил писателя и журналиста А.С. Макарова, который приезжал к отцу и жил в его доме. В частности, и во время нашего визита — более недели. Отец дал ему задаток 2 тысячи долларов США, а позднее выплачивал еще деньги. Однако, как сказал мне отец в 1995 году, Макаров не оправдал его надежд — книга не получилась, и совместное произведение так и не вышло в свет. В последние годы Макаров вел на Центральном телевидении программу «Старая квартира» и передачу «Газетный дождь». В 2001 году он предложил мне выступить в программе «Старая квартира» вместе с послом А.Ф. Добрыниным и рассказать об отце. Но тогда я был еще не готов к откровенному разговору. Кроме того, не хотелось, чтобы Макаров заработал и за счет меня деньги. Поэтому я отказался от участия в передаче под предлогом того, что мне ничего за это не заплатят.

Женившись на Наташе, отец практически забросил лекторскую деятельность, однако иногда выступал по американскому телевидению.

Интересно, что, когда моя жена Нина с сыном Аркадием гостили у моей сестры Анны в течение недели на квартире, которую сестра снимала в Вашингтоне,

Наташа попыталась меня спровоцировать и вызвать ревность моего отца. Произошло это следующим образом. Отец сидел на кухне, а Наташа пригласила меня в комнату своей дочери, чтобы показать ее новый портативный компьютер-переводчик. Вдруг Наташа стала нежно гладить меня по руке, рассчитывая на ответную реакцию с моей стороны. Однако я не поддался на провокацию, и все на этом закончилось. Да, «девушка» не проста, подумал я тогда. Ведь мой отец был жутко ревнив.

Отец организовал нам недельную поездку на открытый океан в Оушен-Сити (дословно «город на океане»), находящийся примерно в трех часах езды от Вашингтона. Там мы жили в съемной двухкомнатной квартире, которую оплатил отец через Наташу (владелицей квартиры была ее знакомая, и, как мне показалось, Наташа взяла с отца в два раза дороже, чем стоила аренда квартиры). У нас была возможность посмотреть рекламные объявления, в которых указывалась стоимость аренды аналогичной квартиры в то время года. Несмотря на конец октября, погода была очень хорошей — 24 градуса тепла и яркое солнце. Аркаша очень любил ловить бабочек. Их там было великое множество. Мы с сыном ежедневно купались в Атлантическом океане. Нина только обтиралась и заходила по пояс в воду, ибо вода была довольно холодная — плюс 16 градусов.

Мы прекрасно провели время и оказались как бы в другом мире. Хотя и говорят: деньги не приносят счастья, но и их отсутствие также не прибавляет радостей в жизни, а, наоборот, сокращает. Однако мы убедились, что в США хорошо только тем, кто имеет деньги, или коренным американцам, а не иммигрантам, приехавшим туда уже не молодыми на голое место. Кроме того, отец сразу же заявил, что помогать нам материально он не сможет.

Отец подал документы в иммиграционное агентство (Национальный центр виз, находящийся в Портсмуте) для получения разрешения для нас приехать на постоянное место жительства. Он выступил в качестве гаранта, что мы не будем просить у американского правительства социальной помощи в случае отсутствия работы. Для того чтобы быть гарантом, необходимо было иметь 13 тысяч долларов США в год дополнительного дохода на каждого въезжающего родственника, а нас было трое. Кроме того, воссоединение с ближайшими родственниками было возможно, если приглашающий родственник является гражданином США. Отец им стал 28 февраля 1986 года, то есть почти через восемь лет после того, как он остался в США. Причем для отца сделали исключение, так как существовало общее правило о том, что все бывшие члены КПСС могут получить гражданство США только через девять лет. Такое же исключение сделали и для бывшего генерала КГБ О. Калугина, который получил гражданство США еще быстрее, чем мой отец, видимо, за особые заслуги перед американским правительством.

Более того, для взрослых детей получить тогда гринкарту было уже не просто в связи с массовой иммиграцией в США из бывшего СССР, Мексики и стран Латинской Америки. Сестре в 1992 году повезло больше. У отца были очень хорошие связи с республиканской администрацией. Оказалось, что глава иммиграционного агентства США был его знакомым. И сестра практически очень быстро получила грин-карту как беженка по политическим мотивам. Тем более, что в нашем положении доказать это было нетрудно. С избранием президентом США Б. Клинтона руководство иммиграционного агентства изменилось, и отец уже ничего не мог сделать. Вообще, он считал Клинтона американским «коммунистом».

У отца был старый спортивный «форд» 1979 года, который он купил для тренировочных целей за 2 тысячи долларов США. Правда, он был в отличном состоянии, так как стоял до этого много лет в гараже. Данная машина специально предназначалась для учебной езды. В частности, Наташа училась на ней вождению. Я также ездил на ней по чудесным американским дорогам, и американцы смотрели на машину устаревшей модели с улыбкой на лице. Один из них мне как-то с юмором сказал: «Коллекционная вещь». Аркаше почему-то понравился именно этот автомобиль, и я обратился к отцу с просьбой подарить мне его, когда я приеду на постоянное место жительства в США. Наташа, услышав о моей просьбе, возмущенно сказала: «Аркадий, ты ведь обещал подарить машину моей дочери Наташе-младшей!» Отец сразу смутился и робко ответил: «Да, да, я совсем забыл об этом». Падчерица отца, взявшая сразу его фамилию, училась тогда в дорогой американской школе на полном пансионе. Однако, как мне показалось во время двух поездок в США в 1994–1995 годах, она относилась к своему новому «отцу» с презрением. Правда, она очень благодарила отчима после окончания вышеупомянутой престижной школы, где учились дети богатых американцев. Тогда мой отец устроил грандиозную вечеринку в честь сего «знаменательного» события, которая обошлась ему в несколько тысяч долларов. Его дочь Анна, которая чувствовала себя бедной родственницей, не пошла на это празднество, на котором присутствовали все знакомые Наташи и даже сын священника Глеба Якунина — молодой рыжий парень.

Отец ездил на новом дорогом автомобиле марки «Кадиллак» (стоимостью около 35 тысяч долларов), а его молодая жена на новой машине-фургоне «додж» (более 25 тысяч долларов).

Кстати, отец имел в своем доме огнестрельное оружие, видимо, оно осталось с тех времен, когда он опасался КГБ. Однако эта организация, возможно, проникла в его дом другим путем — через молодую жену.

Она приехала в США по туристической визе по церковной линии в ноябре 1990 года вместе с 14-летней дочерью от первого брака еще в период существования всемогущего КГБ (как она рассказывала моей жене — с 20 долларами в кармане). Возможно, ее приезду в США способствовал отец Глеб Якунин. Сестре, как я уже писал, тогда отказали во въезде в США. Наташа Шленова-Осинова хотела получить статус беженца — преследуемого в СССР по религиозным убеждениям. До этого она была секретарем редакции журнала Виктора Аксючи-ца, ставшего в дальнейшем депутатом Государственной думы. Однако, судя по некоторым данным, которые нуждаются в проверке (уточнить их у самого Аксючица мне не удалось), он разругался с ней якобы по причине ее связей с КГБ или из-за пропажи денег фирмы. Во время моей последней встречи в Москве в начале 1996 года с женой отца она не скрывала своего знакомства с чекистами. Передав от отца небольшую посылку (диск с компьютерной игрой для лиц, достигших 18-летнего возраста, — Аркаше было тогда восемь лет и у нас не было компьютера), молодая жена отца сделала моему сыну щедрый подарок от себя лично — бывшие в употреблении замшевые туфли ее дочери. Когда я работал в 1996 году в коммерческой юридической фирме, к генеральному директору А.В. Бесяцкому пришел его знакомый — сотрудник Службы внешней разведки России (нелегал). Я представился, и мы разговорились. Он был полностью уверен, что эту женщину, картографа по специальности (диплом МГУ с отличием, кроме того, она закончила экстерном за девять месяцев специальный факультет Московского

физико-технического института), дочь подполковника МВД, КГБ подставил моему отцу, зная его слабость в отношении женского пола, с намерением полностью его разорить. Кстати, как мне признавалась Наташа, ее любимым фильмом был многосерийный телевизионный фильм «Семнадцать мгновений весны». Один из генералов КГБ в отставке в ответ на вопрос, могла ли быть Наташа агентом КГБ, сказал следующую загадочную фразу: «Один агент подставляет другого агента». Он имел в виду священника Г. Якунина и Наташу.

Мой отец был русским человеком, он не понимал, что из России приезжают не тургеневские девушки, а акулы, которые мечтают обогатиться богатыми вдовцами и устроить свою жизнь.

Отец Наташи В.С. Шленов, кстати, проживал в Москве в трехкомнатной квартире в пяти минутах ходьбы от Петровки, 38, своей бывшей работы. Практически каждый год тесть и теща приезжали на длительное время в гости к моему отцу, и им делались дорогие подарки, в том числе даже бензопила для дачи в Подмосковье.

Отца познакомила с Наташей жена православного священника Виктора Потапова, возглавлявшего тогда церковный приход в Вашингтоне, который не подчинялся патриархии. Кстати, священник вместе со своей женой Машей побывал в гостях у моей сестры еще в 1988 году. Имеется соответствующая фотография. Аня вспоминала, что Потапов с большим интересом рассматривал имеющийся в ее квартире антиквариат.

Как рассказывали моей сестре Анне прихожане другого православного прихода в Вашингтоне Сент-Николаас, церковь Потапова прославилась тем, что знакомила престарелых американцев русского происхождения с молодыми женщинами из России, причем, как утверждали эти прихожане, старички

американцы вскоре после бракосочетаний умирали уж слишком скоропостижно.

Отец подарил священнику после свадьбы и венчания с Наташей в своей церкви (в свидетельстве о браке отца имеется личная подпись В.С. Потапова — настоятеля православного собора Святого Джона Баптиста) в качестве «калыма» практически новый автомобиль марки «Форд», а также постоянно делал солидные пожертвования. Кроме того, во время православных праздников отец устраивал благотворительные обеды и сам готовил украинский борщ. На один из таких обедов пригласили меня, мою жену Нину и маленького Аркадия. Все это проходило в специальном отдельном здании, находившемся на территории церковного прихода отца Виктора Потапова. Наташа суежилась на кухне, а отец контролировал процесс приготовления пищи. Однако следует отметить, что молодая жена отца плохо умела готовить — это было просто ей не дано. Отец сам готовил себе еду. Как-то во время моей второй поездки к отцу в 1995 году моя мачеха взялась приготовить отборную лососину, которую купил отец. Наташа просто ее испортила — рыба была сухая и невкусная. Она спросила меня, как мне понравилась рыба, так как отец ее усиленно нахваливал.

Я сказал: «Каждому — свое. Вы хорошо умеете шить, а моя жена готовить пищу». Как известно, Наташа до своего брака с отцом шила рясы для священников.

На тот благотворительный обед пришла группа русских дворян, родители которых эмигрировали в США после Октябрьского переворота 1917 года. Хотя было видно, что они небогаты, но сам их гордый внешний вид, правильная русская речь и интеллигентное поведение говорили о многом. В конце обеда отец Виктор Потапов объявил всем, что это мероприятие было организовано за счет Аркадия Шевченко, который сам принял участие

в приготовлении пищи. Раздались единодушные аплодисменты.

Потапов имел свой, довольно большой дом в Вашингтоне, где также несколько лет жил сын отца Глеба Якунина, которого Патриарх Московский и всея Руси Алексей II лишил священного сана во второй половине 90-х годов за совмещение государственной службы с церковной. Однако и некоторые другие православные священники являлись депутатами в то время, но их никто не лишал сана. Следовательно, Якунина наказали по другой причине. После разгрома КГБ в 1991 году его новый председатель В.В. Бакатин допустил к некоторым архивам «демократов», в том числе, видимо, и отца Г. Якунина. Примерно в это время последний заявил, что около 50 процентов всех православных священников сотрудничали с КГБ. Отец Глеб был весьма зол на патриарха и сказал мне по телефону в январе 2003 года, что патриарх якобы имеет почетную грамоту от КГБ СССР, «Вот интересно, где он ее хранит сейчас», — подчеркнул Якунин. Он также отметил, что агентурной кличкой будущего патриарха, с момента его вербовки в 1958 году, была Дроздов, и данная информация давно опубликована в прибалтийских газетах. Генерал КГБ в отставке Красильников в своей упомянутой книге обвинил В. Бакатина в том, что некоторые данные об агентуре КГБ попали в руки прибалтийских лидеров. Кстати, к отцу Г. Якунину я отношусь с большим уважением. Он действительно пострадал во время советской власти за свои религиозные убеждения и правозащитную деятельность, отсидев много лет в тюрьме.

В «Новой газете» от 13 октября 1998 года отмечалось, что скромный архивариус таллинского архива, разбирая документы Совмина Эстонской ССР, наткнулся на следующий документ: «Отчет об агентурно-оперативной деятельности за 1958 год 4-го

отдела КГБ при Совете Министров ЭССР» с подзаголовком: «Состояние агентурно-оперативной работы по пресечению враждебной деятельности церковников и сектантов» (папка «Совершенно секретно»). «Агент Дроздов, 1929 года рождения, священник православной церкви, с высшим образованием, кандидат богословия. Завербован 28 февраля 1958 года на патриотических чувствах для выявления и разработки антисоветского элемента из числа православного духовенства. При вербовке учитывалось в будущем выдвижение его через имеющиеся возможности на пост епископа Таллинского и Эстонского. За период сотрудничества с органами КГБ Дроздов зарекомендовал себя с положительной стороны, в явках был аккуратен, энергичен, общителен. В честь тридцатилетнего тайного сотрудничества Дроздова с органами он был награжден специальной грамотой руководства КГБ за подписью его председателя В. Крюкова».

В. Аксючиц вспоминает на страницах газеты «Московский комсомолец» (17.05.2004 г.) о своем разговоре осенью 1991 года с главой Русской зарубежной церкви митрополитом Виталием, который подчеркнул, что «в России ничего не изменилось, у власти находятся перекрашенные коммунисты, в руководстве же Патриархии — агенты КГБ».

«Архитектор» перестройки А.Н. Яковлев справедливо пишет: «Почему почтенные и высококочтимые иерархи нынешней церкви не предадут анафеме антипатриотическую и антихристианскую партию, разрушившую церковь, объявившую религию злом, подлежащим искоренению?..

Я хорошо понимаю, что многих пастырей еще тяготит груз прошлого, того прошлого, когда всю религиозную деятельность контролировали спецслужбы. Они подбирали людей для учебы в религиозных

заведениях, вербовали их на службу в разведке и контрразведке. Многих двойников я знаю, знаю даже их клички, но обещаю эти знания унести с собой».

Сын Якунина усердно отработывал свой хлеб в доме и церковном приходе Потапова: был слугой и дворником. Якунин говорил мне еще в 1995 году, что он зря связался с Потаповым, так как некоторые конгрессмены США уже обещали ему предоставить грин-карту для его сына. Во время вышеупомянутого телефонного разговора с Якуниным последний рассказал мне, что, к его великому удивлению, в настоящее время отец В. Потапов всецело подчиняется Патриархии. В конце 90-х годов я даже как-то увидел Потапова по Центральному российскому телевидению. Его представили как иерарха Русской православной церкви за рубежом. Видимо, за свои труды он получил повышение.

В. Потапов со своей женой-француженкой русского происхождения Машей часто бывал в гостях в доме отца. Приезжал к отцу за его счет и депутат Государственной думы России отец Г. Якунин. Все это было с подачи «набожной» Наташи. Однако она всегда отмечала американский сатанинский праздник Хеллоуин, и во время нашего визита в 1994 году сказала мне: «Я тоже немножко ведьма».

Отец мне рассказал, что Якунин предлагал ему организовать через Б.Н. Ельцина помилование. Однако отец категорически отказался — он хотел полной реабилитации. В 1992 году Генеральная прокуратура РФ (ею руководил В.Г. Степанков) направила в Верховный суд РФ протест по делу Шевченко, требуя его пересмотра и отмены приговора. Но Верховный суд 14 июля 1992 года этот протест отклонил. Как известно, Ельцин помиловал около 10 агентов ЦРУ, в том числе В. Поташева и Б.Н. Южина, которые сразу же перебрались в США. Такого снисхождения к предателям не оказывала ни одна страна в мире.

Во время первой поездки к отцу моя жена Нина сблизилась с Наташей. Последняя не один раз говорила: «Интересно, где же Аркадий держит свои деньги?» Данный вопрос ее очень интересовал больше всего. Отец, к сожалению, был полностью «под пятой» у своей молодой жены и выполнял все ее прихоти. Хотя моя сестра была все время его любимицей вплоть до его венчания с Наташей, Анна Шевченко с тремя детьми жила в США как бедная родственница. Я это увидел собственными глазами. Она не могла позволить себе покупать своим детям — родным внукам отца, — например, парную дорогую телятину, нарезанную мелкими ломтиками, которой отец кормил Наташину собаку Соню, которую привезли ее родители из России в специальной клетке за 200 долларов. Сука кокер-спаниель была полной хозяйкой в доме отца: она усаживалась прямо на обеденный стол на кухне. И отец никогда ее не прогонял. Это делал я, когда гостил у него. Кроме того, сестра покупала своим детям одежду, как правило, в самом дешевом, не облагаемом налогами, магазине подержанных вещей Армии спасения США под названием «Трифт» (по-русски — бережливость). Наташа же получила в подарок от отца на свадьбу дорогое бриллиантовое кольцо, о котором она упоминала, но не рискнула показать его ни мне, ни моей жене.

Во время первой поездки к отцу я открыл счет в банке, положив свои личные 2 тысячи долларов США, которые бы мнегодились, если бы я приехал на постоянное место жительства. В банке мне предложили открыть счет на мое имя, однако отец сказал, что лучше открыть совместный счет, так как мне могут понадобиться деньги, которые он сможет прислать мне в любой момент. Кстати, ранее отец открыл совместный банковский счет со своим зятем В.Г. Иванцовым (сестра продала дачу и трехкомнатную квартиру). Иванцову

отец сказал, что тот лично не может, как советский гражданин, открыть счет в США.

Кроме того, я отдал на хранение отцу бриллиантовое кольцо (0,9 карата), которое я подарил жене Нине в 1981 году, а также два кольца с мелкими бриллиантами, подаренные моими бабушками. Я рассчитывал, что это будет неприкосновенный запас на случай временных трудностей во время моего переезда в США. Как я пожалел об этом в дальнейшем, я расскажу в специальной главе своей книги.

У отца мы пробыли полтора месяца, больше не смогли — Наташа была явно недовольна визитом столь большого количества родственников мужа.

В зале ожидания аэропорта к нам подошел человек (судя по его наглости, это был сотрудник КГБ, надзирающий за МИДом). Он сказал отцу: «Как же вы довели до самоубийства свою жену?» Не получив ответа, он подошел ко мне и заявил: «Помните, как я рекомендовал вас в МИДе в члены КПСС». Я довольно резко ответил ему: «Что-то я вас не помню, я никогда не вступал в члены КПСС, и вообще какое вы имеете право вмешиваться в чужую личную жизнь!» Подвыпивший кагэбэшник ретировался.

Прощаясь, маленький Аркаша, поцеловав деда в щеку, сказал: «Дедушка, помоги нам перебраться в Америку!» Больше отец не приглашал нас вместе к себе в гости, видимо, это была работа его жены Наташи. Однако в следующем году в доме отца более двух месяцев жила ее подруга, которая лечила тестя отца.

Глава 20

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА К ОТЦУ

В мае 1995 года отец пригласил меня одного к себе в гости. Он написал письмо в посольство США в Москве, в котором указывал, что ему необходима помощь в приведении в порядок своих документов и огромной библиотеки.

Получив на этот раз без проблем американскую визу, я полетел в очередной раз в Вашингтон. В аэропорту Шереметьево-2 таможенники не разрешили мне провезти четырехтомные собрания сочинений Пушкина и Лермонтова, которые Наташа просила привезти ей. Таможенник сказал, что собрания сочинений нельзя вывозить из России. Хотели даже не пропускать мой личный трехтомный англо-русский словарь (после развода с отцом в 1996 году Наташа присвоила и его), но, смилостивившись, все-таки разрешили. Интересно, что в 1994 году я привез отцу посеребренную и позолоченную копию старинного кубка, а также его посольский мундир, расшитый золотым шитьем, с маршальскими звездами на воротнике и обшлагах. Никаких проблем с таможеней у меня тогда не было. А тут «арестовали» современные издания классиков, которые в те времена не принимали даже в букинистических магазинах — в ельцинской России они не пользовались спросом.

В вашингтонском аэропорту меня уже встречал не отец с молодой женой, а муж моей сестры В.Г. Иванцов.

Последняя поездка к отцу была весьма продолжительной — я пробыл у него в гостях три месяца. У отца была огромная библиотека — тысячи книг по истории дипломатии и шпионажу, а также масса художественной литературы на русском и английском

языках. Поэтому основное время я посвятил приведению в порядок и чтению отцовских книг. Десятки томов мемуарной литературы советских дипломатов и разведчиков на русском языке я привез ему из Москвы.

2 июня 1995 года пришло официальное письмо из иммиграционного агентства США в связи с подачей в 1994 году отцом документов о моей иммиграции. Когда жена отца Наташа увидела этот документ, она изменилась в лице и не могла скрыть своего огорчения. Правда, отец сказал, что пройдет еще несколько лет, пока я получу официальные документы и разрешение на въезд в США в Москве. В письме говорилось, чтобы я не строил твердых планов, не бросал работу, не продавал собственность и т. д. Наташа сразу тут же повеселела и сказала мне: «Я очень рада за вас, Гена». Действительно, иммиграционное агентство США переслало мои документы в посольство США в Москве только 14 ноября 1997 года. В письме агентства говорилось, что теперь я должен обращаться в посольство. Там мне сказали, что для въезда в США была соответствующая очередь, которая длилась, как минимум, полгода. Мне предложили обратиться в посольство в июне 1998 года.

Помимо разборки книг отца я целыми днями записывал на видеокассеты мультфильмы на английском языке для Аркаши, моего сына. Моей обязанностью было также подстригать два раза в неделю газонокосилкой траву на участке отца. Благо он был меньше, чем вокруг его предыдущего дома, подаренного ЦРУ.

Практически дважды в неделю, а иногда и чаще, отец водил свою молодую жену в рестораны. Мне также посчастливилось участвовать в этих роскошных трапезах. Каждый такой обед или ужин стоил несколько сотен долларов США. Вообще, отец никогда не экономил на продуктах, был гурманом и любил хорошо поесть. Два

огромных холодильника в его доме всегда были полностью заполнены различными продуктами и деликатесами. Часть продуктов он покупал в специальном «русском» магазине, который получал икру, осетрину, колбасы и деликатесы из России. Причем, если срок их годности истекал на следующий день, отец, не дожидаясь его истечения, выбрасывал порой дорогостоящие продукты, которые были не доступны его дочери Анне и внукам, в мусор. Многие продукты передавались Наташей в церковь. Сердобольная жена отца по поводу такой недостаточной экономии часто говорила: «На том свете, Аркадий, ты будешь расплачиваться за это и голодать, а дорогие продукты, которые ты выбрасываешь сейчас, будут пролетать мимо тебя».

В июле отец с женой и ее подругой, которая более двух месяцев проживала у отца, поехали отдыхать на две недели на открытый океан в тот самый город, где я с семьей отдыхал шесть дней в конце октября в 1994 году. Я остался с Наташиной собакой сторожить отцовский дом. Отец спросил меня: «Ты не обижаешься, что я не взял тебя с собой?» — «Нет, что ты, папа», — ответил я.

Этим летом отец оформил кредит в банке (свыше 300 тысяч долларов США) под залог своего последнего дома (кредит был оформлен на отца и Наташу). Он попросил меня, как юриста, проверить все необходимые документы для кредита. Деньги были нужны для обучения падчерицы в одном из самых престижных университетов США. После того как кредит был оформлен, жена отца была чрезвычайно довольна и сияла от радости. Я жил на первом этаже дома, а апартаменты отца находились на втором. У отца была большая спальня, метров 40, а у Наташи была своя отдельная. Спальня отца находилась как раз над тем местом, где внизу стоял огромный телевизор. Я смотрел

интересный художественный фильм до поздней ночи. В эту ночь отцовская кровать чрезвычайно вибрировала и были слышны стоны. Наташа отработывала кредит. За все три месяца моего пребывания у отца подобных сцен больше не происходило. Отец и Наташа сказали мне, что вся упомянутая огромная сумма денег должна была быть переведена в Пенсильванский университет для обучения «бедной падчерицы» на полном пансионе. Однако это оказалось неправдой. Обучение в данном достаточно престижном университете не могло стоить даже половины средств, полученных в качестве кредита. В частности, 31 июля 1996 года отец перевел на счет университета сумму, включающую и полный пансион за целый год, в 8928 долларов США. Куда же делись огромные деньги, которые отец получил в банке под залог своего последнего дома? Моя сестра мне рассказала, что вскоре после моего отъезда из США в августе 1995 года (кредит был оформлен в июле) отец вместе со своей женой ездил отдыхать на Канарские острова. Это, как известно, офшорная зона (в таких местах физические лица освобождаются от налогообложения), где, вполне возможно, пользуясь своим огромным влиянием на больного мужа, коварная Наташа могла уговорить его открыть счет на свое имя.

Как-то из банка в Вашингтоне, в который в 1994 году я положил свои кровные 2 тысячи долларов США, пришло уведомление о выросших процентах в размере 120 долларов США. Как много, удивился я. «Да, Гена, вы теперь богач», — с издевкой сказала Наташа.

Покупать носильные вещи для меня и моей семьи мы как-то поехали с отцом, по совету «экономной» Наташи, в соответствующий район, где проживали в основном негры, и все было там значительно дешевле. Однако после покупок молодая жена отца была явно не в настроении, и мы по дороге поссорились, и отец даже пригрозил, что откажет в моем приезде на постоянное

место жительства в США. Кстати, это было сказано под давлением Наташи, которая бросила фразу: «Ты что же, Аркадий, не защищаешь свою жену?»

В конце августа закончилась моя самая длительная встреча с отцом. В вашингтонский аэропорт меня отвозил на машине отца муж сестры В.Г. Иванцов. Я уезжал, нагруженный чемоданами и коробками с подарками, один чемодан с вещами предназначался для родителей Наташи. Я не мог предположить, что это была последняя встреча с отцом. Когда я приехал в Москву в августе 1995 года, отец попросил меня временно отдать купленный для меня новый чемодан родителям Наташи (они ведь были очень бедными!), так как они собирались очередной раз в гости к мужу своей дочери. Естественно, больше того чемодана я не видел. Когда отец купил мне большой толковый словарь английского языка «Вебстер» за 100 долларов, Наташа мне сказала следующее: «Гена, когда вы приедете на постоянное место жительства в США, то подарите мне, пожалуйста, этот словарь!» Естественно, я согласился.

Глава 21

СВЯЗНОЙ СУПЕРШПИОНА КГБ О. ЭЙМСА — МОЙ СОСЛУЖИВЕЦ В МИДЕ

Отец выписывал несколько основных американских газет и политический журнал «Тайм». Каждое утро, будучи у него в гостях, я просматривал газеты, а журнал выходил один раз в неделю. В газетах 1995 года писали, что бывший генерал КГБ О.Д. Калугин усиленно добивается получения вида на жительство в США (грин-карты), ибо в то время получить его было не просто даже для такой известной фигуры. Американская пресса иронизировала по поводу гигантских усилий Калугина в этой связи.

Один раз, просматривая журнал «Тайм», я вдруг увидел знакомое лицо. «Ба! Да это Сергей Чувахин, с которым я проработал четыре года в одном кабинете!» Да еще в каком контексте упоминался мой бывший приятель — любитель поиграть в шахматы! Оказывается, он был первым связником супершпиона Олдрича Эймса, высокопоставленного сотрудника ЦРУ, который работал на советскую и российскую внешнюю разведку с 1985 года и был «разоблачен» агентами ФБР в 1994 году. Я сразу же показал статью о Чувахине отцу и рассказал, как я работал с этим дипломатом в Отделе международных организаций МИДа. Я вспомнил, как Чувахин гордился, что он являлся не офицером, а солдатом. «Хорош солдат!» — отметил отец. Вообще, на тему об Эймсе отец почему-то не очень любил говорить. В прессе в связи с делом Эймса отмечалось, что последний завербовал А.Н. Шевченко. «Это неправда, —

подчеркнул отец. — Действительно, непродолжительное время он со мной работал. Кстати, то же самое отмечает и О. Эймс в многочисленных интервью американскому журналисту П. Эрли, которые шпион КГБ дал журналисту, уже находясь в американской тюрьме. Эрли пишет, что первоначально, в 1975 году, когда Шевченко вступил в контакт с ЦРУ, он хотел попросить политического убежища и сразу остаться в США, но ЦРУ направило для встречи с дипломатом одного из своих лучших вербовщиков (его звали Кэн), и тот уговорил Шевченко отложить свой побег и поработать в качестве агента. В дальнейшем с моим отцом работал и Эймс. Формально он не был ответственным за это. Занимался отцом заместитель руководителя отделения ЦРУ в Нью-Йорке, позже он передал данную работу Эймсу. В середине 1977 года заместителем руководителя назначили Д. Хааса, который решил взять дело отца под свой контроль. Хаас отличался крупным телосложением и раньше служил в морской пехоте. Отец же был утонченным человеком, с хорошими манерами, играл на пианино, любил поэзию. Эймс больше подходил для работы с ним. Эймс питал все большую симпатию к советскому дипломату, хотя и отмечал: «Первое, что говорят офицеру ЦРУ: «Никогда не симпатизируй своим агентам». Но именно так иногда и случается. Эймс подчеркивает, что таким образом терялась профессиональная бдительность и начинаешь верить всему, что агент скажет, и беспокоиться о его интересах больше, чем об интересах своей страны.

Между прочим, отец был весьма недоволен длительной работой на ЦРУ. Мне он рассказывал, что выдавал американцам только то, что сам считал нужным, и делал это дозированно, стараясь не навредить тем людям в СССР, которых он по-настоящему уважал.

Эймс вспоминал, что Шевченко дали псевдоним Динамит, и он ему подходил. Отец врывался к Эймсу и говорил: «Все! С меня хватит! Я готов дезертировать!» После чего Эймс и другой сотрудник ЦРУ начинали переубеждать отца, прилагая все усилия, чтобы добиться от него обещания повременить до следующей сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Он был слишком ценным источником информации.

Эймс также рассказывал, что «нас давно беспокоила неспособность Аркадия решить свои личные проблемы, а также ухудшающиеся отношения с женой. И за несколько недель до побега мы решили отвезти его в коттедж в лесу на кратковременный отдых. Предполагалось, что директор ЦРУ вручит ему медаль, чтобы «подкачать» его эго».

Любопытно, как прокомментировал арест Эймса отец: «Простите, но я ничем не могу вам помочь. Честно говоря, я почти ничего о нем не помню». Здесь чувствуется школа Громыко.

Как отмечает П. Эрли в своей книге об Эймсе, Чувахин не имел к КГБ никакого отношения, он был известен как дипломат, специализирующийся по вопросам контроля над вооружениями.

Хотелось бы подчеркнуть, что тогда Чувахин был советником посольства СССР в США. Это было весьма теплое местечко, и получить подобное назначение было очень непросто. На счет «никакого отношения» я лично что-то сомневаюсь, хотя, возможно, он не входил в официальный штат Службы внешней разведки. Но то, что Чувахин получал оттуда соответствующие инструкции, — в этом я уверен. Только особо доверенному лицу могли поручить быть связником у, пожалуй, одного из самых ценных агентов КГБ за всю историю его существования. И Чувахин успешно выдержал данное испытание. Он был всецело, как, кстати и я, предан коммунистической системе, и я

думаю, что никакие деньги или пытки не заставили бы его выдать Эймса. Его выдали другие, возможно, те, кто стремился получить во что бы то ни стало вид на жительство в США, а может быть, кто-то другой, уже расплатившийся жизнью за свой поступок. Я думаю, что Чувахин — находка Первого главного управления КГБ (внешняя разведка). Как показала история шпионажа, родине изменяли в нашей стране, как правило, не дипломаты, а сотрудники КГБ и ГРУ. Они бежали в основном ради денег и из-за недовольства своей карьерой.

Разведчик-ветеран А.А. Соколов, много лет проработавший в подразделении бывшего генерала О.Д. Калугина, довольно убедительно доказывает, что Эймса мог выдать Калугин, который лично знал связника Эймса В.И. Черкашина. Но это еще не достоверный факт.

Эймс отмечает, что, несмотря на блестящий ум, Чувахин отличался нравом бешеной гадюки и на дух не выносил большинства американцев. Для профессиональных дипломатов, особенно сотрудников посольства СССР в США, — не характерная черта.

В первой «передаче» Чувахина супершпиону КГБ находилось наличными 50 тысяч долларов США стодолларовыми купюрами. «Мне хотелось прыгать от радости. Мое дело выгорело», — вспоминает Эймс. Действительно, это была его годовая зарплата в ЦРУ.

В конце 1984 года Эймс получал в ЦРУ около 45 тысяч долларов США в год. Он имел долги на ту же сумму. По его подсчетам, чтобы обеспечить себя и жену только предметами первой необходимости, он должен был зарабатывать почти вдвое больше. У него началась депрессия. Он даже решил ограбить банк и разработал подробный план на этот счет. Однако от данной идеи Эймс отказался и уже представлял себя агентом КГБ, ведь одному из таких потенциальных агентов КГБ уже предлагал 50 тысяч долларов США. А чем он был хуже?

16 апреля 1985 года Эймс позвонил С. Чувахину, которого рекомендовал ему дипломат С.И. Дивильковский, и уговорил позавтракать в отеле «Мэйфлауэр», находившемся всего в нескольких кварталах от советского посольства. За час до встречи, как пишет П. Эрли, Эймс напечатал записку, в которой просил от КГБ 50 тысяч долларов США. Он написал следующее: «Я, Олдрич Х. Эймс, работаю начальником контрразведывательного подразделения в отделе СВЕ (Советского Союза и стран Восточной Европы. — Г.Ш.) ЦРУ. Я служил в Нью-Йорке под псевдонимом Энди Робинсон. Мне нужно 50 тысяч долларов в обмен на следующую информацию о трех агентах, которых мы в настоящее время вербуем в Советском Союзе». Эймс адресовал свою записку резиденту КГБ в Вашингтоне генералу С. Андросову. Однако Чувахин на встречу не пришел. Тогда Эймс, выпив три двойные порции водки, решил передать свою записку в посольство СССР в Вашингтоне. После ее передачи охраннику посольства оттуда вышел Чувахин и сказал, что он просто «забыл» о встрече.

— Я позвоню вам через несколько недель, — сказал Эймс.

— Я буду занят, — ответил Чувахин.

— Это мы еще посмотрим, — усмехнулся Эймс.

Выйдя из посольства, он отправился в бар, где выпил еще несколько порций водки. На следующий день он извинился перед руководителем резидентуры ЦРУ за то, что не предупредил ФБР заранее о своем посещении посольства.

По подсчетам Эймса, у КГБ должно было уйти несколько дней на проверку его личности. Русским также потребуется время на то, чтобы достать деньги. Например, отмечал П. Эрли, начальник Первого главного управления КГБ (внешняя разведка) В. Крючков обладал полномочиями на изъятие из средств военно-

промышленной комиссии не более 10 тысяч долларов без предъявления письменного объяснения. Председатель КГБ В.М. Чебриков имел право взять 50 тысяч долларов. Комиссия по военно-промышленным вопросам Президиума Совета Министров СССР (председателем комиссии являлся глава Правительства СССР, а сейчас председатель Правительства РФ) была единственной организацией в Москве, обладавшей доступом к валюте в больших количествах. Подождав две недели, Эймс набрал номер Чувахина. Он ответил: «Я все еще очень занят. Позвоните мне на следующей неделе». Но по его тону Эймс понял, что сейчас это была не простая отговорка. Эймс был уверен, что Чувахинову приказали так сказать. Ровно через неделю Эймс снова позвонил в посольство, и Чувахин согласился с ним позавтракать 17 мая 1985 года в отеле «Мэйфлауэр». Перед тем как положить трубку, Чувахин добавил: «Не могли бы вы зайти за мной в посольство?» Эймс ответил: «Какие проблемы!» — но про себя подумал: «Что, черт возьми, происходит? Зачем они еще раз меня туда вызывают? И что подумают в ФБР?» В посольстве ему передали письмо, в котором говорилось о принятии его предложения.

В ресторане Эймс и Чувахин беседовали о контроле над вооружениями. А перед самым уходом Чувахин сказал: «Ах да, вот кое-какие пресс-релизы, которые, я думаю, будут вам любопытны». Он протянул Эймсу целлофановый пакет. Эймс остановил свой автомобиль в живописном месте на Джордж Вашингтон-Парквей, рядом с рекой Потомак. Кстати, недалеко от этого места жил и отец. Эймс разорвал угол свертка. Внутри оказались туго перевязанные пачки денежных купюр. Каждая из них была по 100 долларов. Их было ровно пятьдесят.

Вечером Эймс спрятал деньги в шкафу, а 18 мая положил на свой текущий счет 9 тысяч долларов США.

Он не хотел класть на счет все деньги, так как знал, что банки обязаны заявлять о вкладах на сумму, превышающую 10 тысяч долларов наличными, агентам федеральной казны. Кстати, при Б.Н. Ельцине в России ввели такое же правило, которое было отменено в дальнейшем.

13 июня 1985 года Эймс снова встретился с Чувахиным в «Чадвиксе» — популярном вашингтонском ресторане. КГБ не просил у него дополнительной информации, но Эймс сам решил передать СССР имена всех известных ему агентов ЦРУ, за исключением двух. Помимо имен американских шпионов Эймс также намеревался сообщить КГБ про О. Гордиевского, и.о. резидента КГБ в Лондоне, работавшего на английскую разведку. Кроме того, Эймс приготовил для КГБ пачку разведывательных донесений ЦРУ весом около трех с половиной килограммов, которую положил на дно сумки для продуктов. Вечером, уходя с работы, он вынес эти секретные документы в пакете из оберточной бумаги. Никто из охранников ЦРУ не догадался туда заглянуть.

Эймс заявил федеральным следователям и двум членам конгресса США, допрашивавших его в тюрьме, что не может сказать наверняка, почему он решил сдать КГБ всех известных ему шпионов ЦРУ. Но впоследствии он в своем интервью П. Эрли подтвердил, что это решение было мотивировано страхом и деньгами. Эймс боялся, в особенности после ареста шпиона КГБ Д. Уокера-младшего, что кто-то из источников ЦРУ каким-то образом узнает о том, что Эймс сделал. Для того чтобы обезопасить себя, он не мог придумать ничего лучшего, как сообщить КГБ имена каждого из известных ему агентов разведки США. Их аресты и расстрелы были для него просто актом самосохранения. Алчность тоже сыграла здесь свою роль. Он знал, что, если станет шпионом КГБ, СССР заплатит ему «столько, что мало не покажется». В дальнейшем Эймс обвинял Лубянку в

связи с поспешными арестами выданных им агентов в 1985–1986 годах.

П. Эрли пишет в своей книге, что за девять лет шпионажа Эймса в пользу КГБ его настоящее имя было известно лишь семи офицерам этой организации. Например, даже новому председателю КГБ В.В. Бакатину не было сообщено об Эймсе, а резидент Службы внешней разведки России в Вашингтоне генерал А.И. Лысенко, которого американцы объявили персоной нон грата 26 февраля 1994 года после разоблачения советского и российского шпиона, даже не знал, что под кличкой Людмила скрывался Эймс (забавный псевдоним дал КГБ своему супершпиону!). Интересно, что ЦРУ поручило советскому шпиону заниматься уничтожением КГБ. Его начальник Милт сказал: «Я хочу, чтобы ты вбил кол в сердце КГБ». Кстати, Эймс написал Милту докладную с предложением, чтобы Бакатин отдал США схемы, которые КГБ использовал для установки подслушивающих устройств в здании американского посольства.

Чувахин был вовлечен в тайную деятельность спецслужб в связи с тем, что он, видимо, формально не был связан с КГБ, не являлся штатным сотрудником, а был подлинным, не подставным дипломатом. Следует отметить, что США также использовали «чистых» дипломатов, в частности второго секретаря политического отдела посольства в Москве Левицки, в разведывательных операциях московской резидентуры.

Кстати, сотрудники МИДа знали всех офицеров КГБ, работавших под крышей министерства, или догадывались об этом. Однако был и другой исполинский контингент, которого полностью знать было никому не дано. У КГБ было огромное количество (в несколько раз превосходящее основной штат) внештатных агентов и добровольных помощников. Они были самым тщательным образом законспирированы и,

подписав заявления о сотрудничестве, в которых обязались не разглашать секретные сведения, в дальнейшем действовали только под псевдонимами. Некоторые вообще не подписывали никаких документов. В материалах, передаваемых сотрудникам КГБ на конспиративных квартирах или гостиницах, агенты и добровольные помощники фигурировали как источники, а в конце подписывались под псевдонимами. Часть таких агентов была раскрыта после разгрома КГБ. В результате в «демократической» российской прессе в 90-х годах появлялись заказные скандальные статьи о сотрудничестве некоторых депутатов Государственной думы России с КГБ. Однако большая часть негласных добровольных помощников КГБ осталась нераскрытой. КГБ умеет хранить свои секреты. Бывший председатель КГБ В.А. Крючков справедливо отмечает: «О значении агентуры говорит и тот факт, что сведения об агентах — самая оберегаемая тайна любой разведслужбы. Ничто — ни методы и приемы разведдеятельности, ни даже конкретные задачи и цели — не охраняются так тщательно, как сами источники получения информации. Зачастую приходится отказываться от реализации полученных важнейших данных, если это может «засветить» агента или просто дать противнику ниточку для его локализации». Бывший подполковник ФСБ А. Литвиненко, сбежавший в Англию в 2000 году, подчеркивает, что во время службы в 1985 году в дивизии Дзержинского он был завербован в качестве агента, написал подписку о сотрудничестве и избрал псевдоним Иван. В 1988 году он стал кадровым сотрудником. Литвиненко отмечает, что разница между агентом и доверенным лицом заключается в том, что агент регулярно выполняет задания, на него есть личное дело, а доверенное лицо исполняет отдельные поручения. Доверенные лица, по его мнению, регистрировались справкой, но не все.

По мнению О.Д. Калугина, до 50 процентов сотрудников МИДа были сотрудниками или агентами (добровольными помощниками) КГБ.

Один из сокурсников Чувахина по МГУ считает, что последний давно был связан с КГБ.

Во время совместных завтраков Чувахина с Эймсом дипломату запрещалось обсуждать со шпионом что-либо, кроме мировой политики в рамках обычной застольной беседы. Деньги и задания должны были присылаться из Москвы дипломатической почтой. Другой связник Эймса, полковник КГБ В.И. Черкашин, руководитель контрразведывательного отдела посольства СССР в США, отвечал за сохранность денег и секретных бумаг до того момента, как Чувахин отправится на завтрак с Эймсом, где они производили обмен денег на документы. Примерно раз в две недели Эймс встречался с Чувахиным и вручал ему стопки украденных документов. Взамен дипломат передавал пачки наличных долларов. Как правило, оба прятали свои пакеты на дне продуктовых сумок и обменивались ими после завтрака.

Дипломат С. Дивильковский, встречавшийся с Эймсом, когда тот еще не шпионил на СССР, и рекомендовавший ему обратиться к Чувахину, отмечает, что Эймс, имевший также другой псевдоним — Колокол, стал добровольным поставщиком разведывательной информации для Первого главного управления КГБ, а в дальнейшем — для Службы внешней разведки России. С апреля 1985 года и почти вплоть до своего ареста он практически ни на день не прекращал своей работы в пользу СССР и России. Рискуя собственным благополучием, свободой и даже жизнью, он тайно собирал, копировал, а при необходимости обобщал, комментировал и переправлял к нам в Центр через советских и российских связных ценнейшую секретную и

совершенно секретную информацию. Прямо бескорыстный герой!

Любопытно, подчеркивает далее Дивильковский в книге «СВР. Из жизни разведчиков», что агенты ЦРУ сыграли немалую роль в развале СССР и нашей экономики. О. Эймс и об этом сообщал в КГБ. Председатель КГБ В.А. Крючков докладывал высшему руководству СССР и в том числе лично М. Горбачеву о том, что действия российских «реформаторов» во многом инициированы ЦРУ, которое добивалось влияния среди советской интеллигенции и реформаторов, платя им огромные суммы за их статьи и лекции. Но никаких выводов не было сделано.

После Чувахина с Эймсом работали уже другие связники. Когда директором Службы внешней разведки стал Е.М. Примаков, очередной связник Эймса передал ему благодарность за столь длительное сотрудничество и самую крупную сумму, которую шпион получил единовременно за все время работы на советскую разведку, — 130 тысяч долларов США.

Во всех мемуарах сотрудников КГБ Эймс изображается как герой, разведчик, а мой отец как «предатель». В частности, даже такая смелая газета, как «Аргументы и факты», прежде чем опубликовать мою статью об отце, проконсультировалась с полковником КГБ в отставке И.К. Перетрухиным, а может быть, и не только с ним, и опубликовала 30 апреля 2003 года мою статью под своим названием «Судьба предателя», не сообщив мне об этом. Я не сомневаюсь, что данный заголовок был подсказан сотрудником КГБ.

Однако Эймс с самого начала работал за деньги, и немалые. Только Чувахин передал советскому шпиону около одного миллиона долларов, как указывалось в докладе Комитета по разведке сената США от 1 ноября 1994 года. Мой же отец не получал больших денег от

ЦРУ, по крайней мере, до его побега 6 апреля 1978 года. Его зарплата в ООН была выше, чем у Эймса в ЦРУ, и мой отец не имел долгов. Из-за Эймса было расстреляно в СССР, как минимум, более десяти российских граждан. Не случайно одна из лучших книг об Эймсе, написанная Питером Маасом, называется «Шпион-убийца». Английский шпион, бывший подполковник КГБ О. Гордиевский, отметил: «Эймс должен был точно знать, что он делает. Он приговаривал свои жертвы к смерти. Он знал, что каждый источник, преданный им русским, будет расстрелян... У него на руках была бы и моя кровь, если бы мне не удалось бежать». На совести моего отца нет и сотой доли такой вины. Эймс заявил в интервью корреспонденту газеты «Вашингтон пост» 4 мая 1994 года, что на сотрудничество с Советами он оказался готов в силу сложившихся у него убеждений. У моего же отца, по мнению многих бывших сотрудников КГБ, почему-то не могло быть таких убеждений! Однако ясно, что основными мотивами Эймса стали денежные долги (47 тысяч долларов). Мой отец был в СССР состоятельным человеком. В США же он стал таким только в 1985 году после выхода его книги и чтения многочисленных высокооплачиваемых лекций.

Кстати, после разоблачения Эймса Чувахин категорически отказался давать какие-либо интервью в этой связи. В дальнейшем, в феврале 2002 года, в прессе была опубликована информация о том, что С.Д. Чувахин принял участие наряду с некоторыми бывшими работниками советских спецслужб в обсуждении аналитического доклада «Мировой порядок после терактов в США: проблемы и перспективы», разработанного под эгидой фонда поддержки военной реформы.

Глава 22

СМЕРТЬ ОТЦА. ЛЮБОВЬ ЗЛА. КРАХ МОИХ НАДЕЖД

Итак, в августе 1995 года я приехал в Москву с подарками от отца к жене Нине и сыну Аркадию.

Отец попросил меня продолжать встречаться с бывшими видными дипломатами и сотрудниками МИДа России для того, чтобы помочь ему собрать материалы для его новой большой книги, которую он так, к сожалению, и не написал. Для этой цели он купил мне диктофон. В 1994–1995 годах я сумел взять интервью у бывшего министра иностранных дел СССР А.А. Бессмертных, заместителя Громыко М.С. Капицы, бывшего министра иностранных дел РСФСР В.М. Виноградова, посла в отставке И.Г. Усачева, бывшего руководителя группы консультантов Международного отдела ЦК КПСС, двоюродного брата отца Ю.А. Жилина, бывшего консультанта данного отдела, советника Конституционного суда России, доктора юридических наук, профессора В.К. Собакина, бывшего заведующего Договорно-правовым отделом МИДа СССР, посла в отставке, доктора юридических наук, профессора Ю.М. Рыбакова (тогда он был заведующим кафедрой Дипломатической академии МИДа России) и др. О.А. Трояновский и Г.М. Корниенко не возражали против интервью. Но я с ними так и не встретился — после «временного развода» отца в 1996 году с молодой женой в этом уже не было смысла, так как мой папа надолго заболел. Зять А.А. Громыко А.С. Пирадов и зять И.Б. Сталина Г.И. Морозов отказались дать мне интервью. Пирадов вообще не захотел разговаривать со мной по телефону, а Морозов сказал: «Я же уже помог

вам, дав рецензию на вашу книгу. Больше я ничем вам полезным быть не могу». Все мои попытки связаться с министром иностранных дел России А.В. Козыревым (депутат Госдумы священник Г. Якунин обещал мне в этом помочь, однако бывший министр, даже будучи уже только депутатом, отказался дать мне интервью), а также с другими действующими руководящими сотрудниками МИДа России не увенчались успехом. Отец попросил меня поработать в архиве МИДа России с целью поиска интересных материалов для его книги. Заведующая архивом внешней политики МИДа России Е.В. Белевич прислала на имя директора Института государства и права РАН академика Б.Н. Топорнина следующее письмо: «В связи с Вашим обращением настоящим сообщая, что старшему научному сотруднику института, к.ю.н. Г.А. Шевченко предоставлена возможность ознакомиться с некоторыми документальными материалами Архива внешней политики Российской Федерации для подготовки докторской диссертации на тему: «Некоторые правовые аспекты современного международного правопорядка». Однако найти документы, особо интересовавшие отца, мне не удалось, видимо, они были уничтожены по указанию предусмотрительного А.А. Громыко.

В августе 1995 года произошел очередной банковский кризис. Продав свою дачу в поселке Валентиновка (дарственная отца на сестру, как я уже писал ранее, была утверждена с согласия Э.А. Шеварднадзе в 1989 году), сестра Анна передала мне 10 тысяч долларов США в качестве некоторой компенсации, которые я вложил в два солидных банка — «Национальный кредит» и «Московия». Коммерческий банк «Национальный кредит» был основан Олегом Бойко — другом, как об этом писали в то время многие газеты, Е.Т. Гайдара. Бойко все также помнят как руководителя инвестиционного фонда «ОЛБИ-дипломат» и владельца

соответствующих магазинов. Одним из главных основателей банка «Национальный кредит» также являлся Национальный фонд спорта (его председатель — Ш. Тарпищев — был частым партнером Б.Н. Ельцина по игре в теннис). Этот один из крупнейших банков России уходил от налогов, в частности закупая за рубежом сигареты и спиртные напитки. Чем, кстати, не гнушалась и Московская патриархия, как писала пресса того времени. Российское население вложило в упомянутый банк солидные деньги, так как он выплачивал приличные проценты — 20 процентов годовых в валюте. Основной офис банка находился рядом с площадью Маяковского в здании, где располагался один из офисов Администрации Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина. Естественно, данный банк вызывал у всех большое доверие. Примерно половину своих денег, вложенных в банк «Национальный кредит», я сумел спасти, отстояв огромную очередь. Однако свыше 3 тысяч долларов мне не вернули. В 1996 году я получил исполнительный лист из Краснопресненского суда Москвы. Суд решил взыскать с КБ «Национальный кредит» 23 073 296 рублей (в соответствии с тогдашним курсом). Деньги я не получил до сих пор. И не надеюсь, так как по нашим «справедливым» законам, как я узнал в суде, срок действия исполнительного листа был равен одному году.

6 тысяч долларов США я вложил в другой солидный банк, «Московия», имевший несколько филиалов в Москве и пользовавшийся доверием московского правительства. Он выплачивал 22 процента годовых в валюте. После того как я сумел снять часть своих денег в банке «Национальный кредит», я пошел пешком в основной офис банка «Московия». Там было все спокойно. Я снял 200 долларов в качестве процентов и подумал, не стоит ли взять все 6 тысяч долларов. У меня

было какое-то нехорошее предчувствие. Кроме того, набирал обороты банковский кризис. Однако в данном банке висела на самом видном месте грамота московского правительства, где отмечалась хорошая работа финансового учреждения. Грамота сыграла свою роль, и я решил оставить свои деньги еще на три месяца. Как выяснилось в дальнейшем, это была роковая ошибка. Через три месяца, в ноябре 1995 года, я пришел в банк «Московия» за очередными процентами за квартал. Там находилась лишь одна девушка с огромными синяками под глазами, видимо, от бессонницы или от переживаний в связи с тем, что сама держала все свои деньги в родном банке. Она мне сказала: «Мы не выплачиваем ни процентов, ни денег».

Когда я вышел из старинного красного здания в центре Москвы, я не знал, куда идти, у меня было такое состояние, как будто меня ударили обухом по голове. Отстояв многодневную очередь, я получил в 1996 году исполнительный лист Останкинского межмуниципального (районного) народного суда. Да, наши суды подлинно «народные» и «защищают» только народ. Суд решил взыскать с КБ «Московия» 37 275 084 рубля. Исполнительный лист храню как реликвию бандитского капитализма, насажденного «демократами» в России. Интересно, что суд находился, когда я первоначально подавал иск, в Безбожном переулке!

В дальнейшем я узнал, что О. Бойко сбежал в США, а его банк «Национальный кредит» задолжал своим вкладчикам около 500 миллионов долларов США. В прессе была информация, что он «случайно» упал с балкона своей съемной квартиры в Нью-Йорке, так как забыл ключи и пытался забраться в дом по водосточной трубе! Но чудом остался жив. В газетах отмечалось, что О. Бойко во время процветания своего банка увлекся лошадьми и покупал некоторых скакунов за 30 тысяч

долларов США. Сейчас бывший банкир входит в сотню самых богатых людей России согласно данным журнала «Форбс». Относительно банка «Московия» выяснилось, что он был связан с криминальным миром, а его владелец также сбежал в США. У обоих банков не было ни недвижимости, ни денег.

В конце 1995 года отец попросил меня участвовать в похоронах своего тестя — подполковника МВД в отставке В.С. Шленова, отца Наташи. Мой папа позвонил и сказал: «Помоги, пожалуйста, моей жене». Естественно, я не мог отказать отцу и принял участие в этом мероприятии. Отпевание отца Наташи осуществлял в одной православной церкви в центре Москвы отец Никодим — заместитель настоятеля Даниловского монастыря по внешним делам. Это был интересный священник. Он один раз передавал мне посылку от отца. Во время одной из встреч с ним в Даниловском монастыре (резиденции Патриарха Московского и всея Руси Алексия II) Никодим, имеющий там большой отдельный кабинет, рассказывал мне, что его родной брат стал работать по партийной линии (КПСС) и достиг значительного положения. Никодим же пошел другим путем — стал священником. Он мне намекал, что и это был не менее выгодный путь. За день до отпевания отца Наташи священник Никодим очень сильно обгорел, обжег свое лицо, каким образом я уже не помню, но, тем не менее, принял участие в процедуре. Жена отца была ему очень благодарна. Наташа похоронила своего отца на каком-то кладбище в подмосковном поселке, возможно, кладбище было старообрядческим. Я также принимал участие в поминках, проходивших в трехкомнатной квартире, принадлежащей сейчас Наташе и находящейся недалеко от Петровки, 38. Во время поминок было видно, что родственники и гости гордились Наташей, мужем которой был столь известный человек.

В конце 1995 года я получил приглашение на престижную конференцию по контролю над вооружениями, в которой, в частности, одним из основных выступающих должен был быть бывший министр обороны США Ричард Чейни. Приглашение я получил в связи с тем, что согласно бюллетеню Института ООН по исследованию проблем разоружения № 25, 1994 год, я был включен в список научных сотрудников, которые занимаются этими вопросами во всем мире. У меня не было денег для поездки в США за свой счет. Однако, показав приглашение в посольстве США, я сразу же получил многократную визу на три года. Отец обещал, что я приеду к нему в 1996 году. Но судьба распорядилась по-иному. Весной 1996 года он сообщил мне, что я не смогу приехать к нему. Его молодая жена начала бракоразводный процесс. Прошел так называемый испытательный срок (три года) для лиц, вступивших в брак с гражданами США. По прошествии указанного времени иммигранты, получившие вид на жительство или гражданство США (Наташа получила и этот статус), уже не могли быть лишены ни того ни другого. Отец не стал ей уже интересен — у него не было никакого недвижимого имущества, а лишь пенсия 6,5 тысячи долларов США в месяц.

В конце 1996 года мне позвонила взволнованная сестра Анна и сказала, что последнее имущество отца может просто пропасть, если я срочно не приеду в США. Сестра была готова принять меня на своей съемной квартире. Я позвонил отцу и попросил его срочно снять деньги с моего счета и купить мне билет в США. Я также подчеркнул, что хочу забрать кольца с бриллиантами, которые я передал ему на хранение. Отец сразу же согласился, однако перезвонил мне через двадцать минут и ответил, что моя сестра «не готова меня принять» и якобы отказалась от своего предложения. Я не стал перепроверять эту информацию, однако было

предельно ясно, кто стоял за таким решением отца. Ни моих денег, ни бриллиантов, как выяснилось позднее, уже и в помине не было. Во время оформления «временного развода» огромное имущество отца было оценено с подачи «набожной» Наташи чрезвычайно низко. В частности, антикварные яйца работы Фаберже, приобретенные отцом за большие деньги, были проданы за бесценок через оценщика, которого рекомендовал «добрый» священник В. Потапов. Этот его знакомый заявил, что яйца были фальшивкой. Первые «алименты» от отца (часть его пенсии) в размере 3 тысяч долларов США в месяц Наташа получала вместе с женой Потапова — сердобольной матушкой Марией, которая лично пересчитывала деньги на глазах моей сестры Анны. Не дай бог, бедную Наташу обманут. Отец тогда лежал в больнице.

С августа 1996 года я не имел никакой информации от отца вплоть до конца 1997 года. Он серьезно болел. Потеряв в конце 1995 года последние сбережения, я стал искать дополнительную работу. На зарплату, получаемую в Институте государства и права, невозможно было содержать семью. Летом 1996 года я устроился в Центр земельного права, который был образован в 1995 году с участием Государственного комитета России по земельным ресурсам и землеустройству. Учредителями центра являлись Федеральный кадастровый центр «Земля», Институт государства и права Российской академии наук, фонд «Международный институт развития правовой экономики», юридический факультет МГУ и юридическая фирма «Статут». Генеральным директором центра является кандидат юридических наук А.В. Бесяцкий, с которым я познакомился в нашем институте еще в 1993 году.

Я ему очень благодарен, что он взял меня на работу, поддержал в тяжелое для меня время. Хотя я

проработал вместе с ним непродолжительное время — около семи месяцев, это была для меня действительно школа совершенствования юридических знаний, я тогда впервые стал заниматься на практике не только международным правом, но и гражданским и земельным правом. От простого юрисконсульта я дослужился до должности начальника отдела по вопросам нормотворческой деятельности и правовой экспертизы. К сожалению, земельный комитет, который был основным спонсором нашей фирмы, долгое время не получал деньги от государства, и естественно, наша деятельность по выработке проектов нормативных актов в данной области также не оплачивалась. В феврале 1997 года я был вынужден уйти из Центра земельного права.

22 января 1998 года я получил от отца большой комплект документов, необходимых для воссоединения с ним в США. Интересно, что официальный доход отца за 1992–1993 годы составлял 317 537 долларов США, а за 1995–1996 годы — уже лишь 77 135 долларов. Там же было и его личное письмо.

Отец писал:

«Дорогие Гена, Нина и Аркаша!

Мы все очень рады, что решился вопрос с вашим приездом на постоянное место жительства сюда. Посылаю тебе просимые документы. Если еще что-либо нужно, звони мне, и я вышлю.

Я очень болел. И поэтому не звонил тебе. Был в больнице. Не хотел расстраивать. Сейчас мне намного лучше.

Пожелания: если есть возможность, купи и привези российские (дореволюционные) монеты и советские серебряные рубли 20-х годов (особенно юбилейные). Не знаю, разрешат ли вывезти. Проверь. Если еще остались филателистические магазины, купи все имеющиеся там марки (советские и иностранные). Может быть, это все

можно вывезти как личную коллекцию. По приезде объясню, зачем. Книги у меня все есть.

Ждем вас. Целую, *папа и дед*».

С полученными документами я пошел в посольство США в Москве. Однако, как выяснилось, в присланных документах не хватало двух важных страниц (были только копии), и в посольстве мне сказали, что необходимо прислать оригиналы. Кроме того, меня проинформировали об очереди на иммиграцию, которая длилась примерно полгода. Я сообщил об этом отцу, но подготовить мне недостающие бумаги он так и не успел.

В своем последнем письме дочери Анне, переданном ей за девять дней до своей смерти — 19 февраля 1998 года, отец пишет, что его жена Наташа забрала у него даже его личные носильные вещи! Письмо заканчивается следующей фразой: «Как ни печально и неприятно признать, но приходится мне расплачиваться за свои ошибки. Таковы законы в США, и их нельзя обойти. Тут поработали феминистки».

28 февраля 1998 года мне позвонила сестра и сообщила, что папа умер. Он умер на шестьдесят восьмом году жизни (шестьдесят семь лет и четыре месяца) от обширного кровоизлияния и цирроза печени в съемной однокомнатной полупустой квартире, где стояли лишь его кровать и стеллажи с любимыми книгами о дипломатии и шпионаже да копировальный автомат, на котором он последние дни своей жизни ксерокопировал документы, касающиеся его тяжбы в суде с молодой женой. Его здоровье сильно подорвал развод в 1996 году с Наташей, которую он очень любил и которой отдал практически все, что имел. Последние месяцы жизни он проводил в американском суде, где его бывшая любимая жена пыталась отсудить половину его большой пенсии почти в 7 тысяч долларов в месяц, так как она отказалась заключить с отцом брачный договор. Посоветовавшись со своими мудрыми советниками, а

также со своим возможным любовником, юристом, председателем Джеймстаунского фонда В. Геймером, Наташа оформила с отцом не развод, а так называемый «временный развод» (по-английски «сепарейшен»). Таким образом, она имела полное право на часть пенсии своего мужа. Кроме того, в своем последнем завещании, написанном перед своей смертью, отец завещал все свое имущество Наташе. Между тем в предыдущем завещании, датированном 23 февраля 1993 года (через год после его роковой свадьбы), Шевченко завещал свой дом в штате Северная Каролина своей дочери Анне, а дом в Южной Каролине — мне. Однако в 1996 году этого недвижимого имущества уже не существовало — молодая жена «убедила» отца его продать.

Сестра рассказывала, что последние годы отец очень болел — отказывали почки, врачи говорили о пересадке печени. Сестра с семьей буквально разрывалась между своими делами и врачами. Анна, ее муж и трое детей от зари до зари трудились в маленьком ресторанчике, находящемся рядом со съемной квартирой отца, чтобы заработать деньги, поскольку «бедной» Наташе удалось выманить у больного мужа даже все сбережения его родных детей, полученные от продажи недвижимости в Москве и заработанные в США. 28 февраля телефон отца не отвечал. А кроме сестры с семьей он почти ни с кем не общался. Иногда только приезжала Наташа и привозила продукты, которые врачи категорически запрещали отцу есть. Сестра находила недоеденные остатки таких продуктов и подозрительные остатки супов. В тот же день старший сын моей сестры Дмитрий пошел навестить деда и отнести ему продукты. Тогда все и обнаружилось. Отец лежал на полу весь в крови и абсолютно голый... Таким ушел в мир иной самый высокопоставленный перебежчик XX века. И хотя в свидетельстве о смерти стоит дата 28 февраля,

вероятно, это случилось днем раньше. Отец завещал похоронить себя рядом с его второй женой, американкой Элейн, умершей от рака, которую он любил больше всех. Но пока сестра разбиралась со свалившимися на нее проблемами, вдруг появилась его бывшая третья жена Наташа. Она без ведома Анны забрала тело отца из морга и похоронила тайно от родственников в другом месте.

После смерти отца пропали и все мои личные самые ценные вещи: три бриллиантовых кольца стоимостью около 10 тысяч долларов. Моя сестра Анна, узнавшая первая о смерти отца 28 февраля, сообщила мне, чтобы я ни в коем случае не переводил деньги на наш с отцом совместный счет — на нем не было ни цента. В марте 2003 года сестра прислала мне копии документов, которые свидетельствовали о том, что Наташа потребовала от мужа снять с этого счета мои личные деньги на ее тренировки в спортивном клубе. Она была склонна к полноте и все время мечтала похудеть, правда, я не знал, что за мой счет. Сестра также прислала письмо, написанное собственноручно женой отца, где она требовала взять мои деньги. В конце письма была приписка: «Подумай об упрощении наших дел и отношений, а не об их усложнении». Так пропали мои несчастные 2200 долларов. Последние 272 доллара 6 центов США были сняты с моего счета 16 августа 1996 года в пользу благотворительного фонда «Спасите тигров», членом которого состояла сердобольная Наташа. Безусловно, что ее целью было не только полное разорение А.Н. Шевченко, но и ссора отца с детьми, очернение его в их глазах. Здесь просматривается не только корыстный умысел, но и политика, а может быть, и рука КГБ.

Мой отец даже после «временного развода» до самых своих последних дней надеялся, что Наташа вернется к нему. Он об этом не один раз говорил мне по

телефону. Сестра мне рассказывала, как Наташа на суде, где она пыталась получить как можно большую часть пенсии мужа, гладила его по руке и говорила: «Аркаша, все будет хорошо, и мы будем жить опять вместе». И отец со всем соглашался.

После смерти отца остался долг около 600 тысяч долларов США. Я проверял эту информацию в инюрколле-гии и там ее подтвердили. В интервью газете «Комсомольская правда» от 03.03.1999 года моя сестра подчеркнула, что отец был должен ей 250 тысяч долларов США, которые взял у нее займы и не сумел вернуть. На этот счет имеются соответствующие документы, заверенные в США нотариально. Сестра продала в 1994 году дачу в поселке Валентиновка и трехкомнатную квартиру на Фрунзенской набережной в элитном доме номер 50, в котором до самых последних своих дней жил нарком Сталина Л.М. Каганович.

Генерал КГБ в отставке Ю.И. Дроздов пишет, что место захоронения Шевченко держится в секрете. Мне этот «секрет» известен — его похоронили на небольшом участке американского кладбища в Вашингтоне, который выделен специально для церкви православного священника Виктора Потапова, жена которого сосватала моему отцу картографа Наташу. На похоронах отца присутствовал его американский «друг» В. Геймер, являвшийся президентом Джеймстаунского фонда, помогавшего диссидентам и перебежчикам устроиться в США. Кстати, отец был вице-президентом данного фонда, но фактически именно он его создал. Сейчас президентом фонда является бывший помощник президента США по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский.

Следовательно, Наташа распорядилась не только деньгами отца, но и его телом. Геймер на похоронах выразил сожаление, что Шевченко окончил свою жизнь столь «плачевно и одиноко». Однако после «временного

развода» Наташи с отцом Геймер почему-то предпринимал все усилия, чтобы ускорить бракоразводный процесс. Об этом рассказал моей сестре Анне личный лечащий врач отца Макнамара.

Не случайно в интервью «Интерфаксу» руководитель пресс-бюро Службы внешней разведки (СВР) РФ генерал Ю.Г. Кобаладзе (кстати, он работал в Англии под началом английского шпиона О. Гордиевского) сказал, что «злорадствовать по поводу его (Шевченко) смерти мы, естественно, не станем».

Я считаю, что Бог просто миловал меня. Я мог бы, так же как и моя сестра, потерять все свое имущество в США, если бы продал, предположим, в марте — апреле 1998 года свою двухкомнатную квартиру на Фрунзенской набережной и перевел деньги на наш совместный с отцом счет (фактически мой личный) в США. Тогда бы я, приехав в Америку, не имел бы ничего — ни денег, ни квартиры, ни работы. Моя сестра проживала с семьей в США с 1992 года, она там уже адаптировалась и сумела с мужем организовать свой бизнес. Я же приехал бы на голое место с семьей в сорок шесть лет без каких-либо средств к существованию.

В посольстве США в Москве мне сказали, что теперь я не имею права на получение иммиграционной визы. Мне нужно было снова подавать документы в иммиграционное агентство США. Однако моя сестра должна была иметь соответствующий дополнительный доход (13 тысяч долларов США в год на каждого родственника) и иметь статус гражданки США. Ни того ни другого у нее не было. Но если бы даже она имела это, очередь, как меня предупредили в посольстве, растянулась бы, как минимум, на десять лет. У меня была идея написать письмо президенту США с просьбой помочь мне получить иммиграционную визу. Все-таки мой отец был не рядовой личностью и много сделал для правительства США. Но я передумал.

К счастью, в 1998 году я уже год работал, благодаря образованию которое дали мне отец и мама (этого не отнимешь при всем желании), в солидной российской коммерческой фирме и был в состоянии относительно прилично содержать свою семью по сравнению с миллионами российских граждан, которые при «демократическом» режиме жили в нищете, но зато имели право говорить все, что они думали о существующей бездушной власти.

Глава 23

СЪЕМКИ ФИЛЬМА. В НЬЮ- ЙОРКЕ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ ЛЕТ

1 сентября 2003 года я заключил договор о своем участии в съемках документального телевизионного фильма о моем отце под названием «Роковое решение» для Государственного телеканала «Россия». Он вышел в эфир 6 марта 2004 года и имел большой резонанс. Фильм вызвал неоднозначную реакцию в МИДе, однако бывшим сотрудникам КГБ понравился. Моя первая жена Марина подала в суд на авторов фильма, утверждая, что ее якобы оклеветали. Правда, у нее очень мало шансов получить хоть какую-либо денежную компенсацию, она ее явно не заслуживает, как с юридической, так и с моральной точек зрения. Второй телеканал («Россия») подал документы на участие в конкурсе престижной международной премии «Эмми» (телевизионный «Оскар») за этот фильм, который по рейтингу обошел на российском телевидении все подобные документальные ленты. Действительно, фильм получился. Я, как консультант и главное действующее лицо, старался как можно меньше по возможности порицать поступок моего отца. Сын по всем законам, по крайней мере божеским, не имеет права осуждать своего отца, тем более покойного.

История возникновения фильма такова. Один из руководителей российского телеканала прочитал мою статью «Сын за отца» в ежемесячнике «Совершенно секретно» (№ 5 (168) 2003 г.) и сказал: «Будем снимать. Это шекспировская история».

Первоначальные кинопробы проходили в Москве. Дважды было получено согласие МИДа России: на съемки в музее министерства на шестом этаже, а затем — на десятом этаже, где начинали дипломатическую карьеру мой отец и я. За разрешениями руководство телеканала обращалось к директору Департамента информации и печати МИДа России А.В. Яковенко, моему бывшему сослуживцу.

В музее МИДа меня снимали сидящим за массивным старинным столом с зеленым сукном, который в советские времена, видимо, занимал один из заместителей министра иностранных дел СССР. За этим столом я дал большое интервью, длившееся более часа. На десятом этаже министерства раньше находился Отдел международных организаций, где, в частности, начинал свою дипломатическую карьеру в 1974 году будущий первый министр иностранных дел «независимой» России А.В. Козырев. Меня снимали в кабинете 1043, где я проработал с 1975-го по 1979 год. Комната находится как раз напротив кабинета, в котором в то время сидел атташе Козырев. Естественно, в настоящее время старые столы с зеленым сукном заменены на новые, но двери и стены практически не изменились. Интересно, что меня снимали практически на том самом месте, где сидел С.Д. Чувахин — связник супершпиона КГБ О. Эймса. Затем меня засняли входящим в бывший кабинет начальника отдела В.Л. Израэляна, куда меня привели в воскресенье 9 апреля 1978 года прямо из Шереметьева-2 после срочного вызова из Женевы в Москву в связи с побегом отца. В 2003 году начальство МИДа было весьма недовольно, что меня снимали как бы входящим в бывший кабинет начальника отдела, так как на этом этаже в настоящее время находится другое управление и на данные съемки не было дано согласие. Но рядовые сотрудники управления вели себя весьма любезно и даже вышли из

кабинета 1043, когда возникла необходимость. Они интересовались, какой готовится фильм. Правда, один из ответственных дипломатов заявил: «Лучше бы сняли мультфильм!» Съёмки в министерстве проходили с 18 до 20 часов вечера.

Однако снимать фильм на элитном седьмом этаже, где ранее находился кабинет Громыко и заседал министр иностранных дел России И.С. Иванов, а сейчас восседает С.В. Лавров, российскому телевидению не разрешили и даже не подтвердили, что именно там находится этот кабинет. Разве можно было беспокоить высокое начальство, да еще по такому деликатному и неудобному для МИДа вопросу... Я предложил пройти туда нелегально, но телевизионщики побоялись. На седьмом этаже все значительно помпезнее, ковровые дорожки более высокого качества, стены отделаны дорогими деревянными панелями, а перед входом к помощникам министра постелен красивый огромный ковер.

В дальнейшем киносъёмки проходили на Новокунцевском кладбище у памятника моей мамы. Мы прошли мимо охранника кладбища, спрятав киноаппаратуру, так как наверняка было необходимо получить согласие его руководства на съёмки фильма. Начальник телевизионной группы на тот период Б.Я. Рабинович сказал: «Да, это действительно памятник, и один из лучших. Скульптор весьма точно уловил сходство даже по фотографии, — и добавил: — Видна порода». По дороге к памятнику мамы мы прошли мимо запущенной могилы с простым черным мраморным надгробием всесильного старшего помощника Громыко В.Г. Макарова, перед которым трепетало все мидовское начальство, ибо проникнуть к министру без согласия Василия Грозного-Темного было невозможно. Он пережил своего шефа на четыре года.

В этот же день вечером была засняты окна четырехкомнатной квартиры в мидовском доме на Фрунзенской набережной, где проживал мой отец, а после его побега — я с сестрой и бабушкой.

В студии 2-В на Зубовском бульваре у меня также взял большое интервью на английском языке Эд Вержбов-ский, представитель глобального американского телевидения. Это было нужно для американской версии документального фильма об отце.

В середине октября мне сообщили, что необходимо срочно выехать в командировку в США для продолжения съемок фильма. Я был вынужден оформить загранпаспорт в частной фирме, делавшей его через МИД в течение десяти дней за 280 долларов США. Половину расходов возместило российское телевидение. Собеседование с целью получения визы США проходило в отделе прессы посольства. Туда было направлено письмо, подписанное генеральным директором Государственной телевизионной компании «Телеканал Россия» А. Златопольским, с целью оказать мне содействие в получении визы. Причем со мной беседовал заместитель пресс-атташе посольства У.А. Джеймс. Но он не задавал мне никаких каверзных вопросов. Выяснилось, что у нас были общие знакомые в МГУ. Как мне сказали представители российского телевидения, он являлся сотрудником ЦРУ. Американскую визу, причем многократную (остальным журналистам дали только однократные визы), я получил за три дня. Обычные российские граждане вынуждены сейчас ждать оформления визы более двух недель.

В конце октября съемки проходили в Нью-Йорке, а затем в Вашингтоне. Мы с историком шпионажа С.А. Червонной летели прямым рейсом «Аэрофлота» до Нью-Йорка на «боинге». Там меня снимали уже американцы.

Мы получили аккредитацию в ООН. Во время оформления разовых пропусков для прессы мы сдали

паспорта сотруднице ООН. Когда нам всем возвращали документы, обращаясь ко мне, она сказала: «Это вы господин Рабинович?» Я ответил: «Нет, я Шевченко». Настоящий Рабинович рассмеялся: «Мы с вами «похожи» как близнецы».

В ООН нас сопровождал сотрудник секретариата по связям с прессой Николай Большаков. Сначала он не очень был доволен своей миссией, однако в дальнейшем с удовольствием показывал нам зал заседаний Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности. В беседе с ним выяснилось, что он встречался с моим отцом в конце 60-х годов, будучи еще студентом. В начале 80-х годов он работал в Совете экономической взаимопомощи вместе с внуком А.А. Громыко, что способствовало карьере Большакова, а в дальнейшем он стал сотрудником секретариата ООН. Одно время его начальником в ООН был мой бывший сослуживец по Отделу международных организаций В. Перфильев, который попытался уволить Большакова из ООН, однако тот опротестовал данное решение в судебных органах организации. Перфильев считал, что в ООН могут работать лишь профессиональные дипломаты. Я спросил у Большакова, почему Россия потеряла пост заместителя Генерального секретаря ООН по политическим вопросам и делам Совета Безопасности — второй по важности в этой организации. Он ответил, что занимавший эту должность В.Ф. Петровский фактически с ней не справлялся и был переведен на более низкий пост заместителя генсека в Женеве. Большаков указал мне место на трибуне зала заседаний Генеральной Ассамблеи, которое занимал мой отец. В фильме «Роковое решение» было показано, как я с Большаковым шествую по этому залу. Я также немного посидел на местах в данном зале, которые занимали министр иностранных дел России и Государственный секретарь США во время пленарных заседаний ассамблеи. Однако

в фильм эти кадры не вошли. У меня только сохранились соответствующие фотографии.

В дальнейшем были засняты кабинет на тридцать пятом этаже, где сидел отец, а также библиотека ООН, где он встретился в 1975 году с главой американской миссии в ООН, будущим известным сенатором Д.П. Мойнихеном, как уже отмечалось, с целью получения политического убежища в США. Именно он был старым знакомым отца, который имел связи в Вашингтоне. Однако после этой встречи отцу пришлось иметь дело с ЦРУ.

Несмотря на официальное письмо от руководства Государственного телеканала «Россия», нам не разрешили снимать фильм как в здании Постоянного представительства России при ООН (и тем более в бывшей квартире номер 13, которую занимал некогда Громько), так и в загородном замке представительства в Гленкове, где отдыхают после «тяжких» трудов ответственные сотрудники представительства и разведчики. Нам сказали, что в Гленкове в тот момент находился один из заместителей министра иностранных дел, и поэтому съемки невозможны. Разве можно беспокоить таких ответственных чиновников, которые изволят отдыхать! Отказал нам советник представительства С.В. Трепелков. Причем, когда член съемочной группы С. Червонная по совету Н. Большакова (ибо Трепелков был мелкой сошкой) попыталась пройти на прием к тогдашнему послу С.В. Лаврову, Трепелков вызвал дополнительного охранника в военной форме, чтобы преградить путь хрупкой женщине — гражданке России. Кстати, в посольстве России в Вашингтоне Червонной разрешили съемки. Правда, на этот раз снимали фильм не о Шевченко, а о шпионе КГБ Дж. Уокере-младшем, который сам предложил свои услуги советским властям через посольство. Интересно, что бегство к американцам осенью 2002 года помощника

Лаврова, первого секретаря представительства Сергея Третьякова, никак не сказалось на карьере Лаврова, который стал в 2004 году министром иностранных дел России.

Я тут же вспомнил о том, что упомянутый советник был сыном профессора МГИМО В.П. Трепелкова, являвшегося много лет председателем правления жилищного кооператива того дома МИДа СССР на Фрунзенской набережной, где проживал мой отец и сейчас живу я. После того как отец остался в США, Трепелков-старший пытался воспрепятствовать восстановлению моей прописки в квартире отца, причем самым примитивным образом — дал указание управдому не давать мне для заполнения необходимый бланк. Однако начальник службы безопасности МИДа СССР, полковник КГБ М.И. Курышев «вправил ему мозги», сказав председателю, что он берет на себя слишком много. На одном из собраний кооператива я публично сказал, что Василий Петрович брал взятки от моей бабушки. Он даже не стал оправдываться. В целом Трепелков-старший прославился в нашем доме тем, что сдал в аренду на двадцать пять лет с правом ее автоматического продления и субаренды одному датчанину около 400 квадратных метров площади на первом этаже дома, где ранее находились детский сад и прачечная. Затем этот иностранец буквально сбежал в Данию, переоформив аренду каким-то аферистам из России. Новому руководству кооператива с большим трудом удалось расторгнуть кабальный договор аренды и выселить арендаторов с помощью бывших сотрудников КГБ. Интересно, что 19 августа 1991 года, когда по Комсомольскому проспекту шли танки, я случайно встретил Трепелкова-старшего. Он сиял от радости. Однако я испортил ему настроение, сказав, что ГКЧП не победит.

Получив категорический отказ от Трепелкова-младшего, мы засняли элитный высотный дом «Феникс» на Шестьдесят пятой улице в Нью-Йорке, находящийся недалеко от российского представительства (Шестьдесят седьмая улица). Из четырехкомнатной квартиры указанного дома в четверг поздно вечером 6 апреля 1978 года мой отец сбежал к американцам. Швейцар дома до сих пор помнит моего отца. Кстати, сейчас в «Фениксе» на первом этаже находится один из филиалов скандально известного банка — «Бэнк оф Нью-Йорк», в котором отмывались в ельцинские времена деньги новых русских. Журнал «США сегодня» сообщил в 1999 году со ссылкой на мнения американских, английских и российских сотрудников правоохранительных органов о возможной причастности российских государственных чиновников к переводу за рубеж через «Бэнк оф Нью-Йорк» 15 миллиардов долларов США, включая 10 миллиардов долларов из кредитов Международного валютного фонда, выделенных России на обновление экономики. В список подозреваемых чиновников были включены, в частности, А.Б. Чубайс и А.В. Козырев.

Кстати, в Сбербанк России до сих пор зачисляются доллары США через упомянутый банк-корреспондент Сбербанка.

В Нью-Йорке мы пробыли с 28 по 30 октября, остановившись в отеле «Карлтон», находящемся в центре города, недалеко от Пятой авеню и Бродвея. Мой одноместный номер в отеле был весьма приличным, с цветным телевизором, стоимостью примерно 150 долларов в сутки. Правда, в стоимость не входил завтрак. Однако на эти цели российское телевидение выделило суточные в размере 50 долларов в день. Последний раз в этом городе я был в 1974 году, когда собирал материалы в библиотеке ООН для написания дипломной работы. За двадцать девять лет Нью-Йорк

практически мало изменился. Это величественный и динамичный город. Но по-прежнему на его улицах, даже в центре, много мусора и грязи. С погодой нам не повезло — все время шел дождь, хотя и было довольно тепло — около 20 градусов. В Нью-Йорке всегда было очень много контрастов: низкие старомодные дома и современные, устремленные в небо железобетонные коробки, блеск богатых центральных улиц и старые бары и притоны со стриптизом, великолепные музеи, элегантные рестораны, мосты, порты, куда прибывают корабли со всего мира. Все там бурлит, куда-то стремится, казалось, этот город никогда не отдыхает.

Итак, благодаря съемкам фильма я вновь посетил Нью-Йорк. Мы снова встретились с издателем книги отца на русском языке Ильей Левковым, благодаря которому я в 1989 году впервые смог связаться с отцом после многолетней разлуки. Издательство «Либерти» («Свобода») находится в центре города, на Пятой авеню. Илья дал интервью, которое было записано на киноплёнку.

В частности, он сказал, что книга отца была сенсационной также и в том плане, что он впервые рассказал в ней все о МИДе — своего рода «закрытом английском клубе». Другие дипломаты и после ухода в отставку не пишут всей правды, даже сейчас, в период почти безграничной гласности, о деятельности и нравах во внешнеполитическом ведомстве. Поэтому многие мемуары послов в отставке, опубликованные ныне в России, довольно скучны. Редкими исключениями являются, пожалуй, интересные книги О.А. Гриневского и В.М. Фалина. А.Ф. Добрынин, к сожалению, написал лишь добротный учебник для будущих дипломатов. Он последовал примеру Громыко и не раскрыл даже части всех секретов, которые знал. Внутренняя цензура слишком глубоко засела в души даже выдающихся

людей времен советской власти. И обвинять их в этом было бы несправедливо.

Глава 24

ВАШИНГТОН. ЦРУ И ФБР. ИНТЕРВЬЮ О.Д. КАЛУГИНА. БЕЗЫМЯННАЯ МОГИЛА

После съемок фильма в Нью-Йорке мы на машине Э. Вержбовского отправились в Вашингтон. В Александрии, пригороде Вашингтона, мы заехали в центр контршпионажа и вопросов безопасности, где продолжили съемки. Там нам дали большие интервью Питер Эрнст — бывший высокопоставленный офицер ЦРУ, руководивший сотрудниками, работавшими с отцом до и после его побега, в том числе и О. Эймсом, и бывший сотрудник ФБР Дэвид Мейджор, в свое время — куратор отца в США по линии этого ведомства. Мейджор при президенте США Р. Рейгане руководил подразделением по контрразведке Совета национальной безопасности США, возглавлял специальную бригаду по подготовке двойных агентов. По телефону сотрудники американских спецслужб первоначально запросили за интервью 300 долларов.

П. Эрнст оказался высоким седым представительным мужчиной, который, несмотря на свои семьдесят пять лет, был весьма подтянутым, стройным и, несомненно, пользовался популярностью у женщин. Д. Мейджор был полной противоположностью: относительно невысокого роста, полностью лысым и полноватым. Однако привлекали его весьма пронизательные глаза и хорошо поставленный голос. У обоих было весьма крепкое рукопожатие настоящих мужчин.

Бывшие сотрудники спецслужб поразились моим сходством с отцом, отметили, что рады нашей беседе, и

даже отказались взять деньги за довольно продолжительные интервью. Они подчеркнули, что отец был не обычным перебежчиком и шпионом. Он помогал спецслужбам США не из-за материальных интересов, поскольку имел все необходимое в СССР, чего у него не было в первые годы жизни в Америке, а ради свободы и оставался, по их словам, «патриотом СССР и России». Они отметили, что отца принимал лично президент США Р. Рейган, что является редким исключением для перебежчиков и шпионов. Во встрече, происходившей в Белом доме по случаю получения отцом 28 февраля 1986 года американского гражданства, принимали также участие Государственный секретарь США, помощник президента по вопросам национальной безопасности, директор ЦРУ и другие политические деятели США. Д. Мейджор рассказывал мне: «Когда твой отец говорил на этой встрече, продолжавшейся около двух часов, его все слушали». Как известно, Рейган прислал отцу 28 февраля 1986 года следующее поздравление: «Ваше решение порвать с коммунизмом, чтобы обрести свободу в Америке, было очень мужественным поступком. Оно свидетельствует о вашей твердой решимости начать жить не по лжи. Находятся люди, приносящие правду в жертву своим стремлениям к власти и богатству. Вы, напротив, во имя правды и справедливости отказались от привилегий, которые давала вам ваша высокая должность, и это доказывает могущество тех идеалов, которыми мы, американцы, стараемся следовать. Я знаю, что акт получения гражданства имел большое значение для вас, но также и всем нам он еще раз напомнил, что наша страна остается маятником надежды для тех, кто отвергает тиранию и не может жить без свободы. Знаю, что выражаю общее мнение всех американцев, говоря вам: добро пожаловать, мой американский соотечественник Аркадий Шевченко! Сердечно поздравляю, и да благословит вас Бог».

Д. Мейджор подчеркнул, что особенно Шевченко переживал в связи со смертью жены Лины. «Я не знал его жену, — говорил сотрудник ФБР, — но мне казалось, что я сам потерял кого-то из близких».

Д. Мейджор отмечал, что мой отец был плохим шпионом в том смысле, что у него душа не лежала к такого рода деятельности, и шпионаж был ему не по плечу. Мейджор также подчеркнул, что он познакомил отца с американкой Элейн, с которой отец прожил счастливо двенадцать лет. О браке отца с Наташей сотрудник ФБР узнал случайно. Отец позвонил ему незадолго до заключения брака. В ответ на сомнения Мейджора, отец сказал следующее: «Ты думаешь, она выходит за меня замуж из-за моих денег?»

В самом начале своей беседы со мной Мейджор сказал следующее: «Я помню все — те события навсегда остались в моей памяти, они вызвали самые глубокие и горькие переживания за всю мою жизнь».

П. Эрнст также отметил, что Шевченко совсем не хотел быть Джеймсом Бондом и даже потерял одно шпионское устройство, переданное ему ЦРУ, что могло привести к его разоблачению.

В центре контрразведки на самом видном месте располагались фотографии отца с президентом США и О. Эймсом. Эти и другие фотографии отца были подарены мне. Директор центра по вопросам, связанным с прессой и киносъёмками, Синтия Квитчхофф также попросила меня подписать ей книгу моего отца «Разрыв с Москвой».

Сотрудники спецслужб США помогли съёмочной группе организовать интервью с бывшим генерал-майором КГБ О.Д. Калугиным (интересно, что его отец был сотрудником НКВД).

Только под давлением П. Эрнста и Д. Мейджора — своих кураторов — Калугин согласился дать интервью съёмочной группе фильма о А.Н. Шевченко.

Государственные секреты бывший генерал в основном выдал в своей книге «Первый директорат», изданной в США еще в 1994 году (в России ее сокращенный вариант известен под названием «Прощай, Лубянка»). В книгу вошли совершенно секретные сведения о методах разведывательной деятельности СССР, в том числе об использовании должностей прикрытия в российских загранпредставительствах в США, а также о создании управления «К» (именно это управление провело серию акций по дискредитации ЦРУ и директора ФБР лично). Удивительно, что генерала, имеющего доступ к высшим секретам, российские власти свободно выпустили в США. Правда, Калугин дружил с Б.В. Бакатиным, который в своей книге оценил Калугина «как честного человека».

Бывший председатель КГБ В.А. Крючков отметил, что аресту Калугина помешали события августа 1991 года. В отношении своего приговора Калугин сказал следующее: «Если говорить об СССР и его опоре КГБ, то да — я хотел их разрушения, и в этом смысле я предатель». Автобусные туры «по шпионским местам», ценой в 55 долларов, Калугин проводил вместе с Д. Мейджором. На суде над генералом в 2002 году в Москве прокурор просил судей не конфисковывать имущество Калугина, «поскольку обвинение не располагает данными о корыстных мотивах преступления». Суд прислушался к этому весьма странному мнению прокурора. Очень интересно! Как будто Калугин не получил за восемь лет до приговора весьма приличного гонорара за свою книгу!

Экс-генералу КГБ нашли работу в первом в истории уникальном музее шпионажа, исполнительным директором которого является Питер Эрнст. В этом музее собрана вся история шпионажа начиная с древнейших времен и вплоть до наших дней. Всего в музее более 600 экспонатов. Самым крупным является

прототип автомобиля «астон-мартин». Сам Джеймс Бонд совершил на нем свои подвиги. Среди других ценностей — знаменитая немецкая шифровальная машинка «Энигма», которая применялась нацистами во время Второй мировой войны. Закодированные с ее помощью сообщения специалисты долгое время не могли расшифровать. Специальная экспозиция посвящена истории создания советской внешней разведки, которая зарождалась в небольшом отделе ВЧК. В музее находятся так называемый «поцелуй смерти» (яд под видом губной помады, якобы находившийся на вооружении у «советских Мата Хари»), микроскопические фотокамеры, которые можно спрятать в пуговицах пальто, почтовый ящик, на котором шпион КГБ О. Эймс делал пометки мелом, предупреждая своих советских связников о необходимости встречи, и многие другие экспонаты. Кстати, П. Эрнст считает, что самыми профессиональными шпионами были агенты КГБ. Организаторы музея поставили перед собой задачу «окунуть посетителя в мир шпионажа», показать ему, какими методами и с помощью каких средств осуществляется сбор секретной информации. Шпионская техника, безусловно, меняется, становится более миниатюрной. Однако методы, используемые «рыцарями плаща и кинжала», к примеру, при осуществлении связи с Центром, контактах с агентами, хранении секретной документации, по прошествии десятилетий остаются прежними. Интересно, что этот музей, располагающийся в огромном здании стоимостью 40 миллионов долларов, находится всего в 100 метрах от штаб-квартиры ФБР. У входа в музей всегда даже собирается очередь из посетителей, несмотря на то что билет стоит 10 долларов.

Калугин не побоялся дать интервью в своем роскошном доме в Вашингтоне (кстати, он мог бы

послужить доказательством корыстных мотивов поступка бывшего генерала), ибо считал, что фильм о Шевченко снимают только американцы. Однако, когда С.А. Червонная уже по окончании интервью сказала, что она из России, у бывшего генерала округлились глаза. Видимо, если бы он заранее знал о присутствии представителя российского телевидения, то никогда бы не засветил свое местопребывание в США. Калугин до сих пор опасается мести российских спецслужб. Интересно, что моя сестра как-то встретила его на одном из аукционов антиквариата. Ее представили Калугину как дочь А.Н. Шевченко. Бывший генерал шарахнулся от нее как черт от ладана, но был вынужден поддержать разговор. Моя сестра сразу же заметила испуг «бравого генерала». Он рассказывал об этой встрече и, естественно, не поведал о своих страхах и подозрениях. Как я уже писал ранее, самым интересным было заявление Калугина о том, что мой отец числился в СССР в списках лиц предателей, подлежащих уничтожению, вплоть до прихода к власти М.С. Горбачева в 1985 году. После получения отцом 28 февраля 1986 года американского гражданства он отказался от услуг ЦРУ, связанных с его охраной от КГБ, однако сохранил дома выданное ему огнестрельное оружие. Кроме того, сенсационным было заявление Калугина о том, что посол А.Н. Шевченко являлся агентом КГБ. Причем бывший генерал говорил об этом как о само собой разумеющемся. Получается, что отец был двойным агентом! Верится с трудом, однако кто знает? Калугин также заявил, что половина сотрудников МИДа СССР были сотрудниками или негласными агентами КГБ. Почти все послы и ответственные работники министерства и других организаций должны были докладывать в КГБ о своих связях, контактах, а иногда им давали особые поручения. Шевченко также был обязан собирать разведывательные данные и

информацию для резидентуры КГБ в Нью-Йорке. Мой отец отказался выполнять данные указания в последние годы своей работы в ООН, но этого было недостаточно, по словам Калугина, для подозрений в измене. Калугин попросил Дроздова повнимательнее отнестись к послу и собрать побольше информации. Кстати, прежний резидент КГБ Б.А. Соломатин пытался завербовать отца еще в 1973 году. Потягивая водку, генерал говорил моему отцу следующее: «Ты мог бы быть одним из наших лучших сотрудников. Ты везде ездешь, со всеми говоришь. Тебе просто надо сообщать нам о том, что ты слышишь. Ведь, в конце концов, мы оба работаем на наше государство. Мы умеем работать, не то что эти бюрократы из МИДа: сидят, как наседки, на драгоценной информации и все никак не снесутся. Сотрудничество с нами поможет твоей карьере». Однако отец знал, что все эти заверения резидента были враньем, ибо при передаче в Москву информации никогда не указывается, кто именно сообщил ее. Поэтому отец ответил Соломатину: «Громыко ценит меня по тому, что я делаю для министерства, а не по тому, что я делаю для КГБ».

Кстати, полковник внешней разведки в отставке М.П. Любимов оценивает Соломатина следующим образом: «Генерал Борис Соломатин, в отличие от многих паркетных разведчиков, дослужился до поста заместителя начальника разведки не путем вылизывания нежных мест у руководителей ЦК и КГБ. Старый фронтовик, невозможный куряга, ценитель виски и коньяков, отъявленный матерщинник, человек с тяжелым и властным характером, Боб, как его называли между собой, всегда считался в разведке волком с мертвой хваткой, лично завербовавшим не одного ценного агента». Самое удивительное, что с этим резидентом КГБ у моего отца были неплохие отношения.

Полковник внешней разведки в отставке, «динозавр шпионажа» Л.С. Колосов отмечал в «Экспресс-газете» от

04.07.2002 года, что раньше с предателями поступали очень просто: приговаривали заочно к расстрелу, а исполнение поручали ответственному работнику — посылали его в командировку. На памяти разведчика, а он проработал более тридцати лет, «так никого и не шлепнули». Колосов подчеркнул: «На Калугина выходили, но как-то не случилось. Еще один момент: шлепнуть-то можно, но вреда от этого будет больше, чем пользы. Шумиха вокруг этого никому не нужна».

Как подчеркивает ветеран контрразведки А.А. Соколов, работавший в подчинении Калугина, в середине 1975 года под руководством последнего началась разработка операции по захвату двойного агента Ларка (бывшего капитана 3-го ранга военно-морского флота СССР Н.Ф. Артамонова) в Вене. Группа сотрудников КГБ похитила Ларка. Кстати, в группу входил мой знакомый по делу отца М.И. Курышев. Операция прошла успешно. Но ценный агент, который мог рассказать много интересного о деятельности ЦРУ, получил по прямому указанию Калугина дополнительно сильнодействующее усыпляющее спецсредство, хотя в этом не было никакой необходимости. По мнению Соколова, Калугин преследовал цель убрать опасного для него свидетеля Ларка.

На следующий день по приезде в Вашингтон мы отправились в православную церковь В. Потапова. Утром в рабочий день служба там не проводилась и никого не было. Мы стали искать могилу отца, ведь его последняя жена Наташа сообщила мне, что он похоронен на территории указанного церковного прихода. Однако на территории церкви было всего одно захоронение 1997 года, видимо, этот человек сделал для церкви «больше», чем мой отец. Мы также увидели на церковной территории припаркованный автомобиль марки «Форд», и я предложил Червонной заснять его на киноплёнку. Однако она не согласилась без разрешения батюшки.

Кроме того, это мог быть другой «форд». Вскоре появилась молодая женщина, которая открыла подсобное помещение церкви, где проходили благотворительные обеды. Червонная удивилась, какой беспорядок и антисанитария царили в помещении, в том числе и на кухне, где приготавливалась «бесплатная пища». Я внимательно осмотрел его и, к своему удивлению, обнаружил, что на стенде, где располагались фотографии различных людей, имевших отношение к церкви, не было ни одной фотографии отца. Женщина дала нам мобильный и домашний телефон Маши — жены Потапова, так как он находился в командировке в Сербии. От сердобольной матушки Марии я узнал, где похоронен мой отец. Она сказала, что также уезжает в командировку на два дня, и предложила сама показать могилу отца. В дальнейшем я понял, почему она проявила такую инициативу и попыталась оттянуть наше посещение кладбища. Маша отметила, что вот уже два года она не знает, где проживает последняя жена отца Наташа.

В субботу меня снимали на фоне церковного прихода В. Потапова.

В связи с тем, что американские кинооператоры уезжали из Вашингтона, мы рано утром в воскресенье отправились на поиски могилы отца. На территории американского кладбища (оно находилось в десяти минутах езды от церковного прихода Потапова) находились два участка с православными захоронениями. Один принадлежал церкви Сент-Николас — самой большой и престижной православной церкви в Вашингтоне. Ее регулярно посещает с самого приезда в США моя сестра с семьей. В церкви В. Потапова сестра, пожалуй, была всего один раз во время благотворительного обеда в 1994 году. В дальнейшем сестра не пожелала иметь никаких контактов с этой церковью, так как сначала последняя жена отца

распространяла среди прихожан слухи, порочащие мою сестру, а в настоящее время кто-то там распространяет дикий слух о том, что Анна якобы способствовала разводу отца с его женой Наташей. Между тем уже в 1995 году, когда отец заложил свое последнее имущество (дом в Милборо-Драйв) для получения кредита в 300 тысяч долларов США, я был свидетелем ссор отца с молодой женой, и было видно, что старый муж ей уже не нужен.

Второй участок принадлежал церковному приходу В. Потапова. Маша (так она мне представилась еще в 1994 году) уточнила, что на могиле отца установлен самый большой деревянный крест и рядом строится часовня. Мы сразу же обнаружили этот крест, однако никаких надписей на нем не было. Однако я почувствовал, что нахожусь рядом с могилой отца. Начались съемки, и я дал небольшое интервью, в котором, в частности, на английском и русском языках сказал, что безымянная могила человека, так много сделавшего для церкви В. Потапова, — это позор для него и одновременно для американского правительства, которому Шевченко оказал неоценимые услуги. Но я сделал оговорку о том, что, видимо, последняя жена моего отца, забравшая его тело из морга, специально не сделала никаких надписей на кресте, чтобы ни моя сестра, ни американское правительство не узнали о месте захоронения. Именно поэтому Ю. Дроздов писал в своей книге, что место захоронения Шевченко держится в тайне. Кстати, Наташа в своем телефонном звонке после смерти мужа соврала, заявив, что моя сестра якобы не забирала тело отца из морга в течение двух недель. То же самое повторил и священник В. Потапов. Между тем сестра передала мне документы, свидетельствующие о том, что вскрытие тела Шевченко в морге было произведено только 3 марта 1998 года, а похоронен он был 7 марта, после отпевания в церкви Потапова.

На всякий случай мы также осмотрели второй участок, на котором находились захоронения от другой православной церкви. Однако там вообще не было деревянных крестов. Интересно, что на кладбище на меня сел богомол. Эд Вержбовский сказал, что это к счастью.

Моя сестра Анна решила предпринять все возможные усилия с целью перезахоронения отца с участка церкви, которая, вольно или невольно, ускорила его смерть и привела к разорению. Тем более, что Шевченко в своем завещании выразил пожелание, чтобы его положили рядом со второй женой американкой Элейн на участке, который находится на знаменитом Арлингтонском кладбище в Вашингтоне. Там было специально куплено отцом два места. Моя сестра при мне звонила на это кладбище, и там подтвердили, что одно место до сих пор принадлежит А.Н. Шевченко.

В понедельник я позвонил В. Потапову, который вернулся из Сербии, и попросил его дать интервью российскому телевидению в связи со съемками фильма об отце. Я обратил внимание, что его голос был несколько настороженным и он явно не ожидал моего приезда в Вашингтон. Потапов ответил, что у него гости и он может принять нас только во вторник после шести часов вечера. Когда я сказал Потапову, что был на могиле отца, то священник ответил, что он давно сделал заказ на изготовление надписи на кресте, но ее до сих пор не выполнили. Это по прошествии пяти с половиной лет!

Перезвонив Потапову на следующий день, я повторил свою просьбу. Однако он гневно сказал мне следующее: «Я не буду встречаться ни с вами, ни с представителями российского телевидения, так как вы опорочили нашу церковь в своей статье в газете «Совершенно секретно»... Вы написали, что я до сих пор езжу на машине вашего отца». Странно, что Потапов за

один день узнал о статье, которая вышла полгода назад. Значит, перед нашей встречей он наводил справки обо мне. Правда, его информаторы были не совсем точны. Как известно, подарок был сделан еще в 1992 году за то, что жена Потапова Маша фактически положила отцу в постель Наташу. Я и предполагать не мог, что Потапов — человек не бедный, по прошествии одиннадцати лет «до сих пор ездит на подаренной моим отцом машине». «О подарке рассказывал мне отец», — сообщил я священнику. В ответ — молчание. Правда, Потапов признал, что отец делал пожертвования в пользу церкви. Еще бы отрицать и это, ибо у моей сестры случайно сохранилось несколько счетов, подписанных отцом в пользу жены священника Маши, на сумму около 10 тысяч долларов США!

После отъезда съемочной группы из Вашингтона я проживал несколько дней у сестры. Мы практически с утра до вечера разговаривали об отце и о том, почему он умер так рано. Сестра нашла у отца видеокассеты об основах гипноза, принадлежащие Наташе. Для чего они ей были нужны, можно было догадаться. В последние месяцы своей жизни у отца, ввиду его болезни, совершенно отсутствовала воля, и он почти до самой смерти рассчитывал, что к нему вернется безумно любимая им молодая жена. Мы попытались узнать адрес Натальи Шевченко в американской адресной книге. Нашли только одну Н. Шевченко, проживавшую в собственном доме в престижном районе. Старший сын сестры Дима позвонил ей и спросил: «Это Наташа?» Она ответила, что да. Однако, когда я перезвонил еще раз, она сказала, что ее зовут Нина!

Сестра пригласила меня в гости на грандиозный день рождения к жене одного нового русского, которая проживала с дочерью в роскошном доме стоимостью более 2 миллионов долларов, находящемся недалеко от Вашингтона. Там, в частности, случайно присутствовала

прихожанка церкви Потапова, приехавшая на постоянное место жительства из России в США. Она была с мужем-американцем, благородным старичком лет семидесяти пяти, который был старше своей избранницы, как минимум, лет на двадцать пять. Таким образом, видимо, сердобольная матушка Мария и ее муж продолжают и поныне свою «благородную» сватовскую деятельность.

Итак, от моего отца, сделавшего так много для американского государства, остались в США лишь простой безымянный деревянный крест и заброшенная могила. А ведь он был самым крупным перебежчиком XX века.

Заключение ВОЗМОЖНЫЕ ПРИЧИНЫ ПОСТУПКА ОТЦА

В своей книге «Разрыв с Москвой» (1985), переведенной на многие языки мира, отец пишет, что, приобщившись к номенклатуре в 1973 году, он возненавидел режим, который действовал не в интересах народа, а лишь узкой группы партийной и иной элиты. Он отмечал, что два события оказали решающее влияние на его решение остаться на Западе, и, как ни странно, это были продвижения по службе — назначение в 1970 году личным советником Громыко, а затем — заместителем Генерального секретаря ООН. Работая в ООН, он наконец понял, что сила, которой поклонялись кремлевские вожди, — их собственная власть, позволяющая удовлетворять любые потребности и стремления. Они были безграничны — от приобретения иностранных автомобилей до заглатывания целых наций за пределами советского блока. «Стремиться к новым благам становилось скучно. Надеяться, что, поднявшись еще выше, я смогу сделать что-нибудь полезное, было бессмысленно. А перспектива жить внутренним диссидентом, внешне сохраняя все признаки послушного бюрократа, была ужасна. В будущем меня ожидала борьба с прочими членами элиты за большой кусок пирога, постоянная слежка КГБ и беспрестанная партийная возня. Приблизившись к вершине успеха и влияния, я обнаружил там пустыню». Отец подчеркивал: «Я стал частью того слоя общества, члены которого делают вид, будто борются против того, чего на самом деле добиваются. Они критикуют буржуазный образ жизни, а сами только о нем и мечтают; они осуждают

потребительское общество как проявление обывательской психологии и следствие тлетворного влияния Запада, а сами больше всего на свете ценят товары и блага Запада. Я тоже не устоял. Разница между тем, что говорилось, и тем, что делалось, была угнетающей, но еще больше угнетало меня то, что мне самому приходилось работать для расширения этой пропасти. Я старался запоминать все, что когда-либо говорил, и все, что рассказывали мне другие, ибо от этого в колоссальной степени зависели мой успех и процветание. Я делал вид, что верю в то, во что не верил, я притворялся, будто ставлю интересы партии и общества превыше своих собственных, тогда как на деле все было наоборот... Я улыбался и лицемерил не только в общественных местах, на партийных собраниях, при встречах со знакомыми, но даже в семье и наедине с собой. Любому политику или дипломату приходится в той или иной мере притворяться ради общего дела или интересов своей страны — иногда вовсе не во имя благородных целей. Но притворяться во всем, всегда и везде, утратив веру в то, что делаешь, — не всякий способен такое вынести. Это все равно как если бы глубоко верующий человек жил среди воинствующих атеистов, которые не только заставляли бы отрицать Бога, но и бесконечно проклинать Его и Священное Писание».

В июне 1986 года отец писал в канадской газете, издаваемой на русском и английском языках: «То, чего мне недоставало, — это свободы. Несмотря на все материальные преимущества, жизнь в клетке, даже если она позолоченная, рано или поздно становится невыносимой. Зная, что за каждым твоим шагом наблюдают, каждое твое слово прослушивается, не имея возможности быть честным даже в своей собственной семье, не доверяя никому, быть постоянным конформистом — все это очень трудно. Кроме того,

существовали постоянная озабоченность и страх потери твоего высокого положения... Страх был постоянным чувством советской элиты». Отец отмечал, что дожить до возможности свободно высказывать свои мысли, да просто до торжества здравого смысла в СССР он не рассчитывал. Как и многим другим, общественный застой, безвременье, кладбищенская тишина представлялись ему незыблемыми. Хотя убежденность в том, что у России есть будущее и русский народ не может вечно пребывать в бесправии и безмолвии, никогда его не покидала.

А.Н. Яковлев в своей книге «Омут памяти» пишет нечто похожее: «Все мы, особенно номенклатура, так и жили двойной, а вернее, тройной жизнью. Думали — одно, говорили — другое, делали — третье. Шаг за шагом подобная аморальность становилась образом жизни, получила индульгенцию и стала именоваться нравственностью, а лицемерие — способом мышления».

Отец подчеркивает в своей книге: «Я думал о том, чтобы уйти в отставку, присоединиться к настоящим диссидентам и бороться с режимом внутри страны. Но я понимал, что в таком случае я проведу остаток жизни в тюрьме или психушке и ничего не добьюсь, кроме раздражения властей. Я слишком много знал, чтобы правительство оставило меня на свободе на родине или выслало бы на Запад».

По словам бывшего генерала КГБ О.Д. Калугина, у Шевченко были основания отрицательно относиться к советской власти. Он был внутренним диссидентом, умным и образованным человеком. Будучи советским интеллигентом, который слишком много знал, имел доступ к значительной информации и видел политику не по заголовкам газеты «Правда», он имел основания для сомнений и разочарований в советской власти.

Отец всегда воспитывал меня в патриотическом духе. Я думаю, что он оберегал меня, молодого

человека, от своих диссидентских мыслей. Отец писал в своей книге: «Я понял, что давно потерял Геннадия. Ради его же собственного блага я никогда не толкал его к критике советской власти, никогда не обсуждал ни с ним, ни с Анной мои истинные намерения. Я даже Лине не раскрывался полностью. С годами я понял, что обсуждение недостатков советской власти даже в семейном кругу может стать опасным».

Отец был весьма честолюбивым человеком и переживал, что своим высоким назначением в ООН он был обязан своей жене Леонгине, которая подарила супруге А.А. Громыко брошь с 56 бриллиантами за этот пост. Отец мне не один раз говорил: «Но ведь посланником я стал сам!» Кстати, он на этот счет заблуждался, ибо моя мама еще в 1969 году показывала мне дорогие вещи, которые она собиралась подарить жене Громыко. В те времена недостаточно было быть талантливым человеком (отец закончил МГИМО с красным дипломом) для достижения высшего дипломатического ранга и поездки в хорошую страну, нужно было также иметь высоких покровителей или делать дорогие подарки.

В мемуарной литературе модна версия: ЦРУ или ФБР поймали отца с помощью проститутки. В частности, известный в определенных кругах Г.П. Климов, офицер, сбежавший после Великой Отечественной войны на Запад, видимо, несчастный в семейной жизни и не имеющий детей, писатель-антисемит, автор многочисленных книг с сексуально-патологическим уклоном, популярных среди определенного круга людей, отмечает в своей книге «Протоколы советских мудрецов», что отца «переманили при помощи обычной проститутки». Далее он пишет в духе скандально известного российского писателя В. Сорокина. В своей книге «Красная кабала» Климов развивает эту же версию, отмечая, что соблазнившая отца проститутка

была лесбиянкой-садисткой активного типа. Он далее пишет, что жена А.Н. Шевченко «Леонгина покончила с собой. Это при Хрущеве-то» (с. 281). В качестве домашнего задания для читателя Климов предлагает проследить дальнейшую судьбу детей Аркадия Шевченко и заодно выяснить, откуда у его жены было такое экзотическое имя. Видимо, память начала изменять писателю Климову. Моя мама покончила жизнь самоубийством 6 мая 1978 года, Хрущева отстранили от власти в 1964 году, а в 1971 году он умер. Что-то уж больно, мягко сказать, неточную информацию заставляет «глотать» русских читателей бывший советский офицер, сбежавший на Запад, видимо, в поисках благополучия, ибо никакие репрессии со стороны тоталитарного режима ему явно не угрожали. Кстати, дети Шевченко и его пятеро внуков — мальчиков — на здоровье не жалуются, да и жизнь у них сложилась не так уж и плохо, несмотря на все превратности судьбы.

Эту же версию выдвигают и бывшие сотрудники КГБ. В частности, в комментарии на мою статью в газете «Аргументы и факты» от 30 апреля 2003 года бывший заместитель начальника службы безопасности МИДа СССР полковник КГБ в отставке И.К. Перетрухин утверждает, что американцы подставили отцу очень красивую женщину, агента ЦРУ. Но эта «версия» не имеет под собой никаких оснований. Отец пошел на такой шаг обдуманно и самостоятельно, отказавшись в 1970 году от работы в Международном отделе ЦК КПСС и от поста главы делегации СССР в Комитете по разоружению в ранге посла (Женева). Кстати, ЦРУ предупреждало отца об опасности связей со случайными женщинами, в том числе и с проституткой «высокого полета» Джуди Чавес (судя по ее поведению и раскрытию местопребывания отца в США, державшегося в секрете, она никак не могла быть агентом ЦРУ). Из-за

нее, как считают многие бывшие сотрудники КГБ, отец был вынужден сотрудничать с американцами и сбежать к ним, так как он был знаком с ней якобы с 1976 года, со времени отпуска в Майами. Подобная версия может вызвать только гомерический смех. Прежде всего, отец попросил у американцев политическое убежище еще в 1975 году. В Майами отец отдыхал вместе с мамой, и они находились там все время вместе.

Кстати, сама Чавес в своей книге «Любовница перебежчика» (1979) датирует свою первую встречу с отцом 2 мая 1978 года. Учитывая, сколько грязи она вылила на моего отца, вряд ли проститутка в данном случае соврала. За несколько месяцев сожителства с отцом, который наивно верил в ее порядочность, она выудила у него большую часть денег, которые он получил, увольняясь из ООН. Тогда газета «Нью-Йорк пост» дала следующий комментарий к роману Чавес: «Мата Хари, ты умерла слишком рано!»

Кто же тогда была третья законная, венчанная в православной церкви В. Потапова в Вашингтоне, жена отца Наталья Осина (Шленова)? Тут отдыхает не только Мата Хари, но и Джуди Чавес. Как ранее уже отмечалось, Наташа полностью разорила отца (его имущество оценивалось в сумму более чем 2 миллиона долларов), а после этого несколько месяцев судилась с ним, чтобы получить половину его большой пенсии почти в 7 тысяч долларов США. Это и привело к его преждевременной смерти. Последняя женушка отца действительно вбила осинового кола в его сердце.

Кстати, опорочивание агентов другой страны — обычное дело спецслужб всех стран мира. В частности, генерал-майор Службы внешней разведки России в отставке Б.А. Соломатин, бывший заместитель начальника Первого главного управления КГБ (внешняя разведка) пишет в послесловии к книге Пита Эрли «Признания шпиона. Подлинная история Олдрича

Эймса»: «Сразу после ареста О. Эймса в американской печати появились заказные материалы, написанные его сослуживцами и начальниками из ЦРУ, где он изображался человеком, обладающим всеми известными в этом мире пороками. Автор книги прав, задавая критикам Олдрича Эймса вопрос: если это так, то где же вы были раньше? Ведь он проработал в ЦРУ более тридцати лет, регулярно получая повышения, ему поручались серьезные оперативные дела. На самом деле интеллектуально он был на голову выше многих своих коллег по ЦРУ, обладал широким кругозором и аналитическим умом, знал литературу, увлекался театром, владел несколькими языками. Он знал реальную расстановку сил в мире, не преувеличивал, в отличие от многих своих коллег, военную мощь и угрозу со стороны СССР, считал, что войны не будет».

Все это можно в полной мере сказать и о моем отце. Ему после побега в США, как и Эймсу, приписывали все человеческие пороки. Отец проработал в МИДе двадцать три года, он пользовался полным доверием со стороны Громыко и других членов Политбюро ЦК КПСС, быстро получал повышения по службе. Посол в отставке О.А. Гриневский отмечает в книге «Тайны советской дипломатии», что Шевченко если и выделялся чем-то среди других дипломатов, так это живостью характера и незаурядными способностями.

Полковник Службы внешней разведки в отставке М.П. Любимов указывает: «Вообще западные спецслужбы переживают кагэбэвский синдром: стоит им обнаружить у себя предателя, как тут он же превращается в пьяницу, бабника, идиота, жулика и исчадие ада... Приблизительно так же мы писали об ушедшем на Запад Гордиевском, хотя он был совсем не дураком».

Однако несомненно, что мой отец был также любителем красивой жизни и постоянно подчеркивал,

что дети, достигшие совершеннолетия, должны быть полностью самостоятельными. В частности, в одном из своих первых писем в 1989 году он, описывая сложности жизни в США, подчеркнул, что не сможет содержать ни меня, ни дочь Анну: «У меня никто жить не будет (ни Аня, ни ты). Моя супруга Элейн больна раком. Ее раздражают запахи кухни, звуки и т. д. И вообще здесь не Союз — родители с детьми не живут». Тем более это было невозможно, когда у отца появилась молодая жена из России.

В США отец добился положения сам. Ему пришлось с 1975-го по 1978 год (32 месяца) работать на ЦРУ, так как американское правительство не захотело просто так предоставить Шевченко политическое убежище, а в другой стране он не захотел жить. Издав книгу, он стал самостоятельной фигурой, был профессором Американского университета (Вашингтон), постоянно читал лекции в Институте внешней политики при Государственном департаменте США, правительственной школе имени Джона Кеннеди при Гарвардском университете, а также американским бизнесменам; за каждую из лекций он получал от 8 до 12 тысяч долларов США, и за ним иногда специально прилетал самолет. Он писал статьи для Британской энциклопедии, многих газет и журналов. Неоднократно выступал по американскому телевидению и радио по различным актуальным вопросам в телевизионных программах Лэрри Кинга, «Доброе утро, Америка!», «60 минут», «Шоу Фила Донохью» и многих других. В частности, в 1985 году отец дал интервью в программе «Фокс» по проблеме Чечни (он взял меня с собой в студию). Ему присылали на рецензии книги видных дипломатов, например мемуары бывшего посла в США А.Ф. Добрынина. Отец мне сказал, что Добрынин мог бы рассказать гораздо больше, но, видимо, не пожелал это сделать — не обо всем можно было писать даже в

«демократической» России. За излишнюю откровенность наказывают довольно жестоко. Кроме того, Добрынин, видимо, решил последовать примеру Громыко и остался джентльменом, как большинство дипломатов. 28 февраля 1986 года отец получил американское гражданство. Его поздравил лично президент США Р. Рейган. Отца приглашали к себе в гости известные бизнесмены и политики, миллионеры, у которых он пил шампанское стоимостью одна тысяча долларов за бутылку. О нем сняли в США большой документальный фильм, в котором в качестве диктора и ведущего выступал известный американский актер Ч. Хэстон (в частности, он играл главные роли в выдающихся американских фильмах на библейскую тематику: «Бен Гур» и «Десять заповедей»). Отец бескорыстно оказывал помощь сотрудникам «Голоса Америки», используя свои связи в конгрессе США. Особенно отцу нравилось выступать на Си-эн-эн, так как там не сокращали его выступлений.

Мой отец подрывал основы не своей Родины, а коммунистического строя, он сообщал правительству США о действительных намерениях и тайных мыслях кремлевских старцев, и от переданных сведений никто физически не пострадал. Он писал в предисловии своей книги: «Я никогда не считал себя шпионом в истинном смысле этого слова, и я никогда не думал, что предаю свою страну и свой народ. Я всегда любил Россию и всегда буду ее любить. Относительно недолгое время я работал с американским правительством, чтобы помочь ему лучше понять цели и средства советского режима — режима, который я хорошо знал и который стал ненавидеть. Я обманывал этот режим и породившую его систему». Отец писал, что, может быть, его мемуары помогут и русским читателям глубже понять механизм советской государственной машины, которая действовала отнюдь не в интересах народа, а лишь в

интересах узкой группы партийной и иной элиты. Он отмечал, что Кремль был последним местом на земле, где можно было надеяться найти откровенность, честность и прямоту. Фальшивость этих людей распространялась на все — от их личной жизни до крупных политических проектов. Он видел, как они играли с разрядкой и как они в беспрецедентных масштабах наращивали военный потенциал, далеко превосходящий нужды обороны и безопасности. И все было за счет советского народа. Он слышал, как кремлевские руководители в циничных шутках выражали готовность подавить свободу своих союзников. Он был свидетелем их двуличности в отношениях с теми, кто проводил советскую линию на Западе или в третьем мире, и они не гнушались ничем, даже участием в заговорах с целью убийства «неподходящих» политических деятелей в этих странах. Кремлевские лидеры были заражены той самой империалистической болезнью, в которой обвиняли других — прежде всего они стремились расширить зоны своего влияния в мире и найти способы удовлетворения своей неумемной страсти к экспансии. Отец подчеркивал, что, сидя за одним столом с Брежневым, Громыко и другими членами Политбюро, он многое узнал о тех, кто хозяйничал в СССР. Он видел, с какой легкостью они называли черное белым и как легко выворачивали слова наизнанку. Он понял, что лицемерие и коррупция проникли в самые затаенные уголки их жизни, увидел, как оторваны они от народа, которым правили. В позолоченных, затхлых и тихих кремлевских коридорах был воздвигнут уникальный музей идей, видимых, но окаменевших, как мухи в янтаре. Кто хотел сделать свою карьеру, оберегая эти идеи, пытался заставить советский народ поверить в социальную систему, основанную на утопии и лжи.

То же самое можно сказать о Б.Н. Ельцине и его приближенных, которые якобы заботились об интересах русского народа, а на самом деле думали о своем собственном кармане. В результате в «демократической» России оказалось больше долларовых миллиардеров, чем в США и Японии.

Гораздо больший ущерб СССР, чем мой отец, нанесли такие деятели перестройки как, например, Э.А. Шеварднадзе или В.В. Бакатин, а впоследствии целая плеяда «демократов», которых очень метко охарактеризовал бывший вице-президент России А. Руцкой как «мальчиков в розовых штанишках». Однако их никто не приговаривал не только к высшей мере путем расстрела, но и вообще к какой-либо ответственности за безумные эксперименты с русским народом, и «эти мальчики», став «зубрами», до сих пор продолжают процветать и занимать теплые места в коммерческих и даже государственных структурах, хотя их связи с определенными властными структурами США, заинтересованными в максимальном ослаблении России, весьма очевидны и доказаны.

Следует подчеркнуть, что жизнь в США не принесла отцу счастья. В частности, он пишет в конце своей книги: «Когда мы были бедны, боролись за существование, жили в этой ужасной коммунальной квартире с маленьким Геннадием, который без конца болел и плакал по ночам, — вот тогда мы и были по-настоящему счастливы».

В интервью корреспонденту газеты «Советская культура» под названием «Не хочу выглядеть иудой. Я жертва...», данном 8 декабря 1990 года, отец отмечает: «Вопрос о шпионаже весьма непрост. Я официально заявляю, что никогда не подписывал никаких документов о сотрудничестве с ЦРУ и вообще с американским правительством, которые бы ставили передо мной условия, что я обязан отвечать на все

вопросы и делать то, что они мне укажут. Никогда, никогда этого не было. Естественно, что при контактах с американскими органами я испытывал крайний душевный разлад. Я отдавал себе отчет в том, что сами по себе эти встречи ничуть меня не украсят. Сформулируем так: если бы я не был загнан в угол, если бы не крайние обстоятельства, если бы у меня был другой путь поменять судьбу, я никогда бы на них не пошел». В противоположность этому советский супершпион и герой в глазах КГБ О. Эймс в ответ на вопрос агента ФБР, какой бы он сделал выбор, если бы ему пришлось начать все сначала, Эймс, ни секунды не колеблясь, сказал, что выбрал бы КГБ, а не ЦРУ. И это естественно, ибо советская разведка более высоко оценивала его услуги (в ЦРУ он получал примерно 50 тысяч долларов США в год, а от КГБ и СВР Эймс получил, как минимум, в сорок раз больше, то есть за девять лет шпионажа ему выплатили «гонорар», равный сорока годам его работы на ответственном посту в ЦРУ). Главные причины сотрудничества Эймса с КГБ и Службой внешней разведки России весьма банальны — он нуждался в деньгах из-за больших долгов в США. Английский шпион О. Гордиевский также подчеркивает, что Эймс, переходя на другую сторону, руководствовался сугубо корыстными интересами. Говоря о себе, Гордиевский считает, что он в подобной же ситуации руководствовался исключительно идейными и нравственными соображениями. Оставим в стороне якобы идейные причины шпионажа, однако бескорыстие в данном случае весьма сомнительно, ибо подполковник Первого главного управления КГБ жил в Москве не очень богато, а в Англии, после своего побега, стал состоятельным гражданином.

Неудивительно, что отец в дальнейшем жалел о своем сотрудничестве с ЦРУ. Он прекрасно понимал, что, какими бы благородными мотивами ни прикрывались

люди, шпионившие против своей страны, они всегда будут предателями Родины. Это касается практически всех, даже великих шпионов. Возможно, исключением являлся лишь шпионаж против фашистской Германии. Отец подчеркивал в своей книге, что, как и большинство людей, он считал шпионаж грязной игрой. Шпион — малопочтенная профессия. Он отмечал, что даже на тех, кто выступил против своего правительства по политическим причинам, часто смотрят скептически и единственное обоснование шпионажа — это моральная ценность того дела, ради которого он предпринимается. Но доказать даже самому себе, что твое дело достойно этого, — нелегко.

В интервью П. Эрли О. Эймс сказал, что «шпионаж порочен по своей природе. Все мы презираем предателя, чем бы он ни украшал и как бы ни оправдывал свою измену и как бы наша страна ни прославляла тех агентов, которые нам помогают... Давайте посмотрим правде в глаза: мы восхищаемся тем, кто убеждает другого предать свою Родину, а не тем, кто совершает это предательство».

Даже выдающимся шпионам не доверяло государство, на которое они работали. Например, легендарного разведчика Р.И. Абея руководство советской разведки считало американским шпионом и распорядилось даже перед самой его смертью установить самую совершенную аппаратуру для прослушивания, надеясь, что бывший нелегал перед смертью выдаст себя. Такова благодарность за шпионаж, и дело тут даже не в общественнополитическом строе. Примерно такое же отношение со стороны советских властей было и К. Филби, которого некоторые руководители советской разведки считали «подставой англичан». Это судьба всех шпионов. Одни работают против своей страны, где они родились, из-за корыстных целей, другие по

идейным соображениям, третьим нравится быть Джеймсами Бондами. Возможно сочетание всех причин, вместе взятых. Своим, подчас бездарностям, кадровым сотрудникам НКВД (КГБ) доверяли гораздо больше, чем таким выдающимся нелегалам, как, например, Зорге, Абель или Филби. Они были всего-навсего агентами, хотя и стоили больше, чем десятки отечественных разведчиков. Поэтому нелегал, даже самый выдающийся, не дослуживался выше звания полковника.

В интервью радиостанции «Эхо Москвы» от 30 марта 2002 года генерал в отставке, бывший сотрудник Службы внешней разведки России Ю. Кобаладзе заявил, что Шевченко был меньше предатель, чем любой разведчик. Потому что разведчик выдает людей, наносит конкретный ущерб судьбам людей, которые связали свою жизнь с разведкой.

Отец понял, что, после того как он уже обратился за помощью к американским властям, у него уже не было выбора. Кстати, отец, в отличие от других перебежчиков, первоначально связался не со спецслужбами, а со своим давним приятелем — американским дипломатом, который имел большие связи в Вашингтоне. Если бы спецслужбы захотели, они все равно могли бы заставить его шпионить. Отец понял, что попал в ловушку. Просьба советского посла в 1975 году к американским властям о предоставлении политического убежища, наверняка записанная на магнитофон, была таким компроматом, от которого отмыться на родине было невозможно. Отказ от сотрудничества со спецслужбами США привел бы к увольнению из ООН в результате компрометации отца американцами, к позору на родине и концу карьеры. Громыко тут бы уже не помог. В статье в газете «Чикаго трибюн» от 7 апреля 1985 года отец отмечал: «Американцы могут доказать Советам, что я был предателем. Они будут шантажировать меня». В то же

время любая фигура такого масштаба, как отец, в США была бы объектом опроса ЦРУ. «Это было частью существовавшей там системы», — отметил в ноябре 2003 года О. Калугин. Как признал куратор Шевченко от ЦРУ П. Эрнст, в данном случае имела место «вербовка на объекте». Ведь чем свежее разведывательные данные, тем выше их ценность. И Шевченко согласился, пойдя на значительный для себя риск. Интересное признание высокопоставленного сотрудника ЦРУ! Значит, все-таки у моего отца не было выбора.

Генерал КГБ в отставке Ю.И. Дроздов подчеркнул в конце 2003 года: «История Шевченко — образец того, как США ведут агентурную работу. Американцы обставили его такими людьми, что у посла не был выбора — он был вынужден предоставить ЦРУ свои услуги».

Но в отличие от Эймса и многих других шпионов, повторяюсь, отец сотрудничал с ЦРУ не из-за материальных соображений. До его побега в США имущество отца в Москве стоило не меньше одного миллиона долларов США. В Америке же он стал состоятельным человеком только через несколько лет, в частности после издания своей книги. До побега в 1978 году его зарплата в 87,5 тысячи долларов США в год на посту заместителя Генерального секретаря ООН делала его более состоятельным человеком, чем Эймс (учитывая, что отец не сдавал с 1976 года (это подтвердил Дроздов) часть своей зарплаты в Постоянное представительство СССР при ООН). Кроме того, отец ничего не платил за четырехкомнатную квартиру в центре Нью-Йорка и имел бесплатную домработницу и персональную машину с шофером, которую также не оплачивал. Поэтому отец сотрудничал с ЦРУ явно не из-за денег. Если он и получал от американских спецслужб какое-либо вознаграждение, то оно было явно незначительным по сравнению с

доходами отца в ООН. Хотя уже после побега ЦРУ весьма щедро его отблагодарило за сотрудничество.

Причины поступка моего отца многообразны и многосложны. В этом деле очень много неясного, пожалуй, даже тайного. Он не делился своими сокровенными мыслями ни со мной, ни с дочерью, хотя она была к нему более близка, по крайней мере до брака с Наташей. Поэтому всех причин мы, видимо, никогда не узнаем.

Тайна ушла вместе с ним в могилу. Может быть, что-либо прояснится, когда ЦРУ и КГБ рассекретят все свои архивы, касающиеся дела Шевченко. Кстати, преемница КГБ частично это сделала. По просьбе Государственного телеканала «Россия», адресованной на имя председателя ФСБ Н.П. Патрушева, которая рассматривалась более четырех месяцев, ФСБ показала дело отца (8 томов). Однако еще по указанию Ю.Б. Андропова из дела были изъяты все интересные фотографии, компрометирующие высших государственных деятелей СССР (скорее всего, они были уничтожены), а может быть, и другие материалы. Оперативное дело отца вообще не было показано.

Был ли отец счастлив в США? Издатель его книги на русском языке Илья Левков очень метко сказал по этому поводу в октябре 2003 года: «Счастье измеряется секундами, а не годами. Шевченко был очень доволен своей жизнью в США. Он глубоко вошел в американскую жизнь. Там ему не надо было приспосабливаться, как другим перебежчикам. В СССР у него было все, но не хватало свободы». Но к сожалению, последние годы жизни отца были весьма несчастливыми, и только перед смертью он признал свою роковую ошибку.

В принципе, по моему мнению, измена Родине далеко не всегда исчерпывается политическими причинами. Как часто случалось в истории шпионажа,

прежде всего это было предательство самых близких родственников и друзей.

Ю.И. Дроздов считает, что Шевченко «сознательно виновен, ибо он пожертвовал женой, бросил дочь, испортил карьеру сыну, да и сам плачевно закончил свою жизнь».

Может быть, кому-нибудь покажется, что я не рассказал в своей книге всей правды. Да, это действительно так: не все мне известно и не обо всех семейных тайнах можно писать. В обществе существуют определенные этические нормы. Другие подумают, что я пытаюсь оправдать отца. Но нужно помнить следующее: сын не имеет права осуждать своего отца.

БИБЛИОГРАФИЯ

Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М.: Международные отношения, 1994.

Арбатов Г.А. Человек системы. М.: Вагриус, 2002.

Бакатин В.В. Избавление от КГБ. М.: Новости, 1992.
Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М.: Ветеран МП, 1994.

Бовин А.Е. Записки ненастоящего посла. М.: Захаров, 2002. *Бовин А.Е.* XX век как жизнь. М.: Захаров, 2003.

Боярджи Э. История шпионажа. В 2 т / Пер. с итальянского. М.: Олма-пресс, 2003.

Брежнева Л.Я. Племянница генсека. М.: Центрполиграф, 1999.

Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М.: Художественная литература, 1995.

Гордиевский О. Следующая остановка — расстрел. М.: Центрполиграф, 1999.

Гордиевский О., Эндрю К. КГБ. Разведывательные операции от Ленина до Горбачева. М.: Центрполиграф, 1999.

Гриневский О.А. Тайны советской дипломатии. М.: Вагриус, 2000.

Гриневский О.А. Сценарий для третьей мировой войны. Как Израиль чуть не стал ее причиной. М.: Олма-пресс, 2002.

Громыко А.А. Памятное. В 2 кн. М.: Политиздат, 1990.
Громыко Ан. А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. М.: Автор, 1997.

Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986). М.: Автор, 1996.

Долгополов Н.М. Гении внешней разведки. М.: Молодая гвардия, 2004.

Дроздов Ю.И. Записки начальника нелегальной разведки. М.: Олма-пресс, 2000.

Дроздов Ю... Фарбышев В. Юрий Андропов и Владимир Путин. Пути к возрождению. М.: Олма-пресс, 2001.

Жемчугов А.А. Шпион в окружении Андропова. Разведка в лицах и событиях. М.: Вече, 2004.

История санатория. Евпаторийский Центральный детский клинический санаторий Министерства обороны Украины. Евпатория: ОАО «Евпаторийская городская типография», 2002.

Капица М.С. На разных параллелях. Записки дипломата. М.: А/О «Кни1а и бизнес», 1996.

Калугин О.Д. Прощай, Лубянка! М.: Олимп, 1995.

Квицинский Ю.А. Время и случай. Заметки профессионала. М.: Олма-пресс, 1999.

Кеворков В.Е. Тайный канал. М.: ТОО «Гея», 1997.

Кеворков В.Е. Генерал Бояров. М.: Совершенно секретно, 2003.

Климов Г.П. Красная кабала. Краснодар: Советская Кубань, 2000.

Климов Г.П. Протоколы советских мудрецов. Краснодар: Советская Кубань, 2001.

Концевич И.М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. М.: ОАО «Молодая гвардия», 2002.

Корниенко Г.М. Холодная война: свидетельство ее участника. М.: Олма-пресс, 2001.

Красильников Р.С. Новые крестоносцы ЦРУ и перестройка. М.: Олма-пресс, 2003.

Леонов Н.С. Лихолетье. Секретные миссии. М.: Терра, 1994.

Леонов Н.С. Крестный путь России. М.: Русский дом, 2002.

Литвиненко А. Лубянская преступная группировка. Нью-Йорк, 2002.

Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н.С. Хрущева в США. М.: Госполитиздат, 1960.

Любимов М.П. Шпионы, которых я люблю и ненавижу. М.: АСТ-ЛТД, 1998.

Медведев Р.А. Неизвестный Андропов. М.: Права человека, 1999.

Медведев Р.А. Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. М.: Новости, 1991.

Менголд Г. Цепной пес холодной войны / Пер. с английского. М.: Центрполиграф, 2001.

Млечин Л. МИД. Министры иностранных дел. Романтики и циники. М.: Центрполиграф, 2001

Млечин Л. Особая папка. Служба внешней разведки. Самые знаменитые операции советской и российской разведки. М.: ЭКСМО, 2004.

Назаров М.В. Тайна России. Историсофия XX века. М.: Русская идея, 1999.

Павлов В. С. Упущен ли шанс. М.: Терра, 1995.

Павлов В.Г. Сезам, откройся! Тайные разведоватсльные операции. Из воспоминаний ветерана внешней разведки. М.: Терра — Книжный кдуб, 1999.

Панкин Б.Д. Пресловутая эпоха в лицах и масках, событиях и казусах. М.: Воскресенье, 2002.

Перетрухин И.К. Агентурная кличка — Трианон. М.: Центрполиграф, 2000.

Полмар И., Аллен Т. Энциклопедия шпионажа / Пер. с английского. М.: Крон-пресс, 1999.

Попов В.И. Современная дипломатия. Теория и практика. М.: Международные отношения, 2003.

Прохоров Д., Лемешев О. Перебежчики. Заочно расстреляны. М.: Вече, 2001.

Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь российских спецслужб. М.: Русский мир, 2002.

СВР. Из жизни разведчиков. М.: Вече, 1999.

Семанов С.И. Андропов. М.: Вече, 2001.

Скуратов Ю.И. Вариант дракона. М.: Детектив-пресс, 2000.

Соколов А.А. «Суперкрот» ЦРУ в КГБ. М.: Альманах «Вымпел», 1999.

Судоплатов А.П. Тайная жизнь генерала Судоплатова. В 2 кн. М. Олма-пресс, 1998.

Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М.: Олма-пресс, 1998.

Суходрев В.М. Язык мой — друг мой. От Хрущева до Горбачева. М.: АСТ, 1999.

Трояновский О.А. Через годы и расстояния: история одной семьи. М.: Вагриус, 1997.

Хаас П., Капоши Д. КГБ в ООН / Пер. с английского. М.: Центрполиграф, 2000.

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М.: Современник, 1999.

Фалин В.М. Конфликты в Кремле. М.: Центрполиграф, 2000.

Фроянов И.Я. Погружение в бездну. М.: Алгоритм, Эксмо, 2002.

Чазов Е.И. Рок. М.: ГЭОТАР-МЕД, 2001.

Червов Н.Ф. Ядерный круговорот: что было, что будет. М.: Олма-пресс, 2001.

Черняев А.С. Моя жизнь и мое время. М.: Международные отношения, 1995.

Чуев Ф.И. Молотов. Полудержавный властелин. М.: Олма-пресс, 2000.

Эрли П. Признания шпиона. Подлинная история Олдрича Эймса / Пер. с английского. М.: Международные отношения, 1998.

Шебаршин Л.В. Рука Москвы. М.: Эксмо, 2002.

Шевченко А.Н. Разрыве Москвой. Нью-Йорк: Либерти, 1985. *Широнин В.С.* Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. М.: Ягуар, 1996.

Яковлев А.Н. Омут памяти. М.: Вагриус, 2000.

Berman J. The Memoirs of Soviet Defectors: Are They a Reliable Source about the Soviet Union? Canadian Slavonic Papers, November 1990.

Chavez J. Defector's Mistress. N.Y., 1979.

Maas Peter. Killer Spy: The Inside Story of the FBI's Pursuit and Capture of Aldrich Ames, America's Deadliest Spy. N.Y. Warner, 1995.

Shevchenko A.N. Breaking with Moscow, N.Y., 1985.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдуллаев П.Х. — 81, 82, 104
Абель (Фишер) Р.И. — 351, 352
Абрасимов П.А. — 156
Атабеков Г.С. — 219
Аганбегян А.Г. — 212
Адамишин А.Л. — 258
Аджубей А.И. — 87, 228
Аксючиц В. — 221, 222, 288, 291
Акчурин Р. — 242
Александров-Агентов А.М. — 12, 223, 227, 230, 235,
243
Алексий II — 290, 313
Аллилуева С.И. — 210
Андропов И.Ю. — 179, 234
Андропов Ю.В. — 7, 11, 12, 14, 15, 74, 80, 89, 133,
145, 157, 159, 160, 162, 163, 166, 176, 177, 178, 179, 180,
181, 188, 190, 202, 207, 208, 211, 220, 233, 234, 235, 354
Андропова Т. — 178
Андросов С. — 302
Арафат Я. — 261
Арбатов А. Г. — 69
Арбатов Г.А. — 69, 160-162
Арсентьев В. — 53, 139
Артамонов (Ларк) Н.Ф. — 336
Артузов А.Х. — 117
Ахромеев С.Ф. — 123, 196
Ахтамзян А.А. — 75
- Баглай М.В. — 69
Бакатин В.В. — 143, 207, 208, 256, 273, 290, 305, 332,
349
Батицкий П.Ф. — 187

Бацанов С.Б. — 65, 78, 104, 118
Бараташвили Д.М. — 174, 175
Батурин М.М — 272
Батурин Ю.М. — 272
Бейкер Дж. — 254
Белевич Е.В. — 311
Белов А.И. — 77
Белоусова Т. — 140
Бенедиктов И.А. — 186
Бергман Дж. — 219
Берденников Г.В. — 83
Березовский Б.А. — 209
Берия Л.П.- 53, 70, 130, 141,170, 180
Бессмертных А.А. — 123, 139,198, 201, 203, 204, 206,
226, 232, 236, 242, 243, 252-255, 256, 258, 259, 310
Безяцкий А.В. — 288, 315
Бжезинский З. — 320
Бирюкова А. — 107
Блатов А.И. — 228
Бобков Ф.Д. — 204, 208
Бовин А.Е. - 92, 260, 261, 263
Богомолов О.Т. — 174
Богуславский М.М — 282
Бойко О. — 311, 312
Бойцов И.И. — 265
Большаков Н. — 325, 326
Боровик А.Г. — 218, 278
Бородин П.П. — 264
Бояров В.К. — 119
Брежнева В.П. — 94
Брежнева (Чурбанова) Г.Л. — 177,
Брежнев Л.И, — 7, 11, 15, 18, 40, 59, 80, 85, 92, 93,
108, 115, 156, 160, 167, 173, 176, 177, 179, 180, 198,
204, 211, 225, 230, 235, 241, 247, 280, 349
Брежнева Л.Я. — 64, 73, 80, 92, 178
Брежнев Ю.Л. — 177

Брежнев Я.И. — 177
Буковский В. К. — 25
Бурбулис Г.Э. — 258, 259
Бухарин Н.И. — 57, 61
Буш Дж. — старший — 260

Валенса Лех — 273
Вальдхайм К. — 8, 36, 38, 40, 97, 140
Вальченко — 135
Варшавский — 148
Вдовъв — 135
Верещетин В.С. — 210, 271
Вержбовский Э. — 324, 330, 338
Вещунов С.С. — 186
Виноградов В.М. — 257, 260, 310
Виноградов Ю.М. — 267
Виноградов С. — 282
Вицин Г.М. — 125
Власкин — 192
Воровский В.В. — 242
Воронцов Ю.М. — 198, 258, 259
Воротников В.И. — 243
Ворошилов К.Е. — 76
Вудраф Ф. — 208
Высоцкий В.С. — 183
Вышинский А.Я. — 229
Вэнс С. — 47

Гавел В. — 255
Гаевская Т.Н. — 52
Гайдар Е.Т. — 264, 280, 311
Геворгян КГ. — 83
Геймер В. — 46, 317, 320
Георгадзе М.П. — 177
Геншер Х.Д. — 205
Глазков И.П. — 109

Глазунов И.С. — 194
Горбачев М.С. — 8, 17, 25, 88, 123, 168, 175, 180, 181, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 204, 205, 206, 207, 208, 211, 212, 213, 215, 216, 219, 243, 244, 245, 249, 250, 252, 253, 255, 256, 278, 307, 334, 335
Гордиевский О.А. — 89, 114, 120, 128, 142, 218, 272, 304, 308, 320, 350
Горлинский Н.Д. — 70
Горлинский Ю.Н. — 70
Горчаков А.И. — 236, 260
Горшенева М. — 64
Грацианский П.С. — 72
Грачев П.С. — 264
Григоренко Г.Ф. — 12, 159
Гриневич (Громыко) Э.А. — 71, 242
Гриневский О.А. — 15, 86, 153, 159, 162, 197, 224, 238, 258, 329, 346
Гришин В.В. - 199
Грищенко К.И. — 82, 83
Громыко А.А. — 4, 5, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 25, 37, 47, 49, 59, 71, 74, 82, 85, 88, 89, 92, 102, 104, 107, 111, 118, 119, 120, 122, 123, 137, 140, 143, 147, 150, 154, 155, 156, 158, 159, 160, 163, 171, 202, 212, 216, 223-246, 247, 253, 259, 260, 264, 266, 301, 310, 311, 325, 329, 341, 343, 346, 349, 352
Громыко Ан. А. — 13, 94, 95, 108, 125, 213, 258
Громыко Л.Д. — 40, 91, 92, 93, 104, 106, 125, 126, 139, 154, 229, 231, 237
Грушко В.Ф. — 64
Гущин А.П. — 49

Давиташвили Д.Х. (Е.Ю.)— 173
Даллес А. — 110
Дамаскин И.А. — 10
Даниленко Г.М. — 281
Дворжецкий В.В. — 17

Деканозов В.Г. — 166
Демонжо М... — 72
Дерябин — 219
Джеймс У.А. — 325
Дзержинский Ф.Э. — 149
Дивильковский С.И. — 20, 302,307
Днепровский А.Г. — 172, 221
Днепровский Г.А. — 172
Добровольский О.А. — 16, 135,141, 12-145, 147-151,
274
Добрынин А.Ф. — 8, 11, 16, 18, 22, 34, 41, 97, 116,
125, 174, 198, 226, 227, 233, 244, 253, 258, 284, 329, 347
Донг Фам Ван — 238
Донохью Ф. — 347
Дроздов Ю.И. — 4, 6, 8, 11, 14, 19, 20, 40, 42, 44, 66,
117, 177, 178, 207, 220, 319, 335, 338, 353, 354
Дубинин Ю.В. — 80
Дучков Б.И. - 80, 111, 122, 123

Ельцин Б.Н. - 30, 62, 77, 81, 108, 173, 197, 243, 248,
250, 254, 256, 258, 259, 260, 261, 262, 268, 271. 272, 279,
281, 292, 304, 31 1, 312, 349
Епишев А.А. — 187
Ефимов Ю. Н. — 195, 209

Жаров М.И. - 148
Жемчугов А.А. — 12
Жилин Ю.А. — 55, 88, 310
Жуков Г.К. — 57
Жукова (Василевская) Э.Г. — 175

Загладин В.В. — 247
Зайцев Э.Д. — 110
Земсков И.Н. — 104, 119, 226, 259
Зисман — 72
Златопольский А. — 325

Зорге Р. — 352

Иванов Б.С. — 98

Иванов И.С. — 201, 261, 264, 323

Иванцов В.Г. — 194, 293, 295, 298

Ивашов Л.Г. — 248, 249

Иноземцев Н.Н. — 160, 162, 211

Иойрыш А.И. — 210, 276

Израэлян А. — 193, 203

Израэлян В.Л. — 100, 101, 118, 138, 168, 193, 203, 214, 217, 232, 235, 265-266, 276

Ишков А.А. — 177

Каганович Л.М. — 319

Кадочников П.П. — 55

Калугин О.Д. — 4, 7, 8, 9, 10, 12, 15, 19, 133, 152, 207, 208, 218, 220, 275, 286, 299, 301, 306, 332, 333, 334, 335, 336, 343, 353

Кальви Р. — 273

Канарис Ф.В. — 70

Капица М.С. - 71, 88, 104, 156, 199, 201, 202, 226, 231, 236, 256, 258, 259, 260, 310

Каплер А.Я. — 211

Карташкин В.А — 272

Картер Дж. — 47, 132, 219

Карпец И.И. - 173

Карпов В.В. — 174

Касьян Н.Ф. — 172

Кеворков В.Е. — 91, 119

Кейси У. - 273

Кеннеди Д.-Ф. — 233, 347

Кинг Л. - 347

Киржнер — 192

Кисляк С.И. — 78

Киссинджер Г. — 219, 224, 240, 272

Климов Г.П. — 344

Клинтон Б. — 127, 286
Клинцов В — 191, 192
Кобаладзе Ю.Г. — 320, 352
Ковалев А.Г. — 156, 203, 236, 259
Кожевников ФИ, — 65
Козырев А.В. — 77, 158, 174, 175,250, 252, 254, 252 —
269, 31 1, 323, 328
Колосов Л.С. — 127, 335
Колосов Ю.М. — 271
Комплектов В.Г. — 201
Концевич А.К. — 51, 52, 124, 140,145, 182, 192, 194
Концевич И.М. — 51
Корниенко Г.М. — 159, 160, 162, 163, 196, 198, 199,
201, 204, 230, 310
Коршунов В.И, — 148
Костырченко Г.В. — 210
Костюшко Т — 51
Косыгин А.Н. — 18, 57, 65, 78,80, 180, 216
Кошевой П.К. — 173
Кравченко — 219
Красин Л.Б. — 242
Красильников Р.С. — 62, 160,208, 249, 273, 290
Красулин Б.П. — 84, 85
Крестинский Н.Н. — 56
Кривицкий В. — 43
Кристофер У. — 263
Крылов Н.Б. - 174, 281
Крылов С.Б. — 174
Крючков В.А. — 9, 199, 206, 207,234, 248, 249, 252,
254, 291,306, 307, 333
Кубаткин П.Н. — 117
Кудрявцев В.Н. — 163, 168, 169,212
Кузнецов В.В. — 8, 14, 49, 59,100, 101, 147, 241
Курышев М.И. — 7, 18, 41, 47,68, 100, 104, 105, 117,
118,120, 121, 122, 135, 140, 143,145, 149, 151, 152, 155,
159,163, 164, 166, 168, 171, 187,217, 273, 274, 327, 336

Кутаков Л.М. — 98, 100

Лавров С.В. - 275, 323, 326, 327

Лазарев М.И. — 276

Левин Д.Б. — 172

Левински М. — 127

Левков И. — 215, 217, 218, 220,221, 329, 354

Левченко С. — 218, 219

Лейтан Н.И. — 135

Ленин В.И. - 61, 63, 65, 72, 107,111, 1 19, 146, 147,
172

Леонов Н.С. — 16, 57, 64, 207,213, 241, 268

Литвиненко А. — 218, 275, 306

Литвинов М.М. — 56, 226, 242,246

Лихачев В.И. — 103

Лозинский В.В. — 157

Ломов— 135

Лужков Ю.М. — 271

Лукин В.П. — 260, 262

Лукьянов А.И. — 249

Лысенко А.И. — 305

Любимов М.П — 21, 110, 115,
275, 335, 346

Ляшек Я. — 51

Ляшко И.Л. — 51

Маас П. — 308

Майский И.М. — 56, 242

Макаров А.С. — 284

Макаров В.Г. — 85, 86, 123, 158,232, 247, 324

Маленков Г.М. — 130

Малик Я.А. — 92, 105, 229, 233

Мальцев В.Ф. — 104

Маневич Л. — 43

Марецкая В.П. — 49

Мартенс Ф.Ф. — 175

Марчинкус П. — 273
Мастерков Л.А. — 269
Мата Хари — 333, 345
Матузов В.Н. — 261
Махно Н.И. — 48
Медведев Р.А. — 14, 169, 179
Медунов С.Ф. — 177
Мейджор Д. — 24, 127, 133, 330
Менделевич Л.И. — 82, 156, 157
Менжинский В.И. — 62, 65, 71, 171, 175, 209
Менжинский В.Р. — 172
Меркулов В.И. — 53
Мигулин — 55
Милт — 305
Митрохин Л. — 167
Миттеран Ф. — 250
Млечин Л — 13, 57, 158, 200, 228, 246, 255, 256, 264
Моздухов — 108
Мойнихен Д.П. — 23, 219, 326
Моландер Й. — 217
Молодцов В.В. — 122, 123, 125, 134, 135, 234, 277
Молотов В.М. — 56, 110, 130, 141, 226, 229, 244
Монро М. (Бейкер Н.) — 125
Морозов ГН — 210, 211, 212,

Назаркин Ю.К. — 109
Накасонэ Я — 202
Неверов В.И., — 270
Неизвестный Э. — 148
Немиро А. — 52
Немиро К.С. — 52
Нестеренко А.А. — 83
Никодим — 313
Николин — 164, 165
Никсон Р. - 93, 247, 263
Никулин Ю.В. — 148

Носенко Ю.И — 109, НО

Обухова — 50
Огородник А.Д. — 234
Орджоникидзе С. — 71
Орлова Л.П — 17
Осинова (Шевченко) Н.В. — 21, 47, 132, 221, 222, 277, 283, 285, 287, 288, 292, 295, 297, 314, 317, 318, 331, 337, 345
Осипов Г.А. — 190, 209

Павел II (папа римский) — 126, 272
Павлов В.Г. — 115
Павлов В.С. — 214, 249
Паламарчук П.Г. — 173, 174, 210, 215, 220, 221
Панкин Б.Д. - 167, 204, 252, 255, 256
Патоличев Н.С. — 224
Патрушев Н. П. — 354
Пауэрс Ф. — 233
Пегов Н.М. — 76
Пеньковский О. — 18
Перетрухин И.К. — 11, 13, 18, 19, 68, 91, 104, 106, 116, 117, 119, 120, 124, 145, 152, 159, 168, 232, 308, 345
Перфильев В. — 325
Першиков О. — 173
Пестерев Н.В. — 109
Петровский Б.В. — 79
Петровский В.Ф. — 158, 257, 259, 260, 326
Пирадов А.С. — 71, 212, 310
Плисецкая М.М. — 148
Плохотнов— 135
Познер В.В. — 222
Поляков Д.Ф. — 142
Пономарев Б.Н. — 74, 86, 88, 89, 236
Попов В.И. — 56, 241, 261
Посевин — 135

Потапов В. — 277, 284, 289, 290, 292, 314, 320, 336, 338, 339

Поташев В. — 161, 292

Примаков Е. М. — 21 1, 212, 252, 259, 263, 267, 268, 271, 279, 307

Промыслов В.Ф. — 165

Прохоров Е.М. — 71

Пустогаров В.В. — 175

Путин В.В. — 78, 80, 82, 83, 168, 177, 181, 197, 260, 264, 269, 272

Рабинович Б.Я. — 324

Рабковский И.Л. — 58

Рагулин Ю. — 156

Радзинский Э. — 209

Раскольников Ф.Ф. — 7

Резун (Суворов) В.Б. — 113-116

Рейган Р. - 244, 330, 331, 348

Ричков Ю.Л. — 123

Розенгольц А.П. — 56

Рузвельт Ф.Д. — 49, 244

Русаков К.В. — 235

Руцкой А.В. — 149, 349

Рыбаков Ю.М. — 310

Рыбкин И.И. — 102

Сайме Д.К. - 219, 263

Сахаров А.Д. — 25, 180

Сваринская Л.Л. — 121

Семанов С.Н. — 160

Семенов В.С. — 110, 111

Скотников А.Я. — 11

Скуратов Ю.И. — 173

Смидович Н.П. — 66, 76, 114, 265, 266

Смидович П.А. — 76

Смидович П.Г. — 70

Смирнов А.Г. — 102, ИЗ, 185, 189
Смирнов Б.И. — 102, 114, 134, 145, 150, 183, 186, 188
Смирнов В.В. — 272 363
Смирнов Г.А. — 164, 165
Смирнов И.И. — 148
Смирнов К.И. — 211
Смирнова М.Б. — 182-189
Собакин В.К. — 310
Собчак А.А. — 62
Созинов В. — 187
Соколов А.А. — 161, 207, 301,336
Соколов Ю. — 139, 150, 221
Солженицын А.И, — 25, 65, 68
Соломатин Б.А. — 10, 64, 65, 96,99, 150, 220, 335, 346
Сорокин В. — 344 Сталин В.И. — 130
Сталин И.В. - 56, 61, 72, 96, 117,130, 147, 157, 167,
170, 210,211, 226, 227, 240, 244, 245,310
Сташевский Г.С. — 4, 5, 16, 38,40, 41, 101, 116, 123,
152, 172
Степанков В.Г. — 292
Судоплатов А.П. — 249
Судоплатов П.А. — 70
Суслов М.А. - 15, 53, 71, 76, 79,89, 137, 141, 171, 258
Сутягин И.В. — 161
Суходрев В.М. — 93, 200, 223,239, 241, 244
Сюкияйнен Л.Р. — 270

Талейран — 223
Тарпищев Ш. — 311
Тимербаев Р.М. — 210, 231
Тимофеев Л.И. — 148
Тихонов Н.А. — 74, 200
Топорнин Б.Н. — 259, 267, 311
Трегубов Н.П. — 139
Трепелков В.П. — 138, 327
Трепелков С.В. — 326

Третьяков С. — 327
Троцкий Л.Д. — 43, 57, 61, 77
Трояновский О.А. — 8, 11, 14, 16,17, 18, 22, 32, 35,
36, 37, 84,87, 116, 310
Трубников В.И, — 64
Трубников П.Я. — 64, 193
Туманов В.А. — 272
Тэлботт С. — 263

Уокер Дж. — младший — 304, 327
Усачев И.Г. - 84, 201, 268, 310
Усенко Е.Т. — 276
Устинов Д.Ф. - 74, 187, 199, 200, 235
Ушаков Н.А. - 169, 210, 276

Фалин В.М. — 12, 56, 1 1 1, 157, 196, 205, 224, 227,
236, 279, 329

Фарбышев В — 177, 178, 238, 240, 249
Федоренко Н.Т. — 67, 92, 96, 258
Федоренко (Ниц) С. — 96, 161
Федоров С.Н. — 104
Федорчук В.В. — 74
Федосеев К. Г. — 157
Федосеев ПН. — 168
Филби К. — ПО, 122, 277, 352
Фирюбин Н.П, — 165
Фишгойт М.М. — 50, 222
Фишгойт М. — 222
Фурцева Е.А. — 73, 165, 183

Хаас Д. — 300
Хлестов О.Н. — 164
Хохлов — 118, 219
Хрущев Н.С. - 76, 84, 87, 148, 179, 223, 227, 230, 263,
344
Хэстон Ч. — 348

Царапкин С.К. — 106, 107

Цинев Г.К. - 15

Цвигун С.К. - 15, 160, 177

Чавес Д. - 17—133, 217, 345

Чазов Е.И. — 199, 200, 206, 242

Чебриков В.М. — 21, 142, 303

Чейни Р. — 314

Червов Н.Ф. — 205

Червонная С.А. — 24, 325, 326, 334, 336

Черкашин В.И. - 274, 301, 307

Чернега В. Н. — 78

Черненко К.У. - 180, 199, 200

Чернышев А.С. — 201

Черняков Ю.Н — 252

Черняев А.С. — 88, 160

Черчиль У. — 49

Чечеткин — 97

Чичерин Г.В. — 56, 242, 246

Чубайс А.Б. - 270, 280, 328

Чувахин С.Д. — 20, 77. 78, 106,299—309, 323

Чуев Ф.И. — 226

Чурсина Л. — 234

Чхиквадзе В.М. — 169

Шварц И. — 148

Шебаршин Л.В. — 64, 208, 214,248, 255

Шеварднадзе Э.А. — 156, 196,197, 198, 199, 200, 201, 202,203, 204, 205, 206, 208, 209,214, 215, 232, 245, 253, 254,256, 257, 31 1, 349

Шевченко А.А. — 37, 40, 43, 66,120, 125, 138, 276, 285, 287,289, 292, 297, 311, 314, 317,318, 320, 337, 338

Шевченко А.Г. — 49, 61, 195, 222,281, 283, 284, 285, 287, 288,289, 294, 296, 310, 316

Шевченко А.Н. — 3, 4, 5, 6, 7, 8,9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17,18, 19, 20, 24, 32, 49, 56, 68,76, 89, 100, 115, 116, 120, 125,126, 127, 128, 131, 134, 142,143, 145, 149, 152, 207, 219,220, 233, 237, 253, 258, 259,267, 278, 290, 292, 299, 300,319, 331, 334, 338, 344, 354

Шевченко В.И. — 50

Шевченко Г.Н. — 51

Шевченко Л.И. — 13, 31, 37, 43,44, 120, 125, 167, 343, 344

Шевченко Н.Е. — 49, 190, 191,193, 195, 209, 216, 222, 281,283, 285, 289, 292, 293, 310, 316

Шевченко Н. И. — 48, 49, 50, 53, пт

Шевченко Т.Г. — 51

Шевченко Э. - 217, 276, 318, 346

Шелепин А.Н. — 275

Широнин Б.С. — 208

Шитиков Ю. — 135

Шишкин И.И. — 51

Шишкина М.Т. — 51

Шленов Б.С. — 288, 312

Шмыга Т.И. — 148

Шнеерсон В. — 134, 150

Шумейко Б.Ф. — 270

Щаранский Н.Б. — 131

Щелоков Н.А. — 74, 79, 145, 173

Щербак Ф.А. — 12

Эймс О. - 15, 18, 20, 106, 141, 142, 274, 278, 299, 300-309, 323, 330, 333, 346, 350

Эйнштейн А. — 63

Энглтон Д.Д. — 110

Эндрю К. — 272

Эпштейн Э. — 219

Эрли П. — 18, 96, 142, 274, 300, 302, 346, 351

Эрнст П. - 19, 22, 25, 278, 330, 332, 333, 353

Южин Б.Н. - 292
Юрченко В. — 275

Явлинский Г.А. — 69
Язов Д.Т. - 249
Яковенко А.Б, — 80, 81, 323
Яковлев А. Н. — 89, 162, 180, 206,207, 211, 214, 255,
291, 343
Якунин Г.П. - 207, 287, 288, 290, 292, 311
Янаев Г.И. — 254
Яндарбиев З. — 275
Ястржембский С.В. — 260

Геннадий Шевченко
**ПОБЕГ
ИЗ КОРИДОРОВ
МИДа**

судьба
перебежчика
века

Геннадий Аркадьевич Шевченко — кандидат юридических наук, автор более 70 научных работ, в прошлом работник МИДа, имеет дипломатический ранг атташе.

В этой книге он рассказывает о судьбе своего отца, Аркадия Шевченко. В 1978-м произошел беспрецедентный случай в истории мировой дипломатии — Чрезвычайный и Полномочный посол СССР А. Шевченко, занимавший пост заместителя Генерального секретаря ООН, попросил политического убежища в США. Позже стало известно о его сотрудничестве с ЦРУ. В книге рассказывается о неизвестных подробностях этой истории, которые не вошли ни в мемуары Шевченко «Разрыв с Москвой», изданные за рубежом, ни в публикации нашей прессы.

Автор представляет любопытные сведения о А. А. Громыко, Ю. В. Андропове, Э. А. Шеварднадзе и других политических деятелях той эпохи. На страницах книги с предельной откровенностью предстает закулисная жизнь дипломатов и чиновников высокого ранга, делавших политику со времен Хрущева, Брежнева, вплоть до наших дней...

ISBN 5-9524-1290-4

ЦЕНТРОЛИГРАФ

notes

Примечания

1

Здесь и далее цитируется книга А.Н. Шевченко «Разрыв с Москвой». *(Примеч. авт.)*